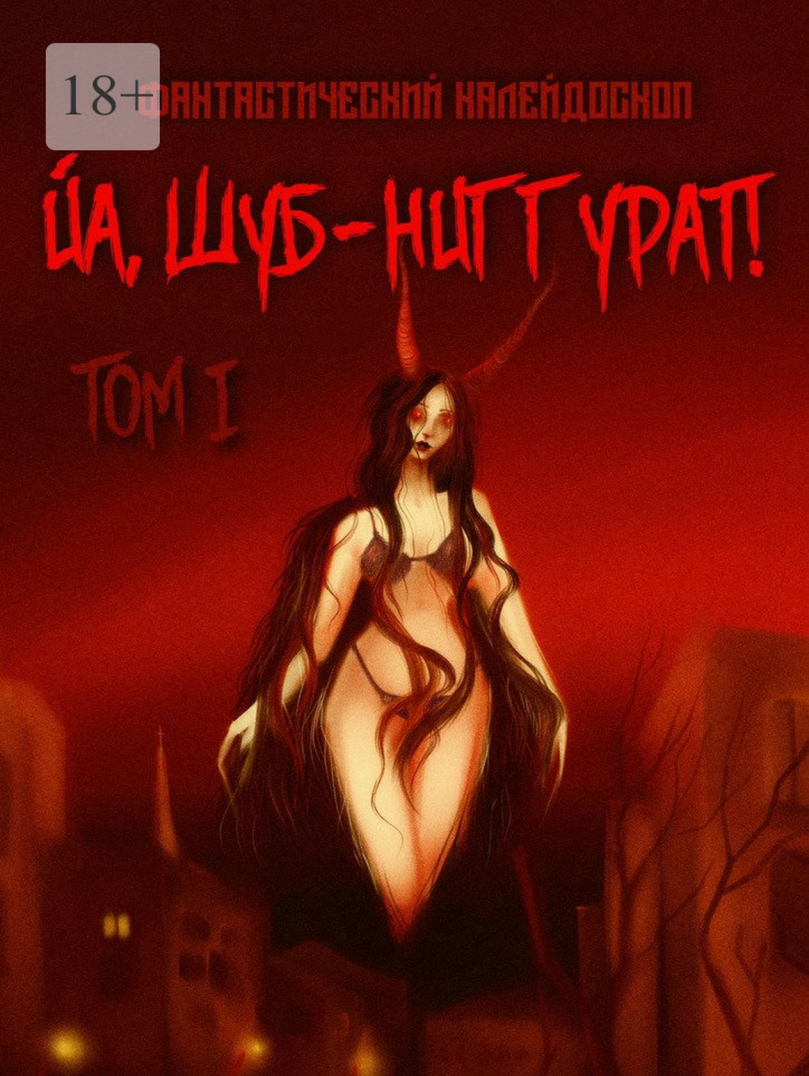
18+

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ЙА, ШУБ-НИГГУРАТ!

ТОМ I



Фантастический Калейдоскоп: Йа, Шуб-Ниггурат! Том I

Владимир Михайлович Волков, Ольга Владимировна Кузьмина, Александр Павлович Гуляев, Злата Владимировна Линник, Александра фон Лоренц, Марина Витальевна Румянцева, Вадим Николаевич Громов, Роман Викторович Дремичев, Ирен Блейк, Петр Перминов, Максим Ахмадович Кабир, Андрей Скорпио, Вадим Вербицкий, Даниил Лукьянченко, Александр Лещенко, Антон Филипович, Максим Горенский, Кирилл Свидельский, Андрей ЛакрО, Гог Гогачев, Георгий Акбаа, Павел Рязанцев, Дмитрий Передонов, Маргарет Руан, Гор Куликов

Аннотация

Фантастический Калейдоскоп: Йа, Шуб-Ниггу-

рат!. Том I
Творец отвратительных божеств и Йа, Шуб-Ниггурат!. Александр Лещенко
Ужас в подвале. Александр Лещенко
Микрорайон. Алекс Лоренц
Ночной Всадник. Кирилл Свидельский
Под звуки скрипки. Андрей Скорпио
Шевеление. Павел Рязанцев
Дети Чёрной Козы. Пётр Перминов
Корабль-призрак. Даниил Лукьянченко
Кошки Бубасти. Маргарет Руан
Шпокры-мокры. Ирэн Блейк
Сатр-Кин. Максим Горенский
О рыбах и о козлицах. Александр Лещенко
Блог аутсайдера. Вадим Вербицкий
Записки из поместья «Осень». Марина Румянцева, Антон Филипович
Да придёт весна. Гор Куликов
Гришка и Подземный цирк. Андрей Лакро
Козлоголовый. Дмитрий Передонов
Возвращение в Инсмут. Злата Линник
Бирюзовый кошмар. Кирилл Свидельский
Стая. Андрей Скорпио
Городская легенда. Александр Гуляев
Подношение. Гог Гогачев
Ошибка выбывшего. Павел Рязанцев

Рождённый тьмой. Роман Дремичев
Квартирант. Максим Кабир
Обойдёмся без Диониса. Ольга Кузьмина
Хозяин валуна. Георгий Акбаа
Высовск, конечная. Вадим Громов
Бонус – Стихи
Ночные колокола. Александр Лещенко
Красный туман. Марина Румянцева
Мертвец. Влад Волков
Сломленный город. Антон Филипович
Хульдра. Влад Волков
Перед рассветом. Дмитрий Передонов
Шёпот грёз. Марина Румянцева
Собирательница Душ. Александр Лещенко
На ритуале «Йа, Шуб-Ниггурат!» выкрикивали
(Об авторах)
Наши книги

Аннотация

Из-под пера Говарда Лавкрафта появилось множество самых разнообразных чудовищ. Но больше всего впечатляют боги-монстры. Ктулху. Дагон. Йог-Сотот. Шуб-Ниггурат. И другие.В двух томах этой антологии владычествует Шуб-Ниггурат – Чёрная Коза Лесов с Легионом Младых.Кроме того, здесь можно последить за тайными сектами и кровожадными культами; посетить мрачные особняки; совершить экскурсии в маленькие деревеньки и городки, чьи жители скрывают страшные тайны.Неведомое ждёт…Йа, Шуб-Ниггурат!

Фантастический Калейдоскоп: Йа, Шуб-Ниггурат! Том I

Авторы: Лещенко Александр, Лоренц Алекс, Гуляев Александр, Лакро Андрей, Скорпио Андрей, Филипович Антон, Вербицкий Вадим, Громов Вадим, Волков Влад, Акбаа Георгий, Гогачев Гог, Куликов Гор, Лукьянченко Даниил, Передонов Дмитрий, Линник Злата, Блейк Ирэн, Свидельский Кирилл, Горенский Максим, Кабир Максим, Руан Маргарет, Румянцева Марина, Кузьмина Ольга, Рязанцев Павел, Перминов Пётр, Дремичев Роман

Редактор-составитель Александр Лещенко
Иллюстратор Ольга Краплак
Дизайнер обложки Ольга Краплак
Вёрстка Александр Лещенко
Дизайнер обложки Александр Лещенко

© Александр Лещенко, 2024
© Алекс Лоренц, 2024
© Александр Гуляев, 2024
© Андрей Лакро, 2024
© Андрей Скорпио, 2024
© Антон Филипович, 2024
© Вадим Вербицкий, 2024
© Вадим Громов, 2024
© Влад Волков, 2024
© Георгий Акбаа, 2024

© Гог Гогачев, 2024
© Гор Куликов, 2024
© Даниил Лукьянченко, 2024
© Дмитрий Передонов, 2024
© Злата Линник, 2024
© Ирэн Блейк, 2024
© Кирилл Свидельский, 2024
© Максим Горенский, 2024
© Максим Кабир, 2024
© Маргарет Руан, 2024
© Марина Румянцева, 2024
© Ольга Кузьмина, 2024
© Павел Рязанцев, 2024
© Пётр Перминов, 2024
© Роман Дремичев, 2024
© Ольга Краплак, иллюстрации, 2024
© Ольга Краплак, дизайн обложки, 2024
© Александр Лещенко, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-4006-3 (т. 1)
ISBN 978-5-0062-3743-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Творец отвратительных божеств и Йа, Шуб-Ниггурат!
Александр Лещенко

— Творец отвратительных божеств и его Коза —

Из-под пера Говарда Лавкрафта появилось множество самых разнообразных чудовищ. Но, пожалуй, больше всего впечатляют боги-монстры. Ктулху. Дагон. Йог-Сотот. Шуб-Ниггурат. И другие.

Но если Ктулху, Дагон, а также некоторые другие «богохульные божества» получили по «персональному» рассказу, а иной раз и по повести (в той же «Тени над Инсмутом» целый культ Дагона описывается; и хотя самого бога-монстра там вроде и нет, всё-таки его присутствие — тень, хе-хе — ощущается), то про Шуб-Ниггурат такого сказать нельзя.

Да, Чёрная Коза Лесов с Легионом Младых не раз упоминалась, но — тут я, конечно, могу ошибиться — насколько я помню, Лавкрафт ни разу не посвящал ей целого рассказа, как это было с Дагоном или Ктулху. Возможно, это связа-

но с тем, что она женский персонаж, а ГФЛ, как известно, не очень любил женских персонажей.

Кстати, сразу хочу расставить точки над «й», точнее, над рогами.

Йа-йа!

Лично я считаю Шуб-Ниггурат именно Козлицей, а не Козлом. Хотя, объективности ради, замечу, что в английском варианте она — «goat» — и всё. А англичане/американцы, когда хотят подчеркнуть принадлежность животного к женскому полу, обычно добавляют «she». Например: «she-cat» — кошечка, «she-wolf» — волчица. В случае с Шуб-Ниггурат такого нет. Так что возможно, что в английском варианте — это действительно Козёл, а не Козлица. Но также возможно, что «Затворник из Провиденса» просто решил не уточнять пол.

Но многие русские переводчики, а следом за ними и читатели, считают Шуб-Ниггурат — Козлицей. Ну и правильно! Должна же быть хоть одна богиня-женщина среди целой толпы богов-мужиков. Так интересней.

(а вот некоторые русские фанаты ГФЛ, считающие Шуб-Ниггурат — Козлом, часто ведут себя, к сожалению, как самые настоящие козлы; такие же упёртые в своём желании навязать

всем свою точку зрения; ну ладно, будем считать, что это тролли под них маскируются; а может это Шуб-Ниггурат так испытывает на прочность веру своих верных адептов; веру в то, что она — Козлица)

Так же, между прочим, — что Шуб-Ниггурат, это козлица — считают и художники. И не только русские. Среди множества картин и артов, которые я пересмотрел, подчёркиваются именно женские черты: грудь и… м-м, другое. Хотя прискорбно, что очень мало художников изображают Чёрную Козлицу Лесов именно как привлекательную женщину или девушку. В основном, это какой-то монстр, в духе твари из фильма «Нечто», только: с сиськами, с рогами, с щупальцами и со всем остальным.

И всё же изображения Шуб-Ниггурат более разнообразные, чем скажем того же Ктулху или Дагона. Тот случай, когда «непрописанность» персонажа, становится для него своеобразным благом и просто гигантским полем для фантазии для всех остальных.

Поэтому, когда я выбирал какому божеству ГФЛ посвятить вторую «лавкрафтовскую» антологию, то я выбрал Шуб-Ниггурат. Или это она меня выбрала. С этими богами фиг поймёшь: когда это

твой собственный выбор, а когда нет.

Между прочим, первую «лавкрафтовскую» антологию — «Ктулху фхтагн!» — я хотел посвятить Ктулху и Дагону, а также сделать акцент на элементе воды. И если с водой в сборнике всё окей, то вот рассказов с Ктулху там не так уж много, если не сказать мало, а рассказов с Дагоном, если мне не изменяет память, вообще ни одного. После такого было бы странно посвящать книгу двум этим божествам.

То ли Ктулху и Дагон обиделись на меня за то, что я попытался их обоих запихнуть в одну книгу, а не отвёл каждому отдельный сборник. То ли они просто решили посмеяться и поиронизировать надо мной. То ли, и такой вариант тоже нельзя исключать, возможно, что он — основной, им, как и большинству «лавкрафтовских» божеств, было просто всё равно.

Что?

Человечество?

Не. Не слышали.

(но это не значит, что я не посвящу им какой-нибудь книжки в будущем; и мне всё равно, что им всё равно; главное, что они мне не безразличны)

— Антология «Йа, Шуб-Ниггурат!» —

— I — Итоги богомерзкого отбора —

Если помните, то всего лишь несколько абзацев назад я сказал, что, возможно, это Шуб-Ниггурат меня выбрала, а не я её. И хотя я совершенно не верю в мистику, но, как мне кажется, Чёрная Коза Лесов была рядом, когда готовилась эта антология. И это не могло не повлиять на сборник. Хорошо хоть она была одна, не с Легионом Младых. И тут мне хочется выделить несколько моментов: какие-то не очень хорошие, а какие-то хорошие.

Начнём с не очень хороших.

1) Технические сложности.

Я к этому был готов, поэтому это не было какой-то неожиданностью. Особо в подробности вдаваться не хочется, только скажу, что, несмотря на то, что люблю такую операционную систему, как «Windows XP», работать в Интернете, на некоторых сайтах, используя эту ОС, стало просто невозможно.

Но, как я сказал — я был готов. Ждал этого с 2022-го года, когда на сайте «Ридеро» у меня перестал работать Магазин. Поэтому, когда в конце весны/начале лета 2023-го года у меня там перестал работать Личный Кабинет (а именно через него и публикуются книги), то я, если честно,

вздохнул с облегчением. Ведь я почти целый год чего-то подобного ждал. А тут — вот оно! Случилось, наконец-таки!

Шуб-Ниггурат легонько боднула меня одним своим рогом.

Прошло какое-то время…

В общем, для того чтобы опубликовать антологию за 150 рублей (два тома антологии, если быть точным и честным, хе-хе, значит, 300 рубличков), мне пришлось купить системный блок за 27,000 рублей. Зато сразу «пересел» с «Windows XP» на «Windows 10» минуя целых три ОС от «Microsoft».

И нет, ни «Ридеро», ни дядя Билл не платили мне за рекламу.

2) Человеческий фактор.

Уже после отбора, во время работы с выбранными текстами, некоторые авторы не то, чтобы показали свои рога, но характер. Но и у меня тоже есть… нет, не рога (хотя…), но характер… вот! А ещё у меня есть пряник и кнут. Пряник я люблю использовать чаще (особенно имбирный, м-м-м), но и кнут могу в дело пустить, если надо.

Иными словами, некоторые рассказы не будут опубликованы в антологии «Йа, Шуб-Ниггурат!» не потому, что они плохие, а из-за поведения

их авторов. Возможно, что рассказы будут опубликованы позднее в других моих антологиях, а возможно, что и не будут. Впрочем, прошу большинство авторов не волноваться. Это так, исключения из правил. Так-то, в целом, все — молодцы.

Однако одного автора мне пришлось из антологии исключить вместе с двумя его текстами. Причём, он исключается не только из антологии «Йа, Шуб-Ниггурат!» — я вообще прекращаю с ним всяческое сотрудничество. Можно много про него чего сказать, но скажу только две вещи.

Первое:

Он пытался «взломать» отбор ещё в антологию «Ктулху, фхтагн!» (и был пойман за шкирку, как нашкодивший котёнок).

Второе:

Мне просто надоело терпеть его выходки, которые в 2023-ем году перешли все мыслимые пределы (мне надоело одновременно чувствовать себя и воспитателем в детском саду и психиатром в психушке). Тут уж я просто, в какой-то момент, упёрся рогом (хм, вроде же у меня нет рогов, однако…), не стал ничего сглаживать, а просто сделал то, что давно пора было сделать.

Дал ему хорошего пенделя под зад!

Имя этого богохульного отступника я тут называть не буду, однако возможно, что посвящу ему пост в сообществе «Фантастический Калейдоскоп» в «ВКонтакте» (хотя он этого и не заслуживает).

Шуб-Ниггурат, в его лице, довольно-таки сильно приложила меня рогом. И возможно, что она же дала мне силы боднуть богохульного отступника в ответ.

Это два таких главных не очень хороших момента, не считая всяких мелких, например — «циркачей в камуфляже» (утонять не буду, ля-ля-ля).

Хотя в итоге не такие уж они и плохие:

1) Новый компьютер я, естественно, буду использовать не только для выпуска антологии «Йа, Шуб-Ниггурат», но и для работы над другими проектами.

2) Теперь я не буду тратить на авторов-неадекватов ни минуты своего времени. Выход у меня там же, где и вход.

Спасибо, Шуб-Ниггурат!

Йа-йа!

Меня иногда надо бодать!

Ну а теперь о хороших моментах.

1) Вырос общий литературный уровень тек-

стов.

2) Вырос их средний объём от 10 до 30 тысяч знаков с пробелами.

3) В антологии достаточно рассказов (хотя, наверное, могло быть и больше), где появляется или сама Шуб-Ниггурат, или её культ. Но не ждите Чёрную Козу Лесов в каждом втором рассказе.

4) Антология получилась другой, не похожей на «Ктулху, фхтагн!». Там было много рассказов связанных с водной стихией, здесь же у нас много рассказов связанных со стихией земли.

— II — Топ культиста Шуб-Ниггурат —

1) Блог аутсайдера
(Блог о том, как Древние захватывают Землю)

2) Возвращение в Инсмут
(Ироническая версия «Тени над Инсмутом»)

3) Город Чёрной Козы
(Шуб-Ниггурат во времена Древней Руси)

4) Гришка и Подземный цирк
(Столовая ложка Кинга, пара чайных ложек Баркера, несколько щепоток Лавкрафта)

5) Да придёт весна
(«Лавкрафтовский» Дед-мороз)

6) Дар моря
(Мальчишка-глубоководный рассказывает о своей жизни)

7) Дети Чёрной Козы
(Шуб-Ниггурат во времена советской России)

8) Записки из поместья «Осень»
(Если бы По и Лавкрафт написали что-то в соавторстве)

9) Микрорайон
(«Лавкрафтовский» микрорайон)

10) Нигур
(Шуб-Ниггурат в деревне)

11) Под звуки скрипки
(По + Лавкрафт)

12) Потешки и прибаутки
(Стишки, сводящие с ума)

13) Речной-3
(Ещё один проклятый «лавкрафтовский» микрорайон)

14) Сияние
(Бойтесь светящихся человечков!)

15) Тень-убивай-весь-день

(Целый «цирк уродов»)

16) Тётушка
(Бурый Дженкин и Кеция Мейсон вновь бесчинствуют в Аркхэме)

17) Ужасный жребий
(«Лавкрафтовский» поезд)

18) Хозяин валуна
(«Кинговский» «Дорожный ужас прёт на север» + «лавкрафтовский» «Рок, покаравший Сарнат»)

19) Чалгаевск
(Чалгаевск? Инсмутовск!)

20) Шпокры-мокры
(Шогготы в деревне)

— III — Легион Младых и Неведомые силуэты из туманного будущего —

1 — Легион Младых — Об отборе

Ну, в общем и целом, я очень доволен отбором. Учитывая некоторые события, которые я не хочу и не буду упоминать, я думал, что текстов придёт ничтожно мало. Их пришло более чем достаточно.

Хотелось бы выделить несколько моментов.

1) Пришло меньше «лавкрафтовских» стилизаций.

На отбор в нашу первую «лавкрафтовскую» антологию — «Ктулху фхтагн!» — их пришло больше.

Это не то чтобы плохо…

По мне, так некоторые «лавкрафтовские» сборники и антологии как раз таки перенасыщены стилизациями. Причём там по полной эксплуатируются «Мифы Ктулху», а ведь сам ГФЛ никогда на них не зацикливался.

Но и не так чтобы хорошо…

Всё-таки у поклонников творчества «Затворника из Провиденса» есть определённый запрос на стилизации. Поэтому если в следующий раз их будет больше, то вряд ли кто-то обидится.

2) А вот чего пришло достаточно, так это рассказов, где есть Шуб-Ниггурат, ну или хотя бы её культ. Чему я очень рад. В той же «Ктулху фхтагн!», которую я хотел посвятить Ктулху и Дагону, историй с этими двумя божествами было ну очень мало.

3) На мой взгляд, часть авторов всё ещё продолжает путать «Неведомое» с «Мистическим» или «Фантастическим». Да, они могут быть близки, но «лавкрафтовское» Неведомое нагнетает/

пугает/ужасает, тогда как обычная Мистика или обычная Фантастика совершенно могут без этого обойтись.

4) Я не то чтобы противник «исторического» хоррора, но всё-таки мне больше нравится, когда действие рассказов происходит в современности. Ну или хотя бы в конце 20-го (80-е и 90-е) /начале 21-го века (до 2010-го года).

2 — Неведомые силуэты из туманного будущего — О будущем

Хе!

Ну ни такое уж будущее и туманное. Всё идёт по плану.

И тут тоже можно выделить несколько моментов или неведомых силуэтов.

1) Следующий наш отбор начнётся… скоро. И он тоже будет в «лавкрафтовскую» антологию. Однако потом я планирую отдохнуть от Лавкрафта и переключиться на что-то другое. Иначе всё может в «попсовый конвейер» превратиться.

2) На самом деле, у меня есть не одна и даже не две идеи, связанные с «лавкрафтовскими» антологиями. Много чего интересного пришло в голову, когда я ещё «Ктулху фхтагн!» собирал, а потом редактировал. Но всё это нужно хорошо

обмозговать.

3) Если всё пойдёт так, как надо, и будет 20—40 авторов, готовых писать 1—4 «лавкрафтовских» рассказов в год, то можно целую отдельную серию замутить и выпускать по 2—4 книги в год. И она не превратится в «попсовый конвейер», если каждая книга будет, прежде всего, идейно продумана.

4) Есть желание перевести «Ктулху фхтагн!» (ну или хотя бы избранные рассказы из антологии) и продвигать её на Западе, так как на одной России много не заработаешь. Я думаю, что вы в курсе, что на Западе Лавкрафт — целая индустрия: конвенты/игры/книги/комиксы — легион всего. У него миллионы поклонников. Даже если мы от этих миллионов «откусим» пару десятков тысяч — будет весьма неплохо, я считаю. Но это уже весьма отдалённое будущее, про которое, наверное, даже сам Йог-Сотот мало что знает.

— IV — Шабаш в Чёрном Лесу —

Ну и хотелось бы выделить несколько особенностей, которые отличают антологию «Йа, Шуб-Ниггурат!» от предыдущей антологии «Ктулху фхтагн!».

1) Локации:

Много деревни, много каких-то небольших городков, много дикой местности.

(так волей-неволей возьмёшь и сделаешь антологию хоррора, который ты не очень любишь — антологию «деревенского» хоррора).

2) Сюжеты:

Много всяких сект, ритуалов и обрядов. Есть и эротические сцены.

(хм…

ну, антология эротического хоррора у меня в планах есть, но может ещё сделать сборник, посвящённый всяким сектам и культам, причём не обязательно «лавкрафтовским»?;

кроме того, некоторые истории ну очень походят на какие-то городские легенды… почему бы не сделать соответствующий сборник?)

3) Герои и персонажи:

Герои и персонажи достаточно активны, если сравнивать их с классическими «лавкрафтовскими», которым иной раз достаточно увидеть что-нибудь неописуемое, чтобы сойти с ума. А наши герои борются за жизнь, правда, это отнюдь не значит, что они победят.

(а ещё герои очень много передвигаются: на машинах, на конях, на поездах, на своих двоих — и теперь я точно уверен, что сделаю ан-

тологию «дорожного» или, кхм, «транспортного» хоррора, и да, это звучит как-то коряво, но лучшего названия для подобного поджанра ужасов я ещё не придумал;

и, кстати, ещё о персонажах…

среди них много детей и девушек/женщин; и нет, антологию «женского» хоррора я делать не собираюсь, а вот антологию хоррора «мальчишеского» вполне, героями там будут не только мальчишки, но и девчонки; а также их родители, хе-хе;

ещё и кошки то тут, то там мелькают; как минимум одну антологию, посвящённую «ведьминым тварям», я уже видел, но поскольку я сам люблю этих хвостатых, то почему бы в будущем не посвятить им отдельный сборничек?)

4) Общий уровень:

Принято сравнивать какую-то новую книгу со старыми и говорить, что новая лучше, чем старые. И да, мне кажется, что антология «Йа, Шуб-Ниггурат!» лучше, чем «Ктулху фхтагн!». Правда, не намного. Потому что у «Ктулху фхтагн!» и так был хороший уровень.

Антология «Йа, Шуб-Ниггурат!» получилась более традиционной, что ли, более близкой к другим «лавкрафтовским» антологиям по духу,

несмотря на местами встречающуюся эротику. Качество рассказов, на мой взгляд, стало лучше, а сам их объём вырос. Однако, к сожалению, каких-то оригинальных экспериментов, в духе — например: «Лавкрафт + „YouTube“», стало меньше.

Кто бы мог подумать, что Шуб-Ниггурат выступит за традиции?

И это с её-то «рогатой» репутацией!

Но это так.

***

Ну и, кстати, если вы не знали (хотя большинство из вас, я думаю, в курсе) — Чёрная Коза Лесов с Легионом Младых считается извращённым божеством плодородия. Насчёт каких-то извращений не знаю, не увлекаюсь. Насчёт плодородия тоже ничего сказать не могу: не садовник, не огородник и вообще не земледелец. Однако то, что при работе над антологией мне в голову пришли идеи не только для рассказов и других произведений, но даже и для целых сборников — это факт.

Йа, Шуб-Ниггурат!

В двух томах этой антологии владычествует Шуб-Ниггурат — Чёрная Коза Лесов с Легионом Младых.

Кроме того, здесь можно последить за тайными сектами и кровожадными культами; посетить мрачные особняки; совершить экскурсии в маленькие деревеньки и городки, чьи жители скрывают страшные тайны.

Неведомое ждёт…

Йа, Шуб-Ниггурат!

16 декабря, 2023;
Ростов-на-Дону.

Ужас в подвале
Александр Лещенко

Когда умер дядюшка Волтер, то у всех остальных Салливанов, кроме Бена, нашлись неотложные дела. Даже брат Бена, Сэм, который всегда отличался богатырским здоровьем, умудрился заболеть. Впрочем, кашлял и чихал он подозрительно громко даже для больного. Да и у всех остальных дела были скорее мнимыми, чем неотложными. Они и при жизни не очень-то любили дядюшку Волтера, поэтому никто не горел особым желанием провожать его в последний путь.

Он был старым, ворчливым, эксцентричным скупердяем, готовым скорее потратить последний доллар на разваливающуюся от времени книгу, чем дать в долг нуждающимся родственникам. А поскольку денег у дядюшки водилось много — поговаривали, что Волтер нажил своё состояние, продавая алкоголь во времена Сухого Закона — то и недостатка в просящих никогда не наблюдалось. Он всем отказывал, иногда весьма грубо.

А вот с Беном у Волтера сложились хорошие

отношения. Возможно потому, что Бен с детства любил читать, а у дядюшки, как у истинного библиофила, имелась обширная библиотека. Но вот он умер, до оглашения завещания оставалась ещё неделя, а кто-то должен был съездить в особняк Волтера, чтобы разобраться с оставшимися делами. Этим кем-то стал Бен, он же оказался единственным родным дяди на его похоронах, проходивших на кладбище городка Форестхилл.

После похорон Бен на своём «Форде» поехал в особняк. Деревья нависали над дорогой, и в заходящем свете солнца они походили на лапы неведомых тварей.

— Волтер-Волтер, ну кто мешал тебе купить дом в городе? Обязательно было строить особняк в лесу. Чёртова эксцентричность! — вздыхал Салливан, крутя руль.

Конечно, дом, а точнее, двухэтажный особняк находился не в лесу, а просто за городской чертой. Конечно, дядюшка мог сам выбирать, где ему жить, с его-то капиталом. Но легче от этого Бену не становилось. Хорошо хоть там были все современные удобства: и водопровод, и электричество, и газ, и даже телефон.

Бен свернул направо, и вскоре лес расступился. Показался особняк. Издали он почему-то напом-

нил какую-то странную уродливую тварь, изготовившуюся для прыжка. Окна-глаза сверкают недобрым блеском, лапы-колонны напряжены, вот-вот раскроется дверь-пасть — и чудовище бросится в атаку.

Бен тряхнул головой, и видение исчезло. Дом, как дом. Несколько старомодный, да, но это не делает его монстром. Чего только не померещится, когда заходящее солнце бьёт тебе в глаза через ветровое стекло автомобиля.

Подъехав к особняку, Салливан запарковал «Форд» поближе к крыльцу. Вышел из машины, достал из багажника дорожную сумку и пакет с продуктами. Открыл большую входную дверь ключом, который ему выдал поверенный дядюшки, мистер Голдберг.

Дом встретил гостя тишиной. Роскошью обстановка не отличалась, но была добротной. Ковры, мебель из красного дерева, шкафы с книгами, тяжёлые портьеры на окнах. Особняк убирали сразу несколько горничных, нанятых в Форестхилле. Последняя уборка была как раз перед приездом Бена, так что везде было чисто: ни соринки, ни пылинки.

Чисто оказалось и в холодильнике. Салливан включил его и под мерное урчание загрузил

продуктами из пакета. Много он с собой не брал: так, чтобы хватило на ужин и завтрак. На следующий день утром Бен планировал съездить в Форестхилл, чтобы хорошенько подзакупиться припасами.

Захотелось спать — давала о себя знать усталость с дороги. Съев сэндвич с сыром и запив его чаем из термоса, Бен поднялся наверх в гостевую спальню. К его удивлению, он прекрасно помнил планировку дома, хотя не был здесь уже давно. Едва только голова коснулась подушки, как он заснул.

Разбудила его внезапно хлопнувшая дверь. На пороге спальни стоял незнакомец в чёрном балахоне с капюшоном, скрывающим лицо.

— Кто вы такой?

Незнакомец не ответил. Он стал медленно приближаться.

— Что вам нужно?

Пришелец поднял руку, потянулся к Бену и…

Салливан проснулся. Дверь в спальню закрыта, он в комнате совершенно один. И тут Салливан услышал странный звук, как будто кто-то скребётся за стеной. Он был негромкий, но в тишине, которая казалась мёртвой, раздавался очень отчётливо.

— Скорее всего, он-то меня и разбудил, — пробормотал Бен. — Что там такое? Крысы в стенах? — он усмехнулся, вспомнив рассказ одного писателя из Провиденса.

Кто бы там ни скрёбся, но он явно не собирался прекращать своего занятия. Вздохнув, Бен выбрался из кровати. Бродить по тёмному дому было не очень приятно, поэтому Салливан шёл на звук и зажигал свет в каждой комнате. Нет, не здесь. Дальше. Наконец Салливан остановился перед дверью в подвал. Рука легла на ручку, но вдруг всё стихло, как будто кто-то там внизу услышал Бена и затаился. За дверью никого не было, только ступеньки, ведущие в темноту.

Лазить ночью по подвалу не хотелось, поэтому Бен ограничился тем, что процитировал главную героиню фильма «Унесённые ветром».

— Я подумаю об этом завтра.

Потом он закрыл дверь и отправился назад в спальню, по пути гася свет в комнатах. И хотя больше никаких странных звуков он не услышал, заснуть ему удалось только под утро.

Весёленькое треньканье будильника выдернуло Бена из сна. Из очередного кошмара. Там Салливан всё-таки спустился в подвал, где во тьме его поджидало чёрное нечто. Когда Бен

попытался разглядеть, что это такое, оно метнулось к нему. Тёмные щупальца схватили и стали выдавливать жизнь.

— Кажется, дом мне не рад, — проговорил Бен, прогоняя остатки страшного сна из головы.

Он спустился на кухню, поджарил бекон, подогрел чай. С аппетитом поел. Еда придала сил, Салливан окончательно пришёл в себя после ночных кошмаров. Пора было заняться делами.

Зайдя в кабинет дядюшки Волтера, он обнаружил на столе две стопки аккуратно сложенных бумаг. В одной — счета за электричество, воду, газ и телефон, рядом с ними небольшая пачка купюр; в другой — предложения о покупке дома. Салливан удивился второй стопке, обычно после смерти кого-нибудь из членов семьи родственники сами ищут тех, кто мог бы купить ставшую ненужной недвижимость. А тут, наоборот, не успел дядюшка скончаться, как появилась толпа желающих купить особняк.

Но сначала Бен решил разобраться со счетами, ведь он всё равно собирался в Форестхилл за продуктами. Прежде чем выйти из кабинета, он, от нечего делать, решил посмотреть, что же находится в ящиках стола. Как выяснилось, ничего интересного, кроме нескольких листков

со списками покупок, да пары сломанных карандашей. Однако один ящик был заперт, а ключа от него нигде во всём кабинете не обнаружилось. Да Салливан особо и не искал.

— Ладно, разберусь с тобой позднее, поганец, — Бен погрозил ящику пальцем.

Взяв счета и деньги, Бен вышел из кабинета. По дороге в Форестхилл настроение улучшилось. То ли этому способствовал отличный солнечный денёк, то ли Салливан просто радовался тому, что оказался вне стен особняка. Было в доме что-то такое, что не пугало, но настораживало и заставляло нервничать.

Сначала Салливан заехал в банк и оплатил счета, а потом поехал в местный продуктовый магазин, который ему любезно посоветовал мистер Голдберг. Наполнив тележку разнообразной снедью и водрузив сверху банку кофе, Бен направился к кассе. Расплатившись за покупки, он уже развернулся, чтобы отъехать в сторону, когда его остановил вопрос пожилого кассира.

— Вы случайно не родственник мистера Волтера Салливана?

— Да, я его племянник.

— Вы похожи на дядю. Сожалею о вашей утрате.

— Спасибо за соболезнования. Мистер?..

— Никаких «мистеров», зовите меня просто Генри, — кассир протянул руку.

— А я Бен.

Они обменялись рукопожатием.

— Ну и как вам в особняке дяди, Бен?

— Вроде всё нормально, но как-то мрачновато, что ли. Наверное, потому, что дом ассоциировался у меня с дядей. А теперь, когда его не стало…

— Да, замечательный был человек. Мы с ним были хорошими друзьями. Он много сделал для Форестхилла. Например, внёс большую сумму, когда собирали деньги на ремонт библиотеки. Да и мне помог с моим магазином в тяжёлое время. Но некоторые из местных его недолюбливали, считали колдуном, — Генри усмехнулся.

— Правда?

— Ага, но что-то взять с людей из небольшого городка. Для них любой, кто хочет жить отдельно, уже кажется странным. А уж если у этого человека дом полон книг, как у Волтера, так точно колдун или дьяволопоклонник, приносящий в жертву девственниц. А двадцать лет назад, когда в течение года пропало сразу три десятка человек, некоторые из местных всерьёз хотели спалить его особняк.

— Я ничего об этом не знал.

— В городе не любят об этом вспоминать, ведь никто так и не нашёл пропавших. Ни одного тела. А к Волтеру тогда нагрянули полицейские. Он спокойно их впустил, дал осмотреть дом, но они ничего не нашли.

— Ну конечно. Дядя может и был со странностями, но уж точно никого в жертву не приносил.

— А потом, спустя пять лет, люди опять стали пропадать. Но на сей раз нашли и трупы, и даже убийцу. Им был свихнувшийся лесник. Он говорил, что какие-то голоса приказывали ему убивать. Представляете? Своих жертв лесник расчленял топором и закапывал в лесу. На него повесили и тех ненайденных тридцать человек, а он и не отпирался, потому что не помнил, когда стал слышать голоса и скольких убил на самом деле.

— И что, с тех пор больше никто не пропадал?

— Люди всегда пропадают, — загадочно улыбнулся Генри.

Бену не понравилась его улыбка.

— Ну что ж, мне пора. Было приятно с вами поговорить, Генри.

— Взаимно. Давайте, я помогу вам с покупками.

Загрузив багажник «Форда» продуктами, Бен и Генри обменялись ещё одним рукопожатием. Уже отъезжая от магазина, Салливан посмотрел в зеркало заднего вида. Там стоял Генри и внимательно смотрел ему вслед всё с той же загадочной улыбкой на лице.

«Странный он какой-то», — подумал Бен. — «Хотя, если вспомнить причуды дядюшки Волтера, не удивительно, что они дружили».

Пообедав в местном ресторанчике, Салливан поехал назад в особняк. По мере приближения к дому, хорошее настроение постепенно улетучивалось. Погода тоже испортилась, небо затянули тучи. Едва только Бен успел добраться до особняка, как раздался гром и на землю упали первые капли дождя.

Салливан быстро разгрузил «Форд». Предстояло разобраться с закрытым ящиком стола в кабинете дядюшки. В подвале особняка должен был быть верстак с инструментами, однако спускаться туда не хотелось. Бен решил воспользоваться кочергой. Один её конец был узким и острым, похожим на пику. Просунув кочергу между ящиком и столом, Салливан стал осторожно двигать её вверх-вниз. Затрещало дерево. Он нажал сильнее, и ящик со сломанным замком чуть не упал

ему на ногу.

Внутри обнаружились книга и странный ключ. То, что Бен поначалу принял за книгу, было дневником дядюшки. На первой странице красовалось: «Волтер Салливан». Дальше шли даты и текст, вот только понять, о чём шла речь, не представлялось возможным. Для ведения дневника дядюшка использовал латынь, в которой Бен совершенно не разбирался.

Странный ключ напоминал вилку или даже трезубец. Салливан понятия не имел, к чему он может подходить, но на всякий случай сунул его в карман. Теперь можно было заняться и другим делом: предложениями о покупке дома. Разбирая бумаги, Бен наткнулся на знакомое имя. Генри.

— Уж не тот ли это Генри из магазина? — задумчиво предположил Салливан и потёр подбородок.

Сверкнула молния, раздался гром, и ливень обрушился на особняк, барабаня по крыше. Бен почувствовал, что глаза начинают слипаться: то ли дело было в бессонной ночи, то ли в лишнем бокале вина, выпитом в ресторанчике.

Внезапно дверь распахнулась, и в кабинете появился незнакомец в чёрном балахоне. Ещё секунду назад он стоял на пороге, как вдруг

очутился уже рядом со столом. Пришелец поднял руку, потянулся к голове Салливана, и тот с ужасом заметил, что пальцы незнакомца превратились в чёрные извивающиеся щупальца. Они дотронулись до лица Бена.

Салливан с криком проснулся.

— Да что же это за дрянь такая! — в сердцах бросил он.

И тут услышал шум, который разбудил его ночью. Кто-то скрёбся за стеной. Бен знал, откуда шёл звук, поэтому, прихватив кочергу, он отправился в подвал.

— Если там крысы, то им не поздоровится.

Но прежде, чем спускаться по лестнице вниз, он зажёг свет. Подвал был большим. Дядюшка очень не любил, когда Бен сюда забирался. Почему? Волтер никогда об этом не говорил, просто замечал, что здесь не место для игр. Когда строили особняк, то при закладке фундамента обнаружили подземную пещеру. И чтобы дом не просел, подвал укрепили несколькими опорными столбами. Бен всегда думал, что они придавали ему сходство с подземельем замка или пыточными застенками инквизиции. Но на самом деле в подвале не было ничего зловещего.

Как Салливан и помнил, здесь, в одном из уг-

лов, стоял верстак, а неподалёку, как и во всём доме, располагался книжный шкаф. Противное поскрёбывание как раз доносилось именно оттуда. Подойдя ближе, Бен стал осматривать стену, ожидая обнаружить крысиную нору. Но стена была абсолютно гладкой.

«Хотя, что это? Подождите?»

Какие-то три отверстия, а над ними ручка. Если бы не звук, то Салливан никогда бы их не заметил. И отверстия, и ручка буквально сливались со стеной.

«Неужели это дверь? Но что там за ней? И как её открыть?»

Он вспомнил о ключе-трезубце, найденном в закрытом ящике. Достал из кармана. Бен вставил ключ в отверстия — он вошёл как влитой. Раздался щелчок. Ухватившись за ручку, Салливан потянул дверь на себя. В нос ударил запах разложения, Бен закашлялся. За дверью было темно, но всё же удалось разглядеть очертания книжных шкафов, стола, стула и постамента в центре комнаты. Похоже, что он нашёл секретный кабинет дядюшки Волтера.

Вдруг из темноты на Салливана бросилась какая-то тварь. Он отскочил в сторону, но существо всё равно успело задеть его: на рубашке

появилось несколько кровавых полос. Сперва Бен решил, что это крыса, но когда разглядел тварь, то не смог сдержать крика отвращения. Человеческая голова, внизу у которой были щупальца с когтями на концах. Когда монстр двигался, то издавал скребущий звук.

Голова открыла зубастый рот, зашипела и прыгнула на Салливана. Не долго думая, он сделал выпад и насадил тварь на кочергу. На пол брызнула кровь, но монстр всё равно пытался дотянуться до Бена щупальцами. Взмахнув кочергой, Салливан стряхнул с неё монстра. Быстро ударил, пробив твари голову.

Но не успел он толком прийти в себя, как из тёмного проёма к нему устремились ещё две головы. Первая сразу прыгнула на него. Бен сбил её в полёте и обрушил на тварь кочергу. Чудовище задёргалось в конвульсиях.

Бок Салливана пронзила резкая боль — вторая голова достала его когтистым щупальцем. Они принялись кружить друг напротив друга, как боксёры, выжидая удачного момента для атаки. Когти монстра скребли по полу. От этого звука сводило зубы. Оттолкнувшись от пола щупальцами, тварь взлетела в воздух, метя Бену в лицо. Он отклонился в сторону, и чудовище впечаталось

в стену. Салливан принялся бить монстра кочергой и остановился только тогда, когда от него осталось лишь кровавое месиво.

Бен поднялся на первый этаж, осмотрел раны, нанесённые головами. Ничего страшного, просто царапины. Обработав раны, Салливан стал думать, что же ему делать дальше. Логичней всего было бы вызвать полицейских, и пусть они с этим разбираются. Но в то же время ему было любопытно, что же скрывает секретная комната в подвале. Бен решил так: он возьмёт револьвер и фонарик, попробует там всё обследовать, но при малейшем признаке опасности отступит и вызовет стражей порядка.

Зарядив оружие и прихватив с собой фонарик, Салливан вновь спустился в подвал. Осторожно подошёл к тёмному проёму, посветил внутрь. Теперь на столе удалось разглядеть какие-то тетради и свитки. На постаменте в центре комнаты Салливан увидел книгу. А ещё Бен понял, почему из помещения так воняло. Там валялись три безголовых трупа: один рядом со столом, второй вплотную к постаменту, вытянутая рука мертвеца дотрагивалась до него, и третий около массивного книжного шкафа.

Бен шагнул внутрь комнаты. Когда он пере-

ступил порог, то почувствовал сопротивление воздуха, словно тут был невидимый барьер. Салливан продолжил идти вперёд, неожиданно дверь резко захлопнулась. Прямо перед Беном появилась тень. Не медля ни секунды, он выстрелил, но пуля прошла сквозь тёмное существо, не причинив ему никакого вреда. Тень, напоминавшая незнакомца в балахоне из кошмаров Бена, потянула к нему руки-щупальца.

Салливан уже хотел нажать на спусковой крючок револьвера второй раз, хотя и понимал, что это не даст никакого результата. Но тут тёмное существо опустило руки и наклонило голову, словно в поклоне. А затем оно просто растворилось в воздухе.

Некоторое время Бен стоял и не двигался, потрясённый случившимся, но всё же ему удалось взять себя в руки. Выход из комнаты был отрезан. Бен подёргал дверь, благо с этой стороны тоже имелась ручка. Никакого результата. Пару раз приложился плечом. Ничего. Он оказался в ловушке.

Салливан принялся осматривать секретный кабинет. Подошёл к постаменту в центре, взглянул на книгу. Сразу бросилось в глаза название, выведенное алыми буквами на чёрной обложке.

«Кодекс Атлантиды».

Сунув револьвер в карман штанов, Бен взял книгу, сел за стол и полистал её. В отличие от надписи на обложке, которая была на английском, остальной текст в книге был частью на латинском, а частью вообще на каком-то неизвестном языке. Тут имелись и иллюстрации.

— Какая мерзость! — скривился Бен, разглядывая картинки.

В основном, там были какие-то ужасы: уродливые статуи, отвратительные ритуалы, кошмарные чудовища, жестокие жертвоприношения. На одной из иллюстраций Бен увидел человеческую голову с щупальцами.

— Ну хоть что-то знакомое, — невесело хмыкнул он.

От «Кодекса Атлантиды» Бена уже начинало тошнить. Он перестал листать книгу, вытер руки о штаны и встал. Стараясь не наступать на трупы, Салливан вернулся к осмотру комнаты. Его внимание привлёк рычаг рядом со шкафом, где лежало мёртвое тело. Подойдя ближе, он заметил там также и небольшую панель с шестнадцатью кнопками: четыре по горизонтали, четыре по вертикали. На них были изображены какие-то символы.

Он нажал на одну из кнопок, утопив её в панели. Но ничего не произошло. Тогда Бен наугад надавил ещё на парочку, опять ничего. Дёрнул за рычаг, и нажатые кнопки вернулись в исходное положение.

— Наверное, здесь нужна какая-то правильная последовательность, — задумчиво сказал Салливан, постучав по панели пальцем.

Он попробовал ещё несколько комбинаций. Тщетно. Да и честно говоря, Бен понятия не имел, что же должно произойти. Может от этой панели вообще стоит держаться подальше. Может быть, пол под ним раскроется, и он упадёт в яму с кольями, или потолок сверху быстро опустится и раздавит его. Но, тем не менее, Салливан не оставлял своих попыток.

Откуда-то снизу подул лёгкий ветерок, зашелестели страницы. Бен обернулся. Ветерок «листал» страницы «Кодекса Атлантиды», создавалось впечатление, что кто-то невидимый просматривает книгу. Наконец всё затихло. Вернувшись к столу, Салливан заглянул в книгу и увидел иллюстрацию древнего храма, а под ней символы: «Пентаграмма», «Человек», «Трезубец», «Пентаграмма».

— Стоит попробовать, — решил Бен.

Он набрал комбинацию, снова безрезультатно. Тогда он потянул за рычаг. Часть стены слева от Салливана медленно и со скрежетом ушла вверх. Посветив фонариком в проём, Бен увидел коридор. Вытащив револьвер из кармана, он медленно двинулся вперёд. Коридор привёл его в небольшой зал с высокими потолками.

Стены здесь покрывала причудливая мозаика, изображавшая страшных тварей, уже виденных Салливаном в «Кодексе Атлантиды». Некоторые дрались между собой, некоторые убивали людей, а некоторым приносили жертвы. На каждой из стен располагался целый ряд факелов. Луч фонарика переместился в центр зала, осветив прямоугольный алтарь. Горизонтальную поверхность покрывали выбоины, словно по ней били чем-то тяжёлым и острым. Кроме того, там же виднелись засохшие пятна крови.

Луч фонарика перешёл дальше, и Бен не смог сдержать испуганного возгласа. Он не ожидал увидеть подобного ужаса в подвале дядюшки Волтера. Позади алтаря стояла кошмарная статуя. В ней как будто смешались черты человека, рептилии и осьминога. Голова, торс и руки напоминали человеческие, хотя всё же четырёхпалые, когтистые, верхние конечности больше походи-

ли на лапы. Правая сжимала большой трезубец, занося его над алтарём.

Голова статуи была совершенно лысой и гладкой, глаза узкими, рот чуть приоткрыт, показывая двойной ряд острых, как иглы, зубов. Кожа выглядела словно крокодилья шкура. Ноги у чудовища отсутствовали, ниже талии находились толстые щупальца. У Бена возникло неприятное чувство, что статуя смотрит прямо на него.

Сзади раздались тихие шаги. Салливан повернулся, к нему шёл человек в балахоне с капюшоном. Бен стал поднимать револьвер, но пришелец оказался быстрее. Он бросил в Бена небольшую склянку. Попав в Салливана, она разбилась. Из неё выплеснулась какая-то жидкость, моментально превратившаяся в пар. Вдохнув его, Бен зашатался, выронил револьвер и фонарик. Перед глазами всё поплыло, Салливан рухнул на пол и потерял сознание.

Бен очнулся и обнаружил себя лежащим на алтаре перед статуей. Кто-то связал его по рукам и ногам. В зале стало необычайно светло. Салливан посмотрел по сторонам и увидел, что все факелы на стенах зажжены. А ещё он заметил револьвер всего лишь в паре шагов от себя. Попробовал пошевелить руками и вскрикнул, когда

поцарапался об острый край выбоины на алтаре.

— Не нужно кричать, Бен. Всё равно тебя здесь никто не услышит, — раздался знакомый голос.

Салливан задрал голову, глянул назад. Недалеко от алтаря стояло около десятка человек. Они были в чёрных балахонах с капюшонами, на груди алели красные трезубцы. Один из них в центре, он держал в руках «Кодекс Атлантиды», снял капюшон.

— Генри?! Это вы? — удивился Бен.

— Да, — кивнул хозяин магазинчика. — Со мной тут ещё мистер Голдберг, — Генри похлопал по плечу стоявшего справа от него. — Ну а остальных ты не знаешь.

— Я не понимаю… — начал Бен.

На самом деле он уже примерно всё понял, но хотел потянуть время. Салливан тёрся верёвкой об острый край выбоины.

— Как я уже говорил тебе, мы с твоим дядей были друзьями. Очень хорошими друзьями. А ещё мы вместе состояли в одном братстве.

— Вы хотите сказать в секте! — бросил Бен.

— О, можно и так сказать, но мы предпочитаем называть себя братством. «Братством Трезубца»!

При этих словах люди в балахонах, как по команде, приложили левые, а потом и правые руки

к алому трезубцу на груди и склонили головы.

— Значит, те, кто пропал двадцать лет назад, ваших рук дело?

— Ну, не только, — скромно улыбнулся Генри.

Бен почувствовал, что верёвка ослабла, и удвоил усилия.

— Волтер долгое время был нашим лидером, но в последнее время он отдалился от «Братства Трезубца». Стал проводить свои собственные ритуалы и всю силу, естественно, забирал себе.

— И вы убили его?

— Скажем так, мы всего лишь ускорили неизбежное. Но твой дядя оставил здесь Тёмного Стража. Мы пытались с ним справиться, но безуспешно. Думаю, что ты видел тела наших павших братьев. Но с твоей помощью у нас появился шанс избавиться от него, ведь вы с Волтером одной крови. Как видишь, всё получилось просто великолепно. Ну да хватит разговоров! Тебе выпала честь, Бен. Честь быть принесённым в жертву Терракатлю, одному из жрецов-воинов древней Атлантиды!

Генри раскрыл «Кодекс Атлантиды», полистал, нашёл нужную страницу и стал читать. Латынь, смешанная с неизвестным языком. Каждое предложение, прочитанное Генри, повторяли

нараспев и люди в капюшонах. Бен не понимал ни слова, но сказанное сектантами казалось ему чем-то богохульным.

Салливану почти удалось освободиться от верёвок на руках, когда его взгляд перёшел на статую. Потрясённый Бен замер. Статуя оживала. Шевельнулась голова, заморгали узкие глаза, закрылся и вновь открылся зубастый рот, задвигались лапы и щупальца. Чудовище уставилось на Салливана.

— Терракатль! Терракатль! — в экстазе кричал Генри.

Лапа с трезубцем дрогнула, подалась назад, замахиваясь. Бен разорвал верёвки на руках. Скатился с алтаря. Трезубец ударил в то самое место, где только что лежал Бен. Железо высекло из камня искры. Салливан принялся лихорадочно развязывать ноги.

— Схватить его!

Сектанты бросились к Бену. Подняв револьвер, Салливан вскочил, готовый к бою. Краем глаза заметил, что Терракатль вновь замахивается трезубцем. Бен упал навзничь, а над головой пролетело что-то большое. Трезубец угодил в двоих сектантов и пригвоздил их к стене. Прицелившись, Бен выстрелил монстру в голову. Попал

в глаз. Терракатль заревел от боли и ярости, а Салливан кинулся к выходу из зала.

На пути встал человек в балахоне. Бен нажал на спусковой крючок, и сектант повалился на пол, корчась в агонии. Перепрыгнув через тело, Салливан понёсся по коридору. Сзади раздавался вой чудовища, крики членов «Братства Трезубца», хруст ломаемых костей и отвратительный звук разрываемой плоти. Похоже, Терракатль решил удовлетвориться более доступными жертвами.

Влетев в комнату с постаментом, Бен увидел, что дверь в подвал распахнута настежь. Путь к спасению был открыт. Выбежав в подвал, Салливан захлопнул дверь, глубоко вдохнул и выдохнул. Он вытащил ключ-трезубец из замочной скважины. Раздался щелчок.

— Да, полицию всё-таки придётся вызывать, — пробормотал Бен и пошёл к лестнице.

Страшный удар, от которого завибрировал весь дом, заставил Бена вздрогнуть и выронить ключ. Второй удар — и по двери пошли трещины. Ну а после третьего она разлетелась на куски. Выломав дверь, а вместе с ней и часть стены, в подвал ввалился Терракатль. Он был ужасен: весь в крови, пасть щёлкала, лапы конвульсивно

сжимались, щупальца били по полу, как кнуты. Оставшийся глаз светился ненавистью. В него-то Бен и выстрелил, окончательно ослепив чудовище.

Монстр заревел, кинулся на Салливана, но тому удалось увернуться — когтистая лапа лишь располосовала рубашку. У Бена оставалось два патрона, но стрелять он больше не собирался. Даже если бы все пули попали в голову чудовища, это вряд ли бы его убило.

Взяв камень, вывалившийся из стены, Салливан бросил его в угол. Терракатль рванулся туда, а Бен двинулся к лестнице. Под ногой хрустнула деревяшка. Реакция монстра была молниеносной. Салливану посчастливилось избежать удара, но одно из щупалец задело его, отшвырнув к стене. Так они и продолжали играть в смертельные кошки-мышки. Бен понимал, что рано или поздно тварь схватит его и разорвёт на куски.

Нужно было что-то предпринять. Встав рядом с опорным столбом, Бен постучал по нему револьвером. Терракатль бросился на звук. Салливан отпрыгнул в сторону, а монструозная туша всем своим весом налетела на столб и снесла его. Часть первого этажа рухнула вниз, завалив Терракатля обломками.

Бен метнулся к лестнице, взлетел по ступенькам. Выбежал из ходящего ходуном дома. Прыгнул за руль «Форда», завёл двигатель. Объехал стоящие вокруг особняка машины «Братства Трезубца». Выбрался на дорогу и утопил педаль газа в пол. Двигатель протестующее заревел, но Бену было всё равно, лишь бы убраться подальше от проклятого дома.

Салливан глянул в зеркало заднего вида. Левое крыло особняка медленно обрушилось вниз в подвал. Но правое крыло осталось стоять, теперь дом действительно походил на уродливую тварь. Недобитого монстра. Бен отвернулся, возможно, он ещё вернётся сюда, чтобы полностью снести особняк. Но сейчас Салливан хотел оказаться как можно дальше.

Что-то задвигалось на заднем сидении машины. Бен посмотрел назад, там сидел человек в чёрном балахоне с капюшоном. Незнакомец из кошмаров! Салливан хотел закричать, но человек вскинул руки, и щупальца обвили шею Бена. Они также полезли и в рот, и в нос. Почувствовав, что теряет сознание, Салливан из последних сил нажал на педаль тормоза. Перед глазами заплясали чёрные точки. Наступила темнота.

Очнувшись, Бен захрипел. Ощупал шею, рот,

нос. Но там не было никаких щупалец, как не было никого и на заднем сидении «Форда». Бен в последний раз взглянул на разрушенный особняк и поехал прочь.

Микрорайон
Алекс Лоренц

Июль был в самом разгаре. В столице стояла жара. Две недели ни дождинки. Во дворе скучища смертная. Из всей разномастной ребятни Саня с Левчиком остались вдвоем. Остальные рассосалась по деревням, дачам, лагерям, курортам. Правда, не уехала еще голубоглазая девочка Лиза из среднего подъезда дома 5а. Но разве станут двое гордых, взрослых десятилетних парней водиться с девчонкой?! Пф-ф-ф-ф, еще чего! Много чести!

Лизка вообще редкостная зануда. Кто, скажите на милость, на летних каникулах сидит дома как сыч и читает книжки, а? Вот-вот, только зануды. Она даже когда во двор выходит — и то усаживается на качели да в книжку пялится. Не дура, а? Полдня так раскачивается, пока мамка обедать не позовет. Дура как есть.

Вон, расселась, качается. У-у-у-у-у-у, пигалица!

Саня и Левчик наворовали в детском саду по соседству неспелых яблок, забрались в шалаш на дереве, нажрались до отвала. Пока кислая

мякоть переваривалась в желудках, бесцельно возюкали сонными взглядами по двору. Временами украдкой косились на Лизу. Девочка тоже поглядывала на них — только не таясь, с достоинством.

— Гурьяновку знаешь? — спросил вдруг Левчик.

— М-м? — промычал Санька. — Че это?

— Микрорайон такой. Недалеко. Помнишь, пацан с нашей школы, с седьмого «А» пропал?

— Ну?

— Говорят, *там* дело было.

— Расскажи.

— Да че рассказывать. Поперся он в эту Гурьяновку и не вернулся. Последний раз его видели там, неподалеку. Свидетели есть. Говорят, бабка старая попросила сумку донести — вот он в те дворы и ушел. Больше его никто не видел.

— О как.

— То-то же. Вообще, пока ты в больничке лежал, я со старшаками на эту тему побазарил. Сказали, место проклятое. Там очистные сооружения, в них что-то творится… такое… ну, невообразимое. Сверхъестественное.

— Призраки?

— Не-е-е-е-е-е-е-е, — презрительно протянул

Левчик. — Про призраков — это страшилки для мелюзги. А тут все серьезно. Никто точно не знает, но что-то жуткое. В тех очистных обитает Нечто. Оттого и запах ужасный. Потому в Гурьяновке новые дома не строят, а людей там все меньше становится. Вонь, говорят, кошма-а-а-а-ар. Она и до нас иногда доходит.

Санька понимал, о чем говорит друг. Порой, когда дул сильный юго-западный ветер, дышать во дворе становилось невыносимо. Запах особенный. Не помойки, не канализации, не дохлятины. Неизвестный. Противный до одури.

— Наверное, шлюзы какие-нибудь открывают, — предположил Санька. — Вот и вонища.

— Не знаю, не знаю… А не хочешь сходить, посмотреть?

Левчик славился больными инициативами — одна другой чудовищнее. То гараж одноногого деда вскрыть, то на стройку пролезть, то детсадовского сторожа грязью через забор закидать.

— Хочешь, чтоб нас тоже убили, как того? — возмутился Саня. — А вдруг там маньяки?

— Нас двое, — отмахнулся Левка. — Тот пацан один поперся. И старухе помогал зачем-то. Вот она его к маньяку и отвела. А вдвоем отобьемся с полтычка. Да и не надо идти, когда тебя незна-

комые взрослые куда-то зовут. Мне мамка чуть ли не каждый день талдычит… Давай проведем расследование! — Его глаза загорелись озорным огоньком.

— Ну… ну… давай, — согласился Санек. Словом «расследование» Левчик его купил. — Знаешь, как идти?

— Ага. Вдоль шоссе, там улица такая есть незаметная за хозяйственным магазином, вот по ней и попадешь в Гурьяновку.

— Ты откуда это все знаешь?

— Старшаки рассказали.

Санька удовлетворенно кивнул. Раз старшаки — значит, так оно и есть. Старшаки трындеть не будут.

Пацаны спустились с дерева и стремглав помчались к проходу между двумя многоэтажками — прочь со двора. Лизка оторвалась от книги, посмотрела им вслед.

***

Улочка и вправду оказалась незаметной. Сколько Санька ни ходил с мамой и бабушкой по тротуару вдоль оживленного шоссе мимо хозмага, ни в жизнь не подумал бы, что позади него есть что-то кроме тупика да мусорных баков.

Улица тянулась между забором промзоны и пустующими заводскими зданиями-коробками. Машина тут точно не проедет. Пешеходная дорожка сложена из небольших бетонных плит, явно изготовленных для какой-то другой цели. Плиты растрескались от времени и непогоды, сквозь трещины пробилась трава.

Шум шоссе стих далеко позади. Жара сгустилась, превратилась в кисель. С востока, со стороны центра столицы, послышался грозный рокот. Близилась гроза.

Улочка уперлась в плотный ряд замызганных гаражей. Между двумя из них виднелся зазор — достаточно широкий, чтобы пройти. С той стороны едва уловимо тянуло затхлостью, как из старушечьей каморки, которая никогда не проветривается. Вонючим сырым тряпьем, прелым зерном, мышиными ссаками.

— Эй, ребята! — девичий окрик.

Мальчишки обернулись. Позади стояла Лизка — в синем платьице, с аккуратно забранными в пучок волосами и книгой под мышкой.

Левка нахмурился, презрительно бросил:

— А тебе тут чего надо?

— Во дворе скучно — вот я и решила с вами пойти. Тебя, кажется, Левой зовут? А тебя — Сашей?

— А мы тебя звали, что ль? — проигнорировал Левчик ее вопрос.

— Не звали, — пожала плечами Лиза. — Я сама пришла.

Парней такой простой и искренний ответ обезоружил.

— Ладно, Лёв, пусть идет, — без боя сдался Саня. — Втроем веселее.

Левка еще сильнее насупился. Стал мрачнее той тучи, что крадучись наползала на город. Он молча нырнул в проход между гаражами. Вот и испорчено расследование. От девок всегда одни неприятности. А Санек — размазня.

— Че читаешь? — спросил тем временем Саня у Лизы.

Та показала ему обложку книги. Марк Твен. «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна». Мягкий переплет, загорелый мальчишка в соломенной шляпе плывет в лодке по реке.

— Я читал, — похвалился Саня. — Еще в прошлом году.

— Я тоже читал, — буркнул Левка. — Скукотень голимая.

Лизка показала ему в спину язык.

— Сам ты скукотень! — возмутился Санька. —

Нормальная книжка, интересная!

— Подкаблучник ты, — бросил Левка.

Санька задумался. Слово явно было обидное, но слышал он его впервые. Чтобы не опростоволоситься, промолчал.

Они остановились, осмотрелись.

— Ничего себе, — сказала Лизка. — Как в другом городе. Моя бабушка в Мытищах живет, у них там примерно так же, только получше.

Они действительно словно разом перенеслись из столицы с ее многоэтажками, шумными дворами и многолюдными проспектами куда-то очень далеко. В захолустье с обшарпанными, кособокими двухэтажными халупами годов пятидесятых постройки — еще при Сталине, наверное, возводили.

Стены тошнотворного желтого цвета, неряшливо заделанные цементом трещины на фасадах. Балконы с гнутыми ржавыми прутьями. Окна в грязных разводах, рассохшиеся рамы. Почерневший шифер с зелеными островками мха. В тесных двориках серые плесневые наросты — деревянные сарайчики. От турника к турнику протянулись захватанные бельевые веревки. Плешивые газоны пестреют мелким мусором — фантиками, обертками, пивными пробками.

Здесь много деревьев.

И здесь полумрак. Много тени. Как будто дело к вечеру, хотя едва за полдень перевалило. Оно и понятно: гроза надвигается.

Из-за угла показалась древняя костлявая старуха в линялом пальто. Из-под цветастого платка неряшливо выбивались седые космы. Бабка едва ковыляла, опираясь на сучковатую палку, что заменяла ей костыль. Увлеченно бубня себе под нос, женщина не заметила торчащего из земли штыря, споткнулась и распласталась ничком.

— Ой! — воскликнула Лиза. — Пойдемте поможем бабушке! — И вприпрыжку побежала к старухе.

Пацаны нехотя поплелись за ней. Ни Сане, ни Левчику здесь задерживаться почему-то больше не хотелось — даже ради «расследования». Идя вслед за Лизкой, они то и дело переглядывались и оборачивались на заветный проход между гаражами.

Там, снаружи, за границей Гурьяновки, вовсю палило солнце. Странное дело…

— Бабушка, вы целы? — суетилась Лизка.

Бабку трясло, а изо рта, которого дети не видели, вырывалось похожее на смех клокотание.

Левчик навис над старухой, шумно втянул

носом воздух.

— Да она пьяная! — возвестил он. — От нее спиртом прет!

Для ребенка, воспитанного в приличной семье, пьяный человек всегда потенциально опасен. Все знают: пьяницы злые, хотя иногда кажутся добрыми.

Старуха приподнялась, уперлась ладонями в землю, локти выставила вверх. Как паук. Лицо оторвалось от земли, повернулось к детям.

Лиза вскрикнула, выронила «Тома Сойера», закрыла рот ладонями. Мальчишки отскочили как ужаленные.

Кожа на старухином лице — что грязные осенние листья. Вместо носа — черный провал. Глаза вращаются вразнобой. А нижней челюсти нету. Только оголенный синий язык ползает туда-сюда, словно толстый червяк.

Из бабкиной глотки вырывался слюнявый клекот. Вниз потянулись вязкие нити.

— Э! — хриплый окрик со стороны гаражей.

К старой пьянчуге подскочил подросток лет пятнадцати и стал пинать ее ногами. Она завизжала как собачонка, схватила клюку и, споро перебирая конечностями, на четвереньках драпанула за угол.

— Сука старая! — выругался новоприбывший и сплюнул в траву. — Чтоб я тебя тут больше не видел! — крикнул бабке вслед. — А вы че тут делаете, а? — переключился на незнакомых детей.

Неказистый, с жидкой порослью на одутловатом лице, с нечесаными вихрами. В затрапезной одежде. В руке бутылка пива.

Отхлебнул, рыгнул, почесал вздутый живот. Холодный, колючий взгляд одного за другим ощупывал непрошеных гостей.

— Че тут забыли, спрашиваю, а? — повторил напористее, со злобой.

— Ничего, просто гуляем, — ответил Саня, глядя в землю.

Дылда вставил два пальца в рот, пронзительно свистнул. По тихим дворикам зашаркали шаги. К упырю подтянулись еще пятеро или шестеро таких же — немытых, нечесаных, вонючих. Кто с монтировкой, кто с арматурой.

— Алле, гараж, вы че, попутали?! — напирал главный, наступая на детей.

Остальные местные сгрудились за спиной вожака и тоже пошли в наступление.

Левчик первым дал деру. Саня и Лиза бросились следом. Бежали не разбирая дороги, а в спину им

несся разбойничий свист.

***

Убедились, что за ними не гонятся. Остановились перевести дух.

— Ни фига себе порядки тут, — оценил Саня.

Они оказались у края дикого оврага. Далеко внизу журчала вода, работали какие-то большие механизмы.

— Надо б домой, — сказал Левка. — Что-то мне тут не нравится.

— Ха! — усмехнулся Саня. — А ведь сам предложил!

— Да откуда ж я знал!

— Ребят, давайте уйдем! Пожалуйста! — взмолилась Лиза.

Ее голос дрожал, в глазах стояли слезы страха.

— Тебя сюда вообще никто не звал! — огрызнулся Левка. — Вот сейчас свалим без тебя — будешь знать, как увязываться без спросу!

— Ладно, прекратите перепалку, — сказал Саня. — Надо как-то попасть домой. Только придется искать другой выход. Машины ж сюда не через ту дырку промеж гаражей попадают.

— Ты тут хоть одну машину видел? — спросил Левка.

— Нет.

— Вот и я нет.

— Давайте не будем стоять на месте, — сказала Лиза. — Выход точно где-то есть, кроме гаражей.

Из оврага послышался шум, похожий на сочную, долгую отрыжку. Вездесущий запах прокисших щей с тухлятиной стал гуще.

***

Они все шли и шли, а путь в цивилизацию никак не хотел отыскиваться. Кургузые, воняющие плесенью домишки, казалось, тянулись бесконечно. Одинаковые — как и загаженные дворики.

«А что если мы ходим по кругу?» — закралась Сане в голову страшная мысль.

Ни одной живой души. Оно, может, и к лучшему…

Небо совсем затянула черная туча. Поднимался ветер. Покамест осторожный, он уверенно набирал силу, крепчал. Мимо неслись сорванные с деревьев листья, фантики от конфет, пакеты. Навалилась предгрозовая духота.

Разбитые дворовые дорожки вдруг сменились широкой асфальтированной улицей. Широкой — по меркам Гурьяновки, конечно. Деревья

смыкались над ней ветвями, образуя живописную зеленую арку. Впереди виднелось здание с колоннами и скульптурами на фасаде.

Дети ускорили шаг.

То оказался небольшой дом культуры ранней послевоенной постройки. Побеленные скульптуры в нишах изображали опирающегося на большую шестеренку рабочего и занятую перевязыванием снопа пшеницы колхозницу. Массивные деревянные двери заперты на амбарный замок.

На углу на табуретке дремал, сложив на круглом животе ладошки, усатый мужичок в кепке и засаленном фартуке. Рядом стояла пятидесятилитровая синяя фляга. Ветер трепал края приклеенной бумажки с небрежной надписью: «ПИРОЖКИ».

Мужчина выглядел обыкновенным, миролюбивым, видом своим внушал доверие.

— Подойдем, спросим дорогу? — предложил Саня.

Левка и Лиза молча согласились.

Когда дети приблизились, мужичок проснулся, проморгался, потер ладонями глаза.

— Чего желаете? — спросил он сквозь зевок. — С мясом, с повидлом, с капустой, с картошкой?

— Да нам бы… — начал было Левка и запнулся.

— Напитками не торгую, — ответил дяденька, не дослушав.

— Как нам выйти из этого района? — спросила Лиза.

— Из Гурьяновки, что ль? — удивился продавец.

Дети кивнули все вместе.

— То-то я смотрю, не похожи вы на местных… Вас напугал кто? — спросил мужичонка, приглядевшись.

— Н-н-н-нет, — выдавил Саня. — Просто заблудились. Как отсюда попасть в… в город?

— А, в город… — рассеянно ответил лоточник. — Да вот обогнете дэ-ка, а потом прямо-прямо-прямо, не заблудитесь. Там и выезд к железнодорожной платформе, да и метро недалече.

Дети поблагодарили.

Они уже собрались было уйти, как вдруг мужичок воскликнул:

— А хотите пирожков, а?!

— Спасибо, у нас денег нет, — ответила за всех Лиза.

— Да я угощу! — Дяденька вскочил с табурета, стал отпирать крышку фляги. Изнутри вырвалось облако тепла и умопомрачительного запаха. Чуть

прогорклое масло, тесто с золотистой корочкой, сочные начинки — мясо, толченка, повидло.

— Бесплатно отдам! — лопотал продавец. — От трех штук-то, поди, не обеднею… Во! — Он достал три румяных пирожка, ловко обернул их в полоски серой бумаги, которые тут же пропитались маслом, и протянул детишкам. — С повидлом! Самые лучшие в Гурьяновке!

Ребята приняли угощение, поблагодарили доброго продавца и отправились дальше.

— Я как раз проголодался, — сообщил Левка, развернул пакет и вгрызся в пирожок.

Закрыл глаза и замычал от удовольствия.

Наслаждался он недолго. Пока не распробовал начинку.

Прекратил жевать. Остановился. Посмотрел на мерзость, что выглядывала из непропеченного теста.

Пирожок щедро начинили дождевыми червями. Розовый клубок влажных кольчатых тел — живых.

Левка уронил «вкуснятину» на землю, согнулся пополам. Его вырвало.

Саня состроил брезгливую рожицу, покосился на свой пирожок. Теперь сквозь тесто он чувствовал: там, внутри, в тепле, что-то шевелится.

Дождевые то были черви или нет, он узнавать не хотел — размахнулся и зашвырнул «лакомство» в кусты.

А Лиза тем временем зачем-то разломила свое угощение пополам.

Вокруг мгновенно распространился тяжелый запах свежих какашек. Из пирожка вылетела жирная зеленая муха и атаковала девочку — норовила приземлиться на лицо. Лиза выронила пирожок, завизжала, принялась молотить руками.

Саня грязно выругался — так, как раньше не ругался, пожалуй, никогда. Мама убила бы, если б услышала.

А продавец поодаль покатывался со смеху, хватался за животик, издевательски тыкал в детей пальцем.

Давясь от хохота, он выкрикнул:

— Я ж сказал, у меня лучшие пирожки во всей Гурьяновке! А других тут и нету! У-ха-ха!

Он лихо подпрыгнул, нырнул головой в откупоренную флягу. Крышка захлопнулась, фляга повалилась на землю. Угрожающе гремя о торчащую сквозь асфальт щебенку, покатилась на детей.

Ребята бросились бежать дальше по улице,

а фляга неслась за ними следом. Лязг — как злобный гиений хохот.

Дети нырнули в арку одного из домов — в потонувший в диких зарослях двор.

Фляга — за ними.

Они чудом успели отскочить в сторону, когда штуковина влетела на бешеной скорости в арку, подскочила на кочке, развернулась дном вперед и со всего маху вшиблась в окно на уровне земли. Внутрь вместе с флягой выстрелил фейерверк обломков рамы и осколков стекла.

Дети бросились прочь из двора-колодца.

Между тем стал накрапывать дождь.

***

Они промокли до нитки. Улицу и дворы затопило, повсюду разлилась жидкая грязь. Грохотал гром, молнии ослепительным пунктиром прочерчивали черное небо. Ветер хлестал струями ливня, словно кнутом.

Больше не в силах бежать, продрогшие дети забились под козырек одного из подъездов.

Когда ветер поуспокоился, а завеса проливного дождя стала редеть, беглецы сумели рассмотреть двор.

— Я уже видел вон того лебедя, — сказал Лев-

ка и указал пальцем на врытую в землю птицу из автомобильной покрышки.

— А я вон того одноглазого медвежонка запомнила, — отозвалась Лиза.

В мокрой траве поодаль лежал, словно застреленный, тряпичный мишка. С одним глазом.

— Выходит, мы тут уже были, — заключил Санька. — Движемся по кругу.

— Надо вернуться к гаражам, — сказал Левка. — Не выйдем мы отсюда по-другому, хоть тресни. Уже часа полтора плутаем, а конца не видать.

Боязливо оглядываясь, чавкая вымокшей обувью, они вернулись на главную улицу и пошлепали по лужам мимо дома культуры — и снова в дворы.

***

— Смотрите, опять этот медведь! — вскрикнула Лиза. — И этот лебедь!

— Как, блин?! — заорал Саня. — Улица прямая! Не могут же оба ее конца вести в одно и то же место!

— Как видишь, могут, — отозвался Левка почти равнодушно. — Не зря старшаки говорили, что странные дела тут делаются…

— Да иди ты в жопу со своими старшаками! —

обрушился на него Саня. — Это из-за тебя мы влипли!

Левка хотел было ответить грубостью на грубость, но Лизка остановила петушиный бой.

— Давайте ссориться будем потом, — сказала она. — Пойдемте обратно на улицу.

Они развернулись, чтобы покинуть двор и вновь попасть на асфальтированную дорогу, но путь им преградил…

…третий дом. Словно из-под земли вырос, пока они не видели. Грозно накренился желтым, словно в потеках мочи, фасадом. Ржаво ощетинился прутьями балконных ограждений. Нахмурился кромкой шиферной крыши.

— Я знаю, куда мы попали! — пролепетал Левка. — Я знаю, куда мы попали!!

Саня и Лиза уставились на него. Если он действительно знает, где они очутились, то и выбраться, возможно, будет проще.

— Слышали про кротовые норы в космосе? — продолжал Левчик. — Они еще по-другому червоточинами называются. Я в журнале «Наука и жизнь» читал. Если в такую червоточину попадешь, можешь в одну секунду пролететь много-много миллионов километров и оказаться в другом мире. В Гурьяновке, наверное, есть

такая кротовая нора — вот мы в нее и ухнули! Думаете, почему люди бесследно пропадают? Я считаю, вот из-за таких вот кротовых нор! Они не только в космосе, но и тут, на Земле! Нас унесло в параллельный мир!

На мгновение все задумались, осмысливая сказанное Левчиком.

— Нельзя сдаваться! — едва сдерживая слезы паники, сквозь зубы процедил Саня.

И решительно двинулся к узкой щели между зданиями.

За только что выросшим домом стеной стояла дикая зелень, а в глубь ее тянулась мокрым темно-коричневым червяком узкая тропинка. Когда они уходили в сырую, пахнущую листвой неизвестность, Саня оглянулся на оставшийся позади дом.

В окно верхнего этажа за детьми наблюдала рожа — громадная, жабьи-зеленая, курносая, по-кошачьи желтые глаза размером с блюдца. Острозубая пасть растянулась в кровожадной улыбке. Несколько мгновений существо изучало пришлых взглядом, а потом исчезло в недрах дома. Сане показалось, будто он слышит торопливый топот мокрых лап по скрипучей деревянной лестнице.

***

Тропинка привела к краю оврага — ровно туда, где они остановились, когда удрали от гопников. Так вот почему те их не догнали! Они и не собирались! Им нужно было загнать детей в самую глубь Гурьяновки. А теперь страшный микрорайон сам не подпускал ребят к заветному порталу между гаражами.

Кисло-тухлый запах накатывал из оврага волнами. Снизу, из зарослей, доносились низкие звуки работающих механизмов.

Саня опасливо оглянулся. Ему по-прежнему казалось, будто шлепки лап желтоглазой твари слышатся позади, совсем близко.

— Пойдемте-ка через овраг, — сказал он. — Может, повезет.

— Но там же очистные сооружения! — воскликнул Левчик. — Это самое опасное место! Там обитает чудовище!

— Да тут всё кругом одно больше чудовище, — буркнул Саня.

— Смотрите, лесенка, — сказала Лиза, указывая пальцем на ветхие бетонные ступени в высокой траве. — Саша прав. Пойдемте лучше через овраг. Наверное, на той стороне выйдем в город.

— Угу, — угрюмо промычал Левчик. — Или

обратно в Гурьяновку, на это же самое место.

***

Овраг оказался глубоким, сырым, холодным, пах улитками, червяками, крысами, фекальными испарениями. Пока троица спускалась, ритмичный грохот шестерен усиливался, становился рельефнее.

Очистные сооружения оказались несуразной бетонной конструкцией. Возвышались в овражном полумраке над вонючими болотцами. Выбитые окна, стены в потеках ржавчины, ощетинившаяся арматура.

Санька взглянул на лестницу, вверх.

Никого. Выходит, желтоглазая тварюга за ними все-таки не погналась.

Вдруг с одной из многочисленных тропинок донесся обеспокоенный женский голос:

— Лева! Левушка!

Мать и отец мальчика со всех ног бежали к детям.

— Вы что тут делаете, засранцы? — строго вопросил мужчина. — Обыскались вас уже. С ног сбились! Мать чуть было инфаркт не хватил!

«Спасены!» — пронеслось в Саниной голове. Скоро он вернется домой, обнимет родителей,

мама накормит его пюре с котлетками и зеленым лучком с огорода…

Левчик бросился обнимать своих маму и папу. Прильнул к ним, зарылся лицом в оборки материного вычурного платья.

Саня и Лиза заметили: что-то не так. Только не сразу поняли, что именно.

Обнимающая Левчика мамина рука — вот что. Здоровенные заскорузлые пальцы с кривыми болотно-зелеными когтями.

Замешательство. Ступор.

Что делать? Бежать? Кричать?

Чудовище заметило, что Санька и Лиза раскрыли подвох. Женское лицо принялось беззвучно кривляться. Оно то расползалось рыхлым блином, то вытягивалось жгутом. Его раскроила жуткая острозубая ухмылка. Существо, что ранее предстало в образе двух взрослых, теперь срослось воедино — темно-зеленое, с лоснящимися черными пятнами по всему телу. Маленькие уши на широкой собачьей башке задергались. Из круглых ноздрей повалил пар.

Вонь. Кисло-тухлая вонь стала настолько острой, что у Сани и Лизы глаза заслезились.

Левчик бился в смертельных объятиях. Тварь крепко прижала его лицом к себе и душила.

Мальчик силился закричать, но выходило лишь глухое хриплое мычание.

Саня дернулся было, чтобы схватить друга за футболку и выдрать из объятий твари — ну, хотя бы попытаться, — но зеленая жабоподобная дрянь угрожающе выпростала свободную лапу. Санька отпрянул, взял за руку Лизу — и они бросились бежать куда глаза глядят.

Они не оглядывались. Они не видели, как желтоглазое чудище разинуло зубастую пасть и оттяпало Левчику голову. В сырой болотный воздух вторгся металлический запах живой крови, от которой поднимался пар.

***

Лиза и Саня бежали до тех пор, пока не выскочили на край оврага. Нет, не тот, что с лестницей. Другой. Они вышли на железнодорожные пути.

— Смотри, платформа! — крикнул обрадованный Санька.

Платформа — несколько бетонных плит на опорах в ряд. На железных жердях табличка с надписью: «Гурьяновка».

— А вон и электричка, — сообщила Лиза.

Состав подполз к платформе, остановился. Протяжно застонали тормоза. Двери с лязгом

разъехались.

— Следующая остановка — станция Перерва, — хрипло оповестил динамик.

— Это ж от нашего дома десять минут ходьбы! — воскликнул Саня.

Дети забрались в вагон.

***

То был обыкновенный вагон с обшарпанными деревянными сиденьями и мутными окнами. Пассажиров всего ничего — пара старушек да парень лет двадцати. Лиза и Саня примостились на сиденье в самом конце.

Мимо потянулись лесополосы, заборы промзон, брошенные цеха разорившихся предприятий.

Что-то не давало Сане покоя.

Запах. Проклятый вездесущий запах.

— Чувствуешь вонь? — спросил он у Лизы.

— Ага, — кивнула она. — Ты тоже? Я думала, мне мерещится.

Из соседнего вагона донеслось слюнявое пьяное ржание. Хлопнула дверь в другом конце.

Они.

Гопники из Гурьяновки.

Упыри — штук пять — встали в проходе, хищно уставились через вагон на детей. Во главе — вих-

растый с пивным животом. Рты разъехались в страшном острозубом оскале. Тела стали оплывать, терять форму, сворачиваться вокруг некоего невидимого стержня. Лопалась кожа, рвались сухожилия, трещали кости. Намотанная на незримый вертел масса преобразовывалась — обретала новые очертания, зеленела, покрывалась влажными черными кляксами.

Показались два желтых кошачьих глаза, встали на свое место.

Тварь словно срослась с полом вагона, который сантиметр за сантиметром превращался в зеленый бугристый придаток к ее телу. Старухи и парень вытянули шеи до самого потолка, обернулись мясистыми щупальцами с присосками, потянулись к детям.

Санька и Лиза вскочили, пулей вылетели в тамбур.

Саня рванул стоп-кран.

Взвизгнуло железо. Ход замедлился. Открылись двери. Тварь тем временем подбиралась.

Санька с разбегу выпрыгнул из вагона, больно приземлился голыми коленями на щебенку.

В этот самый миг на кромках дверей выросли зубы — длинные, острые как сабли. Зеленые челюсти захлопнулись, а Лиза выскочить не успе-

ла.

Поезд двинулся дальше, забрав девочку с собой.

Саня стоял — усталый, измученный страхом, с разбитыми коленками — и бессильно смотрел вслед уходящему по рельсам чудищу.

Состав проехал всего с сотню метров и затормозил. Двери вновь разъехались, и на острую щебенку полетела Лиза.

Почему тварь ее выплюнула?

«Наверное, Лиза хорошо учится и всегда слушается родителей», — с досадой за съеденного Левчика подумал Саня.

Он бросился на помощь, а электричка покатилась дальше и быстро скрылась за ближайшим поворотом.

Пока он бежал, Лиза успела встать, отряхнуться и проверить, не пострадал ли ее любимый «Том Сойер». Колени и локти у нее тоже были разбиты в кровь.

Санька подбежал к ней, и они крепко-крепко обнялись — так, как обнимаются на фронте воины-победители на исходе решающей битвы. Ни в жизнь Саня не подумал бы, что станет обниматься с девчонкой! Позорище-то какое! Хорошо, никто из пацанов не видит.

Вдали, за косогором, виднелся их микрорайон.

***

Они прошли сквозь рощу и оказались в своем квартале. А вот и родной двор.

Саня, неловко переминаясь с ноги на ногу, произнес:

— Ну, пора по домам. Надо как-то родителям объяснить, что с Левчиком произошло. А они там уж пускай думают, че дальше делать.

— Ой, а можно я к тебе пойду? — спросила Лизка, сияя на него чистыми-пречистыми голубыми глазами. — У меня сейчас дома никого, а ключи я забыла.

Просьба удивила Саньку. Несмотря на пережитое вместе, не такие уж они большие друзья, чтоб он ее к себе домой тащил. Сопрет еще что-нибудь ценное — потом ищи-свищи.

Впрочем, сходу он не нашел убедительных отговорок, поэтому процедил сквозь зубы:

— Ну ладно, пошли.

Пока они подходили к подъезду, он косился на лучезарно улыбающуюся Лизку, и ему все больше становилось не по себе. Эта дурацкая улыбка, как у умственно отсталой, отсутствующий взгляд. Книга под мышкой…

Книга.

Книга…

«Том Сойер» так опрятно смотрелся, будто и не побывал под проливным дождем.

Так ведь Лизка ж его выронила еще у гаражей!

В этот самый миг смуглый мальчуган в соломенной шляпе острозубо ухмыльнулся с обложки.

Санька побежал.

Ничего-ничего. Сейчас прибежит домой и скажет маме, чтоб вызвала милицию. Что Левку убили, Лизку… и Лизку тоже.

Поверит ли мама?..

К счастью, жил Санька невысоко — на третьем этаже. Он не стал вызывать лифт — пулей взлетел к своей двери, на ходу достал из-под футболки висящий на веревке ключ.

Судя по тишине в подъезде, его не преследовали.

— Фух! — выдохнул он, как только запер за собой дверь.

Мой дом — моя крепость. Тут уж никто не достанет.

Щас мы с тобой, тварина, разберемся.

Санька побежал на кухню, выглянул в окно. Подменыш, чьи конечности превратились в за-

скорузлые зеленые лапы с когтями, неспешно шагал к Лизкиному подъезду, пиная перед собой «Тома Сойера» — мятого, растрепанного, в грязи.

— Ма-а-а-а-а-ам! — позвал Санька.

— Чего вопишь? — Мама неслышно подошла сзади. — Где пропадал? Я уж забеспокоилась. Такой дождь был, а тебя все нет и нет.

— Мам…

Она подошла, поцеловала сына в щеку.

Санька едва уловил — но все же уловил — гаденький душок, смесь кислятины с гнильцой.

— Проголодался? — Мамин голос вмиг огрубел, глаза сбились в однородную серо-голубую массу с гнойной пленкой. — Щас наловлю тебе пожрать!

«Мама» лихо подпрыгнула, приклеилась четырьмя вывернутыми лапищами к потолку. Длинный-предлинный язык принялся с упругими хлопками выстреливать изо рта — ловить квелых от духоты мух, что лениво кружили у люстры.

***

Саня стоял один в пустом дворе. Все вокруг — все, что раньше казалось вечным, нерушимым, — размякало, разжижалось, плавилось, теряло

первоначальные формы и цвета.

Грозная туча, нависшая черным брюхом над многоэтажками, чудовищно изогнулась, показала острозубую улыбку.

Две высотки сомкнулись воедино. Проходы между ними заросли воняющей болотом зеленой плотью с черными пятнами. Да и сами дома стремительно превращались в громадное кольцо жабьего мяса, обтянутого осклизлой шкурой…

***

А на другом конце космической червоточины, в Москве, родители ждали детей к ужину.

Ночной Всадник
Кирилл Свидельский

Не знаю, была ли та удача моим случайным проклятием или сам дьявол в тот день поймал в свои силки мою душу.

Должны ли были в тот момент послышаться раскаты грома и сверкнуть молнии? Или адский жар должен был обдать мое лицо, когда мы пожали руки? Нет, в тот момент я и помыслить не мог, что жизнь моя изменится теперь безвозвратно.

Тот черноглазый человек за игорным столом, казалось, совершенно не расстроился своему поражению, когда отдавал положенный мне выигрыш.

— Этот конь, — говорил он, — скачет быстрее ветра, домчишься от западного до восточного побережья за ночь! За такого и душу продать не жалко!

Я ухмыльнулся — такой скакун да за партию в покер, это ли не удача.

Черный как уголь, как смоль, как безлунная полночь конь ждал меня у выхода из салуна. Он стоял в тени и даже среди темной осенней ночи

был словно темнее клубившейся вокруг него черноты. Что же, если конь и вправду так быстр, как говорил его прежний владелец, охотнику за головами он должен сгодиться, думал я.

От Кригтауна, где я играл в покер всю ночь, до сосновой переправы, куда направлялся Дейл Кармоди, моя очередная цель, была пара дней пути, и я, быть может, успел бы схватить его до того, как негодяй переправится через Потомак, если бы не засел за игорный стол.

Что же, подумалось мне, если этот конь так быстр, как мне обещали, быть может я и успею схватить Кармоди до того, как он уйдет в непроходимые леса.

Тогда конь посмотрел на меня черным глазом и фыркнул, будто услышав мои мысли.

Мог ли я подумать, что все, услышанное мною в ту ночь, правда?

Конь несся сквозь мрак, словно ветер, будто не касаясь копытами земли, огни деревень и дебри хвойных лесов сливались в неразличимый поток, размытый на грани сна и яви.

Сам я чувствовал, будто сплю, и этот хоровод пейзажей лишь бред или морок, но когда белесый глаз луны в небе угас и солнце поднялось из-за сосновых пик, я понял, что Темный (так я

и называл его с тех пор — не утруждаясь давать ему имя, а затем, решив, что никакое другое ему и не подойдет) доставил меня к бурлящим водам Потомака.

Найти Дейла не составило большого труда, да и сопротивления особого он мне оказать не смог — одно дело воровать скот у деревещин и совсем другое — схлестнуться с ветераном войны. Выбив из него все желание сопротивляться, я связал беглеца и, приладив его веревку к седлу, двинулся в Ричмонд за наградой.

Пусть эта поездка и будет более долгой, думал я, но зато припасов полно и по прибытии в город мой кошель заметно потяжелеет.

К закату я остановился у тракта на привал, надежно привязав Кармоди к дереву, и спокойно заснул.

Из сна меня вырвал ужасный вопль. Вскочив и выхватив кольт, я бросился к тому месту, где привязал Кармоди.

Моему взгляду предстало ужасающее зрелище — освещенный тусклым лунным светом, Темный склонился над еще агонизирующим телом Дейла, погрузив свою морду в разорванную грудину человека. Услышав мой крик, Темный поднял окровавленную морду и посмотрел мне

прямо в глаза.

Его пасть, вымазанная алым, казалось, растянулась в дьявольской улыбке.

Я направил на Темного револьвер, но выстрелить не смог. Взгляд коня остановил меня — в его глазах плясали искры от костра или языки адского пламени, проникающие в мою душу и словно выжигающие меня изнутри до абсолютной пустоты. Я не мог спустить курок — Темный просто не позволял мне этого сделать. В тот момент я понял, что не он принадлежит мне, а я ему.

Тогда я бросился бежать. Сквозь лес, сквозь ночь, наугад, не разбирая дороги. Я бежал и мне слышался стук копыт и свист ветра за спиной, но я боялся оглянуться, боялся увидеть окровавленную морду Темного, несущегося за мной, бегущего ли по земле или летящего над деревьями.

Лишь когда солнце начало освещать верхушки сосен, я смог немного успокоиться и перейти с бега на шаг.

Слава Создателю, я не совсем заплутал в лесу и вскоре смог выйти на дорогу. К ближайшему городу я добрался уже далеко за полдень, снял на оставшиеся у меня деньги комнату и провалился в сон. Проснувшись, я надеялся, что все

привидевшееся мне ночью окажется кошмарным сном или галлюцинацией от солнечного удара или злоупотребления виски, но стоило мне выглянуть из окна, как ужасающая реальность схватило меня за горло.

Темный стоял под окнами гостиницы как ни в чем не бывало, но я понимал, что он ждал меня. Когда ночью я бежал, продираясь сквозь чащу, раны от ветвей, которые все еще саднили, и слышал стук копыт, свист и тяжелое дыхание за спиной, это не было кошмаром разыгравшегося воображения — Темный и вправду преследовал меня все это время. Нет, даже больше! Он дал мне иллюзию покоя, выжидал, чтобы вернуться за мной, когда я выдохнусь и остановлюсь.

Я задернул шторы, запер дверь, достал револьвер и сел у кровати. Страх не покидал меня, я чувствовал на себе взгляд Темного даже сквозь стены. Не знаю каким образом, но я точно знал, что он звал меня в путь, будто нетерпеливое постукивание его копыт под окном говорило мне, что пора ехать, что Темный *хочет* ехать, но еще, что ужасало меня больше всего, я знал, что Темный *голоден* и я должен теперь утолять его голод.

Тот адский огонь, что я увидел прошедшей но-

чью в его глазах, разгорелся в моей груди с новой силой, не давая спать, не позволяя даже сидеть на одном месте, вынуждая метаться по комнате и в исступлении скрести ногтями дощатый пол. Сил выносить это пламя больше не оставалось, но в моей голове созрел новый план.

Когда солнце село, я вышел из гостиницы и вскочил на Темного. Конь радостно заржал и понесся своим диким сверхъестественным галопом. Я был в Ричмонде еще до рассвета.

Привязав коня у тамошнего постоялого двора, где я снял комнату, я отправился сначала в кабак, осушил пару стаканов виски, а затем на вокзал, где купил билет и вскочил в ближайший поезд.

Я ехал ночь и день, и следующую ночь и следующий день. Большую часть дней я спал, потому что ночами свист ветра за окном и стук колес, похожий на конский топот, не давали мне покоя.

Я менял города и пересаживался с одного поезда на другой, надеясь запутать следы, пока не достиг Иллинойса. К тому времени мои денежные запасы полностью истощились, но я надеялся, что бежать дальше не придется, а крепкий парень со стволом легко найдет как заработать в любом штате.

Выйдя в город, я вдохнул холодный северный

воздух, но лишь жар запылал от него в моих легких. Обернувшись, я увидел Темного, стоящего на улице у вокзала и вперившего в меня свой адский взгляд.

Выбора у меня больше не было. Денег на дальнейшее бегство не оставалось, да и какой в нем смысл, если Темный все равно выследит меня, как бы далеко я не уехал?

В тот же день я взял заказы на головы всех преступников, каких смог — я точно знал, что ни в тюрьму, ни на виселицу они не пойдут, но какая разница? Я и раньше убивал ради выживания, так в чем же тогда проблема? Так или иначе, жизни этих негодяев смогут послужить мне.

Время шло — я летал над страной, как ангел смерти, и никому было не укрыться от меня. Темный сам нес меня к нужной жертве, мне следовало лишь схватить и обездвижить ее. Со временем вид того, как он пожирал очередного преступника, перестал внушать мне ужас. Каждый выживал как мог, и я не чувствовал вины за то, что делал, хотя убийц, насильников и грабителей в рационе Темного все чаще заменяли воры и мошенники.

Главной проблемой было то, что я не получал

всю награду за мертвых, а головы с распахнутыми от ужаса глазами и следами зубов на ошметках, оставшихся от шеи, создали мне дурную репутацию даже среди охотников за головами.

Благо, деньги можно было брать и у беглецов, да и за головы, не смотря на косые взгляды, все еще исправно платили.

Несколько лет пролетели для меня незаметно, Темный делал большую часть работы за меня, а я глушил совесть и страх в виски и объятиях женщин.

Но время шло, и дело охотника за головами становилось все менее прибыльным — все чаще за преступниками отправляли не лихих ребят вроде меня, а солидных госслужащих, что сажали негодяев в тюрьмы, а не привозили их хладные тела, привязанные к седлу.

И тогда голод Темного начал расти. А когда рос его голод, то и адский огонь в моей груди разгорался все сильней.

Я плохо помню день, когда перешел черту. Я знал, что рано или поздно пойду на это, просто старался заглушить страх и вину от своих первых шагов на пути в ад алкоголем как можно сильнее. Но я все еще отчетливо помню, что в ту ночь лил дождь.

Тот старик жил один, практически отшельник на отшибе, его бы хватились очень нескоро, если бы хватились вообще. Когда он открыл дверь в ответ на мой стук, мне ничего не стоило вырубить его ударом револьвера в висок, связать руки и вытащит беднягу под ледяные струи дождя. Темный, как и всегда, ждал меня на улице, похоже, он не мог напасть на человека первым, пока я не позволил бы ему, как вампир не может войти в дом без приглашения или ступить на освященную землю. Что же, если все люди творения и собственность Бога, то был смысл в том, что человек нужен Дьяволу для прокорма.

Пока Темный пировал на улице, я нашел в доме старика бутылку какой-то мутной самогонки и выпил ее как можно скорее, чтобы уснуть и не слышать за шумом дождя, лошадиное ржание и человеческие крики.

Один раз сойдя с освещенной дороги во тьму, ты продолжаешь идти, пока совсем не потеряешь свет во мраке.

Сначала я кормил Темного только плохими людьми. Затем бродягами и просто теми, кого не станут искать. Но время шло, и голод его рос.

Я понял, что пути назад нет, когда обедал за столом фермера, чью семью Темный пожирал

на улице. На столе стоял еще теплый суп и пироги, но фермер, его жена и пара детей сами стали ужином для пленившего меня чудовища. Кусок не должен был лезть мне в горло, но я ел их еду и наслаждался вкусом, и хруст человеческих костей за окном больше не вызывал рвотных позывов.

Когда-то я мечтал быть рыцарем — легендарным героем, внушающим страх преступникам, но стал демоном — черным всадником смерти, воплощением ужаса для всех живущих.

Я мчался по всей стране из штата в штат, оставляя за собой обглоданные трупы и разрушенные жизни. Многие пытались преследовать меня, но Темный был быстрее и коней, и поездов, и автомобилей.

Годы сливались в одну бесконечную ночь, в которую я летел над лесами, горами и городами, чудовищный призрак, сжигаемый адским пламенем изнутри.

В те редкие дни, когда я мог хоть на несколько часов прекратить этот проклятый галоп, я искал ответы. Перерывая библиотеки и архивы, я понял, что зло, которое пленило меня, очень древнее — оно дикой охотой неслось над Европой столетия назад, а до того один из античных царей

скармливал своих подданных чудовищным хищным коням. Его называли тираном и злодеем, но я то знал, что он был жертвой — даже большей жертвой чем те, кто погиб от конских челюстей.

Но сколь бы много я не узнавал об этом зле, книги не давали мне главного ответа — как освободиться от него и спасти свою душу.

Я не знаю, сколько времени прошло, и как много людей я погубил — их лица слились в одно лицо, кричащее и искаженное от ужаса, лицо, что преследует меня во сне днем и видится на светящемся блюдце луны ночью. В вое ветра я не могу перестать слышать предсмертные крики, а запах крови навсегда пропитал мою одежду.

Сейчас, когда Темный пирует очередными несчастными, и я хоть на мгновение свободен от его всепроникающего взгляда, я дописываю эти строки и чищу свой армейский револьвер.

Пусть я не смогу выстрелить в него, пусть даже пули не смогут ранить это существо, одну пулю я всегда берег для себя еще во времена Гражданской войны.

Похоже, ее время все же пришло — я готов к смерти, к небытию и даже преисподней, готов платить за свои грехи вечность, но есть одна вещь, к которой я все же не готов. Вдруг он не от-

пустит меня и после смерти? Вдруг не только мое тело, но и моя душа принадлежат ему и будут принадлежать вечно?

Что же, утро покажет.

Под звуки скрипки
Андрей Скорпио

Был обычный серый питерский вечер… Мне навстречу шли угрюмые, прячущиеся под зонтами люди. Рабочий день уже подошел к концу и часы на углу Невского и Садовой показывали начало седьмого. Автобусы, троллейбусы и машины стояли в пробке. Люди стали равны. Никаких исключений. Словно ледяная река, в которой застыли рыбы разных мастей.

Лавируя между пешеходами, я искоса наблюдал за ними. О чем они размышляли, ежась от налетевшего ветра и холодных капелек дождя? О жизни, любви? А может, об ужине, который надо приготовить дома?

Отчасти, я завидовал им. Уставшие после работы, они, по крайней мере, имели хоть какую-то цель… план на завтра или послезавтра. Пусть самый простой и ничтожный. А я? Лето почти прошло, но стоящей работы так и не нашлось. Толку было заканчивать институт?

Оказывается, литературные критики никому не нужны. В большинстве своем востребованы те,

кто может починить кран, приварить лист железа или хотя бы подсчитать себестоимость. Но кто знал пять лет назад, что любовь к английской литературе, бесконечные споры с родителями и хлопанье дверью приведет меня к неспособности заработать даже на проезд в общественном транспорте?

В школе меня тянуло ко всему загадочному и таинственному. Карма, судьба, мистика… когда-то они были целью моей жизни. Как же иронично, что поиск вселенской тайны мироздания, в итоге превратил меня в ненужного вчерашнего студента. Опыт… он как билет на трамвай, который движется по кольцевой. Если есть, то ты едешь до конечной, если нет… ищи другие пути.

Впрочем, была и ложка меда. На последнем курсе я сдружился с Соней. Схожая тема диплома, схожие увлечения. Переписка. Встречи. В отличие от моих, родители Сони поддерживали выбор дочери. Как же мне хотелось также как она мило беседовать с отцом, споря о влиянии творчества По на развитие детективного жанра.

Окончив институт, я понял, как был неправ, что пошел на поводу у сиюминутного желания. Позволил романтическим бредням вскружить голову. И теперь стоял перед выбором: пой-

ти в ближайший МакДоналдс мести пол или попытаться переучиться и все равно пойти в МакДоналдс, чтобы заработать денег на учебу? Соня в любом случае расстроится. Ну и что? Чем я сейчас ее обеспечу, если наши отношения зайдут далеко?

Из размышлений меня выдернули звуки скрипки. Я осмотрелся. Вход в Катькин садик облюбовали художники, которые, словно нахохлившиеся воробьи, ежились от дождя и поглядывали с надеждой на прохожих. Редкие люди, сидевшие на стульчиках, вертели головой, пытаясь найти источник звучащей совсем рядом мелодии.

Перейдя через дорогу, я замер возле остановки общественного транспорта вместе с остальными зеваками. Между двумя статуями в нише под окном белого здания стояла худенькая девушка в не по погоде легкой не застегнутой курточке, черных брюках и кроссовках. Полы куртки и светлые волосы играли с ветром, словно пытались попасть в такт музыки. Руки девушки то порхали, словно крылья бабочки, то делали размашистые, немного скованные движения. А лицо… кажется, оно было смутно знакомо.

Классику я не люблю. То, что трогает других, у меня вызывает сонливость. Как-то раз, слушая

лунную сонату, я чуть не умер со скуки. Мне больше по душе что-то эстрадное или электронное. В компании Сони мне приходилось скрывать свои пристрастия. Она же словно растворялась в звучании и постоянно таскала меня на концерты, искренне полагая, что я тоже обожаю всю эту муть.

Но то, как играла девушка… Я никогда не слышал ничего подобного. Порой резкие и отталкивающие, звуки окружали меня, завораживали, словно кружащиеся в неведомом танце пчелы. Сырость Невского отступила. Я уносился вдаль, к морю, к ветру, к солнцу. Я летел вместе с четырехкрылыми птицами, я плыл на гребнях волн в обнимку с многоглазыми рыбами и не замечал обходящих и толкающих меня людей.

Очарование нарушилось, когда кто-то обвил меня руками и жарко поцеловал в щеку. Я снова был посреди Невского со своими проблемами и заботами. Рядом стояла Соня и улыбалась.

— Мы же договорились встретится у сада, — укорила она, — еле тебя увидела.

— А… да, привет, — я улыбнулся в ответ, краем уха все еще надеясь подхватить ускользнувшее волшебство, — услышал музыку и хотел посмотреть.

Соня прищурилась и недовольно ответила:

— Музыку говоришь? А мне кажется, ты на Маринку Попову пялишься.

— На кого? — не понял я.

— На Маринку, которая с параллельного курса. И чего она сюда перебралась на своей скрипке пиликать?

Так вот откуда я ее знаю! Теперь я начал припоминать, как видел худенькую нескладную девушку, молчаливую, с жидкими собранными в хвост волосами.

— Почему она играет на скрипке? — невольно спросил я.

— Ну играет и что?

На мой взгляд, иногда Соня слишком увлекалась литературой, подстраивая жизнь под лад «изнеженных барышень» или «тонко чувствующих душой девушек». Могла вдруг обидеться, если я, по ее мнению, не так думал или не туда смотрел.

— Извини, мне просто интересно.

Соня смерила меня взглядом, но решила не портить вечер и соизволила ответить:

— Понятия не имею. Да и какая разница? Пару раз девчонки с нашей группы видели, как Маринка играла деревьям в парке около института.

Не удивительно. Кто еще выдержит ее фальшь?

— Почему тогда литература? Пошла бы в музыкальный.

— Пф… кто ж ее возьмет то? Ты что не слышал, как она играет?

Я хотел возразить, но Соня уже вцепилась мне в руку и потащила мимо прохожих, попутно воркуя то о предвкушении концерта, то о новой книге, которую достала.

Сегодня мы шли в Петрикирхе. Билеты, как всегда, достал Сонин отец. Обычно меня мучила совесть. С каждым разом все сильнее впивалась в грудь и твердила о моей несостоятельности и никчемности. Но сегодня я не слышал ни ее, ни Соню. Мы перешли через проспект, миновали думу, прошли дом Зингера, а я все никак не мог забыть чудесную мелодию и тот мир, который увидел на одно мгновение.

— Мы почти пришли, ты хоть слушаешь меня?

— Да, извини, задумался.

— О Марине, небось? — поджала губы Соня.

— Нет, о нашем будущем, — выкрутился я, — может, мне сменить профессию?

— Генри, не начинай, просто пока ты не нашел своего места, но скоро…

Я устало вздохнул. Спорить не хотелось. О нас,

о моем месте и об ее дурацком коверканье моего имени на английский манер.

Мы сели на места и зазвучала музыка. Люди поблизости закрывали глаза от восхищения… хотя, возможно, они просто спали? Я прекрасно их понимал. Соня высунула кончик языка и замерла, ловя каждый звук. Флейты, скрипки, виолончель… все это создавало чудовищную какофонию. Обычно, я набирался терпения и ради Сони мучительно улыбался, считая минуты до конца пытки, но сегодня все стало намного хуже. Флейты издавали свинячьи визги, а скрипка стонала несмазанными петлями. Не знаю, как я не закрыл уши.

Спустя полчаса меня замутило. Звуки проникали внутрь, вгрызались в голову, терзали… Словно стая волков, они окружили меня, загнали в угол и рвали на части. Перед глазами запрыгали точки, и я в изнеможении откинулся на спинку кресла. Конское ржание, хохот гиен, блеяние… адская музыка засасывала меня в какую-то яму, и я не выдержал. Вскочил и, спотыкаясь о ноги, вылетел из зала.

Соня неделю со мной не разговаривала. Не отвечала на звонки и сообщения. Она не пошла за мной. Отсидела весь концерт, а когда вышла

на улицу, смерила меня презрительным взглядом и, гордо подняв голову, удалилась.

Каждый день, поднимаясь с кровати, я кидался к телефону, надеясь, что Соня мне ответила. Шел завтракать, стараясь успеть до того, как отец сядет за стол, а потом обзванивал немногочисленные компании, вакансии которых находил в Интернете. Даже подумывал встать на биржу, в которой не видел для себя никакого толка.

На город опустилась настоящая осенняя хандра. Натянув капюшон пониже и грея руки в карманах, я шел, сопротивляясь ветру, чувствуя на лице мелкие холодные брызги. Раз за разом меня отвергали стандартным: «мы вам перезвоним». Все чаще резкие звуки — гудки машин, звонки телефонов, громкий лошадиный смех или крики — вызывали головную боль. Поначалу недолгую и резкую, а затем ноющую, нежелающую проходить.

Нервы были на пределе. Я ненавидел этот мир, этот город, всех людей вокруг. Они были удачливее меня, у них была цель, было свое место в жизни. Они знали кто они, а я… я мог только наблюдать, да бессильно вздыхать, когда меня каждый раз отправляли подальше. Дома было не лучше: отец все чаще раздражался при виде

меня, то и дело напоминая про неудачный выбор, а мама все реже заступалась, намекая на временную работу дворника или курьера. По-своему они были правы, но моя гордость… она из последних сил обнадеживала, что завтра точно найдется хорошее место, где я буду заниматься любимым делом.

Мало-помалу Соня начала отвечать на мои сообщения и даже предложила сходить на концерт. Я соврал ей, что помогаю приятелю с журналом и пока сильно занят. Я не хотел признаваться, что почти не мог воспринимать музыку. Когда из телевизора дома или из наушников стоявшего рядом пассажира в автобусе начинали доноситься звуки, у меня в голове словно били тяжелые медные тарелки.

Друзей у меня почти не было, а Соня или родители… они бы не поняли или не захотели понять. Очень хотелось с кем-то поговорить, но я не знал с кем. Поэтому я, сцепив зубы, просто вставал и пытался хоть как-то наладить свою жизнь.

Лето подошло к концу и в городе засентябрило. Словно в ответ на погоду мои сны сделались холодными и беспокойными. Я понял, что если ничего не сделаю в ближайшее время, то просто сойду с ума, и принял окончательное решение —

если до конца недели ничего не изменится, отправлюсь в МакДак махать шваброй. Совру всем, а сам стану копить на обучение.

Пришла пятница. Я вышел на Невском и решил прогуляться, привести мысли в порядок. На город медленно наступала темнота, мягко касаясь домов и стирая с них краски. Зажигались фонари, начиналась вторая смена. Автомобили яростно сигналили, спеша по своим делам. Я почувствовал, что голову снова сжимают тиски, и свернул в Катькин сад.

Почти все скамейки пустовали. Я выбрал ту, над которой раскинуло ветви дерево, и на минуту почувствовал себя в безопасности. И тут я услышал плач. Тихий, но такой жалобный. Меня пронизало чувство грусти и одиночества. Словно я оказался один во всей вселенной.

Оглядевшись, я увидел совсем рядом с собой худенькую фигурку девушки с небольшим футляром в руках. Ее жиденькие светлые волосы, собранные в пучок, нещадно трепал ветер, а тонкая курточка сиротливо лежала земле, обнимая опавшие листья.

Не знаю, что именно толкнуло меня подняться и подойти. Лезть в чужие дела не в моих правилах, но… она казалась такой несчастной, что мои

проблемы теперь выглядели какими-то несерьезными, детскими.

— Привет, ты Марина, верно?

Я выдавил улыбку. Марина испуганно отшатнулась, вскочила и быстро пошла прочь.

— Стой, погоди, ты забыла, — крикнул я вдогонку.

Совершенно не понимая, почему произвел такое впечатление, я подхватил куртку и бросился следом. Не хватало еще бедняжке заболеть из-за меня. И зачем только полез?

Проклиная себя за глупое поведение, я с трудом догнал Марину возле Александрийского театра. Несмотря на кажущуюся худосочность и болезненность, она летела, будь здоров.

— Стой… да погоди ты, — я схватил ее за локоть.

— Отпусти! — дернулась она.

— Ты забыла, вот.

Я всунул ей куртку. Марина прижала к себе пропажу и смерила меня подозрительным взглядом.

— Быстро ты…

Она резко повернулась, давая понять, что разговор закончен.

— Всегда пожалуйста, — буркнул я ей вслед.

Внутри разливалась злость и обида. Я сунул

руки в карманы и тихонько побрел обратно. И вдруг моего плеча тихонько коснулись. Марина по-прежнему сжимала куртку и виновато смотрела на меня.

— Спасибо, я… наверное испугалась, извини.

— Не такой уж я и страшный.

Злость мигом улетучилась. Я смотрел на девушку, на ее худые тонкие руки, острые ключицы и бледную, будто прозрачную кожу, пронизанную дорожками вен, и подумал, что она очень похожа на тот образ героинь, о которых писал Эдгар По: Линор, Анабель Ли, Береника… Девушка-тень, призрак…

Любимый мистицизм снова начал поднимать голову, сравнивая Марину и ее музыку с чем-то таинственным.

Молчание затянулось, и чтобы не выглядеть совсем глупо я предложил:

— Не хочешь пройтись? Ты не подумай… у меня есть девушка, просто ты так плакала… что-то случилось? Может, я могу помочь?

— Вряд ли, — она задумчиво посмотрела в сторону Невского, на секунду взгляд остекленел, но тут Марина моргнула и добавила, — если хочешь, можно пройтись, только недолго, меня мама ждет.

Скажу честно, я никогда не считал Марину привлекательной, но в тот вечер в ней проснулась какая-то внутренняя красота, которую нельзя увидеть, только почувствовать. Марина оказалась отличным собеседником — именно такого друга я всегда хотел — она выслушала все мои жалобы, поддержала, посоветовала не падать духом. Путь любого человека может начаться в совершенно чуждом и отвратительном ему месте, но потом, постепенно набирая обороты, жизнь предоставит не один шанс все изменить.

Конечно, все это я и так знал, но ее слова как-то по-особенному проникали в душу и успокаивали ее. А вот сама Марина говорила мало и будто неохотно. Рассказала про мать и что за ней надо присматривать, что она больна, и вылечить ее нашими лекарствами нельзя. Помогает только музыка.

Я подумал, что она шутит, но Марина выглядела очень серьезной и сосредоточенной. Однако, стоило мне продолжить расспросы, как она замкнулась и тут же перевела разговор на другую тему.

— Ты очень красиво играешь, — сказал я, когда мы уже второй раз обошли сад, — ты училась этому?

— Я… нет… — она испуганно осмотрелась.

— Что? Кого-то увидела?

— Ничего, просто холодно, — она закуталась в куртку, пытаясь скрыть дрожь.

— Честно говоря, я удивлен, что ты не поступила на музыкальный факультет.

— А зачем? Моя музыка не для всех, — она снова оглянулась, — я играю для себя и для…

Тут она резко замолчала.

— Тогда почему ты выбрала литературу? — допытывался я.

— А ты почему?

— Мне показалось, что учеба поможет хоть немного приоткрыть завесу тайны о том, как устроен наш мир, как его видели древние философы и поэты.

— Некоторые тайны лучше не открывать, — сказала она после долгого молчания.

— Наверное, — согласился я и осторожно спросил, — Марин… ты меня извини, наверное, не мое дело, но почему ты плакала?

Она дернулась, словно наткнулась на преграду и снова испуганно оглянулась.

— Да так…

Она хотела еще что-то сказать, но тут налетел ветер и деревья недовольно зашумели. Я готов

поклясться, что в кустах возле одной из скамеек на секунду увидел странную тварь с большим желтым глазом посередине. Воздух начал сгущаться, как перед грозой.

— Уже поздно, мне пора.

Она неуклюже махнула рукой и ускорила шаг. Я смотрел ей в след и не мог понять, что меня так беспокоит. То ли Маринина походка, ее приподнятые плечи и втянутая шея, то ли колышущиеся тени, которые словно живые тянулись за ней.

Стоило Марине скрыться из вида, как дышать стало легче.

Дом-работа, работа-дом. Первое время было непросто. Милая обстановка и дружный коллектив оказались оберткой, а начинка была кислой и противной. Администратор кричала и все время подгоняла меня, а улыбчивые ребята, отлучаясь на редкий перерыв, выглядели забитыми и усталыми.

Октябрь принес с собой непрекращающиеся дожди. Люди проклинали погоду, спешили по домам, я же наоборот старался больше времени провести на улице. Холод приносил облегчение, заставляя боль замереть.

Я ненавидел музыку. Любую музыку. Классика, рэп, рок, инструментал. Все превращалось в ляз-

гающий железный кусок проволоки, которой водили по ушам. Я ходил к врачам, слушал их уверенные разговоры о расшатанных нервах, сдавал анализы. У меня не могла болеть голова, потому что *все* было в порядке. Однако, она болела, доводя до изнеможения.

Соня стала чаще обижаться на меня.

— Не понимаю, если врачи сказали, что ты здоров, то почему мы не можем сходить на концерт?

— Можем, только моя голова взорвется, нафиг, — смена была сложная и весь день, словно нарочно, играла громкая бодрящая музыка.

— От искусства не может ничего взрываться, — Соня поджала губки и смерила меня недовольным взглядом.

— А у меня может! Сколько можно объяснять?

— Что за тон, Генри?

— Перестань уже меня так называть! Я — Георгий!

— А раньше тебе нравилось.

— Раньше мне много чего нравилось, даже ты!

— Вот как? А сейчас?

Я стиснул зубы и сжал пальцы в кулаки. Это все плохой день, завтра станет лучше. Извинись, ты же неправ!

— А сейчас я хочу побыть один.

Слова выскочили быстрее, чем я успел их остановить. Соня вспыхнула, резко повернулась и, высоко подняв, голову ушла. Я должен был ее остановить, но вместо этого отвернулся и зашагал в противоположную сторону.

Может, дело не в болезни? Может, мы просто не должны быть вместе? Соня слишком много из себя воображала. Она до сих пор жила за счет родителей и совершенно не умела зарабатывать на хлеб.

Я хотел измазать ее образ чем-нибудь отвратительным, грязным и вонючим. Чтобы спустить на землю и рассмотреть свой идеал под другим углом. Но Соня летала в небе, порхая, словно фея. Я же брел через темный серый город, слушая бесконечные гудки и доносящиеся из машин песни.

И тут что-то изменилось. Звуки подхватили меня, понесли, закружили в неведомом танце. На этот раз перед глазами возникла пустыня и заостренные пирамиды. Сотни пирамид под жарким солнцем. Караван путников на верблюдах и длинные шпили черных обелисков, замершие в воздухе.

Звуки скрипки звенели, разгоняя осеннюю тоску. Марина замерла, вытянулась спицей, и только

смычок порхал в ее руке. Совсем немногие следили за игрой, остальные шли мимо, слишком поглощенные своими мыслями.

Когда Марина закончила, я захлопал. Громко, не обращая внимания на недовольные взгляды окружающих, не боясь выглядеть глупо. Ее музыка… она что-то сделала со мной, дала защиту от зудящей головной боли.

Марина испуганно на меня посмотрела, убрала скрипку и попыталась слиться с людским потоком.

— Стой, погоди, пожалуйста, — я схватил ее за руку.

— Пусти, мне больно.

— Прости, я… прости. Марина, твоя музыка, она… я никогда такого не слышал. Моя голова не болит, понимаешь?!

— Нет, отпусти меня, — попросила она гораздо тише, оглядываясь по сторонам.

— Да, да, конечно, — я постарался успокоиться и перевести дух, — давай пройдемся.

Она неуверенно пожала плечами и вошла в сад. Я шел рядом и пытался все объяснить. Марина выслушала и нахмурилась.

— … и когда ты сегодня играла, все как рукой сняло.

— Плохо.

— Но почему?

— Мало кто может… услышать мою музыку.

— Эм… тебя вообще-то весь Невский слышал.

— Да, — сказала она и понизила голос до еле слышного шепота, — слышали все, но услышал только ты. Я не ожидала… мама говорила…

Она замотала головой, словно спорила с собой и не соглашалась с чем-то.

— Где ты так научилась играть?

— Нигде… я сама поняла, как надо… неважно.

Она все чаще оглядывалась. Вокруг снова шумели деревья, воздух сгущался, а небо заметно потемнело. Мы почти дошли до конца сада, когда совсем рядом с нами громко зашевелились кусты. Что-то противно зачавкало и заурчало. Мне снова привиделась тварь с одним глазом.

Марина испуганно вздрогнула и достала скрипку. Звуки были другими. Едкими, скрежещущими, словно пиликал ребенок, впервые добравшийся до инструмента. Шуршание прекратилось, даже деревья вроде бы успокоились.

— Пойдем, — шепнула Марина, не прекращая играть.

Мы медленно отступали и, только выйдя за ворота, Марина убрала скрипку и устало сгор-

билась. Она словно пробежала марафон. На лбу проступил пот, а возле глаз осели паутинки морщин.

— Мне надо идти.

— Марина, — я преградил дорогу, — что это было? Я что схожу с ума? Сначала деревья, потом кусты… мне показалось, что вижу что-то…

Она еще больше побледнела и нервно захрустела пальцами.

— Я должна была… успокоить его. Закрыть проход…

— Какой нафиг проход? О чем ты?!

Она толкнула меня и побежала. Запетляла как заяц и скрылась из вида, оставив меня в полной растерянности.

Сны о городе и саде все чаще заглатывали меня по ночам. Я бродил между деревьями, бежал от рычания, шелеста травы и ярких желтых глаз неведомых созданий. Где-то впереди спасательным кругом звучала музыка. Я бежал на нее, как на свет, спасаясь от тьмы. Скамейки, ограды и статуя в центре расслаивались, растворялись, а сквозь них наружу проступали шевелящиеся отростки и нечто огромное, пульсирующее, походившее на орган, свитый из стрекозиных крыльев.

Просыпаясь от собственного крика, я чувствовал себя изможденным и уставшим. В голове гудело и скреблось все сильнее, заставляя колотить себя по ушам. Я мечтал оглохнуть, чтобы не слышать звука даже собственного голоса и однажды даже упал в обморок, когда рядом слишком громко говорили по телефону.

Врачи разводили руками. Предположили эпилепсию, но анализы ничего не выявили. Постепенно я научился немного сопротивляться боли, словно расщепляя звуки на составляющие. Иногда я чувствовал, как людей окружает что-то темное, злое и пульсирующее. Порча, которая проникала внутрь крошечными дозами и влияла на поступки и эмоции.

Выйдя из больницы, я отпросился на работе и отправился искать Марину. Я жаждал ее музыки. Жаждал спасения от круговерти хаоса, царящего вокруг.

Возле сада Марины не было, зато от памятника исходило глухое биение, словно стучало невидимое сердце. А может, мне только казалось? Может, мне вообще все кажется, а на самом деле я давно сошел с ума? Шелест волн в Фонтанке, такой тихий, словно кто-то шлепает мокрыми ладошками о гранит? Вязкий дождь, ползущий

каплями по коже, словно слизняк? Ветер в кронах деревьев, нашептывающий тарабарщину?

Хотелось бежать. Прочь от звуков, от людей и их мыслей. От теней, которые меня преследовали и от низкого серого неба. Соня оставила мне с десяток смс, несколько раз звонила. Мельком я прочел пару посланий. Она просила прощения, волновалась за меня. Но сейчас мне не было до этого никакого дела. Я шагал, стиснув голову. Где-то там должна была звучать музыка, которая могла успокоить боль. Умоляю… где же ты? Где?

Пульсация прокатилась волной, заставляя сильнее работать невидимые молоточки в ушах. Величественная ограда Летнего сада возникла перед глазами. Я прошел через ворота и оказался на длинной аллее. Памятники смотрели на меня с легкой усмешкой, словно что-то знали, но скрывали. Головы прекрасных дев и юношей окружали клубившиеся тени. Как живые они скользили по мраморным плечам и торсам.

Я не выдержал и побежал. И тут снова прокатилась волна. Огромные мышцы сердца сократились и чуть не сбили меня с ног. Впереди звучала музыка. Я вышел к фонтану. Марина стояла и, закрыв глаза, играла на скрипке. Не знаю, почему ей никто не запретил, не знаю

даже, мог ли ей кто-то запретить? Людей вокруг не было, и я стал единственным слушателем. Мелодия кружила, танцевала, успокаивая боль и даруя новые видения: небо с миллионами звезд и далекие планеты. Страшные планеты, где все было по-другому, где на меня смотрели желтые глаза, и неведомые твари тянули извивающиеся конечности.

Я хотел закричать, заставить ее прекратить, но не мог. Стоял и смотрел, как все вокруг меняется, бледнеет, стирается, являя другую… настоящую личину.

Марина остановилась, и видение исчезло.

— Что ты тут делаешь?

— Я искал тебя. Твою музыку.

Марина снова испуганно оглянулась, покосилась на фонтан.

— Уходи, — попросила она.

— Я не могу. Твоя музыка помогает мне. Боль уходит. Пожалуйста, сыграй еще.

— Нельзя, — она убрала скрипку.

— Нет! Не убирай!

Я вырвал футляр из ее пальцев, вытащил скрипку и всунул ей в руки.

— Пожалуйста! Пожалуйста!

— Нельзя… я не могу… уходи.

— Играй!

Небольшая передышка вернула боль десятикратно. Я слышал пульсацию, слышал шелест и шепот теней. Я не мог… не хотел контролировать себя. Марина должна была играть. Я должен заставить ее. Если не помогут просьбы и мольбы, то я пущу в ход кулаки. Сломаю тонкие косточки, но заставлю ее играть!

— Играй! — рычал я. — Играй!

— Нет… — она отступила на шаг, — ты должен сопротивляться… уходи…

Она задрожала всем телом. Губы шептали обрывки слов:

— Так нельзя… отец отпусти его… он еще может… нет… нет… пожалуйста уходи…

Я ударил ее. Мне показалось не сильно, но Марина оступилась и рухнула на землю.

— Встань и играй! Играй, твою мать, играй!

Я бил ее ногами, яростно, злобно, пытаясь передать как мне больно. Каждый удар грохотом отдавался в голове. Казалось, череп покрылся сотнями трещин, которые едва держались, чтобы не рассыпаться в труху.

И тут Марина поднялась. Ее лицо было испачкано кровью вперемешку с грязью. Красновато-оранжевая с какими-то зелеными вкраплениями,

кровь не капала, а вязко скользила по серой коже. Глаза запали, будто провалились внутрь, а им на смену явились другие. Не бледные голубоватые, а яркие холодные очи. Холодные и мертвые. Ее взгляд мигом вышиб из меня всю злость. По коже пробежал мороз, я отступил. Кажется, мои зубы застучали, а желудок ухнул куда-то в пропасть.

Марина дьявольски ухмыльнулась, поднесла смычок к скрипке и заиграла. Больше не было соленого бриза океана или жара пустыни. Не было сотен пирамид и летающих обелисков. Только небо. Черное бездонное небо и звезды. Злые, далекие, населенные неведомыми тварями, следящими за нашей планетой. Древними богами, перед которыми тысячи лет преклонялось человечество. Которые заставляли строить города в их честь и скрывали их невидимой границей, но оставляли специальные места — проходы — чтобы проникать в тот мир, который мы считаем реальным.

Скрипка звенела, скрежетала, пиликала… издавая чудовищную, адскую, безумную в своей красоте мелодию. В голове всплывали образы сатиров и ведьм, кружащихся в диком ритуальном танце во время Самайна, яростное звучание

флейт и громовые раскаты шагов неведомых гигантских тварей, стрекотание крыльев…

А с мелодией менялся и мир. Тени обступили нас, изгоняя статуи, ограды и скамейки. Листья опали, являя миру деревья с тонкими шевелящимися паучьими ветками. Фонтан исчез, уступая место пульсирующему органу, похожему на яйцо. Булькающие твари с единственным желтым глазом, словно кошки, выползли из кустов. Они шипели и извивались, касаясь друг друга отростками.

Марина тоже изменилась. Ее затравленная сущность с бледной кожей и жидкими волосами ушла. Передо мной стояла ведьма… колдунья… глашатай из чудовищных снов. Ее ноги словно удлинились, покрылись жесткой шерстью, а из живота торчали десятки извивающихся отростков, похожих на ножки поганок. Из груди, спины и плеч проросли щупальца. Полупрозрачные, будто свитые из тени.

Музыка давила на меня, издевалась, проникала в каждую клетку, то подбрасывала, то опускала на землю. Я чувствовал, как из головы наружу что-то пробивается, зудит, заставляя впиваться ногтями и чесать… чесать… чесать…. Кожа треснула, по щекам текла горячая кровь. Я не вы-

держал и побежал. Прочь. Как можно дальше. Спрятаться. Забыться. Куда угодно, как угодно, лишь бы подальше от безумной твари, которой оказалась Марина.

Я не знаю, кем она была на самом деле. С каким демоном или Древним богом сошлась ее мать и почему? Почему Марина пыталась успокоить своего отца, завладевшего городом? Быть может до последнего сопротивлялась своей природе? Боялась ее и знала, что если остановится, то безумие просочиться наружу? Что если из-за меня теперь всему конец?

Я бежал по тротуарам и дорогам, улицам и проспектам. Тьма поглотила город, из земли вырастали ножки с глазным яблоком наверху. Гигантские щупальца обнимали дома, обвивали деревья и ограды набережных. Мосты, словно личинки бабочек, пеленались в пульсирующие красно-оранжевые нити. Где-то внизу из вязкой черной воды доносились голоса и шепот. Мокрые ладони стучали по граниту, а по пятам меня преследовали чешуйчатые твари, похожие на лягушек с колосками отростков по всему телу.

Глаза… глаза были повсюду. На домах, на деревьях, даже на качающихся ножках. Они все смотрели на меня. Насмешливо, как мы ино-

гда следим за муравьем, прежде чем сжечь его с помощью лупы. Я бежал и кричал. Пытался скрыться от взгляда Древнего бога и его бестий. Сбежать от щупалец и мокрых ладоней.

А потом силы окончательно оставили меня, и я растянулся на земле.

Глаза… повсюду глаза… пожалуйста, помогите мне… уберите их… закройте, выколите, спрячьте… пожалуйста…

Они не понимают. Никто не понимает. Я один знаю правду. Настоящую правду. Листок порвался. Дайте новый! Я должен вам показать, дайте! Дайте! Вот так, спасибо. Еще… еще красок. Больше красного и оранжевого. Больше ножек. Карту! Карту мне! Вот тут они были. А вот еще и еще. Мосты, набережные, парки. Они везде. Глаза… чертовы глаза. Они повсюду. Они следят за нами. Нет… они не исчезли, просто затаились и ждут. Проходы опять откроются. Стоит снова заиграть, и они откроются. Обязательно откроются.

Я один знаю правду! Один! Почему вы мне не верите? Вот тут. А еще тут и тут. В парках. Он любит жить в парках. Так ему лучше слышно, так он может наблюдать.

Почему он спрятался тогда? Музыка? Она вдруг пропала. Почему она пропала? Нет-нет. Она вер-

нется, она снова вернется. Карту! Еще карту!

— Посещение только до четырех, — сказал охранник, внимательно сверив пропуск.

— Спасибо, я ненадолго.

Внутри было тихо. Газоны утопали в зелени, над клумбами кружились пчелы. Почти все скамейки пустовали, только в самой глубине, с видом на забор сидел сгорбленный человек. Мимо по дорожкам иногда проходили люди в халатах и редкие посетители.

— Привет.

Парень оглянулся. Длинные незаживающие полосы шли от ушей до подбородка. Некоторые царапины выглядели свежими, другие затянула коричневая корочка. Безумный взгляд шарил по лицу посетительницы несколько минут, прежде чем пришло осмысление.

— Ты? — он отшатнулся и вжался в спинку, — нет… нет… тут нет… тут нет… понимаешь? Тут нет!

— Я знаю.

Марина с жалостью и болью смотрела на бывшего сокурсника. Она сильно изменилась с последней встречи. Прошел всего год, но она, казалось, прожила все двадцать. Сеть морщин покрыла лоб и уголки глаз, волосы на висках

поседели, а кожа на руках стала желтоватой и похожей на резину. Марину словно прижало сверху огромным грузом, который отнимал энергию и силу.

— Они не верят мне… тсс, — парень прижал палец к губам и оглянулся, — я пытался им сказать, но они не верят. А он следит за нами… о да, я знаю. Я вижу его по ночам, ха-ха, вижу. Он ждет. И однажды он вернется. И поглотит всех! Слышишь? Он поглотит и тебя!

— Нет, пока я играю, — ответила Марина.

Парень расхохотался. Громко, злобно. Сплюнул на землю.

— Никто его не остановит! О, он умеет ждать. Сегодня, завтра, через сотню, тысячу лет. Для него это ничто! Поняла? Ничто!

В их сторону направились два санитара.

— А знаешь, почему меня не слушают? Потому, что они жаждут его безумия! Потому, что они стадо, а он их пастырь. Но я не остановлюсь. Кто-нибудь да прозреет! Я не сдамся, я открою людям правду про тебя и твоего поганого бога. И тогда они увидят то, что видел я. Слышишь, тварь? Увидят!

Санитары скрутили орущего парня.

— Девушка, вам лучше уйти.

— Они увидят его глаза… увидят! Они повсюду….

Санитары быстро повели пациента к зданию. Его крики стихли только, когда закрылась ведущая внутрь дверь.

Марина вздохнула, чувствуя, как тьма шевелится в глубине сознания. Она напоминала о себе все чаще с тех пор, как Марина с трудом вернула себе контроль в Летнем саду.

Когда мать рассказала о похищении и сношении с Древним богом в окружении чудовищных тварей, Марина не поверила. Но потом, когда отец впервые дал о себе знать… Укротить свою природу трудно, но еще труднее было обмануть отца. С десяти лет он рассказывал о том, как с помощью музыки люди сдерживали его, не понимая дара, который он хотел преподнести.

Отец взращивал, шептал по ночам и даже помог найти старую скрипку. Он научил многому, и Марина почти поверила ему, но тут семена безумия взошли в ее матери. Тогда-то Марина и заиграла. Словно чувствовала своей человеческой половиной, что нужно делать. Как защититься от влияния Древнего бога. Взвалила на себя бремя, которое оказалось слишком тяжелым.

Поступила в институт, надеясь свести знакомство с теми, кто хоть что-то слышал и может помочь, рылась в библиотеках, в Интернете, пытаясь понять, как навсегда закрыть проход.

Мама предупреждала Марину, что ее отец слишком глубоко запустил свои корни в этот город. Что с каждым днем слышащих становится все больше и музыка может свести их с ума.

Но выбора не было, и пока Марина не нашла другого способа, она продолжала играть.

Шевеление
Павел Рязанцев

1

Чем ближе зима, тем меньше остаётся света. На дворе октябрь, а уже в пять часов дня темно как ночью. Кажется, сама природа вместе с серостью ландшафта угнетает человека. Апатия становится основным состоянием. Впрочем, не единственным. Некоторые вещи не привязаны ко времени года.

Рабочий день закончился, и на строительной площадке развернулось выступление одного из рабочих — он читал стихи. Половина строителей разошлась по домам, не обратив внимания на декламацию, остальные слушали без особого энтузиазма, но проходившая мимо площадки беременная женщина подошла к краю толпы и тоже стала слушать.

Что-то про цветы, любовь, родителей, детей; что-то казалось знакомым — некоторые произведения и авторы годами вбиваются в голову школьной программой. Чтец декламировал с чувством, но об обратной связи — как и о «без-

молвном восхищении» — говорить не приходилось, что явно удручало и отбивало желание стараться.

Минутка поэзии подходила к концу, однако, заметив нового заинтересованного слушателя, чтец решил закончить красиво и выдать что-нибудь необычное. Меньше пафоса, больше смысла.

«Может, тогда хоть в одном человеке что-нибудь шевельнётся».

А что за жизнь успеешь ты
Короткую, бездарную, скупую?
И даже если сбудутся мечты,
Захочется иметь судьбу иную.

Захочется геройствовать и быть
Единственным. Кумиром. Человеком,
Способным навсегда остаться жить
В истории страны, Тьмой или Светом —
Уже не важно, главное — сам факт!
Запомниться и вдохновлять собою.
За гранью жизни будет новый акт,
Но не узнать, что ждёт нас за чертою.

Поэтому желаем славы здесь —
На этом, чересчур реальном свете.
Урвать кусок почёта, лучше весь,

И умереть красиво на рассвете.[1]

«Шевельнулось».

Реакция разнилась от строителя к строителю: один презрительно хмыкнул и сплюнул, другой одобрительно закивал с гримасой в духе «достойно уважения», третий потупил взгляд и поспешил уйти домой. Прораб похлопал чтеца по плечу и вынес вердикт: «Нормально-нормально». Отзвучали скупые аплодисменты (местами искренние), и женщина незаметно покинула площадку. Она и так задержалась.

Промзона мало подходит для прогулок и может отрицательно сказаться на состоянии плода, но выбора не было. Бетонные стены, разделённые узкими проходами, создавали угрюмый лабиринт, а пройти предстояло в самые его глубины, к заброшенным складским и цеховым помещениям. Туда не забредёт случайный прохожий, и должно произойти что-то совсем из ряда вон выходящее, чтобы в эти дебри отправили полицейский наряд. И то — не факт…

***

— О-о, вот и вы! — мужчина в сером трико-

---

1 Примечания: 1

1) Рупасова Е. П., «Геройство», 2009 г.

тажном костюме привстал с обшарпанного табурета. — Надеюсь, без слежки. Это в ваших же интересах, Диана.

За спиной женщины завыли ржавые петли — ещё один мужчина закрыл дверь и запер её изнутри. Этот, в чёрном спортивном костюме с белыми полосами, не был знаком Диане, но это неважно. Виктора Эдипова, сменившего дорогой итальянский костюм на максимально неприметный трикотаж, она знала. Как и муж Дианы.

После заключения особо удачного контракта Евгений и Виктор, по обыкновению, приняли участие в дружеской попойке — отметить дело, что называется, с размахом официально было невозможно. О подробностях самой вечеринки она мало что знает, но Евгений крупно подставился, и теперь его судьба висит на волоске. Виктор вызнал нечто, что должно остаться в тайне, должно быть вычеркнуто из реальности, иначе карьера несчастного будет разрушена, а вместе с ней погибнут и все надежды на счастливую семейную жизнь.

Об этой тайне Диане рассказ Виктор. И он сам предложил ей «спасти мужа, спасти брак и защитить светлое будущее ребёнка».

Евгению она ничего не сказала: ни о том, что

узнала, ни о шантаже, ни о жертве, которую ей предстоит принести. Если всё тайное станет явным, как смотреть друг другу в глаза? Она проглотила позор любимого, переживёт и свой ради него. А Евгений… Он бы не вынес.

«Не вынес бы чего? Того, что его предал и шантажировал друг и коллега? Того, что жизнь не рухнула лишь благодаря Диане? Он бы возненавидел её за такое спасение и бросил бы одну с ребёнком?»

Да. Не вынес бы.

Диана молча встала перед Виктором и опустила взгляд. К горлу подкатила волна тошноты — то ли от нервов, то ли вследствие беременности.

«Нужно держаться», — сказала она себе и, глубоко вздохнув, взглянула на Эдипова.

Тот не заставил себя ждать и жестом приказал Диане встать на колени. Она подчинилась, и Виктор подошёл к ней сбоку.

— Возможно, вам это даже понравится, — он запустил пальцы в её волосы.

Диана зажмурилась, Эдипов уткнул её лицо себе в пах, а его колено упёрлось в живот. Сообщник, ухмыляясь, сложил руки на груди и приготовился смотреть представление.

— Ну же, Дианочка, не стесняйтесь.

Глаза стали влажными, спазмы возобновились, но выхода нет. Женщина на ощупь нашла край штанов и приспустила.

Последующие минуты показались Диане вечностью. Поначалу мужчина предоставил ей самой «управлять процессом» и решать, с какой интенсивностью будет проходить пытка.

— Я добр к вам, — сказал Виктор, пальцами приподняв женщине веки и вынуждая глядеть на него, — будьте же и вы любезны со мной.

Диана ушла в себя, впала в своеобразную кому. Представила, как лицо Евгения исказила гримаса презрения и брезгливости; представила маленького мальчика, растерянно глядящего вслед избегающим его родственникам.

Представила и себя, с дрожью в руках затягивающую на шее петлю.

— Экая вы безынициативная! — притворно возмутился Эдипов. — Как вы с Евгением вообще коротаете вечера? Ладно, так и быть, помогу…

Сообщник рассмеялся. Диана чуть не задохнулась.

2

Изо всех сил стараясь не упасть на живот, Диана на четвереньках ползла в сторону выхода.

Её тошнило, она кашляла и плевалась, почти ревела. Сообщник Эдипова с глупой ухмылкой снимал происходящее на смартфон. Виктор неодобрительно зацокал языком и зарядил беременной ремнём по лопаткам. Та завыла и рухнула на бок.

— Мы ещё не закончили! Я ещё не закончил! — стянувший штаны Виктор развалился на бетонном блоке с предусмотрительно подстеленным пенопластом и поманил измученную женщину пальцем. Та попыталась встать, но ноги не слушались.

— Коля, будь добр, помоги ей.

Сообщник прервал запись и дотащил Диану до блока. Оглядев находящуюся в полубессознательном состоянии беременную, Виктор поморщился и подал знак. Женщину водрузили на шантажиста, и запись была возобновлена.

— Я жду.

Виктор с досады шлёпнул женщину по животу (не отреагировала) и решил закончить всё сам. Диана захрипела и закатила глаза; Эдипов упёрся ей в живот и со смаком наблюдал за выражением её лица: глаза закатились, язык свисал изо рта…

— Кажется, теперь у вас будет девочка или «голубок»! — осклабился Виктор и засмеялся

собственной шутке.

Сообщник одобрительно хмыкнул. Будущая мать, практически выпавшая из реальности, шутку не оценила. Во чреве, словно оскорбившись, задёргался младенец. Ноги маленького человека упёрлись в живот, кожа женщины натянулась, казалось, она вот-вот порвётся.

Диана замычала, но Виктора это почему-то не раззадорило: ему становилось неуютно, как под осиным гнездом. В детстве он кидал камни в такие гнёзда. Они висели на чужих участках, а он прятался и ждал криков дачников, подвергающихся внезапному нападению. Тогда Эдипов мерзко хихикал в кулачок, но сейчас выражение его лица демонстрировало брезгливость и нарастающее недоумение. Неужели начались роды? Крайнюю плоть словно обвило кольцами мышц.

«Нет, это ненормально!»

Вдруг Эдипов вскрикнул, а уже через секунду — истошно завопил. Сообщник Николай вздрогнул от неожиданности и выронил телефон. Тот рухнул на бетон экраном вниз.

— Коля, сделай что-нибудь! — Виктор визжал и силился спихнуть с себя судорожно дёргающееся тело, но ничего не получалось.

Диана на крики не реагировала; в отключке

она больше походила на трясущийся сгусток киселя, нежели на живого человека. Сообщник спешно извлёк из кармана маленький пистолет («магазин на четыре патрона; если не промахиваться, то хватит на всех»), но не понимал — в кого следует стрелять.

Голова женщины тем временем повернулась в его сторону, и на Николая уставились грязно-белые глаза без зрачков. Живот разросся до размеров фитбола, под кожей активно шевелилось нечто («ребёнок так себя не ведёт, это ненормально!»), и после очередного мощного толчка из горла Дианы вырвалась бесцветная струя. Незадачливый стрелок попытался увернуться, но безуспешно. Кислота задела лицо, шею и кисти рук. Ствол пистолета оплавился, а вопили теперь двое.

Из влагалища высунулись многочисленные инсектоидные конечности и резво вонзились Виктору в ноги и живот. Крики Эдипова даже безучастную Диану заставили поморщиться во сне. Лапы с шипами прошили тело Виктора насквозь и вонзились в спину, словно крючья, словно наконечники стрел.

«Теперь он точно не соскочит, мамочка!»

Превозмогая боль, Николай практически

на ощупь добрался до ворот и отпер их. Теперь ему предстояло отыскать путь из лабиринта железобетонных конструкций и разбитых асфальтовых дорог. Но, прежде чем сбежать, горе-телохранитель оглянулся на своего «босса».

Зря.

Виктора затягивало в Диану. Тело мужчины обхватили жгуты кроваво-красных щупалец, имевших то же начало, что и пронзившие его «крючья». Рывок — бёдра орущего во всё горло Эдипова исчезают в недрах будущей матери; рывок — отвратительный хруст ломающихся костей и позвонков перекрывает крики, и умолкший навеки Виктор складывается пополам; ещё один рывок — шантажист почти полностью исчезает в цепких объятиях нерождённого…

Николай в ужасе попятился назад и едва не рухнул вниз, запнувшись о порог, но успел ухватиться за дверной косяк. Бежать! Бежать без оглядки и забыть обо всём увиденном! Что бы и кому бы он ни рассказал о случившемся, его ждёт, в лучшем случае, осмеяние («Два здоровых мужика с волыной не смогли справиться с бабой и её пузожителем? Лол!»), в худшем — больница для душевнобольных или тюрьма.

Лучше же молчать, правда?

***

Десять часов вечера. В любой другой день Диана бы боялась, что из-за угла на неё выскочит грабитель или другая разновидность отморозка. Но сегодня она чувствовала — всё, с неё хватит! В синяках, с потёкшим макияжем, перепачканная пылью и грязью, она не реагировала на неодобрительные взгляды восседающих на обшарпанных скамейках бабулек, на склизкие подмигивания парней, а также на понурые взгляды женщин; матери старались прикрыть глаза своим чадам, особенно рьяно — матери дочерей.

«Ой, да пошли вы!»

Вот, наконец, и дом. Лифт приехал быстро. Диана делила кабину с долговязым подслеповатым парнем, уткнувшимся в телефон. Нервы как будто успокоились (ну, или почти успокоились), и женщина из любопытства заглянула из-за плеча попутчика в экран. Судя по всему, он собрался публиковать в соцсети то ли криво написанный белый стих, то ещё какое-то «современное искусство». Будущая мать смогла прочесть лишь отрывок:

Её время пришло:
Пробит Саркофаг.

Щупальца смерти и стены в кровавых пятнах.

Весь мир вокруг — лицо
Того, что было в давнем прошлом.
Вспорото сердце — выжжена земля!
Не моргая, глядит она на небо.

При ней звёзды потускнели.
Изможднность её и медленность шагов
Говорят о смерти тела.

Пламя взгляда
И холод редких слов
Сеют лишь угрозу… и укор.

Все обличия — периоды, полные боли;
Мы лишь можем сожалеть…
Шаги без звука в самом худшем из направлений!
Мысли столбенеют в голове.

Горечь знания
Застряла комом в горле:
Сломанная жизнь — наше бремя.[2]

— Что бы я ещё хоть раз… — тихо прошипела Диана.

---

2 Примечания: 2
Рязанцев П. В., «Выжженная земля», 2020 г.

Парень улыбнулся. Только непонятно чему.

Лифт доехал до этажа, на котором жила молодая семья, и Диана покинула кабину. Она решила ничего не рассказывать мужу, но и сгорать от чувства стыда в случае чего не станет. Она сделала более чем достаточно. И лучше бы Евгению не спорить с ней, когда она потребует распределить обязанности по дому или захочет выйти «развеяться» с подругами…

— Пока, няша! — еле слышно пробормотал «поэт» и помахал вслед.

«Няша» ничего не ответила, лишь легонько пихнула маму в бок.

«Покушать бы… Может, по ананасику?»

Дети Чёрной Козы
Пётр Перминов

— Человек это был! Ей-богу, человек! Вот вам истинный крест! — Назар быстро перекрестился.

Нейман внимательно посмотрел на парня. Тот побледнел, что было заметно даже в сумраке осеннего леса, глаза выпучены — явно напуган.

— Не мели чепухи! — выдохнул Нейман. — Какой человек?

— Голый! Совсем голый! — Назар говорил так тихо, что его едва было слышно за скрипом телеги и шумом ветра в кронах пихт. — Слыхали, как Зорька всхрапнула? Почуяла она его! Лошадь — её ж не обманешь!

— В самом деле, Назар! Какой голый человек? — поддержал Неймана Синицкий. — Октябрь на дворе, холод вон какой! А до села, сам говоришь, ещё пара вёрст. Почудилось тебе!

Назар отвернулся, что-то пробурчал под нос и обругал лошадь, словно та была виновницей неверия его спутников.

Нейман на всякий случай расстегнул пару пуговиц на шинели и попытался незаметно

поправить револьвер. Получилось несколько неуклюже — Синицкий заметил торчащую рукоятку и удивлённо вскинул брови.

— С германской ещё, Пётр Васильевич, — пояснил Нейман. — Места, знаете ли, глухие, а с ним надёжнее!

Они замолчали, думая каждый о своём. Экспедиция, организованная Пермским историко-художественным музеем, направлялась на север, её цель была пополнить коллекцию деревянной культовой скульптуры. В настоящий момент в составе экспедиции значились трое: сотрудник музея Марк Нейман, недоучившийся художник, участник двух войн — Империалистической и гражданской; Пётр Синицкий, пермский историк и краевед; третьим же был Назар, парень лет двадцати, житель северного села Ныроб. Единственный, кого удалось уговорить стать проводником и извозчиком.

Погода становилась всё хуже: сухая снежная крупа сыпалась непрерывно, стонали стволы здоровенных елей, стенами стоявших вдоль дороги, а холод усиливался. Синицкий утонул в пальто, подняв воротник, так, что наружу торчал лишь седой клинышек бороды, Марк отчаянно кутался в шинель, Назар, сидящий на козлах, съёжился

и теперь был похож на нахохлившегося воробья.

Вскоре выяснилось, что ехать молча совсем безрадостно.

— Расскажите подробнее про это село, Пётр Васильевич! — попросил Нейман. — Похоже, в нём уж сто лет никто не живёт — дорога эвон как заросла!

— Так я, вроде, уже всё рассказал, Марк Наумович… — отозвался Синицкий. — А то, что там, наверное, никого из жителей не осталось, тут вы правы: село начало потихоньку вымирать ещё в конце прошлого века. Что ж, это для нас даже и к лучшему. Главное, чтоб скульптуры были в целости и сохранности. Дерево всё-таки…

Нейман кивнул.

— А ведь, возможно, мы с вами обнаружим в церкви ещё кое-что интересное! — продолжил Синицкий. — В городском архиве есть прелюбопытный документ, что лет этак восемьдесят назад, как раз вскоре после отмены крепостного права, настоятель тамошней церкви, отец Аристарх, привёз в село мощи некоей Святой Амалфеи, якобы жившей в этих краях в конце семнадцатого столетия.

Я говорю «якобы», потому как никаких упоминаний об этой святой нет. Ни в каких источни-

ках, ни в церковных, ни в светских о женщине по имени Амалфея упоминаний нет. Так что, полагаю, отец Аристарх сам её и придумал. Известно, что ковчег с мощами был установлен на алтаре в качестве престола… Так что, если нам повезёт, возможно обнаружим и его.

— Полагаете, губернский музей заинтересует ящик с кучкой костей? — хмыкнул Марк. — Может быть, и не человеческих даже? Может быть, и не костей вовсе?

Синицкий молча пожал плечами.

Тем временем впереди показался просвет.

— Вон оно, село-то! — обернулся Назар.

Лес разом расступился, и взорам участников экспедиции предстала тоскливая картина бывшего села: жухлая трава, присыпанная сухой снежной крупой, наполовину обвалившиеся заборы, почерневшие кособокие избы, за ними — лес стеной, а над всем этим — низкое, обложенное тучами небо Северного Урала. Ни огонька в окнах, ни дымка из труб, ни голосов, ни собачьего лая, словом, ничего, что указывало бы на присутствие людей.

— Эх! — с горечью сказал Назар и сплюнул. — А ведь какое село было! Богатое село!..

— А вот и цель нашего путешествия! — сказал

Синицкий, указывая на стоящее на взгорке бесформенное сооружение, в котором можно было опознать руины церкви. — Вези-ка нас, Назар, прямёхонько туда!

Путь до церкви пролегал через половину села. Колёса телеги месили ледяную грязь, а Назар беспрерывно вертел головой, будто чего-то опасаясь. Синицкий внешне был совершенно спокоен, но в глазницы окон всматривался внимательно, с прищуром. Марк сжимал рукоять револьвера. Почему-то тревожно было на душе: не покидало ощущение, что из каждого зияющего оконного проёма на них смотрят. Смотрят по-звериному: с опаской, но и с готовностью в любой момент вцепиться в горло. Всё-таки есть в опустевших домах что-то неправильное и нехорошее.

Назар подвёз их к церкви. Та представляла собой пятиугольный сруб центрального храма, к которому примыкал четырёхугольник притвора. До черноты потемневшие растрескавшиеся брёвна, узкие, как бойницы, окна, давно лишившиеся стёкол, обвалившийся купол.

— Семнадцатый век, — сказал Синицкий.

Назар, мельком глянув на спутников, быстро перекрестился. Никто ему ничего не сказал. Синицкий с Нейманом слезли с телеги, разминая

затёкшие ноги и поясницу. Затем, взяв по электрическому фонарю и по керосиновой лампе, направились к паперти. Назар же остался привязать лошадь к остаткам церковной ограды и насыпать ей овса.

Поднявшись по прогнившим ступеням, Марк оглянулся и окинул взором панораму села. Отсюда, с холма, оно всё было как на ладони.

«Красивое, верно, было место!» — подумал он. — «А сейчас — бр-р! Как заброшенное кладбище…»

Они включили фонари и вошли внутрь.

— Это, Марк Наумович, самый что ни на есть настоящий храм-крепость! — сказал Синицкий. — Широкие оконные проёмы, наверняка, вырезаны позже, а изначально в стенах, скорее всего, были узенькие прорези — настоящие бойницы. Бьюсь о заклад, и подземный ход имеется! Если только не осыпался от времени… В старину, в лихие времена, такие сооружения были не редки!

Нейман вежливо кивал. Он и сам кое-что читал о подобных сооружениях, которые строились на севере губернии лет триста-четыреста назад.

— А вот и то, ради чего мы здесь! — сказал Синицкий, посветив лучом фонаря на остатки

иконостаса.

Тот являл собой жалкое зрелище. Не уцелело ни одного оклада, большинство икон покрылись плесенью и потемнели от сырости так, что разобрать, кто из святых на них изображен, было уже практически невозможно. Зато прямо над Царскими вратами висели три фигуры, образцы той самой уникальной пермской деревянной скульптуры, ради которых и затевалась эта экспедиция. Одна фигура изображала распятого Христа, другая — Богоматерь, третья, вероятно, Иоанна Крестителя. Вот только и в самих фигурах и в их расположении было кое-что странное.

На своём месте остался только Креститель, скульптура Божьей Матери висела прямо в центре иконостаса, словно именно она, а не Иисус, была центральным персонажем. Христос же теперь располагался по её левую руку. И хотя такое их расположение являлось далеко не каноническим, всё же в глаза бросалось совсем другое — обе фигуры были странно изуродованы: босые ступни Христа превратились в раздвоенные козьи копыта, изо лба Богоматери торчали два небольших изогнутых рога. Скульптура Иоанна на первый взгляд осталась нетронутой.

Нейман с Синицким изумлённо переглянулись.

За их спинами раздалось громкое оханье. Это был Назар, сверкающий белками выпученных глаз, истово крестящийся и непрерывно приговаривающий: «Да как же это? Да кто ж это так?»

— Хороший вопрос, друг мой! — заметил Синицкий. — Ну-с, а вы Марк Наумович, что скажете?

Нейман недоумевающе замотал головой.

— Иконоборцы? — спросил он. — Воинствующие безбожники?

— Думаю, нет, — возразил Синицкий. — Те, даже если бы и забрались в такую глушь, что само по себе маловероятно, ограничились бы тем, что порубили всё топором или подожгли. Вы присмотритесь внимательнее: копыта и рога вырезаны очень аккуратно, я бы даже сказал, искусно. А ещё глаза… На глаза обратили внимание? У всех троих вырезаны вертикальные зрачки. Как у кошки. Нет, дорогой мой Марк Наумович, это не вандализм!

— Секта? — предположил Нейман. — Сатанинский или языческий культ?

— Вот это более вероятно. Причём, скорее второе, чем первое. Сатанисты нынче все в городах — пытаются вызвать Вельзевула и узнать, когда падёт власть большевиков, — Синицкий усмехнулся. — А вот язычники… Есть у меня одна

мыслишка, но пока не уверен… Давайте-ка лучше посмотрим, что тут ещё имеется!

С этими словами Синицкий взошёл на амвон и скрылся за приоткрытыми створками Северных врат. Марк последовал за ним.

Прямо за иконостасом находилось пахнущее плесенью и ещё чем-то мерзким помещение с наглухо заколоченными окнами. Никакой церковной утвари здесь не было, а большую часть пространства занимал длинный узкий ящик тёмного дерева.

— Надо полагать, тот самый ковчег с мощами Святой Амалфеи, — сказал Синицкий.

— Судя по его размерам, эта самая Амалфея была дамой немаленькой! — сказал Нейман. — Вот только вскрывать его — увольте! Я, знаете ли, в своё время насмотрелся на эти так называемые «нетленные мощи»… В лучшем случае — кучка голых костей, в худшем — зловонная мумия в полуистлевшем тряпье. Чувствуете, каков душок?

— Согласен с вами, Марк Наумович, — кивнул Синицкий. — Запах странный! Даже не могу понять, чем пахнет. Вроде, на запах тления совсем не похоже… Вроде как восточными благовониями… Ну да бог с ними, с мощами! Мы сюда не ради них приехали.

Луч его фонаря рассеянно скользнул по крышке ковчега и вдруг замер.

— Подите сюда, Марк Наумович! — тихонько позвал он. — Взгляните-ка на это!

В жёлтом пятне электрического света Нейман увидел сложный символ, центральным элементом которого была вписанная в окружность пятиконечная звезда с волнообразно изогнутыми лучами. Судя по глубине и аккуратности линий, нанесение рисунка отняло у неведомого резчика немало времени и сил.

— Что-то оккультное, — сказал Марк. — Всё-таки сатанисты?

— Помилуйте! В такой-то глуши?! Нет, дорогой Марк Наумович, тут кое-что поинтереснее!.. А вот насчет оккультистов вы, пожалуй, правы… Скажите, доводилось ли вам слышать о культе Чёрной Козы?

— Чёрной Козы? — Нейман покачал головой. — Первый раз слышу. Это что, вогульское или зырянское божество?

— И да, и нет, — задумчиво сказал Синицкий. — Лет этак двадцать назад, аккурат после Японской войны, довелось мне быть в Петербурге по одному делу. Работал я в библиотеке Академии наук, где попалась мне совершенно случайно прелю-

бопытная книжица под названием «О мерзостях потаённых мира сего». Автор — некий монах-расстрига Ксенофонт.

Я бы на неё и внимания не обратил — мало ли всякой мистической чепухи издавалось на сломе веков?! — да уж больно занятные в ней были литографии! Сам текст, конечно, ерунда полная: какие-то языческие божества, спящие в океане, а то и вовсе парящие в безвоздушном пространстве. Имена такие, что нормальный человек и не выговорит! Ну и ритуалы почитания этих богов приведены… Я полистал, подивился фантазии автора, да и забыл бы, кабы не одно «но» — рисунки.

Бог мой! Не поверите, чудовища такие, что уроды Босха и демоны Гойи по сравнению с ними — так, детская мазня. Так вот, среди прочего было и описание упомянутой мной Козы. Полное имя этого божества — Чёрная Коза с Легионом Отпрысков. Однако, и это имя не настоящее, настоящее же я не запомнил… Она — что-то вроде чудовищной богини плодородия. Ксенофонт упоминал, что культ этого божества распространён у всех северных лесных народов. Заметьте, у всех!..

— А знак? — перебил Нейман.

— То-то и оно, Марк Наумович! Символ этот — пентакль с изгибающимися лучами — я хорошо запомнил: он для всех этих богоподобных монстров един! Вот только в книге он приводился сам по себе, без окружности. А здесь — звезда в круге… Больше похоже на традиционные алхимические пентаграммы… Что может означать круг?

— Всё, что угодно, — Марк пожал плечами. — Некий цикл. Может быть, круг жизни…

— Да, да! — подхватил Синицкий. — У алхимиков или, скажем, у теософов круг суть гностический змей Уроборос, символ…

Он не договорил. С улицы донеслось испуганное ржание лошади.

— Уж не зверя ли чует? — послышался голос Назара. — Иль кого похуже…

— Сходи, посмотри! — велел Марк. — Места глухие, село нежилое — может и впрямь волки шастают.

Назар замялся. Видно было, что покидать здание церкви в одиночку, когда уже сгустились осенние сумерки, ему очень не хочется. Но лошадь снова заржала, и парень нехотя поплёлся к выходу.

Нейман проводил его взглядом.

Синицкий тем временем внимательно изучал внутренне убранство церкви.

— А вот, милостивые государи, и подземный ход! — сказал Пётр Васильевич, указывая на кованое кольцо в полу перед самым клиросом. — Так-с, а это ещё что?

Нейман перевёл взор на коллегу, затем посмотрел под ноги и сразу же заметил на пыльном полу некие линии. Линии эти были прорезаны в досках столь глубоко, что их не смог скрыть даже слой пыли.

— Бог мой! — воскликнул Синицкий, подняв лампу над головой. — Да тут весь пол покрыт знаками! Вот тот же символ, что и на крышке гроба! Точнее, полсимвола…

— До самого выхода какие-то линии, пересекающиеся окружности, — подхватил Нейман. — Слушайте, Пётр Васильевич, да это не церковь, а учебник геометрии!

— Скорее, чёрной магии! — поправил Синицкий.

Его посетила некая мысль, он вновь скрылся за иконостасом, но вернулся уже через несколько секунд.

— Так и есть — ковчег стоит *внутри* круга, — сообщил он. — Что бы это могло значить?

— А помните, как у Гоголя, Пётр Васильевич? — сказал Марк. — Хома Брут чертит вокруг себя меловой круг, чтобы защититься от нечистой силы.

— А ведь вы, пожалуй, правы, Марк Наумович! — подхватил Синицкий. — Этот круг — никакой не Уроборос, не символ бесконечности — это защитный круг. Вот только *кого* он должен защищать? И *от кого*?

Нейман пожал плечами и открыл рот, но ничего сказать не успел. Послышался лязг засова, затем — топот со стороны придела, и внутрь влетел Назар.

— Там! Там! — лепетал он, выпучив глаза. — Они!

Нейману доводилось видеть смертельно испуганных людей, поэтому рука машинально нырнула за пазуху, и пальцы обхватили рукоять револьвера.

— Да кто «они», Назар? — спросил Синицкий. — Волки?

— Не, — парень мотнул головой, сглотнул и перешёл на шёпот: — Бесы!

Нейман с Синицким опять переглянулись.

— Поповские выдумки! — сказал Марк, стараясь придать голосу строгость. — Пойдёмте, Пётр

Васильевич, глянем, что его так напугало!

Сделав пару шагов, Нейман оглянулся: Назар стоял на коленях перед распятием и исступлённо крестился. То, что у деревянного Христа вместо ног копыта, его, похоже, не смущало.

Выйдя на паперть, Марк поначалу не увидел ничего необычного, кроме беспокойно ведущей себя лошади — та постоянно всхрапывала и била копытом. А потом… Потом у Неймана появилось ощущение, что, пока они находились в церкви, неведомый скульптор, влюблённый в античное искусство, тут и там расставил статуи древнегреческих богов и героев. Вон за забором притаились нагие нимфы, к стволу могучей столетней берёзы прислонился атлет, а там из придорожной канавы выглядывают сатиры…

Но то были не статуи, а люди. Бледные, словно гипсовые, неподвижные, и абсолютно голые, несмотря на почти зимний холод. Мужчины, женщины, старики, дети. Зрелище само по себе жуткое, однако, было кое-что ещё, что заставило Неймана с Синицким машинально придвинуться друг к другу, как это свойственно людям в момент опасности: каждый из обитателей села имел в своём облике какое-либо уродство.

У одной из «нимф» на живот свисали четыре

груди, у другой над плечами вздымались суставчатые отростки наподобие паучьих ног, третья держала младенца, чьи свисающие ножки заканчивались раздвоенными копытцами, у «атлета» вместо левой руки извивалась пара щупалец точь-в-точь как у спрута, а на лбах прячущихся в канаве детей росли изогнутые рожки.

— Вы… это… видите? — шепнул Синицкий, вцепившись в рукав неймановской шинели.

Нейман сглотнул и молча кивнул. Рука с револьвером поползла наружу.

«Статуи» начали двигаться. Все одновременно. Медленно и плавно, с каждым шагом становясь ближе к изумлённым людям.

Нейман не выдержал напряжения. Вскинул руку с револьвером вверх и нажал на спусковой крючок. В сгустившейся тишине грохнуло так, что заложило уши. Марк не стал проверять, испугались существа выстрела или нет — скомандовал: «Внутрь!» и буквально втащил оцепеневшего Синицкого обратно в церковь. И тотчас задвинул засов.

Некоторое время они сидели, глядя друг другу в глаза, тяжело дыша и пытаясь унять дрожь в руках. Назар всё это время не прекращал бить лбом об пол.

— И? — наконец выдавил Марк.

— Марк… вы… — голос Синицкого дрогнул, но он сделал глубокий вдох и продолжил. — Вы читали какие-нибудь труды по тератологии?

— Слово как будто незнакомое…

— Если коротко — наука об уродствах. Мне кажется, здесь мы имеем дело с каким-то чудовищным извращением человеческой эволюции… Теорию Дарвина вы, конечно же, изучали?.. Мы с вами наблюдаем невероятную деградацию целого села до животного уровня. И не только в моральном, но и в физическом смысле.

— Но они же голые, мать их так! В такую холодину!

Синицкий нервно дёрнул плечом:

— Похоже, что-то их изменило. Какая-то неведомая сила природы. Больше я ничего пока сказать, увы, не могу!

Оба прислушались. Снаружи доносился неясный шум.

— Сколько их там, как вы думаете? — спросил Нейман.

— Пара дюжин, не меньше. Откровенно говоря, было как-то не до подсчётов.

Марк огляделся, по-военному оценивая обстановку.

— Окна узкие да и высоковато, — рассудил он. — Вряд ли они в них полезут. Но если всё же вздумают лезть или вынесут дверь, — на пятерых патронов хватит. Понадеемся, что прочих это остановит. Если же нет…

Марк не договорил.

Вязко текли минуты, а вламываться в церковь существа не спешили. У Синицкого мелькнула мысль, что у жителей села, несмотря на их полнейшую деградацию, сохранились воспоминания об этом здании, как о чём-то сакральном, запретном. О своей догадке он поведал Нейману, присовокупив: «Возможно, пока мы внутри, нам ничего не угрожает!»

А потом снаружи послышалось пение. Сначала один голос, потом сразу несколько, и вот уже всё село поёт а капелла. Нейман с Синицким замерли, задержав дыхание и обратившись в слух.

Песня состояла всего из двух слов. Первое начиналось с протяжного «и-и» и заканчивалось коротким «йа!», а вот второе разобрать было невозможно.

— Будто бы «шабнирот» или «шабнират», или что-то в этом роде, — сказал Нейман.

— Шаб-Ниггурат, Марк Наумович! Шаб-Ниггурат! — возбуждённо зашептал Синицкий. — Я

вспомнил это имя! Боже мой, всё сходится, Марк Наумович!

— Нашли время в загадки играть! — сердито сказал Нейман. — Что ещё за Шаб-Ниггурат?

— То самое божество, о котором я вам рассказывал! Богиня плодородия, культы которой якобы существуют у всех лесных народов. Которую также именуют Чёрной Козой с Легионом Отпрысков! Понимаете? Этот культ существует! Здесь, в Пермской губернии!

Нейман осоловело смотрел на Синицкого, пытаясь понять, о чём он толкует и как эти знания помогут им сейчас. Пение тем временем становилось всё громче, быстрее и яростнее, превращаясь в выкрики: «И-йа! И-йа! Шаб-Ниггурат!» и словно ведя к некой кульминации. А затем дикий хор разом смолк.

На миг воцарилось безмолвие, которое разорвал дикий животный вопль, полный боли и ужаса. Марк сразу его узнал — так кричат смертельно раненые кони. Похоже, не сумев добраться до людей, упыри избрали жертвой несчастную лошадь. А, возможно, убийство животного стало частью какого-то чудовищного ритуала — недаром ведь *они* пели…

Услышав предсмертный лошадиный крик, На-

зар в мгновение ока вынырнул из молитвенного экстаза и бросился к дверям, голося: «Зорька! Зорька моя!»

— Стоять! Не сметь! — рявкнул Нейман, наставив на парня дуло револьвера.

Тот сразу сник, пробормотал: «Господи! Да что ж это деется-то?!», сел на пол и заплакал.

Вновь стало тихо. И в этой нарушаемой только всхлипами тишине раздались звуки, от которых всех троих словно окатило ледяной водой. Сначала скрипнуло, потом громко стукнуло, словно уронили тяжёлый и твёрдый предмет, а вслед за тем под храмовыми сводами раздалось мерное «тук-тук». И звуки эти шли не снаружи, они раздавались *внутри* церкви — за иконостасом.

И у Неймана, и у Синицкого мелькнул один и тот же образ: мумия святой восстала из своего ковчега и направлялась к ним, стуча иссохшими ногами. Оба направили лучи фонарей на иконостас, готовые встретить лицом к лицу любой ужас.

Она вышла прямо из царских врат.

— Господи Исусе! Пресвятая Богородица, спаси и сохрани! — скороговоркой пробормотал Назар.

Она была высокой, на две головы выше Марка, отнюдь не коротышки, и в ней не было ничего

чёрного, напротив, кожа казалась белой как мрамор даже в желтоватом свете фонарей. А вот глаза и впрямь были как два кусочка антрацитовой черноты.

Всё в ней было одновременно чудовищно и прекрасно: увенчанная как диадемой изящными рогами голова сидела на не менее изящной шее, округлые плечи, над которыми вздымались непрерывно шевелящиеся членистые щупальца, груди, достойные Афродиты, чуть выпуклый живот, чётко очерченная талия и идеальный крутой изгиб бёдер, переходящих в длинные ровные ноги, красоту которых не портила даже странная вытянутая форма ступней, оканчивающихся чем-то вроде копыт.

Она сделала пару шагов, и оцепеневших людей окатила волна запаха, очень необычного, волнующего, дразнящего, пробуждающего самые глубокие, самые тайные желания. Марк ощутил странное томление плоти. Синицкий, судя по его напряжённой позе, тоже чувствовал нечто подобное.

Тварь приблизилась к людям почти вплотную. Она развела руки, точно любящая мать, желающая обнять своих чад. Отростки за спиной тоже разошлись в стороны точь-в-точь как ноги таран-

тула, готовящегося броситься на свою жертву. Нейман с Синицким замерли как вкопанные. Назар забыл слова молитвы, поднялся на ноги и стоял, приоткрыв рот и выпучив глаза.

— Дети мои! — сказала она, показав ряды острых треугольных зубов между чувственных губ.

Голос её был глубоким, томным и, вместе с тем, совсем не человеческим. Таким голосом могут говорить только античные богини либо соблазнительные дьяволицы в грёзах христианских аскетов.

— Дети мои! — повторила она.

Нейман почувствовал, что странное томление вот-вот перерастает в животное влечение. Сейчас он был подобен Одиссею, услышавшему зов сирен. Синицкий мёртвой хваткой впился ему в руку и едва слышимым свистящим шёпотом приговаривал «Стой! Стой!», убеждая не столько Неймана, но, возможно, в большей степени, себя. Они устояли. Назар оказался слабее. Забыв о православной вере, он медленно, мелкими шажками приблизился к Твари, и её рука и щупальца тотчас обвили его тело. Так они и двинулись к выходу из церкви, прижавшись друг к другу, словно давние любовники.

Лязгнул засов, открывая дверь. Толпа на улице

вновь ликующе запела, увидев свою повелительницу. Нейман с Синицким остались в церкви одни. Синицкий пришёл в себя первым. Он подбежал к полускрытой в пыли крышке люка и потянул за вдетое в неё кованое кольцо. Крышка, крякнув, поднялась.

— Отлично! — воскликнул Синицкий. — Подземный ход цел. Это наш с вами, Марк Наумович, путь к спасению! Теперь делайте, что я велю, и пока ни о чём не спрашивайте! Хватайте лампу, бегите за иконостас и разбейте её о крышку этого… гроба! Бейте прямо об этот проклятый символ, чтоб он вспыхнул!.. Да не стойте же, чёрт вас побери!

Марк схватил ближайшую керосиновую лампу, вспрыгнул на амвон и побежал за иконостас. Там он увидел пустой ковчег с лежащей рядом опрокинутой крышкой и понял, что их догадки были верными: вышедшая из царских врат и впрямь была той, которую безвестный отец Аристарх некогда привёз в село под видом святых мощей. От ковчега исходил тот самый густой, терпкий, пробуждающий мужское начало, запах. Нейман на мгновение замешкался, а затем перевернул крышку гроба и грохнул лампу прямо на таинственный пентакль. Пары керосина мгновенно

вспыхнули.

Марк метнулся назад. Его спутник аккуратно полил керосином из второй лампы прорезанные в половых досках линии, чиркнул спичкой и в церкви запылал второй костёр.

— А теперь вниз! — приказал Синицкий, кивнув на открытый люк.

Нейман нырнул в чёрную дыру подземного хода, Синицкий последовал за ним.

Ход уводил вниз, к подножию холма. Был он низкий и узкий, так что перемещаться по нему можно было только друг за другом и практически на четвереньках. Стены и потолок — бревенчатые, из окаменевшей от времени лиственницы.

Через несколько мучительных минут ползком Нейман увидел просвет — то был выход наружу. От времени и действия сил природы он обвалился и теперь представлял собой неровную дыру чуть больше лисьей норы. Марк, отставив фонарь и держа наготове револьвер, некоторое время прислушивался, потом осторожно высунул из дыры голову.

Никто их не подкарауливал. С вершины холма неслись звуки нечеловеческой вакханалии — похоже, все обитатели села собрались там. Возможно, воздавая почести своей хозяйке, либо

(Марку не хотелось об этом думать) приветствуя нового члена общины в лице Назара.

Нейман собрался уже вылезти наружу и помочь Синицкому, как вдруг в окружающем мире что-то неуловимо изменилось. Оба почувствовали стремительное приближение чего-то страшного, могучего, неумолимого и стремительного, как ураган или цунами.

И тотчас в уже скрытом ночью лесу оглушительно затрещали падающие деревья. Нечто ломало их и впереди, и слева, и справа, словно целое стадо доисторических гигантов продиралось через чащобу. Вслед за тем раздался рёв, как показалось Марку, гневный и торжествующий одновременно. Рёв не принадлежал ни одному обитающему в этих краях животному. Так мог реветь только библейский зверь Бегемот.

Марк юркнул обратно в спасительную тесноту, и они с Синицким, не сговариваясь, поползли вглубь — как можно дальше от ревущего ужаса. Там, посреди прорытого далёкими предками подземелья, скрючившись на холодном земляном полу, выключив фонари (батареи которых и без того уже едва дышали), в полной темноте, они сидели и напряжённо прислушивались к происходящему снаружи.

А там творился настоящий содом. Сквозь спасительный слой почвы над головой доносились вопли, треск ломаемых брёвен и всё тот же рёв неведомого чудовища. А ещё время от времени земля содрогалась от тяжёлых ударов, словно по ней тот тут, то там били паровым молотом.

Они покинули своё убежище на рассвете, закоченевшие от холода, измученные страхом и бессонницей. За ночь небо окончательно очистилось от облаков, сквозь лес пробивались лучи неяркого осеннего солнца, воздух был холоден и неподвижен. Стояла абсолютная, невероятная тишина. Нейман нервно озирался, водя туда-сюда стволом револьвера, Синицкий был молчалив, выглядел задумчивым и подавленным.

Убедившись, что никто их не подкарауливает, Марк поднялся на храмовый холм и замер, поражённый открывшейся ему картиной. Весь лес, примыкавший к окраине села, был повален. Молодые берёзки и вековые ели лежали вперемешку, сломанные либо вырванные с корнем.

Самого села больше тоже не существовало: вместо домов, амбаров, сараев и заборов лежали лишь груды брёвен, досок и камня. Не осталось и церкви. Она не сгорела, но была разнесена в щепки всё той же неведомой силой. Словно

смерч, возникший из ниоткуда и обладающий злой волей, выплеснул свой гнев на человеческие постройки и унёс в поднебесье всех жителей.

— Назар! Наза-а-ар! — несколько раз крикнул Нейман, питая слабую надежду, что парень жив.

Но, похоже, тот был похищен той же неведомой силой.

— Не тратьте силы, Марк Наумович! Нам с вами ещё идти почти двадцать вёрст, а у нас маковой росинки со вчерашнего дня во рту не было, — сказал Синицкий, который тоже поднялся на холм и теперь кутался в пальто, тщетно стараясь согреться.

Нейман обернулся к своему спутнику. На его лице читалась полнейшая растерянность.

— Пётр Васильевич, да что же это?..

— А это, Марк Наумович, то, о чём вы не прочтёте в учебнике естествознания… — Синицкий закашлялся. — Какое объяснение увиденному вы хотели бы получить?

— Объяснение? — тупо повторил Нейман. — А… разве их несколько?

— Предлагаю немедленно двинуться в обратный путь, — предложил Синицкий. — Откровенно говоря, мне хотелось бы поскорее убраться отсюда. Думаю, вам тоже. А по дороге я изложу

вам своё видение произошедшего.

Они прошли от руин церкви до начала просёлочной дороги, настороженно озираясь, но не увидели ни жутковатых обитателей села, ни их тел, ни Назара, ни несчастной лошади. Когда последние признаки некогда человеческого жилья остались за спиной и по обочинам потянулись ряды могучих уральских пихт и елей, оба почувствовали некоторое облегчение, словно перешли границу, отделяющую привычный мир от мира непонятного и пугающего.

Некоторое время они молча ступали по слегка присыпанной снегом и прихваченной морозцем земле. Марк несколько раз вопросительно поглядывал на Синицкого, ожидая, когда тот заговорит, но ни о чём не спрашивал.

— Что ж, Марк Наумович, — наконец со вздохом сказал Пётр Васильевич, немного замедлив шаг. — Я обещал вам два объяснения. Извольте!

Чтобы понять первое, необходимо принять на веру одну вещь, а именно — что рядом с нашим миром испокон веков существует мир тайный. Облик, разум, цели обитателей этого мира настолько далеки от всего привычного и понятного нам, что способны вызывать только безграничный ужас… Не спешите мне возра-

жать, мол, всё это мистическая чушь!.. Советская Власть отменила библейского бога. Может, оно и правильно, да вот иные боги и демоны, похоже, никуда не делись.

Когда я услышал имя Шаб-Ниггурат, — Синицкий понизил голос, — я осознал, что та проклятая книга врезалась в память гораздо глубже, чем можно было ожидать. В книге было сказано, что Чёрная Коза — не просто божество плодородия, она — олицетворение жизненного цикла, включающего рождение и смерть. Она не только постоянно порождает целый легион отпрысков, но и пожирает их. Понимаете, к чему я?

— Нет, — признался Нейман.

— Помните, вы сказали, что символы на полу церкви, в частности, круг, могут быть охранными знаками? Непонятно было лишь, *кого* и *от кого* они должны защищать. Но когда на амвон вышла эта… полуженщина, я сложил два и два: её! от её ужасной матери! — Синицкий сделал паузу, чтобы перевести дух, и внимательно посмотрел на Неймана, понимает ли тот ход его мыслей. — Понимаете, друг мой? Оно… она — одна из пресловутого Легиона Отпрысков!

А прочие жители села — её потомки, скорее всего, плоды противоестественных союзов с людьми.

Когда мы с вами подожгли керосин, огонь разрушил целостность защитных символов, и эти несчастные… хм… уродцы сами призвали своё божество, свою прародительницу себе на погибель.

Марк молчал.

— Скажите, — спустя добрый десяток минут произнёс он. — А какова вторая версия?

Синицкий вздохнул:

— Вторая… Вторая вполне себе реалистичная: наследственные заболевания, приводящие к различным уродствам, вкупе с кровосмесительными связями и, как результат, физическая и духовная деградация целого села. Правдоподобно?

— А разрушения?

— А что разрушения? — Синицкий театрально развёл руками. — Стихия! Осенний шквал. Или даже землетрясение — явление в наших местах исключительное, но всё же вероятное. Вы же ощущали, как трясётся земля, когда мы с вами сидели… там? — Пётр Васильевич показал пальцем вниз.

Нейман глубоко задумался. Может, и вправду, всё было простым совпадением: деградировавшие до почти животного уровня сельчане, отягощённые передающимися от матерей детям уродствами, странный культ Чёрной Козы (что ж,

бывают и более извращённые религии!), удар стихии… И сжигание охранных символов совершенно ни при чём.

Наверное, со временем Марк бы убедил самого себя, что именно так всё и было на самом деле. Если бы не одна пугающая деталь, бросившаяся ему в глаза сразу же, едва они с Синицким покинули на рассвете своё импровизированное убежище: вся земля на территории села была покрыта огромными — избу можно поставить! — глубокими вмятинами. Вмятины были округлой формы и отдалённо напоминали отпечатки раздвоенных копыт. То были следы колоссального Существа, явившегося из Ниоткуда и ушедшего в Никуда.

Корабль-призрак
Даниил Лукьянченко

Эта удивительная история случилась со мной во время поездки в Тропеа, городок на юге Италии, расположившийся на носке «сапога». Я искал вдохновение для своей новой книги, в которой мне хотелось рассказать о морских приключениях, сражениях с древними чудовищами глубин и о поиске несметных сокровищ.

А этот прибрежный город показался мне идеальным местом, чтобы найти свою морскую Музу.

Я поселился в маленькой ухоженной гостинице. По утрам завтракал и отправлялся читать книги о странствиях по морю, чтобы понимать, о чём буду писать, днём обедал и шёл бродить по городу и берегу, рассматривая их и достопримечательности (особенно стоит отметить кафедральный собор, построенный ещё в XII веке, чья величественная древность завораживает), а вечера я коротал, составляя план будущего романа.

И вот, на третий день моего пребывания в го-

роде, я наткнулся на след того, что могло бы послужить моему вдохновению.

Как обычно, днём я отправился на прогулку по берегу. С моря дул лёгкий бриз, маленькие волны то набегали на сушу, то снова отступали. В небе галдели птицы.

Босыми ногами я брёл по горячему песку, как вдруг мне встретился старик, одетый в тряпьё. Он задумчиво глядел на волны, теребя седые усы.

— Добрый день! — поздоровался я.

— А, добрый, — будто вырвавшись из сетей своих мыслей, ответил старик. — Вы что-то ищете здесь?

— Только вдохновение, — ответил я.

— Ах, вот оно как. А расскажите подробней, — заинтересовался старик.

И я рассказал ему о том, что приехал сюда из Турина, чтобы проникнуться духом моря и написать книгу о приключениях смелой команды корабля.

Старик слушал меня с неподдельным интересом, а когда я закончил свой рассказ, задумчиво произнёс:

— Знаете, я могу вам кое-чем помочь. Уверен, это именно то, что вы ищете.

Сердце подпрыгнуло у меня в груди, я принялся

поторапливать своего собеседника рассказать мне всё.

— Видите вон тот мыс? — старик указал вдаль. — Говорят, если прийти туда в полночь, можно увидеть и услышать сражение корабля-призрака «Император», затонувшего пятьдесят лет назад. Никто не знает, что его потопило — то ли буря, то ли что-то ещё. Одному Богу ведомо.

Дыхание у меня перехватило. Вот! То, что я искал!

Поблагодарив старика, я отправился в гостиницу, где провёл несколько часов, готовясь к прогулке к мысу.

Стрелки часов близились к полуночи, и я отправился к берегу. Луна ярко освещала мне дорогу, с моря дул прохладный ветерок, а волны разбивались о песок и камни.

Я встал на огромную глыбу и стал пристально всматриваться в горизонт. Вдруг до моих ушей донёсся грохот от пушечных выстрелов, я огляделся — нигде не было ни кораблей, ни сражений.

Мой взгляд снова устремился к морю, на горизонте я заметил бледно-голубое свечение и яркие вспышки, мелькавшие одна за другой. Звуки выстрелов снова донеслись до меня. Старик

не обманул! Я действительно слышал и видел его — загадочно погибший корабль «Император»!

Вскоре всё стихло. Я постоял ещё недолго, в надежде вновь увидеть его, но он не появился. Пришлось возвращаться в гостиницу. Но возвращался я с твёрдым намерением снова прийти к этому мысу.

Следующий день тянулся невыносимо долго, я бродил из угла в угол, ожидая ночи. Книги не шли ко мне в руки, еда не лезла в горло, людей видеть я не хотел. И вот гнетущее ожидание кончилось — стрелки часов приблизились к полуночи. Я выпил стакан воды и в спешке отправился к берегу.

Вскарабкавшись на ту же глыбу, я устремил взгляд на море. Волны стали больше, а ветер крепче, но я стоял и ждал. И он появился. Пушечные выстрелы разрезали ночную тишину, на горизонте вспыхивали огоньки и поднимались струи дыма. Но что-то было не так как в прошлую ночь.

И тут меня словно сквозняком обдало! В раскатах пушечных залпов я отчётливо слышал рёв. Рёв — будто схлестнулись в битве демоны.

Ноги мои задрожали, дрожь перетекала

в остальные члены тела. Мир перед глазами поплыл, меня словно затянуло в водоворот, и я потерял сознание.

Пробуждение моё стало для меня шоком. Я очнулся оттого, что в лицо мне плеснули холодной морской водой.

— Эй, вставай, — сказал матрос, стоявший возле меня.

В руке у него было ведро.

— Что случилось? — спросил я, вставая с пола и потирая затылок.

— Ты поскользнулся и упал, — ответил мне моряк. На нём была рваная рубаха и такие же штаны. Ветер трепал его отросшие рыжие волосы. — А теперь давай за работу, пора драить палубу.

Я огляделся по сторонам и в ужасе оцепенел. Вокруг меня сновали моряки, а сам я был на борту корабля. Судно шло по спокойному морю, вдали виднелся берег.

— Эй, ты оглох? — спросил всё тот же матрос. — Давай за работу! На «Императоре» лентяев не терпят!

«Неужели неведомые силы отправили меня на борт затонувшего корабля? — подумал я. — Но ведь он быстро идёт по волнам, а не лежит

на дне, окутанный тьмой и мёртвым молчанием. Невообразимо!»

Я обомлел, но взялся за ведро и тряпку — решил, что буду подчиняться морякам, пока не пойму, как очутился на борту затонувшего давным-давно корабля, который неизвестно как восстал из забвения.

Драить палубу было делом непростым. Судно то и дело ходило из стороны в сторону, и я хватался за всё подряд, чтобы не упасть снова.

— Мы идём у берегов Италии! — крикнул матрос с вершины мачты.

— Поднять все паруса! — приказал мужчина у штурвала.

Видимо, капитан. Его длинные чёрные волосы были собраны в хвост, а сильные руки удерживали штурвал. На правой виднелся огромный шрам, шедший от сгиба локтя.

Но внезапно ветер стал невероятно силён, и паруса затрещали, будто вот-вот порвутся. Голубое небо посерело, и на нём сгустились тучи. Приближался шторм.

— Зарифить паруса! — приказал капитан.

Судно уменьшило свой ход.

Мы шли медленно и осторожно, как вдруг в правый борт ударилось что-то огромное. Огром-

ное настолько, что корабль покачнулся.

Один из моряков отправился посмотреть, что это было.

Он стоял и рассматривал бьющиеся о борт волны. И вроде бы ничего не предвещало беды, как вдруг корабль резко накренился на левый борт. Матрос взмыл в воздух, а через мгновение откушенная ниже пояса часть тела упала на палубу. Я и вся команда в ужасе застыли. На нас таращился вырвавшийся стрелой из волн огромный змей, словно вышедший из древних преданий. Его хищные серые глаза были неподвижны, но каждый из нас ощущал на себе их взгляд. Серовато-белая чешуя и длинные рога на голове блестели в прорывающихся сквозь тучи слабых лучах солнца.

— Огонь! — раздался голос капитана.

И двое матросов у правого борта выстрелили из пушек. Ядра пролетели мимо чудовища, но этого хватило, чтобы разжечь в нём жажду крови.

Змей бросился на матросов. Одного проглотил живьём, а второго скинул за борт.

Команда корабля в панике обнажила оружие, в воздух поднялись запахи пороха и дыма. Я забился среди бочек, еле сдерживая истерику

и смотря, как монстр пожирает и топит людей.

Вдруг рядом со мной упала рука. Капитана. Мои глаза застелила серая пелена, и я бросился бежать. Не помня себя от ужаса, урывками я видел, как чудовище оплетало корабль своим огромным телом, как вокруг летели щепки, катались бочки и кричали люди. Выстрелы не замолкали ни на секунду. Одна из бочек пороха вспыхнула и взорвалась, оставив дыру в палубе.

Я бежал к носу судна, желая скрыться от разъярённого монстра, крушившего корму корабля, как вдруг меня сбил с ног обломок мачты. В следующий миг меня захлестнуло волной и выкинуло за борт.

Тело не слушалось меня, и я камнем шёл ко дну. Воздуха не хватало, перед глазами темнело, а в ушах стоял приглушённый грохот и шум крови, бегущей у меня по венам.

Через несколько секунд я потерял сознание.

И вы, наверное, подумали, что я умер. Но нет!

Сознание вернулось ко мне. Я лежал под голубым безоблачным небом. Волны тихо накатывали на берег и отступали. Я поднялся на ноги и остолбенел. Я был на той же каменной глыбе, на которую забрался ночью, чтобы высмотреть корабль-призрак. Будто просто уснул на ней.

Вот так и кончилась эта история. Я поспешил в гостиницу, так до конца и не понимая, был ли то дурной сон или реальность. Оказался ли я на борту «Императора» в своих грёзах или наяву. Ответа на эти вопросы мне никогда не получить, а страх от пережитого будет сидеть во мне всю жизнь. Остаётся только написать роман, описав в нём это невероятное и загадочное событие, ведь именно этого я и хотел, однако за вдохновение пришлось заплатить душевным спокойствием. Может, изложив всё на бумаге, я облегчу душу.

Кошки Бубасти
Маргарет Руан

Дорогой друг!

Знаю, тебе сложно будет поверить в то, о чём я хочу рассказать. Возможно, сочтёшь меня сумасшедшим… Поверь, я и сам тогда себя таковым посчитал и решил ту ночь унести с собой в могилу, не оставив о ней записей даже в дневнике. Но, видя то, что ты творишь, я почувствовал, что должен предупредить тебя. Верить или нет — решать только тебе. И все твои действия тоже будут на твоей совести. Но, пойми, я лишь переживаю за твою жизнь, ведь боюсь, что ты столкнулся с чем-то более опасным и могущественным, с тем, что превышает силы и возможности человека.

Каким бы скептиком не был бы я, должен признать, что не всё в этом мире поддаётся научному объяснению. Не всё может обуздать человек. Над чем-то власти у нас никогда не будет, а над чем-то и не было, хотя думали мы совершенно иначе. То, что я тебе расскажу сейчас, случилось больше десяти лет назад, но я отчётливо помню

каждую деталь. Боюсь, даже перед ликом смерти я бы не смог стереть из памяти эти события.

То был знойный июнь две тысячи третьего года. Жара в Египте достигала отметки в тридцать четыре градуса на солнце, да и в тени было немногим легче. Увы, нам пришлось жариться под жестоким светилом — ни один водитель не согласился отвезти нас на место раскопок, и нашему переводчику, которого звали Муса, пришлось искать верблюдов в аренду. На них-то мы и отправились к руинам Бубасти. Ты хорошо знаешь этот город. Тогда ещё шли раскопки, а до их резкого окончания оставалась всего неделя. Конечно же, мы этого не знали, и отправлялся я туда с намерением провести на объекте не менее полугода.

Муса заверил, что по прибытию нас встретит местная семья и поможет нам с нашими бытовыми потребностями, пока он будет возвращать верблюдов. Так и вышло. Правда, из-за языкового барьера я не смог понять, что говорил глава семейства, а стоило насторожиться уже тогда — ведь вид у него был крайне обеспокоенный. Зато коллеги встретили нас куда радушнее. Начальник археологической экспедиции, Тице Карл, посвятил меня в подробности о ходе раскопок,

а также показал ту самую статую.

Честно скажу, не сразу я признал в ней супругу фараона Меритамон. На египтологические споры с Карлом я потратил не меньше двух суток. В дневнике я описал эти дни как, «самые сложные и упрямые», но это даже вполовину не так. Увы, мои надежды на то, что изваяние принадлежит богине Бастет, были разбиты после полного перевода иероглифов у основания постамента.

Но дело было совсем не в статуе и не в наших дискуссиях, а в поведении людей на раскопках.

Семья, у которой мы остановились, не подходила к руинам Бубасти. А ещё, это очень важно — у них у всех были сбриты брови. Когда я спросил Мусу об этом, он пояснил, что это древний обычай скорби после похорон кошки.

Ты же знаешь, что Бубасти — это большой кошачий некрополь?

Я тогда пошутил, что далеко им ходить не пришлось, но Муса сильно осудил мой чёрный юмор. Стало неловко. Так или иначе, но кошек, кроме мёртвых и мумифицированных, в городе не было. И я бы вовсе не обратил на это внимания, если бы глава семейства не пытался мне что-то сказать. Чем больше он говорил, тем бледнее становился Муса. Но когда я попросил его перевести,

он отнекивался. Конечно, он не всегда замалчивал слова хозяина, а однажды я увидел, как Муса терпит пощёчины.

После этого он пришёл ко мне ночью (то было полнолуние и наши четвёртые сутки на раскопках), когда я уже полностью погрузился в изучение материалов и не замечал странного поведения моих коллег. Муса вошёл в помещение очень тихо — когда он заговорил, то напугал меня до одури.

Я раздражённо спросил, что ему было нужно, а он начал извиняться и испуганно заикаться:

— Мистер, п-прошу вас, д-д-давайте уедем, — вот, что он сказал мне в ту ночь, и, клянусь богом, знай я, что меня ждёт, немедленно согласился бы.

Но я был глуп.

— Что на тебя нашло, Муса? Мы ведь с таким трудом добрались сюда! В чём проблема? — я был очень зол на дрожащего Мусу, на его недомолвки, и, в особенности, на это абсурдное и инфантильное предложение.

— Хозяин д-дома рассказал мне п-правду. Нас ждёт п-п-погибель, — Муса встал на колени и начал умолять меня уехать, но я был непреклонен.

Как жаль, что я был тогда таким упрямым ба-

раном!

— Они п-придут этой ночью и з-заберут своё. П-прошу, д-д-давайте уедем! Хозяин д-дома уже с-с-собирает в-вещи.

— Что за глупые местные суеверия? Нам нужно обследовать остатки храма.

Я вытолкал Мусу и вернулся к работе. Чуть позже, подняв голову, чтобы размять затёкшую шею, я заметил в темноте кошку. Поначалу я не придал значения ни её смиренному ожиданию на пороге комнаты, ни зловеще-горящим глазам. Когда же я понял, что это первая кошка, которая показалась в этом городе, меня почему-то пробрала дрожь. Что-то подсказывало мне, что живых кошек здесь быть не может. Стало трудно дышать.

Я уставился на зверька, не в силах сдвинуться с места. Клянусь, если бы в этот момент она прыгнула в мою сторону, я бы завизжал от страха. Но кошка медленно, грациозно шевельнулась, а затем вышла из дома.

Не знаю, что заставило меня пойти следом. Было ли это желание убедиться, что странное животное точно ушло, а не затаилось в тени? Или же мною руководило любопытство исследователя? Не знаю, на что я надеялся больше — что кошка растает в воздухе, подобно пустынному

миражу, и я смогу списать всё на переутомление, или же на то, что зверь всё-таки настоящий и может приоткрыть передо мной завесу тайн, которыми богато это место…

Так или иначе, но я, как под гипнозом, вышел в ночь, не сразу даже заметив, что позабыл надеть обувь. Благо, песок был не сильно холодным. Шелест песчинок под моими босыми ногами напоминал шипение змей, а земля, казалось, вздыхала от каждого шага.

Кошка направлялась к руинам храма. В темноте было сложно различить её чёрный силуэт. Словно зная, что человеческое зрение в ночи уступает её, кошачьему, она иногда останавливалась, позволяя себя догнать. Пока я подходил, кошка оценивающе смотрела на меня немигающими зелёными глазами.

Подходя всё ближе к раскопкам, я не мог поверить своему взору. Вот сейчас ты, конечно, решишь, что я сошёл с ума, но, уверяю тебя, я действительно видел чудо: храм Бастет был цел!

Он возносился до самого звёздного неба. Его крыша темнела под танцем лёгких всполохов дрожащего огня, что тлел в руках двух исполинских статуй перед входом. Двери храма были открыты — туда стекалась процессия кошек всех

размеров и окрасов. Маленькие хищники шли внутрь, не останавливаясь, словно чья-то чарующая воля манила их за собой. Отзвуки странной музыки, что долетали до моего слуха, заставляли вслушиваться в ритмичный звон систров. С каждым мгновением она становилась всё громче, и каким-то краем сознания я отметил, что ноги сами несут меня под храмовый свод.

Но магия то была или божественная воля — это неважно, ведь я бы в любом случае вошёл внутрь, наплевав на таящуюся в ночи опасность. Возможность увидеть своими глазами древний храм Бубастиса в полной целости и сохранности стоила любого риска.

Если, дочитав до этого момента, ты не посчитал меня сумасшедшим, то, верно, решил, что я видел лишь чудный сон. Но поверь мне, мой друг, ни в одном сне не увидеть такого величия и красоты, как в том храме, восставшем из бездны веков!..

Однако, не успел я толком рассмотреть иероглифы на стенах, как всё моё внимание приковала статуя Бастет. Не столько даже, пожалуй, статуя, как женщина, что молилась у ног котоглавой богини. Кожа её была цвета папируса, а облегающее белое одеяние на ней напоминало калазирис. Я не мог видеть её лица, но меня смутили стран-

ные волосы. Это не был традиционный чёрный парик, о нет! На голове у неё словно бы росла песочная львиная грива. Все кошки, что стекались в храм разноцветной шерстяной рекой, доходили до этой женщины с гривой, а затем степенно рассаживались полукругом подле неё.

Я сделал шаг к женщине, неосторожно наступив на хвост крупному полосатому коту. Его возмущённый демонический визг эхом прокатился по стенам храма. Я думал, что от этого жуткого звука у меня остановится сердце. На моей лодыжке тут же заалели царапины от когтей, а музыка, что лилась неизвестно откуда, мгновенно стихла.

Женщина прервала молитву и обернулась. Встретившись с ней взглядом, я убедился в своих опасениях: она не была человеком. Её глаза были глазами зверя — узкие зрачки чернели в обводке песочной радужки. Глубокие морщины пролегали на скулах и щёках, отчего нежный девичий облик почти терялся в хищном оскале. Она дёрнула верхней губой, обнажив заострённый клык, и направилась в мою сторону. Кошки последовали за ней.

В моём сознании билась одна мысль — «Бежать!», но ступни словно приросли к каменному

полу храма. От ужаса я не мог шевельнуться, не мог двинуть ни пальцем даже тогда, когда она подошла вплотную и стала обнюхивать меня.

Она говорила на древнем языке, и каждое её слово врезалось мне в память. Как много я бы отдал раньше, чтобы вживую услышать его звучание! Пусть даже такое, безжалостно искажённое звериным рыком… Но я не мог перевести всё в точности, и тогда её жестокий голос зазвучал у меня в голове знакомыми словами:

— Скольких ещё моих детей ты убьёшь? Неважно. Я не стану твоей. Не стану. Мои мёртвые дети не покинут эту землю и эти стены. Даже когда всё превратится в пыль, я буду мстить каждому, ступающему по территории храма без должного уважения.

Её пальцы с острыми когтями медленно прошлись по моей шее, и эта тупая боль отрезвила меня. Лишь тогда я смог очнуться от наваждения — рванулся прочь, и бежал, не помня себя, до самого дома приютившей меня семьи, который действительно оказался покинут своими хозяевами.

Друг мой!

Если бы не шрамы, что остались на моей коже, я бы принял эту ночь за сон. За обычный ночной

кошмар, что преследовал меня, как и кошки в ту ночь. Но раны были настоящими, и кошачьи следы утром у ворот были настоящими. Но никому я не осмелился сказать правды.

И вот сейчас, когда цивилизация подступает всё ближе, а следы священного прошлого растаскивают по разным уголкам мира, я прошу тебя — не участвуй в этом. Не повторяй моих ошибок, не приезжай на эти проклятые руины. А лучше прими меры и убеди других отступить от священной земли. Сбереги себя и жизни невинных людей.

Она гневается на тех, чьи руки ломали шеи её детей, и тех, кто ломал её храм. Она ослеплена яростью, для неё нет разницы между людьми. А кошки, живые и мёртвые, явятся по её зову.

Я принял решение никогда больше не возвращаться в Бубасти, но до сих пор вздрагиваю, когда встречаю на улицах этих зверей. Они смотрят на меня, не моргая, как и та, первая, и словно чего-то ждут. Словно следят. Или к чему-то готовятся. Маленькие кровожадные хищники, которые убивают не только ради еды, но и для удовольствия, и долго играют с испускающей дух добычей. Быть может, моя душа уже стала добычей… для неё?..

Прошу, поверь мне, и не повторяй моих ошибок. Не ступай по священной земле и не тревожь покой мёртвых кошек. Иначе она явится за тобой.

С любовью и добрыми надеждами, Н. Хартманн.

Шпокры-мокры
Ирэн Блейк

Шпокры-мокры, ать, два.
Шпокры-мокры, где жратва…
Шпокры-мокры, ты в дожди
в огород не выходи…

Мерное «как-как-кап» и протяжно долгое, раздражающее «там-там-там» бьющих по крыше дождевых капель мешает Олежке заснуть. За окном, плохо прикрытым ставнями, — глухая ночь.

В старом доме пусто, только полосатая злющая кошка Шкура сопит где-то на печи. Бабка Яська во дворе и уже давно.

Олежка не любит старуху. Да и за что любить сварливую женщину, скупую на ласку, да ещё не родную? Но всё равно ему неспокойно.

Дождь немилосердно льёт с мрачных небес уже третьи сутки подряд. Сердитый ветер проникает в оконные щели, посвистывает в печной трубе.

«Может, кошку позвать?» — раздумывает мальчишка.

Хотя кошка тоже не ласкова, как и её хозяйка.

Шестилетний Олежка крутится на низкой койке с тонким матрасом, чувствуется каждая просевшая пружина кровати. Даже под его малым весом койка всё равно недовольно скрипит.

Бух!..

В который раз за ночь от ветра стукает о стену ставень.

«Ну, куда же подевалась бабка? Почему она не приходит так долго?»

Олежка зевает. Недавний сон ушёл, хотя привычная усталость и тоска никуда не делись.

После трагической смерти отца мать стала пить. Затем уволилась с одной работы, не задержалась и на другой. Вот и нечем стало платить за детсад. И отправили Олежку вместо детского сада временно жить к бабке Яське. К приёмной матери его отца.

Яська растила отца Олежки, а потом, когда отец возмужал, выгнала из дома на все четыре стороны. Так мальчишке рассказывала мать, когда поздним вечером выпивала чуток коньяка и начинала долгий разговор — вместо обещанной сказки на ночь, вместо мультфильмов, которые смотрят дети по вечерам. Рассказывая о бабке Яське, мама рассеянно улыбалась, повлажневшими глазами тоскливо глядя на сына, и то и дело

нервно поглаживала и трепала его светло-русые, вечно взлохмаченные волосы.

Холодно в хате. Ветхое одеяло не спасает. Олежка съёживается, подтягивая колени к груди, и всё равно ему зябко.

Старая Яська вечно кутается перед сном, как капуста, а сама жалеет как следует протопить печь на ночь, чтобы Олежке хоть раз за ночь хорошенько согреться.

Из своей пижамки с колобком на груди мальчишка давно вырос. Штаны коротковаты, кофточка едва налезает, трещит, когда протискиваешь в неё плечи, но всё же Олежка всё равно ею дорожит.

Оконный ставень хлопает всё настойчивей. Мальчик слышит, как кошка прыгает с печи. С лязгом падает задетая ею кочерга.

«Яська будет ругаться, — думает мальчишка. — Впрочем, как всегда. Может, встать и посмотреть в окошко?»

Беспокойство внутри всё возрастало, а ставень всё назойливей скрипел и хлопал на ветру.

Олежка со вздохом закрыл глаза — и снова открыл, потому что не давал собраться с мыслями и успокоиться противный неутихающий дождь, глушащий в хате все звуки. Может, сейчас Шкура

ловит мышь?

Яська часто, когда серчала, говорила ему про мышей, которые тихонечко приходят из-под пола да вылезают из норок по ночам к плохим и непослушным мальчикам, не помогающим своим бабушкам.

«Мыши, — говорила она, — пребольно кусают за пятки, за нос и грызут детские ушки. Их любимое лакомство. А полосатой Шкурке, — добавляла Яська, обдавая мальчишку запахом чеснока и мясного зельца, — скажу, чтобы ночью дала им волю. Не сторожила бы хату, и пусть тогда приходят и искусают тебя, негодный мальчишка!»

Яська большую часть дня варила самогон, а потом постоянно, раз за разом посылала его по соседям разносить товар в тяжеленной корзине. Будто и не знала, что у мальчишки кроссовки протекают и носки всего одни. А резиновые сапоги для дождливой погоды его мама, как назло, дома забыла.

Дзинь. Шпонк. Дребезжала едва сидевшая в гнезде входной двери ручка… Тсик. Тсик. Кто-то настойчиво раз за разом дёргал её, намереваясь войти в дом.

Кто же это? Неужели бабка Яська впотьмах

колупается? Она же всегда, даже когда выходила в нужник ночью, брала с собой короткую толстую свечку в стеклянной банке.

От страха у мальчишки вспотели ладони. Тут же холодный пот проступил на спине и потёк вниз липкой, вызывающей гадливость струйкой.

«Это не она, не Яська», — шептал, внушая ещё больший страх, собственный внутренний голос.

Старуха, хоть с виду древняя и скукоженная, как высохший мох на замшелой коре дуба, бегала шибко, а как выпьет стаканчик собственной сивухи, то вообще резвой бывает, как козочка, и сразу добреет, сухими баранками Олежку угощает, не жадничает.

Бабка Яська даже с закрытыми глазами, даже на ощупь легко зашла бы в хату.

— Мммур-рур, — жутко и протяжно завывая, утробно исторгла кошка и стрелой пронеслась по полу, топоча, как приглушённая пулемётная очередь.

Тр-тр-тррр.

Разом вспомнились приходившие помогать бабке по хозяйству (перекапывать и собирать урожай на необъятном участке за хатой) заросшие и бородатые, как лешие из сказок, мужики. Они воняли так же мерзко, как бабка Яська, хотя

и не такие старые.

— Вот пойдут дожди, да, Марат? — хрустел огурцом вприкусу с салом седой, как лунь, усатый мужик с хитрым прищуром карих глаз.

Марат сидел за столом напротив. Внушительный дядька, с бельмом на глазу, в фуфайке, с колоритной внешностью и протяжно-булькающим говором вечно нагонял на Олежку неподконтрольную жуть. Он обычно сидел, согнувшись над тарелкой. Сутулый, широкоплечий, с большими руками, ладони в мозолях и с заскорузлыми от грязи ногтями.

— Ага, — бурчал в ответ седому Марат, часто прикладываясь к алюминиевой кружке, которую доверху наполняла сивухой гостеприимная Яська, угождая мужикам за труды на своём необъятном огороде.

— Зальют дожди нашу землю, — продолжал трепать языком седой мужик, — зашваркает от воды под ногами, раздуется перепоенная почва, вот и повылазят со своих нор пузыри *шпокры-мокры*. Ать, два. Да начнут рыскать в поисках поживы по ночам. Как те солдаты. Тогда держи ухо востро да на улицу по ночам не выходи, а если мерещиться да постукивать в ночи что будет, то лучше лишний раз перекрестись перед

образом, крест поцелуй, соль сыпани через плечо, но ни в какую, сука, за порог дома не суйся, каб не сцапали. А то знаешь же, как к зиме готовятся твари.

Седой бросил в рот кусочек сальца, запил самогонкой и продолжил:

— Жрут и, чтобы людей морочить, перевоплощаются… — седой крякнул, отрыгнул, резко поднял голову и, посмотрев прямо на печку, выставил жирный, вымазанный сальцем палец и погрозил затаившемуся в теплоте, за шторкой, мальчишке. — Мотай на ус, слышь, малой!

— Шитсс, черти старые, брешете всё, что балаболки! — рявкнула Яська и недобро зыркнула на Олежку, приказав немедленно с печи слезать да спать ложиться.

…Мальчишка моргнул.

«А вдруг», — закралась жуткая мысль, — «её сцапали те самые?..»

«Нет. Это всё байки. Трёп», — безуспешно пытался он отогнать собственный страх.

Олежка всё же встал с постели. Холодный пол студил пятки сквозь стоптанные носки.

— Иии, — пискляво скрипнула входная дверь и резко закрылась.

Олежка замер на месте, услышав шаги по полу.

Неспешные и тяжёлые. Топ-топ-топ. Громко протопали из сеней в кухню.

Снова жутко замяукала кошка. И Олежке стало так страшно, что мочевой пузырь враз болезненно сдавило.

— Ах… — выдохнул он.

— Ать, ять, хвать, брать, — раздалось с кухни. — Что пожрать, что слопать, — бурчала, непривычно шепелявя, Яська.

Вроде и голос был её. Но эта лёгкая шепелявая нотка до ужаса пугала мальчишку.

«Глупости. Хватит уже», — сказал себе Олежка.

«Что ты, как сопляк, вечно сцышь?!» — неожиданно басисто прозвучал в его голове голос Антохи, подростка-хулигана, соседа по подъезду.

Олежка вздохнул, снова забрался в постель и, с головой накрывшись одеялом, закрыл глаза и стал вспоминать, как катал его на самодельных качелях отец.

То был летний погожий день, полный игр и приключений. У отца отпуск. Прямо с утра Олежку ждали карусели и сахарная вата, ледяная «кока-кола» и открытое окошко в машине, куда отец разрешал высовывать ладошку, а потом, под вечер, после дневного сна, были те самые «счастливые» качели, сделанные отцом из шины,

на верёвке, перекинутой через толстый кленовый сук.

Олежка помнил, что до слёз ухохатывался от восторга, и отец тоже смеялся, при этом постоянно щурился от солнца. Олежке тогда казалось, что из уголков отцовских глаз будто бы тонкими линиями-искорками выстреливали смешинки.

…Мальчишка согрелся, и сон кошачьей поступью, незаметно подкрался к нему. И то, что снилось, смешалось с реальностью: то ли взаправду слышалось, что кто-то в хате всё жадно, будто давясь, шамкал и почти что по-пёсьи тявкал.

Олежка проснулся от тяжести на груди. Помычал недовольно и открыл глаза. Узкой полосой из окошка на пол пробивалось солнце. На его груди свернулась клубком кошка. Она похрапывала, чуточку подрагивая хвостом.

— Брысь, — сказал мальчишка.

Кошка не спешила уходить и только водила ушами из стороны в сторону.

— Шкура, пожалуйста, иди, — попросил он.

Но все слова были без толку. Поразмыслив, Олежка подтянул одеяло к себе и, как с горки, заставил съехать к концу кровати увесистую кошку. Шкура недовольно зашипела, с укором

глянула на него и легко спрыгнула с постели.

Олежка оделся и, первым делом, раздвинув занавески, открыл окно, убрав ставни.

На кухне царил жуткий погром. Воняло чем-то гадким. Олежка поморщился и вышел во двор. Сходил в деревянную будку, служившую туалетом.

Хотя светило солнце, но на улице стояла октябрьская прохлада. По двору бегали куры, путались под ногами. Петух сидел на заборе и недовольно поглядывал сверху.

— Яська! — позвал мальчишка, затем крикнул: — Бабка Яська, ты где?!

На перекопанном огороде стояли лужи. Вокруг ни души, кроме нескольких ворон, кружащих в ясно-голубых, будто вымытых прошедшим дождём небесах… В желудке мальчишки заурчало. Он обыскал весь двор. Удивился только, что сарай заперт. Неужели бабка забыла, что внука нужно кормить, и ушла, даже не побурчав, как обычно, с утра? На старуху это не похоже. Что ж, видимо, придётся справляться самому. Олежка вернулся в хату, поставил чайник, нарезал заплесневевший хлеб. Вытащил спрятанную за посудой в буфете баночку с вареньем. Шкура мяукала и тёрлась об ноги. Тоже, что ли, голодная?..

Попив чаю и таким образом заморив червячка, Олежка решил посидеть во дворе: на солнышке гораздо теплей, чем в хате. В которой к тому же воняло.

Старый мобильный телефон с потёртым корпусом мать оставила ему для крайней необходимости. Единственная загруженная в системе «дивайса» игрушка приелась в первые же дни в деревне. Ещё он успел взять блокнот, несколько цветных карандашей, книжку с картинками и комикс с Бэтманом. Комикс подарил какой-то хмырь, который заходил к матери в гости и пах чем-то резким и очень едким, так что запах тянулся за ним шлейфом и долго ещё оставался в квартире.

На улице скучно и тихо. Заняться совершенно нечем. Олежка погонял кур и решил выйти за калитку — позвать Шарика — так он сам назвал собаку, к которой за две недели пребывания у бабки Яськи успел привязаться. Мальчик подружился с беспутным лохматым псом, угостив его как-то кусочком колбасы.

Сегодня, как назло, сколько Олежка ни свистел, ни кричал, собака не приходила. Он походил по улице, поражаясь непривычной тишине. Только иногда резко каркали вороны. Никто

не шёл к колодцу за водой. Ни бабка Аня. Ни неопрятная тётка Ставрида. Не было и толстого мужика, любителя опохмелиться с утра, жившего у продуктового магазина, до которого им с бабкой топать около получаса.

«Странно всё это», — решил Олежка.

Вернувшись во двор, он запер калитку. В доме снова поставил на плиту чайник.

Усилившийся ветер стал раскачивать ставни. Погода портилась.

В хате холодно, но он не знал, как затопить печку. Кошка ушла. Крышка в подпол открыта. Но там ведь, кроме картошки и самогонки, ничего нет. Вот только воняло, похоже, именно оттуда.

Может, матери позвонить? Но что он ей скажет? Жаловаться и просить его забрать — пустое дело, да и стыдно.

Олежка попил чай, щедро положив в чашку сахар. В холодильнике пусто, хоть шаром покати. Ни сала в морозилке. Ни кровяной колбасы. Ни яиц, ни молока. Неужели бабка Яська сошла с ума и всё сожрала сама? Она же тощая. Ест мало. Экономит на всём.

От нечего делать мальчишка лёг на кровать, накрылся одеялом и стал в сотый раз перечитывать

комикс. Олежка гордился, что пойдёт в школу, уже умея читать. Воспитательница не раз говорила, что он очень способный мальчик. Эх, это ведь отец учил Олежку читать по книжке с большими буквами и яркими картинками. Мальчишка отложил комикс и, тяжко вздохнув, заснул.

Он почувствовал, что кто-то рядом стоит, и едва разлепил глаза. Моргнул. Темнота.

— Баба Ася? — спросил хрипло, ещё не отойдя ото сна.

Молчание. Шорох в углу. Она затаилась в тени возле шкафа, странно согнувшись.

Кошка оказалась рядом. Мальчишка привстал, когда Шкура вдруг зашипела. Даже в темноте Олежка разглядел, что шерсть у неё встала дыбом. Хвост распушился. Пасть оскалена. Никогда прежде он не видел, чтобы Шкура так себя вела.

Бабка Яська зашуршала и вдруг отступила. И стала смешно пятиться задом, пока не упёрлась в порог, ловко переступила его и хлопнула дверью

Он снова моргнул, не понимая толком: а что только что произошло?

Вскочил с постели, почувствовал, что в горле пересохло. Шкура сидела на одеяле и спокойно умывала морду.

— Фу, — брезгливо сказал Олежка, наступив босой ногой на крысиный хвост.

Шкура, как ни в чём не бывало, водила лапкой по ушам.

Олежка хотел выйти на кухню, но кошка внезапно кинулась под ноги. Его затрясло, когда он понял, что она не хочет его туда пускать. Нужно бы выйти к бабке Яське. Но не мог себя заставить. Перед глазами снова и снова вставало, как она пятилась задом. Яська двигалась очень быстро — и это выглядело ненормально.

Шорох за дверью. Кошка встрепенулась. Сердце в груди Олежки забухало: тук-тук-тук. Кажется, секунда — и оно выпрыгнет из груди.

На простой межкомнатной двери вместо защёлки висел обыкновенный крючок.

Он не думал. Руки сделали всё сами. Закинули крючок в металлическое ушко. Дверь тут же дёрнулась. Поначалу робко. Потом сильней.

Старческий голос с противной шипящей ноткой прокаркал:

— Олежка. Олеженька. Кха-кха.

От странного голоса бабки Яськи он чуть не описался. Дверь ещё раз дёрнулась, но уже легонько, как будто бабка передумала вламываться.

Мальчишка стоял возле двери, наблюдая, как за окном наступает ночь. Стало легче. Он сел на кровать и расплакался. Затем подошёл к окну. Во дворе пусто. Едва что-либо видно. Вздохнув, он опустил голову, потом ещё раз взглянул в окно и, испугавшись, отшатнулся. Чуть не упал. По стеклу заскреблись пальцы. Очень длинные, гибкие пальцы со сморщенной кожей, с корявыми ногтями.

Он закричал и быстро захлопнул ставни. Руки тряслись. Из носа текло. Кошка ощетинилась, путаясь под ногами. Но её присутствие странно приободряло. В горле мальчишки застрял хрип. За окном послышалось шепелявое пение.

— Тише мыши, кот на крыше…

И тут же резко замолкло. Олежка услышал беспокойное кудахтанье. Он закрыл уши руками. Кошка, точно успокаивая, уселась возле ног. Олежка погладил её по голове. Затем побежал к столику с деревяшкой вместо ножки. Схватил телефон и набрал маме. После долгих гудков он заплакал и всхлипнул, когда безразличный голос объявил, что абонент находится вне доступа сети.

— Мама, мамочка…

Олежка сжал кулачки, решив больше не пла-

кать. Может быть, мамочка просто очень занята… Он почти задремал с телефоном в руке, когда в дверь снова заколотили. Кряхтящие, булькающие смешки чередовались со шлепками в дверь, которая сотрясалась от ударов.

— Нет. Нет. Нет.

Он закрывал уши руками. Кошка шипела.

«Это мне снится. Это кошмар», — пытался внушить себе мальчик, но сам не верил, дрожа от страха и холода.

Снова схватил мобильный. Зарядка заканчивалась. Всего две полосы. Жаль, кроме номера матери в памяти телефона ничего нет. Да и душившие паника и страх не давали вспомнить ни одного номера службы экстренной помощи.

То ли сто один. То ли сто два. Но он не был уверен на сто процентов.

«А вдруг наберу неправильно? — думал Олежка. — И что будет тогда? А если батарея разрядится, и мама потом не сможет позвонить?»

Руки онемели. Дверь прекратила трястись после душераздирающего визга петуха. Повисла гнетущая тишина — и снова заморосил, тараторя по крыше, дождь.

Олежка вздохнул, сел в угол, приласкал кошку, стянул с кровати одеяло и просто стал ждать,

когда телефон зазвонит.

…За окном рассвело… Всё тело окоченело. Кошка принюхивалась, но больше не дыбилась у двери. Мочевой пузырь Олежки грозил разорваться на части.

Мальчик, поджав губы, повозился у столика и вытащил деревяшку, не прикреплённую к столешнице. Вооружившись, резко вытащил крючок из петли и с криком выскочил из комнаты… Тишина. Входная дверь нараспашку. Премерзкий запах усилился. Холодильник перевернут. На полу лужи воды. Бурая жижа, комья грязи. Подвал открыт.

Они вместе с кошкой вышли на улицу. Дождь смывал кровь и перья с плиточной дорожки, что вела до калитки. Дверь сарая раскрыта настежь. Кошка прыгнула на забор, а с него — на крышу.

Олежка хотел было сходить в туалет, но заметил: на огороде мелькнула размытая бугристая тень. Моргнув, посмотрел снова и ничего не увидел. Но пописал, зайдя в палисадник. Затем направился прямиком к калитке, надеясь, что найдёт соседей, всё им расскажет, и они помогут ему.

Дома в посёлке Рыковка, где жили одни старики, стояли далеко друг от друга, и к каждому

двору прилегали большие участки, хотя и не такие большие, как огород у бабы Яськи.

Олежка бежал во весь дух, а с потемневших небес накрапывал дождь. Дорога впереди была размыта — и несколько раз он поскальзывался, едва не падая в лужи.

Первый дом с занавешенными окнами выглядел нежилым. Здесь жил придурковатый Стась, который любил чудить, не стриг длинные, до пояса, как у бабы, седые волосы и ходил босиком даже зимой.

На стук в калитку и крики никто не отзывался. Верная чёрная собака Стася тоже куда-то подевалась. В любое другое время, стоило только пройти возле забора, как она злобно лаяла и, будто припадочная, кидалась даже на почтальона.

Едва отдышавшись, Олежка побежал дальше, успев заметить, как шевельнулась штора в окошке.

Дорога совсем раскисла. Ноги вязли в тёмной смеси из глины, песка и щебня. И он всё-таки несколько раз упал, приземляясь то на руки, то на пятую точку.

В остальных домах тоже никто никак не отреагировал ни на стук, ни на крики. Ко всему прочему появилось странное чувство: кто-то,

затаившись, наблюдает за ним.

На фонарном столбе засела ворона и изредка каркала, вгоняя в дрожь.

Мальчишка добежал до магазина и удивился, увидев на двери замок. Неужели уже обед? Нет. Среда — санитарный день.

Он отдышался. Что дальше? Затем напился холодной воды из колонки, рядом с магазином. Постучал ещё в один дом. Затем в другой. Никого. Тишина. Словно все вымерли. Но мальчишке никак не давали покоя задёрнутые на окнах шторы. А во дворах некоторых домов, как и у Яськи, царили следы разгрома. Белели в грязи куриные перья, усыпая землю, точно конфетти… Подсохшие следы крови заставили отпрянуть от калитки и от раскрытой настежь двери в чужую хату.

Олежка испугался до одурения. Страх нарастал, заставляя всё внутри сжиматься, и не давая заходить в дома с открытыми дверями. Мальчишка ругал себя за трусость и глупость самыми последними словами. Ещё и телефон забыл в хате бабки Яськи. Да и сто рублей, давнишний подарок от отца, тоже не взял.

«Идиотина. Дурында. Лох педальный».

Но ведь он надеялся, что успеет вернуться

до темноты в хату, чтобы забрать телефон и вещи, а потом сразу же бежать на остановку.

Похоже, бабка Яська, в кого бы она ни превратилась, днём пряталась. Только вот куда же все соседи-то подевались?

Олежка постоял на перекрёстке, поглядывая на перекопанные огороды, тёмные от дождевой воды. Что-то булькнуло, колыхнулось, оторвалось от земли, взлетело в воздух. Затем снова припало к земле.

Точно и не было ничего. Прошла минута, другая. Дрожащий Олежка всматривался в подозрительное место, и чувство, что за ним наблюдают, усилилось.

— Мамочка, что это такое было, а?! — выдохнул он и побежал к хате бабы Яськи, думая, что сейчас совсем одуреет от страха и собственных пугающих мыслей.

Он бежал, глядя только вперёд, больше не оглядываясь ни на огороды, ни на мельтешащие мимо редкие дома и хаты.

В хате бабки Яськи всё было по-прежнему, и всё же что-то неуловимо изменилось. Но только что?

Олежка подобрал с пола упавший телефон, положил в маленький рюкзачок. Внутри, под

подкладкой, лежала скрученная сторублёвая бумажка.

Он вздохнул, услышав скрип двери, и схватил палку, служившую подпоркой стола, направился к двери.

Шуршание.

Олежка так крепко сжимал палку в руках, что заболели пальцы. Бабка Яська сидела под столом. Одежда туго натянулась на плотном теле, раздутое лицо было серым и странно перекошенным, точно отекло по краям. Изо рта капало. Она что-то сказала, вроде: «Внучок, поди-ка сюда!», и выпростала вперёд синюшные руки с длинными, извивающимися, как черви, пальцами.

— А-а-а!!!! — завопил Олежка и, выронив палку, бросился прочь из хаты.

Оцепенение исчезло. Хотя от страха аж зубы заклацали, и он чуть не прикусил язык. Возле калитки на улицу что-то громоздилось — бугристое, серое, припавшее к земле, как надутое воздухом полотно. Оно подрагивало и будто бы впитывало капли дождя.

Итак, к калитке путь отрезан. Топать через разбухший от воды огород? Олежка замер. Обходной путь отчего-то внушал опасение. Он пригляделся: весь забор облепили такие же, как и возле

калитки, серые подрагивающие полотна. И звук тихого шуршания, который он всё время слышал, был вовсе не ветром. Этот звук издавали они. Чудовища.

Бабка Яська вывалилась из хаты и поползла к нему, двигая руками и ногами, как краб, и низко пригибая голову. Олежка отступил и спиной упёрся в дверь сарая, из которого пахнуло отвратительным смрадом.

Покосился на дверь, с виду довольно плотную и с двумя щеколдами как изнутри, так и снаружи. Правда, в сарае нет окон, и что-то подсказывало Олежке, что и лампочка внутри тоже, скорее всего, по закону подлости, не включится.

Обычно в сарае часто блеяла коза Дуська, и хрюкали две ладные свиньи, сидевшие за перегородкой. Он увидел, как мелькнул в сарае пушистый хвост Шкуры, быстро вдохнул, поглядывая на изрытый огород, земля которого набухла, словно на дрожжах. Комья грязи образовывали небольшие холмики, точно на огороде порезвился огромный крот-мутант.

С крыши дома на спину Яськи спикировало то, что с виду напоминало вспученное полотно. Вблизи оно выглядело по-другому: на бугристой, точно в нарывах, шкуре периодически откры-

вались прорези длинных ртов, выбрасывающих хоботки-присоски.

Олежка вздрогнул: Яська, опустив голову, замычала.

Страшно лезть через огород, изрытый вдоль и поперёк. Да и неизвестные твари на заборах… Всё это разом внушало Олежке ещё больший ужас.

Он юркнул в сарай, сразу закрыв дверь на щеколду. О ноги потёрлась, замурчав, Шкура. Дёрнул наудачу шнур, включающий лампочку у потолка, — и зажёгся свет. Ура!

…Олежку тошнило в углу. Рвало водой и желчью. От любимой бабкиной козочки остались, как в страшной сказке, ножки да рожки. От свиней осталось месиво из кишок и грязной жижи, стекающей со стены. За перегородкой, у стога сена, боком лежала сплющенная свиная голова.

Немного успокоившись, Олежка посмотрел на дисплей телефона. Всего одна полоса батареи. Мать не звонила. А на часах почти четыре. В шесть станет совсем темно, а при такой-то погоде, скорее всего, и раньше. Нужно как-то отсюда выбираться. Но как?

Уставшая голова отказывалась соображать. Оставалось только ждать.

Воняло премерзко. Но то ли от шока, то ли от всего увиденного Олежка привык к смраду. Сколько же он продержится, пока кровожадная бабка Яська вместе со всеми этими тварями не доберётся до него?

Дверь в сарай плотная, но щеколда хлипкая. Надолго ли её хватит?

Дождь стучал по крыше не так, как в хате, а слегка приглушённо. Вода протекала сквозь дырявую крышу, капая на стог сена и в ведро.

Олежка сидел в углу. Шкура куда-то исчезла. А он, видимо, задремал. Шея затекла, и он донельзя измучился и продрог. В обуви противно хлюпало, и, кажется, подошва одного кроссовка держалась на соплях.

Он хотел есть. Хотел пить. В носу хлюпало. Что бы сказала воспитательница, увидев его таким? Поругала бы страшно, конечно, но для начала бы заставила вымыться. И, наверное, угостила бы печеньем, которое всегда приносила из дома… Олежка вздохнул. Желудок громко урчал.

На часах телефона почти полшестого. Наверное, снаружи уже темным-темно.

— Шкура, кис, кис, — позвал кошку Олежка и встал, чтобы поискать её.

— Ты где Шкура? — спросил он, заглядывая в ведро, на дне которого натекло немного воды.

Он зачерпнул её ладошками и напился.

В дверь заскреблись. Задёргалась задвижка. Откуда-то слева, за оградой для свиньи, словно подавая сигнал, громко мяукнула кошка. В дверь крепко бухнули. Раз. Затем двинули так сильно, что она затряслась.

Страх куда-то пропал. Олежка обогнул перегородку и увидел кошачий хвост, ужом проскользнувший между щербатыми досками в чернеющую ямку. Тёмная стена над ней обросла мхом. От нового удара дверь сарая треснула, и щеколда с жалким скрипом слетела с петель.

Олежка отодрал прогнившую доску от стены и юркнул в вырытую ямку, мысленно благодаря мёртвую свинью, которая так усердно стремилась на волю. А может, животине просто отчаянно хотелось полакомиться топинамбуром, который рос прямо за сараем.

Мальчишку цепко схватили за ногу, сорвали со стопы кроссовок. Но Олежка отчаянно рванулся вперёд и выполз наружу. И сразу побежал к остановке, во тьме ориентируясь лишь по столбам. Он крепко держал в руках рюкзачок с телефоном и заветной сотней рублей, которых

должно хватить на спасительный билет до города.

Дождь почти прекратился. Дальние фонари едва освещали дорогу. Было ужасно тихо. Шкура тоже исчезла, но он знал, что она держится рядом, точно оберегает его. В это мальчишке хотелось верить. Он почти добежал до магазина. Женский голос окликнул Олежку, из-за чего он споткнулся и чуть не упал прямо в лужу.

— Эй, мальчик, чего бежишь, как угорелый? Что случилось?

Невысокая женщина в дождевике вышла из магазина. Жёлтый свет из-за двери приветливо лёг мальчишке на лицо, ненадолго ослепив.

Олежка дрожал, сбивчиво пытался ей рассказать, едва ворочая от страха языком.

— Помогите… Они гонятся за мной, — выдавил из себя, наконец, и всхлипнул.

Она повела его в магазин. Олежка смотрел на её руки и лицо. Вроде всё в порядке. Никаких синюшных, как у бабки Яськи, пальцев. Нет и припухлостей на симпатичном лице. Голубые глаза женщины смотрели прямо, и в них не было обмана.

— Хочешь чаю? — спросила она.

Затем сняла с него куртку и дала взамен мягкое

одеяло. Чтобы успокоить мальчика, рассказала, что приехала навести в магазине порядок. Разморозить холодильник. Заодно заказать продукты. Санитарный день сегодня всё-таки.

Олежка дёрнулся, когда запиликал телефон, и еле вытащил его из рюкзака трясущимися руками.

— Сынок, привет, это я. Прости, что сразу не перезвонила. Была очень занята, — оправдывалась мать.

— Мамочка… Мамочка! — взволнованно тараторил Олежка. — Бабка Яся, она… — он всхлипнул. — Она… — запнулся, не в силах подобрать слова, чтобы описать весь ужас, и выпалил: — Забери меня. Скорее забери. Мамочка. Яська злая. Она изменилась…

— Что ты говоришь? Повтори! Не слышу. Олежка. Не слышу, связь хреновая, — громко сказала она. — Я завтра приеду.

— Мамочка, пожалуйста, поверь. Пожалуйста, приезжай. Я в магазине, с тётей, — успел сказать мальчишка, до того как батарея села, и телефон отрубился.

Олежка обречённо заплакал.

— Тише, тише, — женщина поднесла ему чашку с чаем и коржик.

Вытерев слёзы, он откусил от коржика, глотнул чая. Прожевал и проглотил. Чуток полегчало.

Дверь начала медленно открываться.

— Закройте!!! — крикнул Олежка, выпуская из рук чашку.

Но женщина остолбенела.

В дверь шустро впрыгнула бабка Яська. Прокудахтала что-то. Тут же разбилось стекло, и в магазин влетело кожистое нечто, точно ворсистое полотенце бухнулось на пол.

Олежка ужом забился под стол с весами. Женщина что-то растерянно сказала. Бабка Яська разинула пасть, откидывая голову назад. Из-за её спины выстрелило щупальце, обвив шею продавщицы.

Бабка Яська куснула женщину за руку и стала жевать её кисть, кровожадно чавкая. Бабка не отвлекалась от «еды», уверенная, что теперь-то внучок никуда не денется.

Летучее покрывало поползло к мальчику, оставляя за собой влажный след. Он толкнул столик в сторону чудовища, придавив его электронными весами, и побежал к двери. Буквально выкатился на улицу, пролетев через три ступеньки и больно ударившись о плитку — аж в ушах зазвенело. Второй кроссовок слетел с ноги.

Дождь прекратился. Но темнота вокруг как будто сгустилась. Грязь стала вязкой и скользкой. Он встал, пошатываясь, скуля, точно побитый щенок, и снова что было сил побежал в сторону остановки.

В домах за забором свет не горел. Кошка снова куда-то пропала. Было жутко и практически ничего не видно.

Мальчишка отлично знал дорогу к остановке. Ведь он бессчётное количество раз ходил сюда с матерью да с бабой Яськой. От магазина нужно бежать напрямик. Затем повернуть направо и возле шоссе пройти по узкой асфальтированной дорожке. Там, напротив столбов и частых фонарей, и располагается единственная остановка.

— Божечка, помоги! — Олежка прикусил губу и рванулся вперёд.

Он снова падал, то и дело отплёвываясь от грязи, попадавшей в рот.

Ноги окоченели, руки тоже. Только в груди жарко пылало. Мельком Олежка замечал на огородах плотные тени с большими головами, напоминающие грибы. Часто он слышал чавкающие звуки за спиной и боялся обернуться, хотя задыхался и пыхтел, как перегруженный старинный

паровоз.

Шлепки и квохчание доносились со всех сторон. Он чувствовал, что его окружают. Подступают всё ближе и ближе, и вот-вот настигнут.

Знобило. Лицо горело. А тут ещё ветер, который бил в лицо, словно нарочно мешая бежать. Ещё чуть-чуть. Ещё один шаг.

«Вот выберусь, и буду долго спать. Боженька, помоги!» — молился он, хотя раньше обращался к богу только на Рождество и на день рождения, точно к деду Морозу, прося исполнить загаданные желания.

Сердце в груди тяжело грохотало и колотилось. Тух-тух-тух.

Олежка опять упал и с трудом поднялся. Какое-то время он просто полз.

В небе громко кричали вороны. От ужаса на Олежку то и дело накатывало оцепенение, но он заставлял себя двигаться дальше. Добрался до конца дороги. Осталось только пройти мимо трёх домов, благо, что идти теперь не по земле, а по асфальту.

Света нигде нет. Даже фонари впереди еле видны, будто кто-то их нарочно погасил. Неужели в посёлке действительно все вымерли в одночасье?

Вода в дорожных лужах смывала грязь с его ног, местами даже казалась теплой. Олежка больше не мог бежать. Только шлёпал по лужам, пытаясь отдышаться. Тело болело. Зубы выбивали дробь.

Ещё пару метров — и будет остановка.

— Уф, наконец-то…

Дошёл и посмотрел на телефон: без пятнадцати восемь. Экран, включившись на пару секунд, мигнул и снова погас.

«Дождусь. Дождусь, дождусь», — с облегчением подумал Олежка и сел на скамейку, поджав ноги.

Голова то и дело свешивалась на грудь.

«Не отключайся, ты же мужик. Держись!» — подбадривал себя мальчишка.

Но всё же помимо воли задремал.

…Он кричал во всю глотку, он бежал во всю прыть, а автобус всё быстрее и быстрее уезжал от него. Мальчишка бежал следом. Вопил. Молил подождать. Кричал, надрываясь, — и очнулся.

Подбородок Олежки дёрнулся, с уголка рта стекала нитка слюны. Задремавший было, мальчишка увидел Шкуру. Она сидела на лавочке, рядом с ним, и наводила кошачий марафет.

«Заберу её с собой», — решил он, когда услышал шум машины.

«Надо маме позвонить или эсэмеску послать, чтобы встретила. Не выйдет. Ах, чёртов старый телефон со слабой батареей… Или, в крайнем случае, у водителя помощи попрошу».

Тарахтение усилилось. Шум колёс, прорезающих лужи, и рокотание двигателя наполнили сердце мальчишки неописуемым счастьем. От облегчения ему захотелось буквально взлететь.

Олежка подхватил кошку и вышел из-под пластиковой будки, направляясь поближе к бордюру у проезжей части.

Фары приближающегося автобуса имели нездоровую желтизну. Но и этого света хватало, чтобы пробить тьму. Олежка крепче прижал кошку к груди, поправил лямку рюкзака и бросился к автобусу, размахивая руками. Боялся: вдруг кошмар сбудется — водитель проедет мимо, не остановившись.

Маленький жёлтый автобус походил на заказной, в котором проезд гораздо дороже обычного, почти как в маршрутке. Сквозь цветастые шторки на окнах трудно было понять, есть ли кто-то внутри, но по контурам теней Олежка различил: автобус не пустой.

Передняя дверь открылась. Он сделал шаг на ступеньку, схватившись за поручень. Води-

тель был в кепке и выглядел болезненно тощим, как жердь. Позади водителя, в первом ряду, всё двухместное кресло занимала толстая женщина в жилете кондуктора. Её лицо было скрыто вьющимися волосами цвета ржавчины, а полные руки держали на коленях сумку. Водитель что-то спросил. Что-то про маленьких мальчиков, в такое позднее время находящихся далеко от дома.

Кошка фыркнула, принюхалась и, зашипев, вдруг попыталась вырваться из рук Олежки. Дверь резко захлопнулась. Олежка закричал. Рука кондукторши буквально выстрелила вперёд, удлиняясь на глазах, как пожарный шланг, наполненный водой. Синюшные пальцы схватили кошку за голову, сжали её до хруста и потащили прямиком в пасть, из которой навстречу потянулись мокрые жгутики.

Ноги подкосились — и Олежка чуть не скатился вниз по ступенькам, но, случайно приложившись виском о поручень, пришёл в себя от боли. Водитель улыбался. Только в его рту тоже не было зубов. Какая-то плёнка и шевелящиеся жгутики.

— Давно у нас не было маленьких мальчиков, — произнесло существо в кресле.

Оно сплюнуло на пол клочья шерсти, вытащило из пасти хвост и, отрыгнув, выпустило газы,

наполнив салон удушливым смрадом.

— Присаживайся, сынок, — всё так же улыбаясь, произнёс водитель. — Мест много. А маленьким мальчикам сегодня проезд бесплатный.

Он гадко осклабился и надавил на газ. Олежка с трудом поднялся на ноги и сел на сиденье. Оглянулся. В конце салона, на полу, что-то лежало. Что-то большое, влажное, серое и напоминающее готовый вот-вот лопнуть мыльный пузырь.

Мысли превратились в кашу. В голове враз воцарился туман — и отчего-то проще всего было поверить, что он спит. Ведь лицо кондукторши менялось на глазах, превращаясь то в лицо бабки Яськи, то в лицо продавщицы, то ещё в кого-то знакомого.

От ужаса Олежка зажмурил глаза.

Его стащили с сиденья и бросили прямо к пузырю. Мальчик упёрся в него руками. Землистый ослизший пузырь был влажным и отвратительно тёплым. Внутри него что-то было. Что-то дышащее и живое.

Внезапно пузырь разверзся, исторгнув из себя едкий запах протухшей рыбы и гнилых отбросов.

Олежка заорал, стал дёргаться, пытаясь совладать с собственным онемевшим телом,

и до крови прикусил губу.

Липкая плёнка с гадливым чмоканьем прикоснулась к его лицу, обожгла кожу, точно щёлок. Внутри пузыря показалась пасть, наполненная шевелящимися жгутиками. Они извивались и смердели.

Новый булькающий крик умер, едва начавшись. Руки перестали слушаться. Ногти безуспешно пытались порвать плёнку: маленькие пальцы были слишком слабы и неуклюжи. Плёнка стремительно залепила глаза мальчишки, закрыла ноздри, рот и устремилась вниз по шее к плечам.

Боль была острой и режущей. Лёгкие от нехватки кислорода горели, будто в огне. Олежка чувствовал, как что-то пожирает его и в то же время изменяет.

Где-то далеко едва слышный, но очень понятный женский гнусавый голос твердил, как диктор в новостях, о необходимой смене мест обитания и о близкой зиме. Твердил что-то о перспективных маленьких мальчиках и о никуда не годных стариках.

Перед падением в тёмную бездну перед глазами мальчишки вспыхнуло, точно наяву, лицо отца.

«Папочка, ты здесь, со мной», — подумал Олеж-

ка и перестал существовать.

***

Карина работала за барной стойкой всю ночь и ещё пару лишних часов, потому что сменщица заболела.

Клиенты сегодня все как на подбор: с деньгами и чаевых не жалели. Удачная ночь, если бы не одно «но». Голос сына по телефону не на шутку напугал.

«Дело — дрянь, Карин. Дело — керосин», — настойчиво твердил он ей.

Но эта работа — последний шанс в сплошной череде невезенья и увольнений. Не отпроситься.

Она покемарила в подсобке около получаса, дёргаясь от размытых и оттого ещё более жутких кошмаров. Только в десять утра, с закрытием бара, удалось освободиться. Сразу переодевшись, Карина пошла на остановку и, глянув на расписание, поняла, что успевает на автобус до Рыковки.

Села на скамейку. Припудрила лицо. Подкрасила губы. Но усталость и морщинки у глаз никакой пудрой не скрыть.

Автобус, красный «Икарус», был практически пуст. Заплатив за проезд, она решила подремать. Как-никак Рыковка — конечная. Час езды.

Сын сидел на остановке. Босой. Бледный. Какой-то отёкший и нездоровый. Без привычного рюкзачка. В чужой, со взрослого плеча куртке. Мокрые волосы выглядели грязными и липкими. Пальцы, крепко сжимающие большой горшок с землёй, были неестественно синюшными.

— Сына, сынок, что случилось? — обеспокоенно спросила Карина, пытаясь его обнять.

Тело Олежки было точно деревянное. Он ничего не говорил и всё время отводил взгляд в сторону.

— Ну ладно, с бабкой Яськой потом разберусь, — грозно сказала она, доставая из сумочки влажные салфетки и новую пару носков, что купила для себя.

Ноги сына на ощупь были точно ледышки.

Олежка молчал. Карина чувствовала себя полной дрянью, глядя ему в лицо. Сразу вдруг вспомнилось всё, что она делала и чего не сделала для него.

— Прости меня, Олежка, прости, — Карина погладила его по голове.

Она решила вызвать такси, но, увидев проезжающую машину, вышла на дорогу и помахала.

Водитель, пенсионер интеллигентного вида, в очках, остановившись, критически оглядел её и смягчил взгляд, увидев мальчишку.

— Батюшки, что у вас приключилось-то? — спросил он.

— Подвезите до города, прошу вас! Я заплачу.

— Садитесь. Так подброшу, денег не надо, — сказал водитель и открыл заднюю дверь.

***

Сын не выпускал из рук горшок и долго стоял на пороге квартиры, словно забыв, где находится его комната. Он замер на месте и точно вслушивался в громкий лай соседского пуделя Артемона, жившего за стеной, у одинокой пенсионерки.

— Олежка, быстренько раздевайся, — приказала Карина и развернулась, чтобы закрыть дверь. Когда повернулась назад, то сын уже ушёл в свою комнату. Карина крикнула: — Сейчас воду в ванну наберу и вымою тебя!

Олежка скинул только куртку. Поставил горшок возле батареи. Затем нагнулся над ним и, засунув ставший удивительно гибким указательный палец в рот, вытащил из гортани сероватую и длинную, наполненную чем-то зернистым жилку. Крякнул, пока она полностью не вышла из горла.

Затем вырыл в горшке подходящее углубление, аккуратно нашарил пальцами сидящие в земле,

едва сформировавшиеся жгутики и, подтащив их поближе к дыре, положил туда жилку и быстренько закопал.

Мальчишка чуток постоял, прислушиваясь, как шуршат в земле жгутики, обматываясь вокруг жилки с икринками.

В комнату зашла мать. Упёрла руки в бока и пожурила, что он до сих пор не разделся. Затем подошла ближе и крепко обняла.

Мальчишка вдыхал её запах, и рот наполнился слюной. Пудель в соседней квартире разрывался от лая, он то и дело подвывал, словно взбесился. Вдруг пудель неожиданно заскулил и замолк.

«Ну, вот мы и переехали», — подумал псевдо-Олежка, разбавляя горячую воду в ванне холодной.

Затем он аккуратно залез в ванну, погрузившись в воду с головой. Его новое тело обожало сырость и влагу. Каждая пора и клеточка кожи мальчишки жадно пила, разбухала, росла. Как росло, разбухало и делилось на сегменты то, что было внутри.

Псевдо-Олежка наслаждался купаньем, думая о том, что скоро прорастающие в горшке из икринок пузыри нужно будет кормить, а затем и пересаживать.

Сатр-Кин
Максим Горенский

Свет.

Я три дня не видел солнечный свет.

Согласно приказу станции «Центр» мной были закрыты огромные рафшторы. Опускаясь, они скрипели, выплёвывая из себя струи красного омерзительного песка. Секунда тьмы, и включилось электрическое освещение. Этой секунды хватило, чтобы почувствовать себя похороненным в гробу на неизведанной человечеством планете. Песчаные бури здесь не были редкостью. Примерно раз в трое суток песок поднимался и летел волнами на нашу станцию под названием «Астроном».

В ту ночь, когда исчез Чжао Юн, буря свирепствовала особенно сильно. Мы вместе работали на станции и общались при помощи запястных переводчиков, созданных компанией «Звёздный час». С документацией проблем не возникало. Всё вносилось в компьютер, разработанный той же компанией. Его процессор моментально переводил вписанный текст с поразительной

точностью.

Мы с Чжао Юном работали не покладая рук. Сутки на этой планете длятся дольше земных, а потому иногда мы даже пренебрегали правилами и работали дольше положенного. Уходя в работу с головой, мы не замечали, как летели часы, и наступала ночь — особенная и таинственная, будто все ночи арабских пустынь отдали ей свои сказочные, тёмные чары.

Кроме исследований мы так же давали имена небесным светилам. Так было первое время. Потом эту честь я целиком отдал Чжао Юну. Он был знатоком в мифологии древних народов, а так как греки и римляне заняли всё пространство над Землёй, здесь поселились скандинавские легенды. Да и не только…

Сверху над нами плыли туманности Абота и Гатаноа, спутники Фенрир и Ёрмунганд крутились вокруг планеты Мидгард, а созвездие Оссиана соседствовало с созвездием Ниамы. Благодаря Чжао Юну чужое и холодное небо становилось родным и даже поэтичным. Больше всего нас удивляло созвездие Мечехвоста. Это десять самых ярких звёзд, расположенных таким образом, что, соедини их линией, образовывался контур этого членистоногого животного. Венчающая

созвездие звезда горела зелёным жутким огнём. Мы ещё не дали этим звёздам имён…

Во время отдыха — а бывало и так — мы, обычно, слушали музыку или смотрели фильмы. Чжао Юну нравились старые киноленты конца двадцатого и начала двадцать первого века. Кроме того, в углу, обращённом на восток, стоял универсальный тренажёр — последнее слово в науке — не позволяющий окончательно закостенеть нашим согбенным телам и уставшим шеям, что держали склонённые пред наукой головы. Рядом висело зеркало, достаточно большое, чтобы видеть себя в полный рост.

Однако я больше предпочитал работу отдыху. Нет, дело не в трудолюбии и не в идее. Дело в том, что за работой не так тоскуешь по родному дому, что ждёт где-то там, по ту сторону глубины холодного мрака.

Когда Чжао Юн отдался объятиям чёрной бури, стояла ночь. Проснувшись утром, я подумал, что это был сон. Но, обойдя станцию, я понял, что ошибался. С тех пор дневной свет больше не проникает внутрь моего гроба. Но у этого были и свои плюсы. Всё дело в том, что вид бесконечных песков угнетал меня. Красный, почти ржавый, совершенно необычной фракции, он

не был похож ни на пески пляжей Чёрного моря, ни на пески Калифорнии. Ползущий и жутко шипящий, он заставлял вздрагивать. Казалось, в нём было что-то живое. Или, вернее сказать, он обладал самосознанием.

Когда я сказал об этом Чжао Юну, он предположил, что, возможно, у меня развивается фобия, и мне стоит пропить курс лекарств и отдохнуть от работы. Я принял его совет во внимание. И в эту же ночь, когда поднялась страшная буря…

Да, пески этой планеты наводили на меня чувство тревоги. Но находиться дни напролёт без солнечного света было ещё хуже. Тяжёлые металлические рафшторы дрогнули и поползли вверх. Дневной свет полился из окон и растёкся по холодному полу. И тогда, вдалеке, ближе к горизонту, я увидел неясную фигуру. Она подняла руку. Это был Чжао Юн. Двери станции закрылись за мной уже через пять минут. Я последовал за ним. В голове появилась мысль, что он что-то нашёл. Что-то очень важное. Возможно, следы другой цивилизации…

Когда я подошёл ближе, и сомнения стали проникать в мою душу, фигура ещё раз подняла руку. Но этот жест не был приветствием. В нём чув-

ствовалась власть, подавляющая волю, и с этого момента я уже не мог не повиноваться таинственной фигуре. Наконец, сомнения рассеялись окончательно.

Передо мной стоял некто, облачённый в конусообразную чёрную однородную мантию, кажущуюся совсем твёрдой, даже застывшей. На груди, из разреза, выходили шесть изогнутых трубок бронзового цвета, похожих то ли на лапы скарабея, то ли на скорпионьи хвосты. Мантия закрывала тело до самых ног. Только позже я понял, что они не оставляют следов на песке. Неизвестный был выше на целую голову и смотрел на меня сверху вниз. Его лицо закрывала маска медного цвета, на которой застыло равнодушие судьи. За её единственным глазом — чернота, сквозь которую ничего нельзя разглядеть.

Он поднял руку в жесте, который используют люди на Западе, давая клятву перед судом.

— Ун'фамбар мии акфа, — услышал я. — Ма азруш кахт'агот зе. Ма азруш иханрет мёрдаху Сатр-Кин. Сатр-Кин феаханнаш ук-эко. Калимаа айу…

Произнеся эти слова, незнакомец направился вглубь пустыни. Я против воли последовал за ним. Переводчик немедленно среагировал

на сказанное и тут же завис в бесконечном поиске языка, пытаясь перевести неизвестную речь.

Через час станция осталась далеко позади. Облачённый в мантию шёл молча, без труда преодолевая дюны и возвышенности, словно уже тысячу лет измерял шагами эту планету. Он полностью подчинил мой разум.

С наступлением сумерек мантия таинственного человека начала менять цвет. Из матово-чёрного она, сначала незаметно, а потом всё более очевидно, приобретала тёмно-синий оттенок, и когда на красные пески окончательно опустилась ночь, стала пурпурной, испускающей лёгкое свечение.

Мы шли всю ночь. Мои ноги не чувствовали усталости. Я целиком принадлежал этому существу, ведущему меня через бескрайние пески. Я забыл про голод и сон, а дневная жара не касалась тела.

Когда взошло солнце, и песок вновь приобрёл свой ржаво-красный цвет, я увидел нечто, поразившее меня до глубины души. Справа от меня, на юге, возвышалась огромная колонна, похожая на гигантскую бетонную трубу. По всей видимости, она росла прямо из-под земли, причём под таким наклоном, которому позавидовала бы

Пизанская башня. Размеры её были воистину велики.

Над самой вершиной я различил парящих чёрных существ, а у основания что-то белело на ржавом песке.

Путь наш пролегал дальше. Через пару часов колонна осталась позади, а мы всё шли и шли. Дюны сменялись дюнами. Песок омерзительно шипел, повинуясь самому лёгкому ветру. Я видел следы, пугающие следы, что были больше моих. Они вели к великой фигуре вдали. Мысль о встрече с ней привела меня в ужас…

Наконец, нашему взору предстал зиккурат. Старый и разрушенный. Меж руинами сиял голубой свет. Подойдя ближе, я увидел, что лился он из невысокого дверного проёма. Незнакомец в маске встал у входа и указал на него. В этот момент моё подсознание попыталось сбросить оцепенение. Я ощутил страх и невыразимый ужас перед происходящим, перед тем, что я увидел на этой планете.

«Что происходит?» — пульсировал вопрос в моей голове. — «Что происходит? Где я? Кто это существо? И что случилось с Чжао Юном?»

Но воля существа оказалась сильнее. Мои ноги внесли меня внутрь портала. На секунду мне по-

казалось, что гравитация изменила свой полюс, не притягивая, но толкая меня вверх, после чего вернулась на прежнее значение, и я начал падать в белой пустоте. Когда странное ощущение прошло, портал выплюнул меня. Поднявшись на ноги, я попытался вернуться. Существо больше не властвовало надо мной, но белое свечение исчезло. Исчезла и красная ненавистная мне пустыня. А вместо жары я ощутил холод.

О, не передать словами те пейзажи, что открылись передо мной. Застонал ветер. Заныло безмолвие. Льды, льды, бесконечные льды повсюду! И свежие следы, ведущие куда-то в ледяную пустоту. Сверху смотрело небо, чёрное-чёрное небо без лун и созвездий. Мрак и царство вечной ночи спускались на заледеневшие горы. Мёртвое, пустое небо давило, словно холодное, вечное божество. Ледяной снег стал заметать следы, и я немедленно двинулся по ним, надеясь, что они приведут меня к Чжао Юну. Вдвоём нам будет легче выбраться…

Передо мной открывались бескрайние снежные дюны, бледно-синие причудливые скалы, похожие на рёбра исполинских существ. Пожалуй, единственное, с чем могу их сравнить, так это с китайским Шилинем — каменным лесом.

Но даже он и рядом не стоял с теми формами и размерами, которые открылись мне. Иногда я находил на скалах обрывки рунических надписей, ещё не затерявшихся меж снегов. Ветер поутих. Я блуждал совсем один, в полной тишине, которую нарушал лишь скрип векового снега и шорох сдуваемых микронов льда с мёртвых дюн.

Неожиданно следы повернули и ушли вниз по склону, приведя меня к огромному идолу мраморного цвета, не занесённому снегом. Он изображал нечто, похожее на длинный хребет с множеством рук, укрытых белым саваном с начертанными на нём рунами.

Подойдя ближе, я заметил, что вокруг этой твари располагалось великое множество бугорков. Стряхнув снег с одного из них, я застыл в ужасе. Руки мои задрожали, колени затряслись от увиденного. Все эти бугорки были спинами давно умерших неизвестных одноглазых существ, занесённых снегом. Они так и отдали жизни — в общем умоляющем порыве к неизведанному, покрытому саваном существу.

Гонимый страхом, я поспешил немедленно покинуть этот ужасный некрополь, но стоило мне чуть-чуть отойти от него, как тут же я увидел

знакомое лицо…

Чжао Юн лежал мёртвый.

Здесь, в низине, снег не успел окончательно скрыть его тело. Пустые глаза моего коллеги смотрели в не менее пустое небо. Я опустился перед ним на колени. Надежда оставила меня, и я ощутил невыразимую усталость. Веки сомкнулись, голова опустилась на белый снег.

Когда сон почти одолел меня, запястный переводчик металлическим голосом произнёс, сказанные словно в другой жизни, слова:

— Ун'фамбар имя мне. Я тот, что вечно ищет. Я тот, что исполняет волю Сатр-Кин. Сатр-Кин уготовал ук-эко спасение. Следуй за мной…

В вышине завыл ветер. Дальше начинался пологий подъём к началу огромного хребта, на вершине которого находилось нечто, отдалённо напоминающее восседающего застывшего гиганта. Я приоткрыл глаза и увидел прямо над собой в чёрном небе огромную звезду, ту, что венчала созвездие Мечехвоста. О, как она была близка! Она видела меня. Я чувствовал это. Я знал это. Невыразимый ужас в последний раз объял мою душу.

Сатр-Кин.

Ледяной Сатр-Кин.

Моя могила.
Мой конец.

О рыбах и о козлицах
Александр Лещенко

На утёсе вокруг большого алтаря собрались сектанты. Кому не хватило места в круге, те стояли немного поодаль, среди них был и Генри. Внизу волны бились о скалы. Теобальд, главный жрец «Ордена Дагона» в Клифсайде, затянул богохульное песнопение. Остальные подхватили. На алтаре извивалась жертва — красивая молодая девушка: во рту кляп, руки и ноги привязаны верёвкой к специальным кольцам.

Золотая тиара на голове Теобальда сверкнула в лунном свете, когда он подался вперёд, вытаскивая ритуальный нож из ножен. Глаза жертвы расширились от ужаса. Клинок начертил древние руны на ногах, руках и лбу девушки.

— Прими же нашу жертву, о, Дагон! — воскликнул жрец.

Он бросил нож в океан. Ничего не произошло. Все замерли в оцепенении, а Генри, хотя ему и не по нутру было происходящее, не смог сдержать улыбки.

«Вот бы сейчас вам никто не ответил», — засме-

ялся он про себя. — «Вот бы вы обломались».

Но им ответили. Раздался оглушающий вой, казалось, что воёт сам океан. Столбы воды взметнулись вверх, из пучины появилось гигантское чудовище: утёс и стоящие на нём выглядели игрушечными по сравнению с монстром. Зелёная кожа, похожие на человеческие руки и ноги, зубастая рыбья голова.

Несмотря на то, что он уже не раз видел подобную картину, Генри испытал благоговение. Захотелось бухнуться на колени и возносить молитвы Дагону, хотя призванная тварь, конечно, и не была одним из Древних, а всего лишь его посланником. Некоторые из сектантов так и сделали. Какая-то женщина завопила, бросилась к краю утёса и прыгнула вниз в беснующийся океан.

Ходячая гора, воняющая рыбой, подошла ближе. Зелёная лапа потянулась к алтарю, сграбастала жертву. Чудовище облизало её, словно леденец на палочке, а затем разорвало несчастную на две части. Зубастый рот сожрал сначала верхнюю часть тела девушки, после чего нижнюю. Монстр издал удовлетворённый рёв. Все сектанты, а вместе с ними и Генри, пали ниц.

Морская пучина в считанные секунды утянула

чудовище вниз, как будто ещё большая по размерам тварь открыла пасть и проглотила его.

Сектанты дружным строем потянулись в сторону городка Клифсайда, располагавшегося рядом с утёсом. Генри шагал вместе со всеми. Мыслями он был уже дома: сидел в уютном кресле, на столике рядом чашка ароматного чая и блюдце с печеньем, в руках любимая книга. Как же ему осточертели эти ритуалы, как же ему осточертели сектанты и верховный жрец Теобальд, но больше всего ему осточертели человеческие жертвоприношения. На плечо легла рука. Помяни чёрта, он и проявит к тебе интерес. Теобальд.

— Я заметил, что у тебя какой-то слишком задумчивый вид…

— Когда видишь одного из посланников великого Дагона, это не может не заставлять задуматься, — Генри смиренно склонил голову.

Верховного жреца вроде бы удовлетворил подобный ответ, но он не торопился отпускать Генри.

— Говорят, что тебе не по нутру жертвоприношения?

— Кто говорит?

— Неважно. Это так?

— Как я могу противиться воле Дагона? Если

он требует человеческих жертв, значит, он их должен получить.

«Я бы с радостью принёс в жертву Древнему тебя, сволочь прилипчивая!» — мысленно Генри сталкивал Теобальда с утёса в зубастую пасть призванной твари. — «Ну чего ты ко мне привязался?!»

Выпученные глаза верховного жреца выпучились ещё больше, как будто он хотел прочитать мысли, залезть в голову. Было не просто спокойно выдержать его взгляд, когда внутри всё кипело.

— Хорошо, — наконец кивнул Теобальд. — Ты можешь идти.

«А ты можешь идти на хрен!» — едва не выпалил Генри, но сказал, естественно, другое. — Спасибо, о, верховный жрец.

А между тем они уже подошли к городу. Клифсайд заключил их в объятия, и они стали растворяться в нём, разбредаясь по кривым улочкам. Проводив угрюмым взглядом удаляющуюся фигуру Теобальда, Генри направился домой. Он шёл, смотрел по сторонам, а настроение становилось мрачнее с каждым шагом.

Такое впечатление, что его любимый Клифсайд, городок в котором он родился и прожил всю жизнь, был смертельно болен и умирал. Улицы

плохо освещены, тротуар и дорогу пересекали трещины, то тут, то там виднелись кучи мусора, какие-то чёрные фигуры шныряли в темноте. Некоторые из домов покосились, как будто под грузом прожитых лет, другие находились в таком состоянии, что, того и гляди, вот-вот обрушатся.

А люди — в них всё меньше оставалось человеческого, и всё больше проступали рыбьи черты. Несмотря на россказни Теобальда, Генри считал себя и других своих соплеменников частью человечества. А верховный жрец мог сколько угодно талдычить о том, что они не люди, а помесь рыб и людей — Глубоководные! — он с особым ударением и пафосом произносил это слово. Глубоководные там или нет, но многие жители Клифсайда тупели, деградировали, опускались до животного уровня.

Кто был помоложе и поумнее, тот или уже уехал, или собирался это сделать. Генри относился ко второму типу. Ему было жаль городок его детства, но умирать вместе с ним он не собирался.

У дверей его встретил отец, мать уже легла спать.

— Ну, как всё прошло? — спросил он.

— Как всегда, — ответил Генри, проходя в при-

хожую. — Теобальд затянул свою обычную шарманку, все подпевали, вызвали здоровенную зубастую рыбу, она сожрала бедную девушку. Конец.

Отец нахмурился, но не смог сдержать улыбки.

— Я смотрю, что тебе не нравится происходящее в Клифсайде.

— Это так заметно?

— Да. И не только нам с мамой. А ещё твои встречи, сам знаешь с кем.

— Ты что, собрался читать мне мораль?

— Нет, но ты пропустил уже несколько месс в храме Дагона. А ты знаешь, как церковники относятся к тем, кто пропускает священнослужения.

— Церковники? Сектанты! И что они сделают? Тоже принесут меня в жертву?

— Нет, конечно, — отец снова улыбнулся, но улыбка вышла мрачной. — Тебя могут просто изгнать из города. — Улыбка сошла с его лица. — А может быть, они сделают и кое-что похуже. Ты же слышал, что так и не нашли тела тех, кто перечил верховному жрецу.

— Я его не боюсь! Он — фанатик, сдвинутый на религии, вот и всё. А ещё страшный зануда. Как начнёт разглагольствовать о том, что мы

новая ступень эволюции, а люди должны служить нам. — Генри выпучил глаза, вытянул губы и забубнил монотонным голосом:

— Человечество отжило своё. Наши предки жили здесь задолго до того, как первая обезьяна слезла с дерева и взяла в руки палку. Так случилось, что люди когда-то почти полностью уничтожили нас, но теперь их время прошло. Наступил наш черёд править планетой. Однажды Дагон повелел своим детям смешать их кровь и кровь бывших обезьян, и в итоге появились мы. Мы унаследуем Землю, а люди будут нашей пищей, будут нашими жертвами. Ну и тому подобная чушь!

Отец и сын рассмеялись.

— А у тебя неплохо получается, сынок. Но всё-таки тебе лучше сходить на следующую мессу, а верить всему тому, что там говорят необязательно. Лучше не попадать в чёрный список Теобальда. Ты же ведь знаешь, что он из Маршей.

— Да, слышал, семейка из Инсмута. Но тут им не Инсмут, а Клифсайд.

— Тем не менее, и здесь их слово имеет вес.

— Ой, ладно, хорошо, — Генри поморщился и кивнул.

Отец похлопал его по плечу, пошёл спать. Сходив на кухню Генри налил себе чаю, поставил чашку и блюдце с печеньем на поднос и поднялся к себе в комнату. Сел в кресло, открыл книгу, отхлебнул из чашки. Попробовал почитать, но сдался после первой страницы, голова была занята другим.

Генри думал о Кристине.

***

Два обнажённых тела сплелись на чёрном алтаре. Мужчина и женщина: он — снизу, она — сверху. Они двигались в едином ритме. Когда женщина наклонялась, и её груди тёрлись о лицо любовника, он хватал их ртом. Покусывал соски. Его разум был одурманен специальным отваром, зато зелье усиливало потенцию в несколько раз.

Алтарь находился в просторном зале, стены которого были расписаны богохульными фресками. Занимавшуюся любовью пару обступили со всех сторон люди — девушки и женщины — многочисленная толпа, почти целый легион. Кристина стояла вместе с ними. Множество глаз следило за сладострастным действом, каждая из них мечтала оказаться на месте Сестры. Они все являлись Сёстрами, которые состояли в культе «Легион

Младых», и они все поклонялись Шуб-Ниггурат — Чёрной Козлице Лесов.

Действо на алтаре подходило к финалу. Мужчина задёргался в судорогах удовольствия, обхватил ягодицы женщины, застонал, обмяк. Любовница радостно засмеялась и тут стала изменяться. На теле в некоторых местах проступила шерсть, на конце пальцев появились когти, лицо стало козлиной мордой, а на голове выросли рога.

Женщина-козлица вцепилась в шею мужчины, кровь забрызгала обнажённые груди, живот, бёдра. Взвыв, он попытался сбросить с себя любовницу. Козлица боднула его рогами, мужчина ударился головой об алтарь.

Переместившись ниже, женщина снова вцепилась в плоть жертвы, на этот раз в гениталии. Кристину чуть не вывернуло от отвратительного зрелища. Зубы оторвали почти всё мужское достоинство. Мужчина закричал, но крик быстро перешёл в визг. Козлица ударила его по шее когтистой лапой, он стал захлёбываться кровью.

Девушки и женщины придвинулись ближе к алтарю. Кто-то из них не сдержался и уже принял свою звериную форму, кто-то ещё был человеком. Козлица отошла в сторону, и Сёстры набросились на мужчину. Одни сразу начинали

пить его кровь и есть его плоть, другие тёрлись о тело сокровенными местами, ласкали себя и друг друга. Ритуал завершился и перешёл в каннибальскую оргию, где гостями были Эрос и Танатос, но верховодила всем Шуб-Ниггурат.

Хотя Кристина давно уже испытывала омерзение от ритуалов и оргий «Легиона Младых», она всё же, против своей воли, почувствовала голод и возбуждение. Захотелось сбросить с себя человеческий облик, как надоевшую одежду, и быть с пирующими Сёстрам: есть вместе с ними, ласкать их.

Но она сдержалась. Генри бы не понравилось, если бы его девушка опять стала пить человеческую кровь и есть человеческую плоть.

— Кристина, ты разве не хочешь присоединиться к нам?

Она повернулась на голос и увидела Старшую Сестру — Ангелину. Голую, сексуальную, залянпанную кровью, с куском мяса в руке.

— Неужели не хочешь?

Ангелина подошла к Кристине вплотную, погладила по лицу, сжала её грудь, поднесла ко рту плоть мужчины. Кристина застонала и едва не отдалась животной сущности. Хотелось вцепиться в мясо, сожрать его, а потом заняться

любовью с Ангелиной, даже не так, хотелось трахнуть её.

«Генри».

— Нет, — Кристина замотала головой и отстранилась.

— Нет? — усмехнулась Ангелина.

— Я не голодна и не в настроении.

— Ну как знаешь.

Ангелина откусила большой кусок от мяса, развернулась и влилась в оргию, которая только продолжала набирать обороты.

Когда всё было кончено, они вышли из лесного храма и стали расходиться по окрестным деревням. Кристина почувствовала на себе чей-то взгляд, оглянулась, но увидела лишь статую Шуб-Ниггурат. Обнажённая богиня — полуженщина, полукозлица, по бокам стоят два человека-козла с длинными боевыми косами. Показалось, что голова статуи шевельнулась, как будто кивнула, а затем опять замерла. Кристина потёрла лоб, вздохнула: после ритуалов и оргий «Легиона Младых» ещё и не такое могло померещиться.

Знакомая лесная тропинка вскоре привела к родной деревушке — Стоунволл. Всё поселение окружала невысокая, по грудь, стена из серого камня, добытого на каменоломне неподалёку

от Клифсайда. Впрочем, она уже давно пришла в негодность: где-то обвалилась частично, где полностью, во многих местах виднелись прорехи. Как раз в одну из них Кристина и протиснулась, чтобы сократить путь до дома.

Идя по некогда ухоженной, а теперь грязной, центральной деревенской улочке, Кристина глядела то вправо, то влево. Нельзя сказать, что Стоунволл умирал, но что-то было не так. Она сама до конца этого не понимала, но чувствовала. Соседи стали злее, ожесточённее и при этом глупее. Как будто-то звериное начинало брать верх над человеческим.

Старшая Сестра Ангелина перед каждым ритуалом в лесном храме Шуб-Ниггурат любила проповедовать об их избранности. Но разве избранные не должны быть лучше других, а не становится хуже? К тому же Генри говорил, что их верховный жрец «Ордена Дагона» вешает им ту же лапшу на уши. Так кто же из них самый-самый избранный?

Часть жителей Стоунволла, как будто почуяв неладное, уехали. И теперь их пустые дома мрачно взирали на Кристину тёмными окнами-глазницами. Под их взглядом было очень неуютно, а может быть даже и страшно.

Но когда она увидела свой дом, то от неприятных мыслей не осталось и следа. Из трубы шёл дымок, на кухне горел свет, нос уловил запах свежеиспеченного хлеба и молока. Рот наполнился слюной, жутко захотелось есть. Кристина буквально влетела внутрь, поспешила на кухню. А там её уже поджидала бабушка. На столе стояли хлеб, масло и кувшин молока.

— Привет, вот подумала, что ты захочешь есть.

— Привет, спасибо.

Кристина набросилась на еду, как волк на овцу. Рвала зубами хлеб, жадно пила молоко.

— Да не торопись ты так, никуда хлеб от тебя не убежит, — заметила старушка. — Ты что совсем не поела на ритуале?

Кристина отрицательно замотала головой, рот был занят. Бабушка нахмурилась.

— Плохо.

— Мне плохо от человечины. Просто тошнит. Я уже и не говорю, что так до сих пор и не поняла, зачем надо убивать людей, пить кровь и есть их.

— Когда я состояла в «Легионе Младых», то тоже не понимала, но никогда не задавалась таким вопросом.

— А вот я задаюсь. Даже хотела спросить Старшую Сестру, но потом передумала.

— Ну, слава Шуб-Ниггурат, ума хватило. Это Генри тебе мозги задурил, рыбий сын.

— Нет, не он. Тошнить от человеческой плоти меня стало задолго до встречи с ним, а про человеческие жертвоприношения я стала думать ещё с самого моего первого ритуала. И не называй Генри рыбьим сыном.

— А кто же он, по-твоему, если не рыба?

— Он… — Кристина задумалась, пытаясь подобрать нужное слово. — Особенный. — Наконец нашлась она.

— И что же в нём такого особенного?

— Я не знаю, просто смотрю на него, и сердце быстрее биться начинает.

— Любовь, — улыбнулась бабушка. — Любовь зла, полюбишь и козла.

— Это не про нас с Генри, — усмехнулась Кристина.

— Ну, как скажешь. Всё, что не делается, всё к лучшему, — старушка махнула рукой и вздохнула. — Я ездила недавно в Клифсайд, там лучше, чем у нас, но не намного. Они тоже вырождаются. Поэтому и хорошо, что вы с Генри хотите уехать, здесь у вас нет будущего.

— Поехали с нами.

— Мы ведь это уже обсуждали. Я слишком ста-

рая, я буду вам только мешать. К тому же, я тут родилась, прожила здесь всю жизнь, тут и хочу умереть.

Кристина погладила бабушку по руке, пожала сухую старческую ладонь.

— Спасибо за ужин и за всё.

— Для тебя ничего не жалко.

Встав из-за стола, Кристина пошла спать. Однако уснуть получилось не сразу, голова была занята мыслями о Генри.

***

Генри и Кристина полностью обнажённые лежали на пляже. Целовались. Он ласкал её стройное упругое тело: груди, бёдра, ягодицы. Но когда рука устремилась Кристине между ног, она засмеялась, игриво оттолкнула Генри и вскочила на ноги.

— Догони свою козочку!

Она бросилась бегом по песку, только засверкали пятки и ягодицы. Смеясь, Генри устремился следом. Кристина немного замедлялась, давая ему возможность приблизиться, а потом опять ускорялась. Гонка могла бы продолжаться вечно.

Но вот Кристина повернула вправо и забежала в воду, брызги полетели в разные стороны. Генри

улыбнулся. Вот теперь-то она от него не уйдёт. На земле у него было мало шансов догнать её, но только не в воде. И действительно он стремительно настигал «свою козочку», уже был готов схватить за стройную ножку, когда внезапно Кристина пропала. Генри заозирался. Принялся звать её. Вода стала закручиваться по кругу, словно какой-то гигант мешал её огромной ложкой. Генри затянуло в водоворот.

Когда же ему удалось вырваться из крутящегося потока, то он увидел внизу город, раскинувшийся на глубине. Дома, улицы, площади, храмы. Везде туда-сюда сновали рыбо-люди. Похоже, что это был один из городов Глубоководных, о которых так любил разглагольствовать Теобальд. Он и себя, и Генри, и всех жителей Клифсайда причислял к ним.

«Смешно. Если ты Глубоководный то, какого же рожна ты ходишь по земле, а не плаваешь на глубине?»

Усмехнувшись этим мыслям, Генри отвернулся и вскрикнул от ужаса. На него смотрел огромный глаз, который по размеру, казалось, был больше города. Генри отплыл назад. А вот и второй глаз, и гигантская пасть, напоминавшая пещеру. Громадная тень чуть поднялась с глубины, но этого

было достаточно, чтобы всё вокруг потемнело, словно наступили сумерки.

«Дагон!»

Если бы Генри был на земле, то упал бы ниц, а так пришлось только почтительно склонить голову. Он терпеть не мог «Орден Дагона», но к самому богу относился с почтением.

— Так вот ты какой, любитель козочек, — громоподобный голос, в котором послышались весёлые нотки, раздался у него прямо в голове.

— Я… Мы…

— Да знаю я, чем вы там занимались на пляже, а до этого и ещё в разных других местах. В тебе есть моя частичка, поэтому я в курсе того, что с тобой происходит.

— Мы не хотели ничего плохого, — наконец выдавил из себя Генри.

Раздался громоподобный хохот.

— Ну да, только порезвиться немного. Рыба и коза. Кто бы мог подумать? Но ты знаешь, в этом что-то есть. Я не против того, чтобы породниться с Шуб-Ниггурат. Ваши дети будут и хорошо бегать, и хорошо плавать, и кто знает, что они ещё смогут хорошо делать.

— Мы ещё не думали о детях, — Генри смущённо отвел глаза.

— О, о них никто никогда не думает. Веришь или нет, но и я в своё время вас тоже не планировал. Но вы появились, и я вас признал. Вот только сейчас ваш род стал вырождаться. Деградировать. Нужна свежая кровь, и эта симпатичная козочка — да, мне они тоже одно время нравились — как раз то, что нам надо. Хм, но, похоже, что у нас мало времени. Они идут за тобой.

— Кто?

— Религиозный кретин Теобальд и верные ему. Хотят объявить тебя еретиком и принести мне в жертву, что уже само по себе будет богохульством. Просыпайся и беги за своей козочкой! Она будет ждать тебя в вашем укромном месте.

Из пасти Дагона вырвался поток воздуха. Подхватив Генри, он вынес его на поверхность.

Генри чуть не свалился с кровати. Приснившееся могло показаться полной ерундой, но он знал, что это не так. Ведь ему ещё ни разу не снился Дагон. Быстро одевшись, Генри достал из шкафа саквояж. Там были документы, деньги и самое главное — два билета на корабль до Нью-Йорка.

С улицы раздались голоса, кто-то затарабанил в дверь. Генри выбежал из дома через чёрный ход.

***

Голые Кристина и Генри кувыркались в траве. Оказавшись сверху, он стал покрывать поцелуями её лицо, грудь, живот, бёдра и лоно. Язык проник внутрь Кристины, и она зажмурилась от наслаждения. Затем в неё проникло кое-что потвёрже, вознося на пик удовольствия. Но не успела она пробыть там столько, сколько хотела, как Генри вышел. Открыв глаза, Кристина заметила, как его силуэт исчезает в лесу.

Она пошла за ним и очутилась на поляне, окружённой высокими деревьями. Солнце стремительно заходило за горизонт, как будто его кто-то с силой тянул за верёвку. Свет убегал, уступая место тьме. Деревья закачались от ветра, на поляну упала огромная тень. Кристина повернула голову и замерла от страха, увидев тёмный силуэт, вырастающий из леса и возвышающийся над зелёными кронами. То была рогатая богиня Шуб-Ниггурат — Чёрная Козлица Лесов. Её глаза вспыхнули зелёным колдовским огнём, гигантская когтистая рука потянулась вперёд. Кристина упала на землю ниц.

— Прости меня, великая Шуб-Ниггурат, ибо я согрешила.

Сверху донёсся мелодичный и сексуальный смех. Указательный палец гигантской руки акку-

ратно и нежно погладил Кристину по голове.

— Согрешила? Моя маленькая строптивая козочка, я не та богиня, которая будет осуждать своих детей за прелюбодеяние. Я та, кто за это награждает.

Кристина подняла голову.

— Но нам же запрещено вступать в обычную связь с другими, не нашего вида. А если мы это делаем, то должны их поглотить.

— О, великий Ктулху! Кто выдумал этот идиотизм?

— Ангелина сказала…

— А, глупая сучка, которая возомнила себя той, кто трактует мою волю? Впрочем, она не одна такая. Неудивительно, что с такими, с позволения сказать, предводителями, вы стали вырождаться, — Шуб-Ниггурат вздохнула и деревья закачались, как от сильного порыва ветра. — Но не будем о грустном, давай лучше поговорим о хорошем. О тебе и твоём любовнике. Я была бы конечно за то, чтобы ты выбрала себе кого-то другого, а не рыбу…

— Генри — не рыба! — Кристина сама поразилась своей дерзости.

Одно дело спорить со своей бабушкой и совсем другое дело возражать богине.

Снова мелодичный и сексуальный смех, который скорее принадлежал куртизанке, чем человекоподобной козлице высотой с колокольню. Сверкнула улыбка, ослепившая Кристину.

— А ты действительно — строптивая козочка, ничего не скажешь. Мне это нравиться. И твой Генри тоже не такой, как его сородичи, не такой хладнокровный. Более горячий. Я видела, чем вы тут уже не раз занимались в милой рощице, рядом с моим лесом. Не каждая рыба на такое способна, уж я-то знаю, что говорю.

Кристина почувствовала, что краснеет.

— Но я пришла к тебе, чтобы не просто на тебя посмотреть и поболтать, но и чтобы предупредить. Сёстры из «Легиона Младых» идут. Ангелина неплохо промыла им мозги, они хотят принести тебя в жертву. Беги к своему Генри, он ждёт в вашем укромном месте.

Ветер из-за деревьев подул сильнее, тьма стала сгущаться.

— И небольшой совет на будущее, козочка. Постарайся не так часто показывать свои рожки, самцы этого не любят.

Тьма окончательно сгустилась, и Кристина проснулась. Вскочила, оделась, подхватила заранее приготовленный чемоданчик с вещами.

Залаяли собаки, послышался топот множества ног или даже копыт, громкие крики. Кристина вылезла через окно, выходившее на огород. Козочка убежала из капкана.

***

Генри и Кристина встретились в их укромном месте — рощице недалеко от фермы Паркеров. Они едва успели обняться, как с дороги послышался шум подъезжающих машин.

— Гадство! — выругался Генри. — Сектанты из «Ордена Дагона» всё-таки меня выследили.

Он потянул Кристину в ту сторону, откуда она пришла, но и оттуда раздался гул приближающихся голосов.

— О, а это за мной, Сёстры из «Легиона Младых», — прошептала Кристина. Она быстро кивнула в сторону леса. — Давай, туда.

Едва только они успели скрыться среди деревьев, как в рощицу вломились две группы. Мужчины-рыбы, их возглавлял Теобальд и женщины-козлицы, под предводительством Ангелины. Первые сжимали в руках длинные ножи, у кого-то имелись даже револьверы и дробовики, вторые были вооружены боевыми серпами и косами.

— Мы ищем еретика! — сказал Теобальд. — Он прячется где-то здесь!

— Сразу берёшь быка за рога, Теобальд, — усмехнулась Ангелина. — Но мы тут тоже по делу и тоже преследуем еретичку.

— Забавно, — рассмеялся верховный жрец Дагона. — В кои-то веки у нас общие цели. Но вам не стоит путаться у нас под ногами. Дайте нам закончить свои дела, и мы не будем вас трогать.

— Ты забыл, что ты не на своей территории, рыбьемордый!

— Я не потерплю оскорблений от тупой козы!

Время разговоров закончилось. Рыбы и козы сошлись в смертельной схватке. Раздались выстрелы, замелькали в воздухе ножи, серпы и косы.

Заряд дроби сбил рогатую женщину на землю. Рыбацкий сапог наступил на голую грудь, придавил к земле, а в следующее мгновение выстрел разнёс голову козы. Сверкнул серп. Мужчина вскрикнул, схватился за горло, из которого брызнула кровь. Козлица ударила второй раз, отсекая пальцы, страшная рана стала ужасной.

Рощица наполнилась криками, запахом пороха и крови.

Обнажённая женщина взмахнула боевой косой

и практически рассекла надвое тело человека-рыбы. На землю хлынул алый поток, окрасив зелёную траву в красный цвет. Мужчина в рыбацком плаще с двумя револьверами стрелял по козам, как в тире, комментируя каждый выстрел.

— Тебе, рогатая сука, в сердце, его у тебя и так нет. Тебе, тварь тупая, в голову, всё равно пустая. А тебе, подстилка шерстяная, о, да, прямо туда, всё равно там уже всё стёрто подчистую.

Мужчины-рыбы были лучше вооружены, но женщины-козлицы компенсировали недостаток огневой мощи скоростью и напором. Силы были примерно равны, но каждая из сторон всё равно продолжала нести потери.

— Хватит, Ангелина! Мы сейчас просто перебьём друг друга, а еретики убегут! — крикнул Теобальд, затем повернул к своим. — Прекратить бой!

Ангелина послушала его, но не сразу. Была слишком разгорячена битвой: упругое тело залито кровью, обнажённые груди быстро вздымаются и опадают, глаза сверкают яростью. Наконец, она взяла себя в руки и махнула козлицам, чтобы они успокоились.

— Хорошо, Теобальд. Что ты предлагаешь?

— Давай объединимся и вместе поймаем их. А там мы заберём своего, а вы свою. Идёт?

— Идёт.

***

Кристина и Генри уже порядочно углубились в лес, когда звуки боя позади них затихли.

— Всё кончено? — Кристина оглянулась через плечо.

— Не думаю, слишком быстро. Боюсь, что они могли договориться, ублюдок Теобальд отлично пудрит мозги.

— Как и стерва Ангелина.

Спереди раздался громкий шум, кто-то продирался через лес. Два каменных козла со здоровенными косами вышли из чащи, осторожно обошли замершую парочку и направились дальше.

— Что это было? — испуганно сглотнул Генри.

— Шуб-Ниггурат, — улыбнулась Кристина.

***

Объединённый отряд Теобальда и Ангелины двигался вперёд, когда внезапно из-за деревьев показались два каменных козла с косами. Они ринулись в атаку.

— Во имя Шуб… — начала Ангелина, но догово-

рить не успела.

Каменная коса рассекла её на две части от лба до паха. А затем лес ожил и напал на рыб и козлиц.

***

Сделав большой крюк, Генри и Кристина вернулись к рощице. Там на дороге Генри оставил машину. Парочка забралась внутрь и благополучно добралась до прибрежного городка Вестпорт.

Несколько часов в ожидании корабля показались вечностью, и только когда они оказались в каюте, Кристина и Генри смогли выдохнуть с облегчением. Они вышли на палубу, чтобы полюбоваться огнями удаляющегося города. И тут заметили, что их преследует небольшая флотилия из катеров и моторных лодок.

— Дагон их побери! — Генри в сердцах ударил по перилам. — Да оставят они нас в покое или нет!

Ему даже почудилось, что он увидел блеск золотой тиары Теобальда на одном из катеров, плывущих впереди остальных. Корабль качнуло. Генри, Кристина и другие пассажиры вцепились в перила, чтобы не упасть. Позади судна поднялась огромная волна, которая обрушилась

на флотилию преследователей. Часть она сразу потопила, а другую часть швырнула на скалы, разбивая в щепки.

— Кажется, Дагон тебя услышал, — улыбнулась Кристина.

— Похоже на то, — Генри улыбнулся в ответ и обнял её.

Корабль увозил Генри и Кристину прочь: навстречу Нью-Йорку, навстречу новой жизни. Два гигантских тёмных силуэта смотрели ему вслед. Наконец, когда он полностью скрылся за горизонтом, одна из теней с плеском ушла под воду, а вторая с шелестом растворилась в лесу.

Блог аутсайдера Вадим Вербицкий

29 дней до нового 2023 года

Это было сегодня в полдень. Я ждал свой заказ, докуривая последнюю сигарету. За окном стояла странная, неестественная для этого времени дня тишина, к которой я то и дело невольно прислушивался — и прислушивался напряжённо, со смутной тревогой.

Повсюду было слякотно, мелко моросило, куда ни глянь — сплошная серость. Гул моторов с дороги доносился на удивление редко — обычно он звучит монотонно и почти не смолкает вплоть до поздней ночи.

Приблизительно в ту же секунду, когда к парадному входу подкатило авто с доставкой, на расстоянии вытянутой руки от моего окна на ветку тополя уселся воробей, посмотрел на меня и чирикнул. Дождь набирал силу, и улица погружалась в затяжное уныние. Я сочувственно посмотрел на промокшего воробья, не сводящего с меня своих маленьких чёрных глаз, раздавил окурок в пепельнице и прикрыл окно.

Курьер сразу вызвал во мне неприязнь. Сплошь седые волосы его были зачёсаны набок и неровно разделены пробором, тёмные рыбьи глаза близко посажены к носу; глубокие, напоминающие шрамы, морщины в уголках маленького рта тянулись к острому, гладко выбритому подбородку; щёки у него слегка впалые и сильно изъедены оспой, нос синюшный и какой-то уж слишком раздутый, и тоже отмечен оспой. Он был очень низкого роста, почти карлик, и, как мне показалось, имел крайне нездоровый вид.

Одет курьер был в серый пуховик, весь промокший от дождя, и тёмно-синие брюки, внизу собранные складками; под широкими брючинами проглядывали тупые носы стёртых, некогда лаковых ботинок.

Я принял свой заказ и расплатился крупной купюрой.

Отсчитывая сдачу, курьер, как бы между прочим, спросил:

— Уже приобрели карту «сверхнового»?

Пока я собирался с мыслями, он протянул мне сдачу своей короткой рукой и, сощурившись, прибавил:

— Вы можете оформить карту в любом пункте переливания крови. Советую с этим не медлить,

акция продлиться до 31 декабря включительно.

— О какой акции вы говорите? — полюбопытствовал я.

— Бесплатная доставка, скидка на все виды товаров, — машинально протараторил курьер.

В тот момент я опять подивился его росту — он показался мне слишком уж низким даже для его возраста, хотя карликом всё же я бы его не назвал.

— Хм… — Я изобразил заинтересованность.

— Да, и ещё, — сказал курьер с внезапным озарением, — в акцию включены три десятка промокодов, они предоставят вам целый ряд привилегий.

— Например? — спросил я.

— Бесплатные консультации и приём стоматолога, пользование безлимитным пакетом интернет-провайдера на полгода вперёд и… что там ещё? Ах, да, главное, ради чего стоит приобрести карту, это, конечно, уникальная возможность заглянуть по ту сторону… ну, знаете, за грань вещественного мира, столько раз, сколько вашей душе угодно.

Я изумлённо заморгал.

— Вы говорите про Аттракцион?

Сощурив свои хитрые чёрные глазки, курьер

загадочно улыбнулся и странным, этаким заговорщицким шёпотом сказал:

— Я уже дважды там побывал.

Его странный взгляд настораживал меня, но всё же я не удержался и спросил:

— И… — замялся я, — как там?

— Шабнигурат каждому рад, — таинственно произнес курьер. — Получите карту — станете полноправным членом ВНД.

Затем он обернулся, перед тем как шагнуть в кабину лифта, и присовокупил последнюю фразу в таком тоне, будто мне угрожал.

— Не тяните с этим!

«Вот они, первые ласточки», — сказал я себе, закрыв дверь на замок.

И мне стало не по себе. Настолько не по себе, что я весь похолодел внутри.

27 дней до нового 2023 года

Приветствую неутомимых дознавателей истины, выживающих на обломках здравого смысла, попавшего теперь под запрет.

По миру прокатилась новая волна тревожных предчувствий. «Шабнигурат» и «Креатон» — самые пресловутые сегодня слова неизвестного смысла, которые наводят суеверный ужас на легкомысленный и невежественный народ всех

уголков планеты. В нашем городе людей охватил подобный необъяснимый страх.

Никто не знает, где впервые прозвучали эти заковыристые названия чего-то там устрашающего, запредельного или даже демонического.

Кем произнесены были эти слова впервые?

25 дней до нового 2023 года

Лицо мира изменилось, и перемены, сами понимаете, — не к лучшему. Безобразная изнанка вывернулась наружу. Уродство проявило себя через длинный ряд феноменов, которых не ожидал никто. Равнодушных не осталось. Выбор не велик, ты или сойдёшь с ума, или на худой конец сохранишь остатки рассудка в отчаянной попытке уместить собственное безумие и безумие общее в тесные рамки импровизированной системы. Настала эпоха глобальных перемен в сознании общества со всеми вытекающими отсюда последствиями, с неизбежной деградацией научных парадигм и скорейшего ухода от традиционных научных взглядов.

Однако, что ещё остается тем, кто не готов к таким чудовищным становлениям сверхъестественных сил?

Серые массы, пребывающие в летаргии собственного необоснованного неверия, стали

первыми жертвами, самыми уязвимыми к трансмутирующим энергиям непостижимых сфер космоса.

Шабнигурат уже царствует безраздельно! И где теперь ваше место, бессовестные циники и горделивые властолюбцы? Где вы теперь, я вас спрашиваю? Крах старой цивилизации — это восход новой эры, не так ли? Думаю, культисты и религиозные фанатики со мной согласны.

Сегодня в рубрике «Невероятные факты»

«Команда физиков из Гарвардского университета сумела воссоздать первозданную материю, Materia lucida — исходное состояние вещества, открытие которого было предсказано в прошлом веке. Ученые верят, что, изучив её свойства, им удастся создать квантовый преобразователь — устройство для преодоления пространственно-временных барьеров.*

Мир квантовой физики настолько отличен от всего известного нам, что его законы могут показаться любому малоосведомленному человеку настоящей магией. Однако именно в квантовой физике современные учёные видят скрытый неисчерпаемый потенциал, который поможет человечеству достичь нового технологического уровня.

Данная наука изучает малейшие частицы, заложенные в фундаменте жизни вселенной. А некоторые даже считают, что она позволяет учёным взглянуть на мир глазами самого Творца, создавая первичные состояния материи.

Однако, что такое квантовая физика в категориях некромантии? Могут ли эти два, на первый взгляд, несовместимых направления пролить свет друг на друга или даже дополнить? Достаточно ли чистого любопытства, чтобы взломать код материи и отбросить завесу тайны?

Ответы на эти и многие другие вопросы вы получите, посетив наш бесплатный семинар, который будет проведён профессором Мискатоникского университета Уильямом Страттом в Кафедральном Соборе Святого Павла (Кирха). Наиболее любознательные и отважные познаватели запредельного смогут лично коснуться Шара Времени и поучаствовать ассистентами в ритуале оживления мёртвой плоти».

Ссылка на источник:…

*Materia lucida — буквально светоносная материя, предвечная космическая субстанция теософов.

24 дня до нового 2023 года

Приветствую смельчаков, сохранивших свою индивидуальность в условиях тотального духовного порабощения человечества!

Пандемия, эпидемия страха, зараза, овладевшая всей планетой, повлекла за собой стремительное поползновение всех устоявшихся принципов цивилизованного общества: моральных и нравственных, научных, образовательных, политических и религиозных. Ровно месяц назад власти Китая открыто заявили о своём намерении покориться Другим богам. Под другими богами они, без сомнений, подразумевали Древних властителей хаоса. И тут возникает вполне резонный вопрос: не с той ли поры некроманты заговорили о новых энергиях из космоса, непостижимое влияние которых порождает чудовищ?

Сегодня рубрика «Невероятные факты» представлена в моём пересказе.

Правительство КНР провело всеобщий референдум, в ходе которого львиной частью голосов победили сторонники «последней надежды». Своей последней надеждой они полагают древнего покровителя Тсатоггуа, чей культ уходит корнями в тёмную неоглядную древность. Китайцам не впервой обращаться к помощи этого жадного ревнивого божества. Самое время вспомнить

статью американского журналиста Рэндольфа Борда, опубликованную в журнале «Twilight» в 1992 году, в которой он недвусмысленно высказался о подлинной причине феноменального экономического роста КНР.

Ктулхианцы, оказавшиеся, как это ни странно, в безнадёжном меньшинстве, потерпели удручающую неудачу, однако позже и они были приняты в многомиллионную общину культа ненасытной жабоподобной горгульи. Отныне моления Тсатоггуа возносятся непрестанно за весь мир — в пределах Китая.

***

Наиболее восприимчивые к воздействию космических энергий хаоса претерпели необратимые изменения. Их мутации настолько отвратительны, что усиленные спецподразделения полиции вынуждены уничтожать их на месте обнаружения настолько оперативно, насколько это в их силах. Естественно, причина столь радикальных мер заключается не столько в невыносимом уродстве оных, сколько, прежде всего, в опасности, которую они способны представлять с первого момента своих телесных и психических превращений.

Огнеметы в арсенале полиции — это не только оружие против плотоядных монстров-мутантов, но и средство милосердия для их несчастных родственников. Улавливаете иронию? Если да, значит, вы не окончательно безнадежны!

Шабнигурат и Креатон всем нам в помощь! Самый неожиданный опасный смысл может быть заложен в эти нездешние слова. Может быть, Тсатоггуа откроет их тайное значение?

Post Scriptum: теперь исключительно пользуюсь услугами служб курьерских доставок на дом. К слову, с курением я завязал совсем. Не бывает худа без добра.

С наступлением ночи на улицы я впредь ни ногой.

23 дня до нового 2023 года

Добро пожаловать, омрачённые апокалиптическими настроениями, но всё ещё преданные здравому смыслу, читатели!

Паника в правительстве, паника в народе. Паника в государствах и городах. Причём, чем больше численность населения, тем сильнее волна безрассудного паникёрства.

Паника коснулась меня в 5 утра, когда мяуканье за дверью достигло невыносимого диссонанса, напрочь отбив у меня охоту к беспечному сну.

Позже я узнал, что пять преданных забвению гуппи в моём аквариуме приказали долго жить. И, судя по всему, произошло это два или три дня тому назад. А всё потому, что моя озабоченность армагеддоном заставила забыть об обыденных вещах.

Потом неполадки сети интернет-провайдера повергли меня в самую бездну отчаяния, продлившуюся, правда, не долго. Какие-то глухие царапания за стеной отвлекли мои мысли, вызывая невольную дрожь. Через час царапанья затихли, сменившись гулкой тишиной одиночества, после чего я позавтракал и сел за ноутбук, настороженно внимая отдалённым звукам полицейских сирен.

Немыслимо, что происходит в эти минуты во внешнем мире. Время собирать информацию. Время, выкроенное мной среди беспомощного безделья и бессмыслицы собственного существования. Мой блог имеет для меня жизненно важный смысл, как лекарство от кошмаров, решительно ценное для меня. Как и многие другие в эти сложные времена, я потерял свою работу. Впрочем, я был от неё не в восторге, усвоив многолетнюю привычку жить на уровне «удовлетворительно». Меня это устраивало, вполне.

Новости нашего города

Стало известно, что археологический музей на Пушкинской, основанный в 1825 году как городской музей древностей, превратился в новый языческий храм нечестивцев. На треугольном фронтоне, поддерживаемом четырьмя высокими ионическими колоннами, отныне красуется загадочный знак. Насколько я сумел разглядеть на сделанном сегодня снимке, упомянутый символ представляет собой золотистый трискелион.

Несмотря на недавнюю реставрацию, музей находился на весьма скудном попечении горсовета. И всё же сооружение имеет историческую и культурную ценность и, на мой взгляд, негоже портить его всякой сомнительной атрибутикой.

***

Мой ужин сегодня состоял из рисовой лапши с соусом терияки. Курьер выглядел так, словно прошёл через Аттракцион* кошмаров. Бедняга успел насмотреться ужасных сцен на улицах, пока добрался до меня. Нынче курьеры — истинные герои.

По ссылке ниже вы можете поддержать наших самоотверженных тружеников своими щедрыми донатами:…

*Всем ведь известно об Аттракционе? Его открыли совсем недавно в Парке Горького. Там вы можете увидеть страшное Запределье, безрассудно нырнув в чёрное жерло адского портала, разверзающегося после небольшой денежной оплаты.

Аттракцион открыт с официального согласия горсовета и активного участия сторонников некромантического движения «Левой руки».

21 день до нового 2023 года

Рад, что вы заглянули в мой блог аутсайдера, павшего жертвой мизантропических настроений, обречённого на (бесконечную) изоляцию в стенах собственной квартиры.

Она была необъятна, но обворожительно мила, как мавританская красавица*. Девушка, доставившая мне продукты в полдень, оказалась ярким примером сангвинического темперамента. Её большие ясные глаза поразительно лучились, пухлые щёки, подёрнутые здоровым румянцем, и большие алые губы, с которых не сходила добродушная улыбка, составляли её незабываемый лучезарный образ самоотверженной служительницы обществу. Я принял из её рук два пакета из супермаркета — каждый килограмм по семьдесять. Можно только позавидовать её запасу

жизненных сил.

Когда я рассчитался с ней и запер дверь, единственную преграду между мной и страшным внешним миром, то быстро направился к окну. Через две минуты дородная девушка вышла из парадного входа, и — вот странность! — сопровождали её два карлика в чёрных атласных балахонах. Оказавшись в их компании, девушка сразу поникла, её движения утратили свою живость, шаг замедлился, и вся она заметно встревожилась. Два злобных гнома грубо схватили её за запястья и поволокли за собой к машине. Они грубо затолкали её в салон старого, испачканного грязью, чёрного минивэна «Рено».

После этого странного случая мои зачаточные крупицы бодрости и хорошего настроения, которым поделилась со мной милая курьерша, улетучились в одно мгновение. Я всё ещё ощущаю его неприятный осадок в глубине своей души. Я не мог ничего сделать, — продолжаю я себя убеждать в муках сомнения. Да, ну что бы я предпринял? Мне и дверь открыть смелости не хватает, ну а выйти на лестницу, спуститься вниз… Боже мой, об этом не может быть и речи!

*Что вам известно о мавританских невестах, с которыми я сравнил нашу жертву похищения?

Не станем отвлекаться, вы можете самостоятельно прочитать о них в сети.

Сегодня в рубрике «Невероятные факты»

Перед портиком археологического музея на Пушкинской установили огромный полотняный шатёр. Представители прессы подчеркивают важность его цвета, намекая на какие-то детали из пьесы, название которой пока не могу вспомнить. А комментарии под постом в *** только что удалили. Это настораживает. Кто-то очень влиятельный не желает огласки даже туманных догадок о своих тёмных делишках.

Будьте осторожнее и вы, дорогие читатели моего блога, оставляя свои комментарии под подобного рода постами в социальных сетях.

Новое фото фасада здания музея я прилагаю к тексту. Теперь знак трискелиона отчетливо виден на фронтоне, а помпезный фасад почти полностью скрыт за непроглядной занавесью, закреплённой за колоннами. Что всё это может значить? Если кому-то известна данная символика, убедительно прошу вас написать мне в *директ* в *** или на почту, адрес которой указан в хедере страницы блога.

20 дней до нового 2023 года

Рад приветствовать умудрённых опытом смель-

чаков, нашедших в себе отвагу не поддаваться пагубному влиянию чернокнижников!

Необъяснимое чувство покоя наполнило меня, и страх после моего побега от высокого человека в длинных лохмотьях прошёл, когда я посмотрел в закатившийся глаз повешенного на ветке старого дуба в нашем дворе. Отовсюда слышались возбужденные голоса, скандирующие «аи, аи Шабнигурат».

Я проснулся посреди ночи, понимая, что видел кошмар, и услышал, как с лестничной площадки опять доносилось протяжное болезненное мяуканье, в какие-то моменты переходящее в тоскливый вой. Потом я вновь провалился в сон, в котором мертвеца уже вынули из петли старательные прохожие; я узнал в нём моего соседа, всю жизнь свою проработавшего дворником.

Поддерживая под безжизненные руки, его тело усадили на дворовую качель, и вдруг посиневшие пальцы трупа сомкнулись на поручне, а ноги резко толкнули под собой землю — и качель взмыла. На другом конце её сидел огромный кот пепельного цвета, он отталкивал себя облезлым хвостом. Прежде, чем проснуться в холодном поту, я заметил, что на кошачьей морде кровото-

чил нос, и тёмно-бурые капли пачкали шерсть. Последний раз столь жуткие кошмары снились мне в детстве. Это было ужасно!

На свой скудный заработок копирайтера я не многое могу себе позволить, поэтому сегодня обошёлся без курьерских услуг. Яичница, печенье, чай. Бедно, но сносно.

Сегодня в рубрике

Сны человека часто предупреждают об опасностях. Сновидения начали толковать ещё в те доисторические времена, когда представители первых коренных рас обладали андрогинными формами жизни и не зависели от температур и прочих условий окружающей среды из-за отсутствия плотной физической оболочки. Значения сновидений, когда лунные астральные токи вовлекают тонкие тела спящего в свои вихри и течения, нельзя недооценивать с точки зрения парапсихологии, астрологии и даже здоровья.

Сны о тёмных дремучих лесах или помещениях без окон и дверей, особенно, если они заполнены карликами в балахонах — снятся к сильной депрессии. Будьте осторожны, вероятно, вскоре вы почувствуете непреодолимое желание покончить с собой.

Если человек во сне ходит по бесконечным

туннелям, где на каждом повороте дремлет вооружённый драугр, мрачным галереям или безвыходным лабиринтам — это говорит о сложных ситуациях, которые приведут к сильному стрессу или безумию.

Собственные похороны, прогулки в кромешной темноте, встреча с жуткими чудовищами — всё это предупреждает о сильных переживаниях и депрессии.

Также это должно подтолкнуть вас к мысли найти Жёлтый Знак.

Как показывает опыт, искать его лучше всего на самых видных местах, не исключено, что являться им будет самый обыкновенный предмет, который до этих пор оставался без внимания.

После пробуждения люди обычно долгое время могут страдать от чрезмерного ощущения тревожности. Но, главное, помните, что любое наше эмоциональное состояние — это всего-навсего иллюзия, навеянная астральными токами Каркозы.

Важно: очень скоро все ваши тревоги исчезнут, уступив бездонному отчаянию — обязательно найдите Жёлтый Знак!

Источник материала:...

19 дней до нового 2023 года

Не знаю, дорогие читатели, какие дела отняли у вас драгоценное время дня, а у меня состоялась генеральная уборка, на которую я потратил около трёх с половиной часов. В завалах из старых трухлявых книг и разнообразного хлама я сделал любопытную находку — выудил маленький тусклый шарик, светло-жёлтый, почти бесцветный, на материал которого я сначала погрешил, подумав, что он сделан из обыкновенного стекла. Однако, внимательно рассмотрев его на свету, я сделал вывод, что тщательно полированный шар изготовлен из янтаря.

По-моему, он замечательный, только не припомню, чтобы видел его раньше.

В холодильнике моём повесилась мышь (не буквально, конечно). И пока курьер мчится через ужас апокалиптических преград, я опишу свой страшный сон.

Не то, чтобы очень, но всё же мучает меня один докучливый вопрос: жив ли наш дворник? Он снится мне уже вторую ночь подряд. И там, в моём кошмаре, он мёртв. Впрочем, это удручающее обстоятельство не мешает ему мести лестничные пролёты в нашем подъезде и гнать метлой огромного кота с изувеченной мордой. Кот упрямо пробивается сквозь оборону неповоротливого (он

ведь труп) дворника, вызывающе виляет хвостом и бежит куда-то целенаправленно вниз по лестнице, пачкая ступени каплями своей крови.

Снится мне, что спускаюсь по ступеням последнего пролёта, натыкаюсь на дворника, но вижу только спину и лысую макушку низко опущенной головы, лицо его обращено в другую сторону. Сильно ссутулившись, он подметает лестницу, медленно и неуклюже, короткими движениями. Его серый неряшливый халат весь в рваных дырах, бледный тощий затылок пугает двумя отвратительными жилами в углублении под черепом.

Мне страшно, ноги мои не слушаются меня, невероятными усилиями я добираюсь до выхода из парадной. В этот миг, когда рука моя толкает дверь, дворник перестаёт мести, он замирает, точно моё присутствие что-то для него значит. Медленно, он оборачивается…

В этом месте я пробудился. И что-то подсказывает мне, что мог бы и не проснуться вовсе, стоило мне встретить взгляд его блеклых мёртвых глаз. Бр-р-р… жуть!

Продукты продовольствия доставлены вовремя. Но курьер, какой-то бледный парень с мерзкой сыпью на лице. Под толстыми стёклами

очков, его выпуклые глаза как-то ненормально на меня таращились. И его странный неожиданный вопрос, нашёл ли я Жёлтый Знак, ввёл меня в мгновенное замешательство. Ничего не ответив и чувствуя неприятную оторопь, я закрыл дверь прямо перед его носом. Это уже была жуть наяву. Бр-р-р…

***

И, хотя мир сегодня полон удивительных событий, всё больше пугающих и необъяснимых, тень которых покрывает даже обыкновенную нашу повседневность, я продолжаю вести свою рубрику «Невероятные факты».

На том месте, где положено быть лицу, у них нет ни глаз, ни рта и не видно ноздревых отверстий. Поскольку твари эти появляются только во время дождя, на их гладкой тёмной коже играет тусклый блеск, как и на длинных изогнутых рогах, венчающих их продолговатые головы. Кожистые крылья внушительного размаха похожи на крылья летучих мышей. Благодаря своей характерной наружности — немалую роль здесь играет гибкий хвост со *стрельчатым* концом — описанные существа упоминались свидетелями, как «чёрные демоны, спустившиеся с мрачного

грозового облака».

«Было их тьма-тьмущая… — говорит не на шутку взволнованный очевидец, — они кружили над улицами города, хватая прохожих и унося их с собой в чёрное поднебесье; всё это сопровождалось оглушительными раскатами грома, яркими вспышками молний и криками испуганных людей, спешащих скрыться от когтей чудовищ. Это был сущий ад, такое можно увидеть только в кошмарном бреду!».

Событие имело место сегодня, всего три часа назад. Это похоже на какой-то грёбанный фильм ужасов. Но кого теперь таким удивишь?

Здесь будет к месту вспомнить об омерзительных мутациях, превративших, по последним данным, более двухсот тысяч жителей нашей страны в страшных и опасных существ. Пугающая статистика подтверждает мои опасения о том, что ситуация с мутантами имеет эпидемиологический характер. Полиция по сей день не ослабевает в своих смертельных ночных рейдах, очищая улицы от невообразимой заразы.

По всему миру наблюдается рост числа заражённых мутировавших особей, мужских и женских. При этом, как подсказывает практика, степень восприимчивости к губительному

воздействию чужеродных космических сил не зависит от половой принадлежности. Выползая из своих грязных логов, эти порождения чуждых нам энергий появляются на улицах преимущественно по ночам.

Надеюсь, дорогие читатели, вам хватит благоразумия не покидать своих домов и не выходить за дверь своих уютных квартир, когда солнце уходит за горизонт.

История о крылатых тварях, появившихся сегодня, когда над городом пронеслась гроза, стремительно распространяется в сети. Рекомендую ввести в поле поисковика «чёрные демоны». Также, судя по новым хэштегам в *соцсетях*, вы можете воспользоваться такими ключевыми словами: «мверзь» и «ночные призраки».

17 дней до нового 2023 года

Приветствую вас, неустрашимые искатели правды!

Прошлой ночью я на собственном опыте узнал, каково это — оказаться на грани чистого безумия. Поэтому я снова повторюсь, насколько важна для меня возможность делиться в своём блоге умопомрачительной информацией, пугающей меня, лишающей покоя, угрожающей затмить мой рассудок и обратить в сверхнового (с недавних

пор этот термин принято писать без кавычек), если только я перестану вести блог.

Ночное мяуканье стало невыносимо истеричным, режущим слух и нервы. Иногда оно затихало, ненадолго, но потом, срываясь на писклявый крик, раздражающе громко оглашало сумрачные лестничные пролёты, искажёнными обертонами проникая в мою квартиру сквозь дверь и стены.

А иногда эти кошачьи завывания напоминали истошный плач ребёнка. Моё воображение рисовало ужасную картину, в которой на стылом полу в темноте лежал брошенный младенец, изуродованный мутацией. Он вопит и вопит, просто всем на зло, чтобы достать всех и каждого в этом доме. И если бы он мог добраться до каждого живого, чтобы навредить, растерзать, перегрызть горло, выпотрошить заживо, он бы добрался и сделал это с великим сардоническим наслаждением. Это чудовище, маленькое, но непостижимо злобное, алчущее крови, приснилось мне после.

В момент, когда волна животного ужаса выбросила меня из сна, я почувствовал удушье и проснулся. Но… о, ужас! Ощущение холодного скользкого прикосновения осталось на моей коже. Стояла абсолютная тишина, никаких

посторонних звуков. С дрожью во всём теле я отправился в ванную, отдышался, несколько минут пытаясь смыть с себя наваждение, страшные образы которого ещё стояли перед взором. Потом какой-то необъяснимый импульс повёл меня к входной двери.

Тусклая точка *глазка* смутно маячила в конце коридора, иллюзорно покачиваясь в чёрных прядях темноты. Я встал носом к двери, затаив дыхание и… мысли. В ту минуту я понял, что меня побудило сюда прийти — надежда, что там, по другую сторону, не будет ничего необычного. Наконец, я посмотрел в *глазок*.

В сужающемся пространстве перспективы темнело что-то большое, закрывающее собой вид на лестницу и соседский тамбур. Справа — лифт и жёлтый огонек, просвечивающийся через разбитую кнопку вызова; слева, на замусоленной стене виднелись серые дверцы электрощитов. Бесформенный чёрный силуэт скрывал из вида остальную часть этажа.

Несколько минут я продолжал напряжённо наблюдать, ожидая, что, в том случае, если это был человек, он рано или поздно должен был пошевелиться. Минуты шли, тянулись нестерпимо долго, однако то, что там было, оставалось непо-

движным. Фокусировать зрение становилось всё сложнее, и тёмное неясное нечто, казалось, закрыло весь обзор.

Осознав тщетность моего длительного стояния на холодном полу у порога, я плюнул на всё и отправился в спальню. Но стоило мне накрыться остывшим одеялом, как я тут же был вынужден опять выпрыгнуть из постели и сначала опрометью, позабыв о всякой осторожности, а потом, крадучись мягко по ковру, вернуться к двери, чтобы увидеть проклятого виновника моих ночных беспокойств.

Громкое ужасное мяуканье вновь вернулось, а вместе с ним и страх во всей своей прежней силе, когда я обнаружил, что тёмного силуэта уже не было. Я заглянул в глазок и даже через запотевшую его линзу беспрепятственно увидел, как проглядывали в полумраке сквозь решётку железного тамбура прямоугольники дверей. А затем с последней ступени лестницы сошло что-то небольшое, чёрное и трудно узнаваемое в том едва освещённом месте, где оно находилось.

Несколько секунд спустя, я с небольшим сомнением узнал в нём кота, размеры которого казались невероятными. Его плавные виляния хвостом подтверждали мою догадку. Кот оста-

вался у подножья лестницы, обратив свою морду вверх. Было заметно, что его что-то насторожило. И вдруг спина его выгнулась дугой.

В совершенной тишине каждый шорох с лестничного пролёта отчётливо доносился до моего слуха и, когда животное шарахнулось к дальней стене, послышались шаги или вернее, шаркающая неуклюжая походка — кто-то спускался с верхнего этажа.

Злобно огрызнувшись, кот фыркнул, угрожающе зашипел, показав клыки, и бросился по лестнице вниз.

Мгновением позже на пол упала тень человека. Перемещаясь, она искажалась, а звук нетвёрдых шагов становился громче. Мороз взобрался по моей спине, я вспомнил в ту минуту свои сны. Мне казалось, что вот-вот сойду с ума от страха.

Не отнимая слезящегося глаза от дверного *глазка*, я стоял, ощущая, как всего меня колотит страшный озноб. Всё моё внимание было целиком отдано теперь уже чётко очерченной тени на стене напротив, на фигуре человека с согбенной спиной и длинной тонкой шеей.

Потом раздался пронзительный кошачий крик, долетевший с сумрачных этажей, который вывел меня из ступора, и я, наконец, смог отойти от две-

ри, и с дрожью в ногах вернулся в спальню.

Мысль о человеке на лестнице, а вернее, кем мог он быть, кажется мне несовместимой со здравым умом. И действительно, это предположение, слабая догадка, сама по себе, как бы удерживает меня на тонкой грани, где теряется всякая связь с реальностью. Я стою на краю чёрной пропасти, в мрачных глубинах которой раздаётся тяжёлое дыхание чистого, кристаллического безумия.

10 дней до нового 2023 года

Приветствую вас, стойкие поборники права на сохранение индивидуальности! В предчувствии грядущих ужасных перемен, все мы бросались в отчаянные поиски ответов. Но всё обернулось неудачей — в моём конкретном случае.

Целую неделю я не находил в себе ни сил, ни желания садиться за свой ноутбук по известным вам причинам, подробно описанным мной в последней публикации блога. Долго не мог прийти в себя, но отвлечься от назойливых и пугающих мыслей мне тоже не удавалось, как не старался я перевести внимание на что-нибудь другое, обыкновенное, не выпадающее из рамок нормального. Поэтому вчера днём я заставил себя покинуть квартиру.

Через полчаса я вернулся домой и к немалому своему удивлению обнаружил в себе неожиданное спокойствие и полное отсутствие тревог, к которым так привык за последнее время, проведённое в добровольном затворничестве. Думаю, свежий воздух пошёл мне на пользу. В некоторой мере ко мне вернулась бодрость духа и ясность ума.

Ощущение гнетущей тяжести от мрачных переживаний и меланхолических настроений почти исчезло. Несмотря на то, что накрапывал дождь, на душе моей просветлело, и на какие-то минуты я позабыл обо всех своих страхах, и жуткие видения и наваждения, преследовавшие меня в стенах квартиры, показались слишком уж невероятными и надуманными, чтобы вот так запросто вписаться в прозаическую картину мира.

Обычные люди на обычных улицах, дороги, отливающие серым мокрым асфальтом, угрюмые высотки, поблекшие под дождём. Я посетил местный продуктовый магазинчик, на выходе из которого моё внимание привлёк рекламный щит с QR-кодом и небольшой надписью: *«Поддержи международный проект „Креатон“. Твоя ежемесячная норма крови — 400 мл; за скромной платой последует великое воздаяние».* Даю голову

на отсечение, что этот билборд был установлен здесь недавно.

Сегодня в рубрике

В этом году американский журнал «Time» присудил звание «Человека года» чернокнижнику из Новой Англии. И вот, что в своей статье о награде, говорит главный редактор журнала:

«Настала эпоха невероятных возможностей, спектр которых продолжает неуклонно расти. И всё это благодаря выдающимся открытиям одного необычайно одарённого человека, гения и провидца, лидера всемирного движения некромантов Алистера Р. Д. Его умения проникать в тайны магии и некромантии сложно переоценить, так же, как и способность к применению древних формул по возвращению мёртвых к жизни и обмену знаниями с обитателями других миров.

Это его стараниями перед человечеством открываются новые, невиданные горизонты. Однако лучшие учёные умы современности не успевают охватить тот колоссальный объём информации, поступающий из источников Запределья. Остаётся надеяться на постоянную поддержку магов и чернокнижников — под их эгидой в следующем 2023 году будет открыт Массачусетский универ-

ситет некромантии имени Алистера Р. Д.

Что касается обещаний «Левой руки» сделать человечество бессмертным, в буквальном смысле этого слова, то такая возможность вскоре станет доступной почти любому желающему присоединиться ко Всемирному Некромантическому Движению (ВНД).

Здесь важно отметить, что вступить в ряды некромантов смогут практически все, кто того пожелает, но обладатели резус-отрицательного фактора крови окажутся в преимуществе отбора.

Всемирная организация «Левой руки» напоминает о необходимости своевременной сдачи крови. Ближайшие к вам пункты переливания вы легко сможете найти, воспользовавшись картой на нашем портале…

Не препятствуйте общечеловеческому прогрессу — сдавайте кровь вовремя!»

Источник:…

7 дней до нового 2023 года

Приветствую вас, представители реликта, упрямые отщепенцы воцарившегося ада на Земле!

Над городом собираются тёмные тучи, готовые вот-вот обрушить на его улицы *небесные хляби*. Удастся ли мне увидеть за окном кры-

латых «мверзей»? Возможно, вы замечали их гротескные силуэты, парящие в облаках среди дождя? Пишите в комментариях, что вам удалось увидеть.

Вспомним недавнюю историю, в которой злобные карлики в балахонах похитили девушку-курьера. Я тревожусь за её судьбу. Быть может, в эту самую минуту её истязают, проводя через серию изощрённых пыток. Она могла быть принесена в жертву одному из Древних или, в лучшем случае, обращена в прислужницу секты. Возрождение хтонических культов в наши дни не в новинку.

***

Ходят странные слухи, что из жёлтого шатра, который расположен возле археологического музея на улице Пушкинской, выходят подозрительные фигуры в капюшонах, чьих лиц никто не видел. Удивительно, но о карликах в балахонах никто не разу не упомянул. Однако чёрный минивэн «Рено» был снова замечен мной в окрестностях моего дома этим вечером, когда по нелепой праздности я выглянул в окно.

Ага! Подозрительный минивэн стоит на том же месте в данную минуту.

А теперь обратимся к рубрике «Невероятные факты»

Китайцы всегда обладали одной неизменной чертой, а именно способностью удивлять и даже шокировать весь мир. Наверное, всем уже стало известно, что эта сплочённая нация провозгласила наступающий 4721 год (согласно лунному календарю) — годом Тсатоггуа, решив отказаться от традиционного исчисления и вернуться к древнему календарю эпохи Чжоу с некоторыми существенными поправками, чтобы в точности дублировать Н'кайский численник, а точнее, заново его воссоздать.

Что замечательно, дата нового 1007877 года (по Н'кайскому) астрономически не привязана к зимнему солнцестоянию и более не имеет соответствий с первым новолунием в году, в отличие от традиционных исчислений. Водяному кролику теперь не вступить в свои законные права, его место займёт Тсатоггуа Мудрый — и произойдёт это в тот день и час, когда главное божество китайского пантеона подаст свой знак.

Материал позаимствован на «Новостном портале».

***

Школьные библиотеки нашего города пополняться красочными брошюрами сразу двух изданий, благодаря которым школьники смогут ознакомиться с выдержками из «Пнакотических рукописей» и «Тайн Червя». Там же, на страницах брошюр, они найдут множество отсылок к другим значимым трудам древней мудрости чернокнижия.

Об этом сообщает Информатор со ссылкой на…

5 дней до нового 2023 года

Как часто вы возводите свой усталый взгляд на небо? Не кажется ли вам, что небесная высь хранит в себе невидимые письмена, вечно проплывающие над нашими головами? Письмена, оставленные кем-то, кто превосходит нас и духом, и разумом. И если бы мы обладали тем самым духовным взором просвещённых, то смогли бы прочесть оставленный нам богами Завет.

Сегодня небо было ненастным и мрачным, таким же, как и вчера. Но в нём что-то меняется. С каждым днём свод небесных правил (Завет) претерпевает странные и непонятные нам изменения. Я чувствую эти перемены. Моё сердце говорит мне об этом. Мой разум знает это, но не может дать объяснений. Будто чья-то незримая и могущественная рука вывела на нём

новые знаки. А мы и не заметили этого. Мы никогда не замечали того, что происходило выше нашей меркантильной плоскости. А тем временем древние законы уже теряют свой смысл. И это не сулит нам, людям, ничего хорошего.

Приветствую вас, кем бы вы ни были, кем бы ни стали!

У меня к вам серьёзный вопрос: почему вы стали так скудны на комментарии? Это странно. Определенно…

Счётчик количества просмотров говорит, что блог мой худо-бедно, но ещё пользуется какой-то популярностью.

Предыдущие две публикации совершенно лишены комментариев. На моём трёхлетнем опыте такое впервые.

Минивэн, в котором, согласно ранним моим наблюдениям, должна была находиться группа карликов, уехал после полуночи. Он медленно направился в узкие лабиринты переулков, чтобы развернуться в тупике дворов и снова прокатиться перед моим окном. Осторожно выглядывая из-за шторы, я ждал его появления. Однако, простояв полчаса у окна, так и не дождался, пока он выедет из плотного массива домов и парковок.

Ночь была долгой и бессонной. Нервно ис-

тощённый после сильных и беспрерывных опасений, связанных с громким царапанием за дверью и диким несмолкаемым кошачьим воплем, прекратившимся только к пяти утра, я осмелился вылезть из-под одеяла, когда ночные сумерки уже окончательно растаяли.

Потом я вышел за покупками. Да-да, я вновь покинул свою берлогу.

Продуктовые стеллажи — полупустые. Всюду недобрые взгляды и странные перешёптывания среди персонала магазина. Я чувствовал себя объектом нескрываемого презрения и непонятной подозрительности. Кассир зачем-то спросил у меня о наличии карты сверхнового, и к моему неприятному удивлению, состроил гнусную рожу, когда я сказал, что таковой не имею.

Потом меня ожидал непревзойдённый по своей силе ужас — который воплотил в себе… Угадайте, кто?

Дворник!!!

С трудом передвигая непослушные ноги, я бросился ко входу, боясь, как бы не попасться ему на глаза — блеклые, неживые глаза, какими я их себе представлял. Но, казалось, он и не думал обращать на меня внимания, копошась в грязном хламе своей провонявшей нечистотами

коморки.

Попав, наконец, домой, я сполз в бессилии по стене. Сердце колотилось, как бешеное. Немного помог крепкий чай. Набил трубку табаком, выкурил, а затем ещё одну. Сердце по-прежнему не на месте. В эти минуты я и обратил свой взор к небу.

Предвижу неспокойную ночь и кошмары.

4 дня до нового 2023 года

Вы тоже это видели?

Чёртовы некроманты! Шутки в сторону. Скоро конец всему, что было нам дорого. Ад на Земле уже сегодня.

Безвидное царство Шаб-Ниггурат вчера и сегодня, и всегда… солнца свет гаснет в пустоте стигийского сумрака… мрак извне…

3 дня до нового 2023 года

Шаб-Ниггурат открыл Врата Мезьхазула. Скипетр власти в левой руке его… Правой руки нет… Это не рука… Свет не наш… Сотни красных глаз… Легионы Младых блеют за пределом… Свет извне… Он требует крови. Жаждет… Невыносимый холод извне.

1 день до нового 2023 года

Шаб-Ниггурат, начальник легионов тех, кто

явился, рад каждому приходящему. Я рад, что он грядёт в мир. Скипетр огнём ада пылает. Мир ожидает бесконечных сатурналий.

Каркоза открыта, только призови. И Он услышит. Он придёт. Его знак у тебя.

Креатон — скипетр Шаб-Ниггурат. Он в правой руке его, которая не рука.

31 декабря 2022 года

Мои публикации… не мои. То есть, писал их, вероятно, я, своей рукой, но не по собственной воле.

Со мной происходит что-то странное… безумное.

Прочитав три последние заметки, я ужаснулся и всё ещё не способен взять себя в руки. Очень страшно. Мы порабощены. Мы не хозяева своих душ — больше нет!

До Нового Года остаётся ровно один час. По всем каналам вещают одно и то же. *Тсаттогуа подал знак во время подношения трепещущих даров. Жрецы уже воскуривают фимиам. Креатон становится явью. В преддверии новой эпохи, все произнесут свои клятвы. Иначе, их поглотит мрак. Мрак — это свет извне, откуда придут Они. Время выбирать, на чьей вы стороне.*

***

Они посетили меня в коротком сне.

Дворник и кот.

Король принял личину смертного, душа которого давно упивается бездонной тоской в стране потерянных душ.

Кот — посланник легиона Шаб-Ниггурат.

Они враждебны друг другу.

Коллекционеры отчаявшихся душ.

Король Каркозы и Мерзость извне — собиратели душ человеческих.

Они оставили за мной право выбора, в чью власть отдать свою вечную сущность.

Глаза у дворника блеклы как у рыбы. Кожа мертвенно бледна. От него тленом разит как от трупа. Говорит, как кукла чревовещателя, не открывая рта, не шевеля своими синими губами. Я видел чёрный свет за бельмами его мёртвых глаз. Не знал, что свет может быть чёрным как бездна ада.

Тем временем, огромный кот царапал дверь с чудовищной силой, и она уже готова была рассыпаться под его демоническими когтями на щепки, когда я произнёс короткую клятву Шаб-Ниггурат.

Я проснулся в совершенной тишине. Будто

на вселенную обрушилась глухота.

И утихала странная красная заря, оставляя мир во власти вечных потёмок.

Мир обречён на духовную слепоту, лишь изредка мерцание неведомых светил отбрасывает кровавый отблеск, и тени новых хозяев мельтешат в хаосе дьявольского калейдоскопа.

А сумрак сгущается за окном как смола, местами трепеща и закручиваясь, подобно чёрным водоворотам первичного хаоса, и быстро меняется, приобретая немыслимые страшные обличья.

Я стал несчастным очевидцем того, как те, кому по запретной природе своей, не определено было иметь внешних форм, приобретали ужасающие очертания, мгновенно отращивая рога, крылья, паучьи лапы, раздвоенные хвосты, гигантские бивни и извивающиеся конечности.

Новая эра наступила ровно в полночь. Эра Других богов, где каждый принял своего покровителя. Но добра от зла не ищут!

Он грядёт в сопровождении Легионов омерзительных уродов… И тысячное его потомство блеет из темноты.

Иа! Иа! Шаб-Ниггурат!

Записки из поместья «Осень»
Марина Румянцева, Антон Филипович

Улыбка

Мне нравится наблюдать за сестрой.

Нравится, как, взяв гребень из обсидиана, она расчёсывает свои длинные чёрные волосы. Как задумчиво смотрит в окно, когда идёт дождь. Как неверный свет огня в камине пляшет на её бледно-молочной коже.

Она кажется такой одинокой, но в одночасье такой безмятежно-счастливой. «Вайолет, улыбнись», — прошу я. И она улыбается. Изо рта тонкой струйкой течёт кровь. Красное по белому.

Её улыбку я люблю больше всего.

Паучонок

Мы зовём её Паучонок. Маленькую девочку с восьмью чёрными паучьими лапами вместо ног. Живёт она в заброшенном крыле библиотеки и нечасто попадается нам с сестрой на глаза. Тем не менее, иногда я отчётливо чувствую на себе её

робкий, изучающий взгляд из-за полок. Может, ей грустно, и она хочет завести друзей? Но тогда почему прячется?

Завтра снова попытаюсь наладить с ней контакт. Голова почтальона отлично подойдёт в качестве угощения.

Надеюсь, мы подружимся.

Слушай океан

Когда Натан слушает океан, я сижу рядом.

Мои глянцевые туфельки сияют в свете факелов.

Северная стена особняка лишена окон, но за ней явственно слышен шум волн. Надрывно, сумасшедше поют сирены. Кровь из ушей пачкает ослепительно белый воротник брата.

Я сильнее прижимаю ухо к холодной стене, шум волн сливается с песней и пронизывает моё сознание тысячью ножей. Призраки хором вздыхают, а Безголовый с воем поднимается к потолку.

Вечером мы вновь пойдём к озеру. Брат кинет шишку в Колодец Неопределённости, и мы будем ждать туман.

Всего лишь сон

Я видела сон.

Нагая, иду по тёмному коридору.

Паутина на стенах. Скрипучий пол. Бесконечность.

Вокруг меня кружится полупрозрачная хохочущая голова брата, источающая призрачное свечение. Но мне не смешно. Мне грустно, и я очень устала идти.

Опускаюсь на колени и сдираю с себя кожу, словно кожуру с апельсина. Падаю на спину и бьюсь в конвульсиях. Последнее, что я вижу — холодные звёзды на потолке.

Всего лишь сон… но, проснувшись, слышу, как во тьме спальни продолжает смеяться Натан.

Гибель Вселенной

В комнату влетает бабочка. Большая. Яркая. Красивая.

Садится на старое фортепиано, а я, словно заворожённый, не могу оторвать от неё взгляд. И чем дольше смотрю, тем яснее вижу в богатом узоре её крыльев отражение своей души, глубину и разнообразие окружающего мира, пустоту и непостижимость космической бездны.

Я вижу Вселенную…

Хлоп! И Вселенная уничтожена. Размазана

по ладони Вайолет. Совсем не заметил, как она вошла. Слизнув останки бабочки с ладони, сестра присаживается на стул рядом с фортепиано и обращает свой взгляд на меня.

Я внимательно смотрю. И вижу в её глазах…

Вселенную.

Вид на парк

Из нашего особняка открывается прекрасный вид на парк. Сумрачные аллеи его тонут во мраке. Ещё ни разу нам не удалось пройти их от начала до конца. Ветром колышет облезлые ветки деревьев.

Люблю осенние цвета: серый, жёлтый, оранжевый.

Из окна вижу, как Вайолет кружится среди палых листьев, подбрасывая их в воздух. Они взмывают и падают. Среди ярких вихрей листвы мелькает белёсая лопатка, ключица…

Кости планируют не так изящно, но их полёт забавляет сестру. Она смеётся, и я тоже улыбаюсь.

Гувернантка собирает разбросанные тут и там кости, кладёт в корзину. Щетинистый хвост смешно подрагивает под юбкой.

Чай с печеньем

Хорошо иметь питомца. Или нескольких.

Перламутровая ящерка выбирается из моего кармана, юркает по накрахмаленной скатерти. Мокрые следы, словно клинопись.

Звонко стучит ложечка, размешивая сахар. Отламываю от тишины маленький кусочек. С упоением глотаю, прикрыв глаза.

В комнату входит Натан и тоже садится за стол.

Чёрные глазки-бусинки хитро блестят, глядя на меня. Летучая мышь уютно устроилась на плече брата. Во время чаепития она норовит попасть лапкой внутрь чашки и украсть печенье.

Лакеи в зелёных ливреях и кружевных воротничках разносят блюда. Бледные лица их печальны, словно у мертвецов.

Лошади в океане

Иногда в тумане за озером мне видятся лошади. Чёрные, лоснящиеся тела их проносятся мимо. Глаза горят огнём во мраке.

Оранжевые пятна света.

Угли.

Лошади быстрые, как ветер. Лишь туманная мгла зыбкими вихрями виднеется дольше, чем мгновение.

Я знаю, там, куда они бегут, ничего нет.

Только тьма. Бездна. Ничто.

Но порой, мне кажется, что лошади бегут к океану. Врезаются в воду и плывут дальше. Волны неистовы и беспощадны. В конце концов, океан пожирает их мощные тела.

Огонь гаснет, оставляя лишь пепел…

Высокий

Не спится. Выглядываю в открытое настежь окно и вижу, как посреди подёрнутого туманом ночного леса бродит Высокий. Большая часть его длинного тела возвышается над макушками деревьев, белёсая кожа серебрится в лунном свете, а из развёрстой пасти стекают реками слюни.

Мудрый, незыблемый страж Хладного Леса. Медленно идёт к небольшому огоньку на берегу озера, наказать чужаков, беспечно разбивших лагерь в его владениях.

Со спины раздаются стоны брата. Плохой сон.

Подхожу к нему, целую в лоб, и он тут же успокаивается.

«Доброй ночи, братишка», — говорю я, закрываю окно, чтобы крики у озера не потревожили его сон, и юркаю под одеяло, в тёплую постель.

Взгляд из тьмы

Из подвала снова доносится шум.

Лязг цепей, скрежет когтей по камню, стенания.

Пламя свечи колеблется, тени танцуют на грязных, поросших плесенью стенах и ступенях. Я спускаюсь всё ниже и ниже. В свободной руке несу отрубленную по колено человеческую ногу.

Спустившись, подхожу к прутьям клетки и бросаю ногу по ту сторону.

Шум затихает. В воздухе запах тлена.

Семь светящихся глаз пристально смотрят на меня, когтистое щупальце медленно обвивается вокруг ноги и утаскивает её во мрак, оставляя кровавый шлейф на каменистом полу. Пылающая зубастая пасть с хрустом и чавканьем поглощает подношение.

Шепчу «Прости» и, едва сдерживая слёзы, возвращаюсь наверх.

К свету.

Первый снег

Осень умирает.

С тоской и тревогой смотрю в окно на хмурое небо.

В кресле напротив расположилась Вайолет. Безмятежно читает книгу, накручивая на палец

тонкие локоны волос. В тёмном углу вниз головой повисла на серебряной нити Паучонок. Спит. Посреди комнаты лежит обнажённая молодая девушка с рваной раной на груди. В глазах её — пустота.

За окном кружат первые алые снежинки. Конец уже близок.

С ветки срывается старый ворон и улетает в сторону леса.

В руке всё слабее бьется угасающее сердце.

Тук-тук… тук-тук… тук…

Прощай, Осень.

Да придёт весна
Гор Куликов

— 34 °C

Еще до того, как все обернулось кошмаром, Тимофей понимал: ночной поход за сигаретами — особенно когда бросаешь — идея не из лучших. Но Арина перестала отвечать на сообщения, и Тимофей не находил себе места. К тому же разболелась голова. Сигарета, конечно, ничего не исправит, зато поможет отвлечься.

Улица застыла как на мутной фотографии — глубокой ночью так застывают улицы любого провинциального города, — а в такой мороз и алкаш не заплутает. Февраль напоследок прогнал пугливую оттепель, которая еще утром казалась настоящей весной. Увидев эту морозную пустоту, подернутую вязкой дымкой, Тимофей пожалел, что вылез из-под одеяла — но возвращаться было бы глупо.

В свете луны тротуар, по сторонам которого возвышались грязные сугробы, блестел гладким льдом. Стараясь не поскользнуться, Тимофей осторожно наступал на искрящуюся поверхность

и время от времени прикасался к виску.

Головные боли начались после Нового года, когда он переехал в Атомск, закрытый город неподалеку от Бирска. Консалтинговая компания, в которой работал Тимофей, открыла здесь новый офис, и начальник предложил возглавить отдел продаж.

«Городок маленький, тихий, но клиентов непаханное поле, — говорил Минай Захарович. — В энергетику сейчас вливают деньги, так что найдешь, где развернуться».

Тимофей жил в Бирске с первого курса универа, но ни семьей, ни жильем за девять лет так и не обзавелся.

«Я согласен, — сказал он тогда начальнику. — Поехали».

Мигрени чаще всего одолевали на пеших прогулках, словно выползая из-под земли — тогда как на восьмом этаже квартиры и шестом этаже офиса боль отпускала. Из-за этого Тимофей старался не выходить из помещений без веского повода, ограничиваясь короткими перебежками между съемным жильем и работой. Раз в неделю он оставался работать на дому, а по выходным уезжал в Бирск.

Вероятно, голова болела из-за выбросов город-

ского химкомбината — огромного комплекса, вокруг которого некогда и вырос Атомск. А может, из-за знаменитого радиационного заражения, которое произошло здесь почти тридцать лет назад. Никто из местных знакомых на мигрени не жаловался, но Тимофей подозревал, что у горожан давно уже выработался иммунитет.

«Просто у тебя аллергия на радиоактивный пух», — пошутила Арина в первый день их знакомства.

Арина прожила в Атомске всю жизнь и любила попотчевать Тимофея мрачными городскими историями. В конце сороковых годов, рассказывала она, в Бирске-11, как тогда назывался Атомск, построили Зауральский химический комбинат, на котором синтезировали уран и плутоний для ядерных бомб. Почти полвека спустя, в начале девяностых, на атомной электростанции в составе комплекса взорвался один из урановых блоков — и, благодаря разразившемуся в тот день бурану, радиоактивные вещества разметало по окрестностям.

Власти хорошо помнили ужас чернобыльской катастрофы, поэтому сразу же эвакуировали население, предоставив военным и пожарным очищать территорию. Тимофей предполагал, что

очистили не до конца — иначе, откуда брались его головные боли?

В Атомске платили хорошо, но через месяц жизни в нем Тимофей уже готов был сдаться и бежать обратно в Бирск. Он бы так и сделал, но все изменило знакомство с Ариной.

О маркетологе компании — дочери Миная Захаровича — Тимофей знал и раньше, но лично с ней никогда не встречался: Арина жила с отцом в Атомске и работала удаленно. Менеджеры шептались, что Минай Захарович открыл новый офис специально для дочери, чтобы в будущем передать бизнес.

Впервые Тимофей увидел ее на собрании в конце января. Высокая и с ироничными искорками в глазах, она привлекала внимание, не позволяя сконцентрироваться на скучном монологе Миная Захаровича. Вечером Тимофей обнаружил, что не может перестать думать о ней. Даже головная боль на время отступила.

— Привет, — кивнул он ей на следующий день в кафетерии возле отдела маркетинга.

Арина взглянула на него с веселым прищуром.

— А я тебя знаю. — Она чуть склонила голову и одарила его хитрой улыбкой. — Ты же из Бирска приехал? Присаживайся. — Она жестом

поманила к себе, и Тимофей не отказался.

Общаться с Ариной было на редкость легко, и каждый день они встречались в кафетерии, а по вечерам переписывались в Телеграме. Тимофей окончательно запал на Арину, и она, казалось, отвечала взаимностью. Но все же одно обстоятельство мешало.

Арина терпеть не могла курильщиков — в этом она поддерживала отца, который в каждом отделе повесил по большому антитабачному плакату и ввел штрафы за курение возле офисного здания. Как бы им ни было хорошо друг с другом, Арина не подпускала смолящего с пятнадцати лет Тимофея ближе, чем на полметра. Оставалось только два варианта: бросить курить или «остаться друзьями». Долго думать не пришлось — как-то Тимофей просто прошел мимо табачного киоска.

— Ломка отпустила через три дня, — рассказывал он в кафетерии. — Чувствую себя свежим, как весенняя трава. Главное теперь не сорваться. Я все-таки почти полжизни курил.

Арина придвинулась к Тимофею почти вплотную и серьезно посмотрела ему в глаза.

— Сигаретный дым — это нить, — тихо сказала она. — Из нее можно свить петлю себе на шею, но еще по ней можно выбраться из лабиринта.

Ты сам решаешь, что делать с этим клубком.

Она нервно обернулась и встала, не дав озадаченному Тимофею найтись с ответом.

— Побегу я. Смотри не сорвись, весенняя трава.

На выходных началась нетипичная для позднего сибирского февраля оттепель: ярко светило солнце, капель серебрила крыши домов, ручьи прорезали русла в плавящихся сугробах.

Тимофей, воодушевленный погодой, написал Арине в Телеграм и пригласил в кино. Первые два часа он терпеливо ждал ее ответа, но чем ближе был вечер, тем яснее становилось, что Арина ушла в игнор. Он все еще сомневался и надеялся, но когда зашло солнце, и на город опустился мороз — осталась только злость.

— 38 °C

Дыхание вырывалось облачками пара, ветер пронизывал до костей, и Тимофей уже жалел об этом походе. Пачка сигарет не стоила обострившейся головной боли и ночной улицы с ее гололедом.

Город, казалось, пустовал. Не было ни движения, ни звука, кроме траурного завывания ветра. Свет фонарей лился на дорогу, вдоль которой теснились однотипные «панельки», обрывающиеся впереди тьмой Степановки, маленького

поселка с россыпью частных домиков. На границе с поселком работал круглосуточный торговый павильон «Агата» — одно из тех мест, где ночью можно купить пиво или чипсы. Туда Тимофей и направлялся.

К северу от Степановки лежало городское кладбище, а за ним возвышались дремучие заросли тайги, уходящие глубоко в Ханты-Мансийский автономный округ. За небольшим холмом, чуть в стороне от кладбища, сквозь тьму проглядывали высокие бетонные стены. Они окружали огромную территорию, протягиваясь на несколько километров вдоль городской черты, и навевали мысли о средневековых замках. На КПП перед въездом дежурили солдаты. Табличка на внешнем ограждении из колючей проволоки гласила: «ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС РОССИИ».

По рассказам Арины, даже местные не знают, что происходит за стенами комплекса, словно это закрытый город в закрытом городе. Ученые и военные живут в служебном поселке на огороженной территории, прилетая и улетая на вертолетах. Поговаривали, что там находится экспериментальная тюрьма, в которой ставят опыты над людьми, и что жители Степановки

по ночам слышат крики и странный гул.

Эта банальная городская легенда несомненно росла из атомского прошлого, когда на месте города находилась гулаговская колония Почтовый ящик №5. Теперь над спонтанными могилами зэков, которые умирали на строительстве химкомбината от эпидемий и голода, высятся стены оборонного комплекса.

Арина говорила, что изначально на земле комплекса была научная лаборатория. В ней разрабатывали биологическое оружие для испытаний на острове Возрождения. Но после аварии на химкомбинате Ельцин прикрыл эту лавочку. Оборудование, документы и образцы вывезли, а оставшиеся производственные помещения пустовали почти десять лет. Однако с приходом Путина о бывшей биолаборатории вспомнили, и на ее месте началось строительство, которое постепенно скрылось от посторонних глаз за средневековыми стенами с наблюдательными вышками по периметру.

Неужели ради этого он согласился на переезд? Ради детских страшилок, мигрени и девчонки, которая даже написать не может, что не пойдет на свидание?

Головная боль усилилась и отдалась звоном

в ушах, как при перепаде атмосферного давления. Он начал задыхаться. Земля качнулась — от неожиданности Тимофей поскользнулся и упал на четвереньки. Холод обледенелого тротуара обжег ладони даже сквозь меховые перчатки, а мозг словно пронзили ножом.

Когда приступ прошел, и дыхание восстановилось, Тимофей осторожно поднялся на ноги и огляделся. По другой стороне улицы шел еще один ночной путник — под два метра ростом и в длинном до колен пуховике с капюшоном. Ощущение пустого города исчезло, и Тимофей продолжил путь, пряча лицо в меховом вороте.

Температура явно падала. Густой туман клубился на ветру, замыливая старые мрачные десятиэтажки и окаменевшие сугробы.

Впереди проступил фасад павильона, от которого тут же отделилась фигура и направилась Тимофею навстречу. Это был тот самый высокий путник, что минуту назад шел по другой стороне улицы.

«Нет, я бы заметил, как он переходит дорогу, — глупо подумал Тимофей. — Это кто-то другой, просто одет так же».

Кто бы это ни был, он быстро сокращал расстояние, широко расставляя ноги, и через секунду

побежал.

Тимофей замер, как сурок в свете приближающихся фар машины. Кровь застучала в ушах, словно где-то в мозгу включилась тревожная кнопка. Невзирая на дикий мороз, тело покрылось испариной.

Бегун набирал скорость и уже преодолел половину пути. Руки он держал по швам, а ноги неестественно вскидывал. А затем с его головы сдуло капюшон…

Только никакой головы там не было — вместо нее из пуховика торчала ледяная глыба с впадиной посередине. Изнутри впадину усеивали тонкие сосульки, образуя какое-то извращенное подобие акульей пасти. Из макушки торчали два длинных отростка, закручивающихся как рога. Брюки на ногах существа лопнули и обнажили голубоватые колонны.

Ступор прошел, и Тимофей рванул через дорогу, не помня себя от ужаса. Несмотря на гололед, он ни разу не поскользнулся — спасибо инстинкту выживания. Перепрыгнув сугроб между проезжей частью и тротуаром, он вбежал в первую попавшуюся арку и попал в сумрачный двор. Боль циркулировала между висками, но Тимофей почти не чувствовал ее. Он пересек половину

двора и, обернувшись, увидел, как ледяной вбегает в арку.

Тимофей ускорился и с легкостью конькобежца проскользил по обледенелой дорожке. Не разбирая пути, он сворачивал из подворотни в подворотню, из двора во двор. Где-то позади слышалась торопливая дробь ударов льда об лед. Тимофей не курил всего неделю, но и этого хватило, чтобы дыхалка не сбилась после первых ста метров. Он бежал и бежал, а животный страх придавал ему прыти.

Он вспомнил, как однажды по дороге из школы — в другое время, в другом месте и в другом мире — за ним погнался соседский бульдог. Поначалу пес истерично лаял, разбрызгивая слюну, и пучил налитые кровью глаза, а второклассник Тимофей, с гулко бьющимся сердцем, медленно шел по противоположной стороне проселочной дороги, пытаясь не сделать ни одного резкого движения.

Ни с того ни с сего, псина рванулась с места, и Тимофей, вопя на весь поселок, побежал прочь. Он ощущал влажное дыхание бульдога на своих икрах и не оборачивался до самого дома — лишь подбегая к родной калитке, набрался смелости посмотреть назад, однако бульдога там уже

не было.

Минуя один заснеженный двор и попадая в точно такой же другой, Тимофей испытывал похожие чувства: холодное дыхание смерти, страх обернуться и отчаянное желание спастись. Но, может, никакого ледяного там нет? Может, это просто галлюцинация, вызванная мигренью?

Дыхание все-таки сбилось, и Тимофею пришлось замедлиться. Сердце колотилось, в боку кололо, горячий пот струился по спине, застывая у поясницы. Переборов страх, Тимофей обернулся.

— 42° С

Преследователь исчез. Как и бульдог в его детстве.

Какое-то время Тимофей бежал по инерции, затем перешел на шаг. Легкие судорожно втягивали холодный воздух, мышцы ног одеревенели, и боль в голове пульсировала в такт сердцебиению — зато мысли понемногу возвращались в привычный ритм. Он позволил себе осмотреться.

Сквозь морозный туман светила луна, окрашивая плотно обступившие «брежневки» в бледно-голубой, трупный цвет. Детские качели и турники, заваленные снегом, растворялись

в тени домов. Только лед на дорожках сверкал серебряными бликами, словно в чертогах Снежной королевы; тонкой коркой он покрывал окна, не позволяя заглянуть внутрь, и свисал искрящимися сосульками с карнизов и ветвей деревьев.

Тимофей попытался определить, где он находится, но никаких ориентиров не было — ни адресных табличек, ни магазинов, ни выходов к проспектам и скверам. Дворы виляли, скручивались и расходились, но не приводили никуда конкретно. Город превратился в гротескный лабиринт, и Тимофей, похоже, заблудился.

Ногу свело судорогой, и Тимофей присел на покрытую наледью лавочку возле одного из подъездов. Двор был темным и гнетуще тихим, только ветер свистел в крышах. Курить хотелось смертельно. Он бы мог кому-нибудь позвонить, позвать на помощь, но телефон остался в квартире — чтобы не было соблазна лишний раз проверить Телеграм. Тимофей мысленно обругал себя.

Он встал с лавки и подошел к подъездной двери, покрытой густым слоем изморози. Домофон не работал. Тимофей дернул ручку, но дверь не поддалась. Соседний подъезд встретил его таким же мертвым домофоном. Он забарабанил

в стальную дверь и обрушился на нее плечом в надежде кого-нибудь разбудить — но внутри не раздалось ни шороха, а окна оставались темными.

— Куда ж вы попрятались? — пробормотал Тимофей.

Он забрался на сугроб в палисаднике слева от подъезда и протянул руку, чтобы постучать в окно квартиры на первом этаже, но тут его взгляд привлекло граффити под рамой. В центре граффити были начертаны слова фигурным шрифтом: «ДА ПРИДЕТ ВЕСНА». От текста во все стороны расходились синие протуберанцы — то ли щупальца, то ли сосульки.

Раздался громкий утробный звук, и земля содрогнулась. Эхо отразилось от стен домов и заполнило все пространство. Через мгновение звук повторился. Еще и еще. С таким звуком могли бы сталкиваться айсберги в Северном Ледовитом океане.

Тимофей спрыгнул с сугроба и вернулся на тротуар, озираясь по сторонам. Звуки приближались, а вскоре появился и тот, кто их издавал.

Ледяной выплыл из-за угла здания — он больше не бежал, просто скользил по земле, раскачивая рогатой головой-глыбой. Ноги-колонны врастали

в свежий гололед и с пронзительным треском всасывали в себя крупные куски льда. Монстр заметно раздался: его рост стал не меньше трех метров, а обрывки пуховика болтались на необъятных плечах. Руки, подобно сталактитам, свисали вниз и сужались на концах до размеров игольного острия. Пасть тоже увеличилась — зубы-сосульки клацали друг о друга, словно предвкушая сытный обед.

Тимофей завопил и бросился в темноту. Его крик заглушил треск льда и прокатился эхом по двору — но ни в одном окне так и не загорелся свет.

Тесные переулки и высокие молчаливые десятиэтажки вновь завертелись сатанинской каруселью. Тимофей сворачивал в каждую арку и каждый закоулок в инстинктивной надежде запутать преследователя, но тот каждый раз оказывался за спиной — и с каждым разом становился все больше. Перспектива превратиться в быстро замерзающий фарш под острыми ледяными зубами напрочь отсекла все сомнения и страхи — и Тимофей летел вперед. Голова словно заполнилась густым диэлектриком, не пропускающим ни одного разряда мысли.

Он забыл даже о том, что может поскользнуть-

ся и упасть — но стоило вспомнить, и это сразу произошло. Тимофей поскользнулся и грохнулся на спину, ударившись затылком об лед. Перед глазами вспыхнул тошнотворный калейдоскоп света и тьмы.

Тимофей зажмурился и остался лежать в ожидании смерти.

— 47° С

Но смерть не наступила. Треск отслаивающегося от земли льда тоже исчез. Стало тихо, и только холод стремительно вползал в тело.

Тимофей открыл глаза и увидел, что дома вокруг изменились: панельные гиганты уступили место ветхим двух и трехэтажкам, какие были только в старой части города. Голова раскалывалась с новой силой: от удара об лед и слишком долгого пребывания на улице. Правую ногу ниже колена стягивала резкая боль.

Он с трудом поднялся и осмотрел окрестности. Ледяного поблизости не было, но Тимофей понимал, что тот может появиться в любой момент. Через просвет между домами вдалеке проглядывала черная стена оборонного комплекса — первый настоящий ориентир в этом сюрреалистическом лабиринте дворов.

У края дороги белела коробка трансформатор-

ной подстанции с граффити на стене. Рисунок повторял предыдущий, а вот текст изменился: «ДА ПРОЛЬЕТСЯ КРОВЬ». Тимофей не стал гадать о смысле слов, вместо этого, подволакивая больную ногу, подошел к ближайшему дому и начал стучаться в замерзшие окна первого этажа.

— Эй, люди, на помощь! — крикнул он.

Но ответом ему была тишина, темнота и свирепый мороз. Тимофей не хотел долго оставаться на одном месте, поэтому, прихрамывая, двинулся дальше.

За поворотом, который открывал панораму на стену комплекса, обледенелый тротуар закончился — Тимофей попал во двор с совсем старыми и заброшенными на вид жилищами. Дорожки здесь не расчищали, и повсюду громоздились высокие сугробы с торчащими из них беспорядочными зарослями кустов. Тимофей вспомнил, как ледяной скользил по искрящейся гололедице, и уверенно вошел в глубь двора.

Снег проваливался под тяжелыми зимними ботинками, и на некоторые сугробы приходилось вскарабкиваться, цепляясь за наст руками, но стена понемногу приближалась. Нога отзывалась вспышками боли на каждый шаг — Тимофей понимал, что быстро бежать уже не сможет, одна-

ко рассчитывал в скором времени найти людей и спастись. Если он пройдет вдоль стены, то рано или поздно выйдет к одной из главных улиц.

Граффити на «заброшках» попадались все чаще. Надписи были одинаковыми: «ДА ПРИДЕТ ВЕСНА» или «ДА ПРОЛЬЕТСЯ КРОВЬ». В свете луны щупальца-сосульки казались почти реальными, словно вот-вот сойдут со стен и потянутся к Тимофею.

«Может, все это и правда бред, — размышлял он. — Может, я лежу возле дома и замерзаю насмерть, ударившись об лёд».

Боли в голове и правда затуманивали мир, делая его похожим на сон. Ну а где еще, если не во сне, можно встретить рогатого ледяного гиганта с пастью, похожей на полярную пещеру? Впрочем, этот образ даже для сна слишком дикий — больше подходит к галлюцинациям. Интересно, от высокой дозы радиации могут начаться глюки? Если на комбике очередная авария…

Тимофею снова вспомнились байки Арины об Атомске. В начале девяностых годов, после недолгой эвакуации, жители города вернулись в свои дома, но что-то неуловимо изменилось. Как говорили, сама атмосфера в городе стала

дурной. Люди впадали в депрессии, увеличилось количество самоубийств, а в довесок начались аномальные холода. Летом выпадал снег, а зимой опускались такие лютые морозы, что даже теплотрассы замерзали.

В это время в городе стали пропадать люди. Иногда их растерзанные и обескровленные трупы находили в заброшенных корпусах бывшей биолаборатории или в ближайших зарослях тайги. Вскоре в газетах объявили, что это дело рук маньяка. Поскольку убивал он только в мороз — увы, не такой редкий в том году, — ему дали прозвище Мистер Фриз.

Убийца был неприхотлив — его жертвами становились мужчины и женщины, взрослые и дети, богатые и бедные. Он не оставлял следов и ни разу не попался. Следователи работали днем и ночью, из горожан формировались добровольные патрули — но маньяка это не останавливало.

Минай Захарович увез четырехлетнюю Арину «погостить» у тетки в Бирске. Многие родители тоже отправляли своих детей подальше от города, а некоторые и сами уезжали. Но большинство атомчан все же остались, чтобы переждать трудные времена у себя дома.

Мистера Фриза так и не нашли, но постепенно убийства прекратились. В оперативной группе посчитали, что маньяк умер или уехал из города. С тех пор криминал, не считая мелких бытовых преступлений, почти полностью исчез из Атомска, а Мистер Фриз превратился в персонажа городских легенд, вроде кыштымского карлика или анчутки. Погода тоже перестала чудить: зимой было холодно, а летом тепло — никаких аномалий. Городская жизнь успокоилась, и те, кто уезжал, вернулись обратно.

Слушая эту историю, Тимофей снисходительно улыбался. Но сегодня, взбираясь на очередной сугроб в замусоренном переулке и чувствуя, как от мороза шелушится кожа на лице и перестают гнуться пальцы, он не находил в ней ничего забавного.

За следующим сугробом жилой район закончился — дорогу преградил небольшой участок земли, густо заросший уродливыми извилистыми деревцами. Лунный свет выхватил в центре участка полуразрушенную часовню. Возможно, когда-то здесь был сквер, но теперь он пришел в запустение.

Снега под ветвями было мало, и Тимофей решил пройти напрямую. Продравшись сквозь

заросли, он подошел к часовне, которая представляла собой правильный пятиугольник, сложенный из бревен, с частично ввалившейся крышей и маленькой квадратной башенкой наверху. На стене, справа от зияющего отверстия входа, Тимофей увидел знакомое граффити синей аэрозольной краской — но надпись была новой: «ПРОБУДИСЬ ОТ СНА». Он на секунду опешил, вспоминая свои недавние мысли о снах и глюках, затем двинулся дальше.

К часовне примыкал деревянный домик с двускатной крышей. Время его не пощадило: стены покосились, доски сгнили, а заваленные хламом комнаты занесло снегом сквозь выбитые окна. От построек разило затхлостью и тленом.

Тимофей поспешил обойти хибару — и издал победный вопль. Впереди заросли расступились и открыли вид на черную десятиметровую стену, к которой спускалась высокая насыпь. Пока Тимофей карабкался по насыпи, холодная луна скрылась за верхушкой стены, и вниз он добрался почти вслепую.

Когда глаза привыкли к темноте, он увидел… ледяного. От потрясения Тимофей остановился, живот скрутило в спазме. Со стены на него уставилась огромная рогатая голова с красными

злыми глазками и оскаленным зубастым ртом. Тимофей не сразу понял, что это рисунок — гигантское 3D-граффити во всю стену: монстр был настолько реалистичным, что мозг отказывался верить, что чудовище не настоящее. От головы во все стороны расходились нарисованные сосульки толщиной со ствол дерева. Под изображением замысловатыми синими буквами было выведено: «MR. FREEZE».

— Зачем я переехал в этот стремный город? — простонал Тимофей, обращаясь к ярко-красным глазам Мистера Фриза и вдруг осознал, что стоит на тропинке, протоптанной вдоль стены.

По левую руку от Тимофея тропинка уводила к далекому пятну света — яркому, как надежда.

За спиной что-то прошуршало. Тимофей вздрогнул и обернулся, но в кромешной темноте ничего не было видно. Шорох повторился — теперь со стороны часовни. Из маленького окна башенки выпал какой-то предмет и скрылся в кустах. Почти одновременно с этим из куч мусора, сваленных под стеной и припорошенных снегом, послышалась суетливая возня. Тимофей решил, что не хочет знать причину звуков, и, сильно хромая, заспешил по тропинке в сторону света.

Шорохи позади стали громче, к ним добави-

лись визги, мычание и быстрый хруст снега. Стиснув зубы, Тимофей прибавил шагу. Пятно света медленно приближалось, разделившись на несколько источников с очертанием уличных фонарей. Он облизал потрескавшиеся на морозе губы и почувствовал вкус крови.

С насыпи скатилось что-то черное и замерло впереди возле тропинки. Тимофей различил маленькое шерстяное пальто и шапку-ушанку. Это же ребенок, подумал он с тревогой.

Но когда мнимый ребенок поднялся на ноги, Тимофей увидел под шапкой свиное рыло с закрытыми глазами, вывалившимся черным языком и кровавыми ошметками в ноздрях. Существо завизжало и попыталось схватить Тимофея за ногу.

Не останавливаясь, он пнул свиноребенка и сморщился от боли, прострелившей правую половину тела. Шапка-ушанка вместе со свиной головой слетела с туловища, обнажив две окровавленные сосульки, выпирающие из шеи и закручивающиеся как рога у барана. Тимофей побежал, и безголовый коротышка ринулся следом, присоединившись к настигшей его шумной компании черных теней.

Тимофей так и не понял, что произошло даль-

ше, — но догадался, что это конец. Пространство вдруг разразилось оглушающим утробным гулом — как будто задышал дракон или заработала гигантская турбина. Бирюзовое зарево осветило небо над стеной. Все прочие звуки — сбивчивое дыхание Тимофея и верещание преследующих его демонов — потонули в этом чудовищном рокоте, лишающем сил и воли к жизни. Голову пронзил сильнейший пароксизм боли, ноги подкосились — и через секунду он лежал в сугробе, мечтая о смерти.

Он апатично отметил, что его окружили черные фигуры в пальто и шапках-ушанках — некоторые со свиными головами, другие с бычьими и один безголовый, — затем почувствовал, как его куда-то волокут, а потом все скрыла мгла.

0° С

— Тимофей?

Голос издалека.

— Тимофей!

Уже ближе, громче.

— М-м? — Он с трудом разлепил губы. — Что?

— Тимофей, ты спишь на рабочем месте.

Он попытался ухватиться за ускользающую тьму небытия, но тут смысл слов дошел до сознания, и Тимофей широко раскрыл глаза — чтобы

тут же сощуриться. Мир заполнился ярким белым светом, в котором постепенно, как на поларoидной фотографии, проявились знакомые очертания: офисная мебель, телефоны, компьютеры, работающие люди. Массивная тень загородила свет, льющийся с потолка.

— Тимофей, ты как? Здоров?

— Минай… Захарович? Я что, задремал?

— Придется поставить тебе час недоработки. Ты что, дома не спишь?

Тимофей выпрямился в кресле и прикрыл ладонью глаза. Мигрень впилась в мозг сотней иголок. Мышцы ломило, будто он вагон разгрузил. В памяти вертелись образы морозного ночного города, свиноподобных детей и ледяного рогатого дьявола.

— Извините, это все бессонница и головные боли. Ничего не помогает.

Минай Захарович — крупный светловолосый мужчина с сединой в аккуратно подстриженных усах — нахмурился.

— Давно они у тебя?

— Начались, когда переехал, — признался Тимофей.

— Каждый раз одно и то же, — пробормотал начальник и, заметив удивленный взгляд Тимо-

фея, добавил: — Ладно, неважно. Тимофей, у меня вообще-то дело к тебе есть. Давно откладывал, но сейчас самое время. Это по поводу Арины. Пойдем ко мне в кабинет.

Тимофей напрягся, услышав имя дочери Миная Захаровича, но уступчиво кивнул и двинулся следом за начальником. Проходя мимо отдела маркетинга, он машинально поискал глазами Арину, но ее там не было.

Тимофей вошел в кабинет первым, сел на диванчик и посмотрел на антитабачный плакат, висящий над кожаным креслом во главе стола. На плакате был изображен револьвер, заряженный сигаретами: из дула вырывался дым и скручивался в клубок в форме черепа.

Тимофею захотелось курить.

— Видишь ли, у нас особенный город — не такой, как Бирск. Здесь немного другие люди и другой ритм жизни. — Минай Захарович закрыл за собой дверь. — Нам, коренным атомчанам, здесь нравится, и мы хотим, чтобы город процветал и развивался. Но приезжим часто бывает некомфортно: то голова заболит, то понос прошибет, то кровь из носа. Понимаешь?

Тимофей не понимал, но кивнул. Минай Захарович принялся ходить из угла в угол, как лектор

в аудитории.

— Жизнь в закрытых городах вообще сильно отличается от жизни во всей остальной России. Раньше, например, нам нельзя было даже говорить, где мы живем. Прописывали нас в областном центре на несуществующих адресах, а работали почти все на комбинате. Зато платили щедро, и мы никогда не знали, что такое дефицит — когда вся страна голодала, в наших магазинах было полно продуктов. Наш город — это такой маленький уютный островок посреди неспокойного океана, и эта обособленность нас сближает. Тебе, может, и не нравится Атомск, но нигде больше ты не увидишь такой сплоченной общины.

— Вы, кажется, хотели что-то спросить про Арину.

— Да, — опомнился начальник. — Я заметил, что вы с Ариной сильно сблизились за последний месяц.

— Мы просто общаемся, — смущенно ответил Тимофей. — Нашли много общего.

— Общаетесь, — повторил Минай Захарович с улыбкой. — Ну я заметил, как вы друг на друга смотрите. Раньше она в офис почти не являлась, а тут каждый день приходит. Занятно.

— Мне бы тоже стало скучно работать из дома. — Тимофей почувствовал, что краснеет.

Минай Захарович подошел к столу.

— Видишь ли, Тимофей, с моей дочерью бывает несладко. Как бы тебе сказать… Она не очень-то лояльно относится к некоторым нашим традициям, и мы с ней в свое время прошли через несколько непростых периодов.

Он сел в кресло, открыл один из ящиков стола и достал три предмета, увидеть которые Тимофей никак не ожидал: пачку «Винстона», зажигалку и пепельницу.

— И все же я искренне обрадовался, когда Арина сама вызвалась помочь тебе бросить курить. — С этими словами Минай Захарович достал сигарету из пачки и прикурил. — Видишь ли, я решил, что она повзрослела, преодолела этот свой подростковый бунт, и поначалу не обращал внимания на ее увлечение тобой. Но она стала рассказывать много лишнего… Нет, я бы понял ее желание нагадить мне — такое уже случалось, и не раз… Но, похоже, она задумала пойти против города и помешать твоей встрече… с ним — а это уже не шутки.

Он замолчал. Дым от сигареты поднимался кверху, где смешивался с дымом, нарисованным

на антитабачном плакате.

— Помешать встрече с кем? — выдавил из себя Тимофей.

— С Мистером Фризом, с кем же еще. С Фризером, как его называет комбинатовское мужичье. Я так понимаю, сегодня ты его уже видел.

Тимофей похолодел от одного только имени. Он попытался встать, но руки и ноги словно окоченели. Кое-как достав непослушными пальцами телефон из кармана джинсов, Тимофей попробовал открыть Телеграм, но приложение не отзывалось. Телефон превратился в «кирпич».

— Видишь ли, Тимофей, Мистер Фриз любит чистую кровь, — сказал Минай Захарович после очередной затяжки. — Мы, конечно, поначалу отдавали ему бомжей и зэков, но убийства не прекращались и морозы не уходили. Впрочем, благодаря тем ошибкам мы узнали много нового — например, что страх делает кровь слаще и сытнее для него, — да и преступность сошла на нет. Но главное открылось позже…

— Отпустите меня, — не выдержал Тимофей.

Минай Захарович, не отрывая глаз от тлеющего кончика сигареты, продолжил:

— Один раз Мистеру Фризу попался приезжий парнишка — спортсмен, — после чего он

впал в спячку на целых три месяца. Это навело нас на мысли, и мы придумали рабочую схему: иногородний, ночь страха… весна. Но с твоим пристрастием к никотину я, конечно, дал маху, не разглядел с самого начала. Пришлось импровизировать, чтобы не сорвать заклание.

— Заклание? — вяло переспросил Тимофей.

Он откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

— Это ответственность, которая лежит на плечах отцов города, — проговорил начальник. Голос звучал глухо, словно из-за закрытой двери. — В этом году моя очередь. Видишь ли, Мистер Фриз не любит курильщиков, и Арина нам хорошо помогла. Поначалу… Так или иначе, я отправил ее в Бирск региональным директором, и больше она не вмешается. До сих пор в голове не укладывается, ведь вся эта антитабачная кампания — ее идея. Я и подумать не мог, что она начнет подталкивать тебя к курению. Если бы спохватился чуть позже…

Тимофей вспомнил, как Арина сравнивала сигаретный дым с нитью: «Ты сам решаешь, что делать с этим клубком».

— Но знаешь, сигарета все равно бы тебя не спасла, — заявил Минай Захарович, — просто

нам пришлось бы смириться с холодным летом, ведь другого чучела у нас нет.

+2° С

Тимофей разлепил глаза. Что-то вязкое покрывало веки и губы, текло из ушей и попадало за ворот. Лицо горело, как при ожоге. Минай Захарович стоял над ним и докуривал сигарету. Он был укутан в шубу из волчьей шерсти, щеки раскраснелись от мороза. За его спиной чернело ночное небо с бледно-голубой россыпью звезд. Казалось, звезды — это огромные ледяные глыбы, медленно парящие в космосе при абсолютном нуле. Сейчас они ещё далеко, в миллионах световых лет, но уверенно приближаются к Земле.

— На этом все, — сказал Минай Захарович и щелчком отправил окурок в полет в ночную пустоту. — Свою часть ритуала я закончил. Дальше с тобой продолжат жрецы. Прощай.

Тимофей попытался встать, но ноги сразу же вспыхнули болью. Перчаток на руках не было, и кожа потрескалась от обморожения, сквозь микроранки сочилась кровь. Он осознал, что полусидит на вершине ледяной горки посреди освещенного фонарями парка, прислонившись к холодному ограждению. С трех сторон парк окружали десятиэтажки, возвышающиеся над

соснами и вязами, а с четвертой темнела сплошная бетонная стена. Оборонно-промышленный комплекс, вспомнил Тимофей.

Вокруг ледяной горки собралась компания хорошо одетых мужчин и женщин. Они молча смотрели на Тимофея. Обычные люди — так могли бы выглядеть чиновники или директора заводов, но никак не жрецы, которые в воображении Тимофея рисовались разукрашенными дикарями в ритуальных одеждах.

Чуть в стороне, в центре залитой льдом площадки, на коленях стояли пятеро голых и очень худых бородачей, похожих на восковые фигуры средневековых мучеников. Их кожа сморщилась и посинела от холода, седые волосы свисали на глаза, а зрачки закатились под веки. Бородачи не двигались, только еле заметно шевелили губами.

По всему парку, насколько хватало глаз, плотными колоннами застыли ледяные скульптуры — но не в привычной новогодней тематике: одни изображали высоких рогатых големов с непропорционально растянутыми клыкастыми пастями, другие — низкие — были наряжены в пальто и фуфайки, из которых высовывались отрезанные свиные и коровьи головы.

Минай Захарович уже спускался с горки по вырезанным в ней ступеням.

— Постойте, — выдохнул Тимофей. Он не хотел оставаться один на один с этими людьми и скульптурами. — Что такое этот Мистер Фриз?

Начальник остановился на нижней ступеньке и обернулся.

— Я не знаю, — ответил он устало. — Жрецы считают, что он появился после взрыва на комбинате. В нашем НИИ микробиологии разрабатывали какую-то заразу — «Лед-11» — которая после облучения ушла в землю. Там она смешалась с костями лагерников и отработавшим ядерным топливом: образовался коктейль, из которого, как многие думают, и вышел Мистер Фриз. А теперь он спит в шахтах и возвращается каждые крещенские морозы за новой порцией страха и крови. В остальное время мы молимся, чтобы он не проснулся, и забиваем скот.

Видишь тех бородатых? Это монахи. Мы отбираем их каждый год и отправляем в особый храм за стеной, где они несут службу в промышленных холодильниках и доводят себя до паники. Они насыщают свою кровь страхом, разрезают себе руки и кормят Мистера Фриза. Это его сдерживает, но раз в год он все равно возвращается — и тогда

начинается Масленичное заклание.

Кто-то из молчаливой компании громко прочистил горло.

— Лично я считаю, что Мистер Фриз всегда был здесь, задолго до появления людей. Думаю, он пришел с плато Ленг — по легенде, это логово древнего зла, затерянное среди вечных льдов Алтая. А мы только пробудили его…

— Захарыч, давай уже кончать и пойдем по домам, — проворчал толстый старик в каракулевой шапке. — Холодно.

Минай Захарович кивнул и спустился с последней ступеньки.

— Подождите! — крикнул Тимофей. Горло резануло словно гарпуном. — Не оставляйте меня им. Это несправедливо.

— Не могу. — Минай Захарович стоял к нему спиной. — Видишь ли, мы любим свой город, любим его заграждения и верим, что нам воздается за грехи. Мы могли бы все бросить и уехать подальше, на другой конец земли, но тогда некому будет удерживать зло в этих стенах. Если мы не будем выплачивать эту дань, то никто не будет. Помнишь, я рассказывал, как Мистер Фриз сожрал молодого спортсмена? Это был мой сын. Андрей не заслуживал такой судьбы, но все равно

уплатил свою дань. И тебе придется. Всем нам.

Он сунул руку в карман шубы и положил что-то на ледяную поверхность горки. Тимофей смотрел и не верил глазам.

— Я сам решаю, что делать с этим клубком, — прошептал он и, перевернувшись на живот, пополз к пачке «Винстона» и зажигалке.

Минай Захарович тем временем скрылся среди ледяных изваяний. Где-то за спиной монахи забормотали невнятные заклинания.

Жрецы начали скандировать:

— *Да Придет Весна! Да Прольется Кровь! Пробудись От Сна Ради Новых Снов!*

Еще и еще.

— *Да Придет Весна!*

Быстрее и громче.

— *Да Прольется Кровь!*

Тимофей подползал к синей пачке. Хотелось курить.

— *Пробудись От Сна!*

Бормотание монахов возвысилось до нечленораздельных выкриков, которые смешивались с хором жрецов и превращались в какофонию.

— *Ради Новых Снов!*

Тимофей схватил пачку, судорожно вытащил сигарету и обхватил ее перепачканными кровью

губами. Скороговорка жрецов окончательно слилась в исступленный, вибрирующий вопль. Тимофей поднес зажигалку к кончику сигареты…

…и в эту секунду мир заполнился мощным низкочастотным ревом. Порыв морозного ветра выхватил сигарету и покатил вниз по горке. Тимофей поднялся на колени, схватился за голову и закричал от боли. Звук реверберировал во всех органах, отдавался зудом в костях и сплющивал мозги. Ночное небо осветилось серебристо-бирюзовым сиянием, источник которого находился за стеной оборонного комплекса. Жрецы и голые монахи бросились врассыпную.

Чудовищные ледяные скульптуры зашевелились и со скрипом сошли со своих белых постаментов, увлекая за собой снежный покров и обнажая прошлогоднюю траву. Зубы-сосульки рогатых дьяволов заходили вверх-вниз, длинные копья рук потянулись к Тимофею.

Коротышки с головами жертвенных животных подбежали к горке первыми — их злобный визг тонул в невыносимом гуле.

Покрытые твердой коркой сугробы увеличивались, всасывая лежавший под деревьями снег, и принимали кошмарные человекоподобные

очертания с торчащими во все стороны длинными ледяными шипами.

Площадка, в центре которой минуту назад сидели монахи, выгнулась кверху, отлилась в полупрозрачный шар диаметром не меньше трех метров и покатилась по голой земле, подминая встречавшихся на пути монстров, которые с хрустом рассыпались на мелкие осколки.

С крыш и карнизов окружающих домов откалывалась снежная наледь. Она лавиной валилась в сугробы, которые вздымались и опадали, словно брюхо какого-то исполинского зверя. Из масс битого льда и снега один за другим выползали уродливые снеговики и сразу пускались в атаку на ледяную горку.

Тимофей едва это замечал, сцепив челюсти от несмолкающего рева. Один зуб сломался, из носа и рта закапала свежая кровь.

За стеной комплекса сгустилась тень, затмив собой серебристо-бирюзовое сияние. Тень увеличилась и, попав в свет фонарей, явила невиданного ледяного титана. Он был двадцати метров высотой; на его луноподобной голове разверзлась глубокая пасть, плотно усеянная рядами игольчатых сосулек; витые рога, казалось, царапали ночное небо. Воплощенный Мистер Фриз, понял

Тимофей, они все — Мистер Фриз.

Титан оперся на стену толстыми, как заводские трубы, руками и перевалил через нее свое громоздкое туловище. Земля задрожала от падения, и монстр развалился на несколько крупных обломков, которые тут же хлынули вперед потоками льда.

Приближаясь к Тимофею, ледяной шабаш становился плотнее — чудовища сталкивались друг с другом, сбивались в кучу и рассыпались на осколки. Груды бело-голубых рук, ног и рогатых голов росли вокруг жалкой горки, последнего убежища, из которого Тимофею больше некуда было бежать. Свиные и коровьи головы сминались в кровавую кашу под натиском ледяного цунами.

— Прочь! — крикнул Тимофей, с усилием разомкнув зубы, и рухнул на четвереньки.

Десятки искрящихся в свете фонарей щупальцев, извиваясь, поползли из разросшихся гор ледяных осколков. Какой-то холодный твердый палец почти нежно ткнул в спину — опустив глаза, Тимофей увидел торчащую из живота окровавленную пику, но боли не ощутил. Через мгновение в тело вонзились еще пять щупальцев. Тимофей чувствовал, как разрываются

внутренние органы, но боль так и не пришла, словно его накачали наркозом. Мигрень тоже отпустила — сознание наконец прояснилось.

Щупальца прокалывали Тимофея, превращая его в извергающую потроха игольницу. Тонкая, словно вязальная спица, сосулька вошла в правый глаз, погасив половину мира. Он почувствовал, что отрывается от горки и поднимается в воздух.

Мутнеющий левый глаз подметил, что в парке больше не осталось снега и льда. Дорожки сверкали лужицами, над стенами оборонного комплекса — то есть храма Мистера Фриза — сияла утренняя заря. Не кислотный серебристо-бирюзовый цвет, а естественный желто-голубой.

И, кажется, стало тепло. Уж точно не ниже ноля.

Началась Масленица — пришла весна.

Гришка и Подземный цирк
Андрей Лакро

— Держи опарыша, держи! Удерёт ведь!

Гришка метался, пытаясь вырваться из окружения гадкой троицы. Он уже успел пожалеть о том, что решил срезать дорогу от школы через свалку. Так, конечно же, короче. Вот только в таком заброшенном, обезлюдевшем месте запросто может подстерегать опасность. Например, кучка ненавидящих тебя одноклассников.

Нога запнулась о неприметный выступ, и Гришка полетел на землю. Больно ободрал ладони о каменное крошево, но слёзы сдержал. Мальчишек его страдания лишь сильнее раззадорили. Под издевательский смех в Гришку полетел мелкий мусор: крышки от газировки, мятые жестянки и пластиковые бутылки.

— Отвалите, придурки! — срывающимся голосом закричал он. — Что я вам сделал?

— Уродец! — гоготали мальчишки в ответ. — Опарыш!

Гришка-опарыш. Дурацкое прозвище — самое безобидное, что от них можно было ожидать. Уж

лучше молча глотать обиду, чем возвращаться домой в синяках и порванной одежде. Но сегодня придётся вытерпеть и это.

Он прикрылся от ударов ладонями — не такими, как у них, с шестью пальцами, но один всё-таки пропустил. Брошенный Рахимом камешек злобно клюнул в лоб. Гришка охнул, вскинул руку, трогая ушиб. На бледных пальцах остались алые капли крови.

— Рахим, ты что сделал? — запаниковал Макс. — Этот урод теперь нажалуется, и нам влетит!

— Не нажалуется, — хмыкнул Рахим щербатым ртом.

Гришке показалось, что солнце на небе померкло, когда одноклассник подошёл ближе. Для тринадцати лет Рахим был поразительно рослым и плотным. Он навис угрожающей массой, протянул пятерню с толстыми пальцами. Вцепился ими в ворот Гришкиной рубашки и потянул так, что дыхание перехватило.

— Ты ведь умеешь хранить тайны, опарыш? — сощурился он.

С таким лучше не спорить, особенно если у самого по физкультуре тройка, и та с натяжкой. Гришка прекрасно знал, что будет, если наябед-

ничать. А потому сглотнул и согласно закивал.

— Ну, вот и договорились.

Рахим разжал пальцы. Гришкины мучители спешно скрылись за горой хлама.

Он дождался, когда одноклассники исчезнут из виду, осторожно поднялся. Болел лоб, саднило ладони и локоть, но не сильно, можно потерпеть. Он осмотрел себя — так и есть, кроссовки выпачканы, на рубашке оторваны пуговицы. Гришка всхлипнул, не столько от боли, сколько от обиды. Растёр по белёсым ресницам выступившие слёзы. Теперь можно, теперь они не увидят.

Папа утешал, что альбинизм — не уродство. Но ему-то легко говорить, он ведь нормальный. А Гришке каждый день вот таким в школу ходить, терпеть насмешки и побои от сверстников.

Он подхватил с земли школьный рюкзак, собрал рассыпавшиеся учебники и рисунки. Тяжело вздыхая, поплёлся домой. По дороге ещё минут на пятнадцать задержался у лужи, отмывая обувь и оттирая грязь с брюк. Теперь в кроссовках противно хлюпало, а брюки липли к коленкам, но, по крайней мере, ущерб не так бросался в глаза.

Домой он добрался позже обычного. Папа шумно вздыхал, осуждающе качал головой,

но во взгляде его тёплых медовых глаз сквозила жалость.

— Я запнулся о камень и упал, — врал Гришка, а он делал вид, что верит.

Одежда отправилась в стирку, ссадину на лбу закрыл пластырь. На ужин сегодня были макароны и котлета. Котлеты Гришка любил, но этим вечером аппетит совсем не шёл. Вяло ковыряясь вилкой в тарелке, он размышлял.

— Пап, — решился Гришка, — а как выглядела мама?

Отец вздрогнул, оторвался от ужина.

— Ты же знаешь… Её фотографий не сохранилось.

— Да-да, я помню, — кивнул Гришка. — Но, может, ты просто опишешь её? Тогда я смогу нарисовать мамин портрет.

Губы отца тронула улыбка. Но она не была радостная, скорее, печальная.

— Она была… Ты на неё очень похож.

Гришка моргнул, снова опустил взгляд в тарелку. У всех есть секреты, и у отца тоже. Он много раз объяснял, но Гришка так и не понял, почему надо делать тайну из матери. Знал, что раньше отец жил не здесь, он сбежал из места, где ему было плохо. Было не до сборов и тем более

не до фотографий. Но почему мать совсем нельзя обсуждать, не мог взять в толк.

— Знаешь, раз речь зашла о рисовании, у меня для тебя сюрприз, — ушёл от темы отец.

— Правда? — удивился Гришка.

Отец снова улыбнулся, на этот раз по-настоящему. Встал и скрылся в спальне. Вскоре он вернулся, неся в руках разноцветную коробку.

— Ого! — всплеснул руками Гришка. — Тот самый?

— Тот самый, — кивнул отец. — Набор профессиональной пастели из сорока восьми цветов. Получил зарплату сегодня, решил, что к новому занятию тебе пригодится.

Гришка был счастлив. Настолько, что смирился с запретом на разговор о матери. И даже умолчал о своём недавнем решении. На самом деле он не собирался идти на следующее занятие в художественную школу. Настроения не было, да и возвращаться опять поздно. Вдруг Рахим и его дружки снова подкараулят. Но с таким царским подарком подводить отца стыдно. К тому же с профессиональной пастелью рисунки должны получиться куда лучше.

Гришка ободрился, мигом доел ужин и помог убрать посуду. Остаток вечера он провёл за до-

машним заданием.

Перед сном отец заглянул в его спальню.

— Тебе всё ещё снятся те странные сны?

— Уже реже, — опять соврал Гришка.

Он не любил беспокоить отца. А жутковатые сны — это ерунда, пусть и приходят едва ли не каждую ночь.

Этой тоже явились. Фантастические, болезненные и до чёртиков пугающие образы. Каждый раз их невозможно как следует рассмотреть или запомнить. Только то, что в них есть нечто неправильное. Фигуры, что лишь отдалённо напоминают людей, одетые в пёстрые, будто бы цирковые наряды. Они кружатся, прыгают, корчат лица. Хотя это и лицами не назвать — жуткие кожаные маски.

Гришка снова не выспался, но утром не подал вида. Кинул свёрток с завтраком в сумку и убежал в школу.

Днём, сидя за партой, изо всех сил старался не клевать носом. Украдкой поглядывал на самодовольно ухмыляющегося Рахима. В обеденный перерыв Гришка ускользнул туда, где было меньше шансов столкнуться с его шайкой.

— А ты пойдёшь в цирк уродов? — дожёвывая бутерброд, спросил Лёшик.

В мире, где тебя ненавидят все, даже того, кто не постыдится сесть с тобой за один стол, можно считать другом. Гришка сомневался, что их с Лёшиком общение можно назвать дружбой, но с ним он хоть как-то ладил.

— Цирк уродов? — переспросил Гришка.

Вместо пояснений Лёшик порылся в рюкзаке и вручил ему слегка смятую листовку.

Гришка чуть соком не подавился, едва взглянув на неё.

«Цирк уродов доктора Ноктюлоса», — пестрела надпись.

С глянцевого листка на него смотрела знакомая фигура, если так уместно сказать о том, чьи глаза, как и всё лицо, скрыты маской. В ярком клоунском костюме, с большим надувным молотком наперевес, этот нелепый тип зазывал в разноцветный шатёр. Вот только в этом цирке не было ни карликов, ни бородатых женщин, какими обычно славятся подобные места. За спиной клоуна-зазывалы теснились самые настоящие чудовища, с бесформенными многоглазыми наростами вместо головы, щупальцами и лапами.

Гришка понял, что уже видел их, в своих снах. Он как заворожённый, таращился на листовку, пока резкий тычок локтем под рёбра не вернул

его в реальность.

— Чего завис, испугался что ли? — хмыкнул Лёшик. — Папа говорит, что это всё обман. Ну, типа, они не на самом деле уроды, а просто актёры в гриме. Но всё равно стрёмные.

Отец не одобрит такое развлечение, но Гришка пообещал другу спросить. После уроков он поспешил в художественную школу, аж в соседний квартал через парк. Зато сполна насладился завистью во взгляде других ребят — не каждому родители покупают профессиональную пастель, да ещё просто так, без повода.

Рисовать ею и правда было легче, приятнее. Занятие пролетело незаметно. Только выйдя из здания в вечернюю темноту, он вспомнил о своих тревогах. Выскользнул за кованные ворота, свернул в проулок и застыл в ужасе, заметив вдали знакомые силуэты. Эту троицу он ни с кем не перепутает.

С замирающим дыханием Гришка шарахнулся назад к воротам, но тут же упёрся в них набитым портфелем. Он замер, в ужасе вслушиваясь в ржавый дребезг, и сразу поймал на себе взгляды трёх пар глаз. Его заметили!

— Вот он! — выкрикнул Рахим. — Держи опарыша!

— Вот чёрт, — испуганно шепнул Гришка.

Он не думал, что хулиганы решат подкараулить у самого выхода. Однако не время корить себя за неосмотрительность. Гришка развернулся и бросился в противоположную сторону. Бежал и бежал, пока не стал задыхаться. Казалось, что стук сердца в груди заглушает все другие звуки, даже крики и топот за спиной. Но оглянуться, чтобы посмотреть на преследователей, он не решался. На полном ходу вылетел в переулок, повернул, затем ещё и ещё. И так, пока не перестал разбирать, где находится. Добежал до крошечного сквера, закрутился, думая, куда дальше. Бросился налево и чуть не сшиб с ног Макса.

— Сюда, пацаны, он здесь! — заорал тот.

Крутанувшись так, что пыль полетела из-под подошв, Гришка кинулся обратно. Но не успел — его схватили за рюкзак и с силой дёрнули назад. Он завалился на спину, закрутился, пытаясь встать. И снова упал, сбитый наземь подножкой.

— Что это у нас тут?

Снова издевательский хохот, тычки и пинки. Рахим выпотрошил его рюкзак, вывалив на землю учебники и рисунки.

— Фу, что за уроды? — скривился он.

Гришка нарисовал её, как представил. Если он похож на мать, значит, у неё тоже бледная кожа и белоснежные волосы. И шесть пальцев на руках.

— Урод рисует уродов, — заржал Санька.

К его веселью присоединились другие. Гришка смотрел, как летят клочья рисунков, как крошится под грязными подошвами новенькая дорогая пастель. И от этого всё закипало внутри.

— Хватит! — крикнул он.

— А то что?

Он знал, что слабее их, но терпеть больше не мог. Схватил с асфальта перо для черчения, размахнулся и всадил его в жирную ладонь. Едва не оглох от крика, но это сработало, Рахим разжал пальцы. Не раздумывая, Гришка подскочил, со всей силы оттолкнул его и снова бросился наутёк.

Голоса преследователей то приближались, то удалялись. Наконец, они почти стихли, и Гришке даже показалось, что удалось оторваться. Как вдруг перед самым носом вырос глухой забор.

— Он сюда свернул, я видел! — раздался за спиной голос Макса.

Заметавшись в панике, Гришка сшиб ведро с помоями. За ним в стене обнаружилась дыра.

Путь не выглядел надёжным, но выбора не было. Гришка спешно влез в отверстие, не обращая внимания на вонь и грязь. Кажется, оторвалась пара пуговиц, подосадовал он, но ходу не сбавил.

Едва оказавшись на другой стороне, вскочил, пробежал ещё несколько метров. И понял, что оказался на уже знакомой свалке.

«Вот это я круг дал», — удивился Гришка, но, заслышав голоса, затравленно огляделся и шмыгнул за гору хлама.

Через просветы между ржавыми остовами он видел, как Рахим и его шайка бродят вокруг, подсвечивая путь телефонами. Гришка затаился, боясь даже вздохнуть. Наконец, преследователи удалились.

— Пс-т, парнишка!

Он вздрогнул, испуганно обернулся на шёпот. Шарахнулся, чуть не припустив прочь со всех ног. Из темноты на него взирало жуткое лицо, больше похожее на маску. Правда, не настоящее, а напечатанное на постере. Но ночью посреди пустой свалки оно всё равно смотрелось жутко.

Снова реклама цирка уродов. Непонятно, кого собирались зазывать на представление посреди свалки, но плакат наклеили прямо на корпус старого холодильника. Гришка с облегчением

выдохнул, осознав, что он здесь один. Как вдруг фигура на постере подмигнула.

Гришка заморгал, не веря глазам. Осторожно подкрался к постеру вплотную и включил фонарик на телефоне.

— Ай, ну не в лицо же! — возмутился голос.

Клоун на постере вскинул руку, прикрывая два крестообразных отверстия на маске.

— Это ты меня звал?

— А ты тут ещё кого-то видишь? — хмыкнул клоун. — Кстати, раз уж ты здесь… Заходи в цирк и посмотри на уродов, если осмелишься! Всего за триста пятьдесят рублей ты увидишь самые невероятные и причудливые формы!..

— А разве цирки работают по ночам? — удивился Гришка.

— Конечно же! — заверил нарисованный клоун. — Ведь именно ночью там показывают всё самое интересное!

— Ну, в любом случае, у меня нет денег, — признался Гришка. — Мой портфель… Его забрали. Да и смысл мне смотреть на уродов, если я и сам…

Он замолк.

— Что ж, — вздохнул цирковой зазывала. — Думаю…

Он сделал шаг, и, к изумлению Гришки, вы-

ступил из постера, будто из дверного проёма. Секунда, и изображение клоуна стало объёмным, увеличившись до размеров реального человека

— Думаю, мы сможем договориться, — закончил он мысль.

Буквально нависнув над Гришкой, он пристально вгляделся в его лицо отверстиями-глазами.

— Я вижу, что ты очень особенный мальчик. Так и быть, считай, что это промо-акция: ты сможешь всё увидеть бесплатно. Если понравится, получишь в подарок приглашения для друзей. У тебя же есть друзья?

Гришка замялся, но всё же кивнул.

— Чудесно! Ну что, по рукам?

Клоун протянул ладонь, обтянутую перчаткой. Гришка поднял взгляд на маску, стараясь угадать, что под нею скрыто. Нарисованная улыбка намекала на дружелюбие, но тёмные провалы там, где положено быть глазам, смотрелись зловеще. Истинное выражение лица этого существа невозможно было узнать, как и его намерения. Нет, этот клоун совсем не внушал доверия.

— Сейчас поздновато, — отступил Гришка. — Мой папа будет беспокоиться.

— Представление недолгое, мы быстро управимся! — не сдавался клоун. — Разве тебе каждый

день предлагают что-то бесплатно? Ну же!

Зазывала оказался крайне напористым. Гришка пытался найти отговорки, но в итоге сдался и протянул руку.

— Прекрасно, прекрасно! — клоун с силой потряс его ладонь. — Прошу!

Он подскочил к старому холодильнику и распахнул покорёженную дверцу.

— Туда? — недоверчиво фыркнул Гришка. — Это что, шутка такая?

Где-то совсем рядом раздались голоса, хрустнуло стекло под подошвами. Между мусорных холмов замелькали пятна света. Похоже, Рахим и его дружки возвращались. Гришка затравленно оглянулся. Понял, что не успеет найти укрытие и шагнул внутрь холодильника.

Он вытянул руки, рассчитывая, что вот-вот упрётся в заднюю стенку. Шагнул раз, другой, пятый, но под пальцами всё ещё была пустота. Внезапно тьму разрезала яркая вспышка. Гришка зажмурился, поморгал, а когда в глазах прояснилось, понял, что стоит рядом с разноцветным цирковым шатром. Он огляделся, выискивая взглядом клоуна, но рядом никого не оказалось.

— Эй! — позвал Гришка.

— К сожалению, я не могу пройти с тобой

внутрь, я лишь привратник, — прозвучал голос. — Но не бойся, я присмотрю за тобой. Входи.

Полог шатра взметнулся, будто откинутый невидимой силой. Гришка нырнул внутрь, но почти сразу замер на месте. Прямо перед ним стоял мальчик, точь-в-точь как он сам. Даже одет также.

— Привет, — смущенно буркнул Гришка.

Он взмахнул рукой, и мальчик помахал ему в ответ.

«Да это же моё отражение!» — догадался Гришка.

Вспыхнул прожектор, луч света упал сверху на зеркало. Преломился, отражаясь в десятках таких же поверхностей. Гришка закрутился, окружённый десятками собственных двойников. Он совсем не ожидал, что изнутри шатёр окажется зеркальным лабиринтом.

Вскоре Гришка понял, что не помнит, откуда пришёл. Но и куда идти дальше, не имел представления. Поэтому зашагал наугад. Решение оказалось не самым лучшим, несколько раз он врезался в углы и зеркальные стены.

«Да как отсюда выйти?» — запаниковал Гришка, в очередной раз упёршись в тупик.

Решительно крутанувшись на месте, он на-

летел ещё на одного своего двойника. И только отступив на шаг, понял, что тот стоит к нему спиной. Перед ним было не собственное отражение, а настоящий, живой мальчик. Не успел он удивиться, как ребёнок обернулся, уставившись нарисованными глазами с пластиковой маски, точь-в-точь повторяющей Гришкины черты.

— Ты ещё кто? — попятился Гришка.

— Привет! — отозвался голос, приглушённый маской. — Я Мишка.

Мальчик выглядел странновато, но вроде бы не угрожающе. Гришка робко представился в ответ.

— Почему ты носишь маску? — добавил он.

— Я так прячу лицо, очевидно же, — пожал плечами Мишка. — Оно… Не такое, как у всех. Но я вижу, что ты тоже другой. Тебе я могу показать, если обещаешь не пугаться.

Гришка засомневался, что этого хочет, но все же кивнул, из любопытства. Мальчик приподнял маску. С блеклой одутловатой морды глянули шесть крошечных чёрных глазок. Жвалы под ними зашевелись, исторгая вполне человеческий голос.

— Ну как, страшно?

На мгновение Гришка забыл родную речь — на-

столько был поражён тем, что увидел. Но решил не подавать виду и замотал головой.

— Совсем нет!

— Ну что ж, — существо снова напялило маску. — Раз так, я выведу тебя из лабиринта. Иди за мной.

Мальчик с головой гусеницы уверенно шёл впереди. Гришка старался не отставать и не отвлекаться на собственные отражения. А когда наконец огляделся, то понял, что они больше не в лабиринте. Зеркала исчезли, а может их поглотила тьма, следовавшая за ними по пятам. Только пятно света впереди маячило, как ориентир. А в нём — кресло, будто бы парящее посреди пустоты.

Мишка остановился.

— Дальше тебе придётся идти одному. И запомни. Если шпрехшталмейстер задаст тебе вопрос…

— Кто-кто?

— Тот, кто ведёт представление. Отвечай: «Червь». И делай всё, что он попросит.

— А если попросит то, чего я не захочу делать? — на всякий случай уточнил Гришка. — Что тогда?

— Лучше тебе не знать…

Новый знакомый помахал рукой и растворился вслед за лабиринтом, оставив Гришку в недоумении.

— Присаживайся, дорогой друг, — зазвучал непонятно откуда голос клоуна-привратника. — И готовься увидеть лучшее представление в своей жизни!

Гришка завертел головой, но так и не увидел того, кто это произнёс. Пожал плечами, шагнул к креслу и опасливо устроился на сиденье. Пол под ним дрогнул, взорвав тишину натужным скрежетом, и вдруг поплыл вниз под тихую механическую музыку.

Спуск длился целую вечность. Гришка пробовал оглядеться, но не смог различить ни стен, ни механизмов, что двигали кресло. Только когда оно замерло и слабое мерцание разогнало мрак, понял, где очутился.

Его спустили в зрительный зал. Все места занимали неподвижные фигуры в тёмных плащах, их головы покрывали капюшоны. Гришка взглянул на соседа справа. Тот повернул голову, но лица было не разглядеть, одна лишь темнота под складками ткани. Гришка поспешил отвернуться.

Вспыхнули софиты, осветив арену. И снова

совсем всё не так, как в обычном цирке. Прямо по центру манежа и до самого потолка громоздился каменный идол. А может быть, всё наоборот — это манеж обустроили вокруг скульптуры.

Гришка поёжился. В фильмах и передачах он видел древнеегипетские статуи, истуканов с острова Пасхи и всякие другие памятники древних цивилизаций. Но они не имели ничего общего с этим. Грузное, утопающее в складках тело, больше всего смахивало на гигантскую жирную личинку. По бокам просматривались ряды коротких неуклюжих лап, а приплюснутая башка существа пялилась тремя парами выпуклых глазок.

Из невидимых динамиков полилась странная скрипучая музыка — словно все инструменты вдруг расстроились разом, но музыканты всё равно пытались сложить звуки в мелодию. На арене появилась сухощавая фигура в цилиндре. Фрак чудаковатого джентльмена сверкал пайетками, значками и нашивками. Он прихрамывал, шагая по бордовому покрытию, и опирался на трость с причудливым набалдашником. Лицо, как и у всех, кого Гришка тут встретил, скрывала гротескная маска.

— Дамы и господа, рад приветствовать вас в на-

шем храме искусства! — выкрикнул он хорошо поставленным голосом. — Меня зовут доктор Ноктюлос, и я спешу представить вам наше…

«Вот он, шпрехшталмейстер», — догадался Гришка и заёрзал на месте от нетерпения.

Цирк и его обитатели уже немало удивили и даже напугали его. Но он пришёл сюда ради представления, которое должно было вот-вот начаться.

И действительно, в следующее же мгновение на манеже возникла суета. Сперва появилась целая гурьба низкорослых фигур. Не то дети, не то карлики — их лица тоже скрывали маски. Четверо из них вынесли что-то вроде паланкина. Едва он коснулся пола, крытая часть раскрылась на манер бутона.

На бархатных подушках сидела девушка в костюме акробатки. Гришка разочарованно выдохнул — ничего уродского, вполне симпатичная. Но стоило ей подняться на ноги, и он чуть не вскрикнул — их у девушки было целых шесть. К тому же колени выгнуты, словно лапы у паука.

Зрители встретили акробатку бурными аплодисментами. Паучиха присела в реверансе, посылая в зал воздушные поцелуи. Мгновение — и она вскарабкалась едва ли не под самый купол.

Девушка приподняла подол короткой пышной юбки, и оттуда буквально выстрелила верёвка. Вездесущие карлики закрепили канат, и паукообразная акробатка ловко заскользила от одного края к другому.

Пока Гришка размышлял, как она спрятала верёвку под подолом, на сцене появился следующий артист. Здесь тоже было на что посмотреть. Рослая фигура будто бы вся состояла из уродливых бугров. Из одежды на выступавшем была одна только набедренная повязка.

— Силачка Леонор! — представил артиста ведущий.

Это нагромождение плоти совсем не походило ни на мускулистого силача, ни уж тем более на женщину. Однако существо играючи тащило штангу с дисками внушительного размера, ухмыляясь клыкастым ртом, или, скорее, пастью.

После гимнастки и силачки выступали двухголовые клоуны и низкорослое одноглазое существо верхом на упитанной свинье и ещё много гротескных существ, поражающих воображение. Зрители одобрительно гудели и хлопали после каждого номера. Только Гришка сидел, открыв рот: он ожидал чего угодно, кроме того, что увидел. И только когда замечал на себе взгляды

из-под капюшонов, неуверенно присоединялся к аплодисментам. Ради приличия, но больше из страха.

— А для следующего номера нам потребуется доброволец! — выкрикнул шпрехшталмейстер. — Кто желает?

Гришку едва не ослепило лучом прожектора. Оказавшись в пятне света, под пристальными взглядами целого зала, он сразу смекнул, на кого упал выбор.

— Да я же… — попытался он избежать неминуемого.

Но джентльмен в цилиндре уже поднимался к нему по лестнице. Он протянул руку, и Гришке ничего не оставалось, как последовать за ним. Яркие огни мешали разглядеть фигуры в зале, но он знал, что те существа в мантиях, кем бы они ни были, неотрывно глядят на него.

— Итак, Григорий, — обратился к нему ведущий. — Тебя ждёт небольшое испытание…

— Постойте, — опешил Гришка. — А откуда вы меня знаете?

— Ну ведь это же цирк, здесь царит магия! — широко развёл руками ведущий. — Итак… Испытание первое — очень простое. Всего-то и нужно, что разгадать загадку!

«Длинный, мягкий и худой,
Он живёт в земле сырой.
Только в небе солнце всходит,
Он домой к себе уходит.
Но лишь дождичек пойдёт,
Он на улицу ползёт».

— Ну, что это такое?

Гришка так разволновался, что все мысли в голове враз смешались в бессвязную кашу. Но вдруг вспомнил слова мальчика из зеркального лабиринта.

— Это червь! — выпалил он.

Зал взорвался громогласными овациями.

— Какой эрудированный мальчуган! — воскликнул ведущий, как только аплодисменты утихли. — Что ж, перейдём к испытанию ловкости.

Схватив Гришку за руку, ведущий едва ли не оттащил его к краю манежа. Пол дрогнул, заходил ходуном. Только теперь Гришка понял, что всё это время под их ногами находился огромный люк. Его поверхность украшал узор в виде семилучевой звезды. И теперь края рисунка дрогнули, пластины-лепестки разъехались, обнажив чёрный провал. Снизу пахнуло сыростью и нетерпимой вонью. Гришка отшатнулся,

неприязненно морщась.

Скрежеща невидимыми механизмами, арена менялась всё больше. На пузе огромной статуи, которая теперь нависала над самой дырой, распахнулась дверца. Оттуда выехала платформа и, дёрнувшись, застыла, как будто трамплин над бассейном.

На ней были люди. Гришка видел фигуры, извивающиеся, подобно червям. И только приглядевшись понял, что они связаны. Лица пленников скрывали маски, но он узнал их по одежде. Никаких сомнений — это Рахим и его шайка.

Тем временем ведущий схватил Гришкину руку и сунул в неё мяч. Плотный, словно бы теннисный, но чуть крупнее.

— Что ж, Григорий. Видишь вон ту мишень? Тебе нужно попасть в неё, и приз твой!

— Погодите, — замотал головой Гришка. — А что они тут делают? И что будет, если я попаду?

— Какой пытливый ум! — рассмеялся ведущий, потрепав Гришкин затылок. — Мы решили, что тебе будет веселее развлекаться в нашем цирке вместе с друзьями. И пригласили их на представление.

— Никакие они мне не друзья! — фыркнул

Гришка. — Они… Они…

Его даже затрясло, когда он вспомнил, сколько натерпелся от этих троих.

— Тогда не всё ли равно, что с ними случится? — хохотнул ведущий. — Давай, бросай мяч! Иначе приз останется у меня.

Гришка в нерешительности переводил взгляд то на платформу, то на ведущего. Конечно же, обидчиков он ненавидел, но никогда всерьёз не задумывался о том, чтобы им навредить. А игра, на которую подначивал ведущий, не выглядела безобидной.

«Да ладно, это же просто цирковой номер», — наконец решился он, размахнулся и швырнул мяч.

— Осечка!

Промах лишил Гришку приза, но почему-то принёс облегчение. По крайней мере, ничего плохого не произошло.

— Не страшно, у тебя есть ещё две попытки! — огорошил его ведущий, сунув другой мяч.

Но Гришка не попал и во второй раз. Осталась всего одна попытка, и он уже смирился с тем, что проиграет. Было жутко любопытно, что же там за приз. Но даже ради него не хотелось делать одноклассникам плохо. Пусть и таким уродам.

Мысли о том, что сама судьба против этого выигрыша, успокоили Гришку. Он размахнулся и запустил мяч в мишень в третий раз.

Платформа с грохотом сложилась, три связанные фигуры полетели в чёрный провал. И без того приглушённые крики стихли где-то ниже уровня манежа, вместо них раздался утробный рык. Звуки тут же заглушила вновь грянувшая музыка.

Гришка замер, ощущая, как сердце в груди ухнуло куда-то вниз так же, как и его заклятые недруги. Боясь вздохнуть, он подался вперёд и заглянул в дыру, но так ничего и не рассмотрел. Сквозь нестройную какофонию цирковой мелодии ему померещилось громкое чавканье.

На манеж высыпали гротескные артисты, они смеялись и танцевали.

— Браво-браво, вот и твои первые жертвы! — вскричал ведущий.

— Жертвы? — переспросил Гришка. — Что вы имеете ввиду?

Но внимание шпрехшталмейстера уже отвлекла на себя гимнастка-паучиха, вынесшая приз.

— А теперь главный номер! — выкрикнул он уже в зал.

Внутри идола гулко грохнуло. Заскрипели

скрытые шестерёнки и тросы. Сбоку с глухим щелчком отворилась очередная дверь, из которой с шуршанием выкатился небольшой предмет. Паучиха подхватила его и тут же закутала в пелёнки. Свёрток отозвался капризным хныканьем, перешедшим в плач.

— Вот он! Поглядите, какой красавчик!

Гришка тоже заглянул. Из тряпицы выглядывала рожица, не имеющая ничего общего с младенческой. И всё же она кривилась и хныкала, будто это был новорождённый.

— Восхвалим же Червя, принесшего в мир одного из нас! — воскликнул ведущий.

— Славься, Червь, дарующий жизнь! — отозвался зал.

Гришка окончательно перестал понимать происходящее. Он протолкался к ведущему и тихонько дёрнул его за рукав.

— А кто там, внизу? — робко спросил он. — Тоже какой-то… Урод?

— О, нет, там нечто куда большее! Там наш Бог!

— Бог? — удивился Гришка.

Он изо всех сил напряг зрение, вглядываясь в темноту, но та надёжно скрывала существо на дне. Вдруг внизу мелькнул громадный бок,

обтянутый белёсой шкурой. Гришка поспешил отойти от дыры.

— Разве Бог может сидеть на дне ямы? — удивился он.

— Почему же нет? — пожал плечами ведущий. — Ты вот раньше хоть раз видел Бога? Тогда, откуда же тебе знать, что он может делать, и как может выглядеть?

Гришка хотел привести в пример иконы в церквях, но передумал и задал ещё вопрос.

— Но почему же Бог там сидит?

— Видишь ли… Она…

— Бог ещё и она? — перебил Гришка.

— Естественно! Так вот: она могущественная, она породила всех нас. Но она же беззащитна перед своим врагом — светом. Мы заботимся о ней и тысячах её детей, а она оберегает нас…

Зал и манеж опустели. Гришка понял, что представление закончилось. Его проводили к выходу, где уже поджидал знакомый клоун-проводник.

— Ну как, тебе понравилось представление? — сразу поинтересовался он.

— Да, — кивнул Гришка. — И ещё… Я теперь вспомнил. Кажется, я видел это всё во сне. И вас, и других артистов.

— О, значит, сама судьба привела тебя сюда! —

всплеснул руками клоун.

Они вернулись тем же путем, через тёмный коридор, ведущий к дверце холодильника. Над свалкой всё ещё царила ночь, но она больше не пугала Гришку. Ведь теперь за нагромождениями хлама его никто не подкарауливал.

Клоун поклонился на прощание и снова переместился на постер, замерев глянцевой картинкой.

Гришка не удержался, открыл ржавую дверцу. Сунулся в тёмное нутро, но вытянутые руки почти сразу упёрлись в шершавую стенку. Проход закрылся.

От этого стало немного грустно. Он опустил руку в карман, достал приз, который выиграл у шпрехшталмейстера.

«Покажи это отцу», — сказал он, вручая Гришке безделушку.

Удивительно, что загадочный джентльмен знал о его отце. Но Гришка слишком устал, чтобы задумываться об этом.

На его шестипалой ладони поблёскивал амулет. Серебристые линии скрещивались в звезду с семью лучами, а из центра единственным аметистовым глазом поглядывал жирный извивающийся Червь.

«Передай отцу, — перед расставанием напутствовал безликий шпрехшталмейстер, — передай, что Червь помнит всех своих детей и всех, кто служил ему. Мы скоро встретимся снова».

Козлоголовый
Дмитрий Передонов

Её остывающее тело сводит меня с ума.

Девушку зовут Галиной. Точнее, звали. Пятнадцать минут назад я разбил ей голову топором и отволок с дороги в овраг, подальше от возможных свидетелей. Теперь она лежит, раскинувшись на пластиковых пакетах с деревенским мусором, голая и мокрая. Здоровая восемнадцатилетняя девчонка, крепко сбитая, с упругой грудью и роскошными бёдрами. Волосы, лицо и глаза обильно залиты кровью, и когда я целую Галю, на губах остаётся солёный привкус. Восхитительный десерт к основному блюду — сексу с девичьим трупом.

Наконец-то я делаю с Галей, что хочу. Трогаю, тискаю, целую, буравлю её святая святых, кусаю. Всё то, что она никогда бы мне не позволила, будь она живой.

Галя мокрая, и я вымок, до нитки. Но не от любви. Хлещет сумасшедший ливень. Это Козлоголовый его вызвал. Козлоголовый — мой демон-хранитель, если можно так выразиться. И ливень он

вызвал неспроста. Сейчас четыре тридцать шесть утра, берёзовские бабы выходят на первую дойку коров. Те, кто живут поблизости, наверняка сперва бы попёрлись к оврагу, чтобы выбросить мусор. А в проливной дождь не пойдут, до коров добежать бы, не сильно промокнув. Ещё дождевая вода хорошенько разбавит кровавый след от Галиного дома к оврагу.

На ферме, конечно, Гали хватятся, но вряд ли станут её искать. Розовый смартфон, что лежал у неё в заднем кармане штанов, я предусмотрительно выключил. Так что можно расслабиться и получать долгожданное удовольствие.

Давай-давай-давай… вот уже, вот… да-а-а!..

Оргазм ударяет в голову, и пока он длится, я чувствую себя океаном, полным кипящего наслаждения. Усталый, но счастливый, переворачиваюсь на спину. Холодные капли затекают в глаза и за ворот куртки, безжалостно барабанят по распалённой плоти, торчащей из раскрытой ширинки как доказательство моей мужской состоятельности. Плоть упакована в презерватив, и дождевой массаж только поддерживает возбуждение.

Я не вижу Козлоголового, но слышу его запах — едкий, тошнотворный. Видимо, так пахнет адская

сера. Козлоголовый всегда рядом: где бы я ни был, меня преследует запах серы.

Интересно, окружающие его слышат?

Проморгавшись, я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с Козлоголовым. Он смотрит на меня в упор и улыбается. Он улыбается и когда хочет жертвы, и когда получает её. Улыбка у него — волчья. Из-за длинных и острых клыков. Козёл с клыкастой пастью — кошмарное зрелище!

Вот я, человек неробкого десятка, людей убиваю, — Галя у меня не первая и, Бог даст, не последняя, — да и Козлоголового часто вижу, а когда он щерит в улыбке клыки, меня охватывает суеверный ужас, мышление отключается, и я, как зомби, выполняю очередной приказ Козлоголового.

Приказ у него всегда один и тот же: «Возьми топор и убей». И я встаю, одеваюсь, выхожу из дома и убиваю везде, где придётся: на трассе, на просёлках, во дворах домов и в самих домах, в Берёзовке и в соседних деревнях… Обычно Козлоголовый является, когда я мучаюсь от бессонницы, куря на кухне. А бессонные ночи у меня случаются часто…

Козлоголового интересуют исключительно

бабы. Возраст — от пятнадцати до пятидесяти. Почему так, я не знаю. Должно быть, у половозрелых самок кровь особенная, ведь он пьёт их кровь… А мне разрешает заниматься с трупами любовью. Потому что если не с трупами, то с кем? Ни девушки, ни зрелые женщины меня всерьёз не воспринимают.

С Галиной, с недотрогой этой, сколько раз пытался законтачить: мне она очень нравилась, очень… Всё впустую. Брови нахмурит и отвернётся. Пару раз сочно так сплюнула в мою сторону — меня аж в жар бросало…

А однажды ей, видно, надоело намекать, и она мне выдала:

«Хочешь, открою секрет, почему тебе не дают? Потому что ты от нас хочешь только этого. А мы таких презираем, ясно?»

И смотри, ведь не побоялась сказать это мне наедине. Была уверена, что я её пальцем не трону, а трону — огребу по полной: она с детства сильная, мальчишек гоняла только так…

Но Козлоголовый рассудил иначе. Сказал, как отрезал:

«Убей суку».

Если бы не он, я тогда, наверно, повесился бы или утопился от стыда и отчаяния…

Тем временем Козлоголовый раскрывает пасть, и из неё выползает язык. Длинный, сантиметров тридцать, и раздвоенный, как у змеи. Склонившись к неподвижной Гале, Козлоголовый облизывает её окровавленный лоб, широко открытые глаза, скулы, нос… Пробует рану на голове, пытается засунуть язык внутрь — хочет высосать мозг?

Чтобы не вырвало, отворачиваюсь и привожу себя в порядок — снимаю презерватив и прячу в карман, мочусь, застёгиваю молнию на штанах. Спасибо Козлоголовому за этот ливень, мне он на руку, но всё же я порядком промок и промёрз. Гале-то ничего, ей теперь что дождь, что снег — всё едино, а вот я могу заболеть, и кто тогда пойдёт искать для Козлоголового живой сосуд с женской кровью?

Хотя — замена быстро найдётся. Таких, как я, много. Мы всегда были, есть и будем. И человечество не в силах что-либо с этим поделать. Где люди, там и мы. Хотите избавиться от нас — истребите людей. В первую очередь женщин. Этих вообще под корень. От них одно зло. Меня вон до чего довели — лежу весь мокрый и грязный в разлагающихся отбросах, шпилю дохлую девку и, мало того, притворяюсь, что мне это нравит-

ся…

Ловлю на себе взгляд и поворачиваюсь. Козлоголовый смотрит на меня и скалится. Его клыкастая морда густо измазана кровью. Кровь из разорванной шеи Галины струится по туго набитому пластиковому пакету.

«Ты ещё здесь? — звучит у меня в ушах. — Видишь — светает! Скорей уходи, пока дождь не закончился!»

Я стучу зубами, но уже не столько от холода, сколько от накатившего страха. В самом деле, давно пора покинуть этот мерзкий овраг. Быстро достаю свой смартфон и делаю несколько снимков трупа на память (знаю, улика, но — хочется, чёрт меня дери!). Сую в карман Галины трусики — заслужил, хе-хе… Ножом вырезаю на её животе что-то типа перевёрнутой пентаграммы. Заваливаю труп разной дрянью. И только после этого выбираюсь из оврага.

…Дома бросаю перепачканную одежду в стирку, до красноты растираю махровым полотенцем насквозь продрогшее тело, переодеваюсь в сухое. Отмываю лицо от Галиной крови (и как это я ухитрился так измазаться?). Полоскаю рот настойкой календулы: впечатление такое, будто это я, а не Козлоголовый, рвал зубами Галино горло

и пил её кровь. А может, это я и был?..

Хорошо бы организовать горячую ванну, но сил на это нет. Вместо ванны сижу в кухне и пью чай с малиновым вареньем, грея ноги о пластиковую бутылку с кипятком. Рядом на столе — Галины трусы: белые, с рисунком в виде смешного мультяшного котика. На трусах — мой смартфон, на экране — хозяйка трусов. Голая, мокрая и мёртвая. Глаза распахнуты, рот приоткрыт, обнажая передние зубы, шея разодрана, выражение лица страдальческое — ей больно, бедняжке…

Беру смартфон, прижимаю экран к губам и покрываю его неторопливыми поцелуями, с удовольствием ощущая внизу живота сладкое томление…

Ну что ж, оба мы — и я, и Козлоголовый — получили своё. И получим ещё не раз. Если убийство Галины сойдёт мне с рук, — а оно сойдёт, недаром Козлоголовый так старательно вылизывал её; пусть-ка попробуют извлечь ДНК дьявола! — то осенью перееду в город, подальше от Берёзовки. Там, правда, будут свои минусы, — видеокамеры, полицейские патрули, добровольцы из «Лиза Алерт» и так далее, — но мы с Козлоголовым что-нибудь придумаем.

Потому что ему нужна кровь женщин, а мне

нужны сами женщины. Всё-таки мёртвые, они лучше живых: тихие, покладистые, непритязательные. Слова грубого не скажут. Так что стоит Козлоголовому появиться за окном, я сразу встану, возьму топор и нож, и пойду искать для него женщину.

И я буду служить ему, пока дышу.

Возвращение в Инсмут
Злата Линник

Разумеется, меня сразу заинтересовал этот город, не нанесенный на карту и не упоминающийся в последних путеводителях.

Говард Ф. Лавкрафт,

«Тень над Инсмутом».

— Признайся, как тебе это удалось? — приставал ко мне с расспросами весь отдел, начиная с шефа и заканчивая приходящей уборщицей.

Я и сам ничего не понимал. Персональное приглашение, которое я нашел сегодня у себя на столе, было для меня такой же неожиданностью, как и для всех. Меня ожидали на семинаре, посвященном чистоте водоемов в окрестностях современного мегаполиса, который через несколько дней состоится в городе Инсмуте штат Массачусетс.

Экологическая организация этого города давно стала чем-то вроде легенды. В каждом уважающем себя издании регулярно публиковались статьи и монографии, посвященные чистоте водной среды и экологии моря. Представители

Инсмута участвовали едва ли не в каждой Интернет-конференции. Никто и никогда не видел их вживую — согласно политике фирмы они выступали с выключенным видеоизображением и голоса были явно модулированы.

В этот город не приглашали никого со стороны; мало того — всякий, кто подавал заявку на участие в одном из их мероприятий, оказывался вовлечен в такое количество бюрократических препон и проволочек, что, в конце концов, был вынужден отступить. Нельзя сказать, чтобы этот небольшой город в Новой Англии охранялся как военный объект, просто он с великой неохотой поддерживал личные контакты с внешним миром. Получить приглашение туда всегда было сложнее, чем на завтрак к президенту. А тут лично написали…

Отец, к которому я заехал попрощаться, встретил это известие целой бурей негодования.

— Что, в Инсмут?! — заорал он, подпрыгивая вместе с инвалидной коляской. — Откажись немедленно, этот город — сосредоточение зла! Отправляйся хоть в Австралию, хоть на Северный Полюс, только не туда, слышишь?! Или можешь опять фотографироваться для этого журнала, я и слова не скажу. Инсмут — проклятие нашей

семьи. Если бы я знал, что родители твоей матери из этого города, я бы тысячу раз подумал, прежде чем на ней жениться. Твой дед едва унес оттуда ноги, а он всего-навсего хотел навестить землю предков. Сейчас я тебе дам его записи… Да где же они?..

С мемуарами деда, который, если верить семейным преданиям, закончил свои дни в психиатрической лечебнице, я познакомился еще в раннем детстве и почему-то захотел оставить их у себя. Тем же вечером, вернувшись из бассейна пораньше, я еще раз перечитал их, но ничего нового для себя не обнаружил. Скорее всего, дед провел время с какой-нибудь красоткой и сочинил всю эту ужасающую историю, чтобы избежать скандала, на которые бабушка, судя по рассказам моего отца, была большой мастерицей.

Ни фотографий матери, ни деда с бабушкой у нас в доме никогда не было, во всяком случае, на глаза они мне не попадались. Отец клятвенно уверял, что старые снимки пропали во время пожара еще до моего рождения, а свои альбомы мама увезла, сбежав от нас с каким-то тренером по синхронному плаванию. От брата, который служил в подразделении боевых пловцов, иногда приходили письма, но ни в одном из них

не было его фото. Ничего не поделаешь, режим секретности.

Еще в детстве я перерыл весь дом в поисках хоть какого-нибудь изображения, но тщетно. Отец не признавал никаких фотографий кроме тех, которые нужны для документов, вроде водительского удостоверения. На мои вопросы, какой была мама, отец неизменно отвечал потоком ругани. Я даже не знал, как выглядел в раннем детстве. У всех в школе были целые альбомы, едва ли не с первого дня жизни, только я вынужден был довольствоваться обязательными школьными снимками.

Став взрослым, я постарался исправить эту несправедливость. Фотоаппарат, купленный на первые заработанные деньги, всегда был со мной. Вдруг неожиданно попадется удачный ракурс?

Отец ворчал, но уже ничего не мог со мной сделать. К его странностям я давно привык и старался не обращать внимания. Например, когда я забирался в ванну на целый день, он громко стучал в дверь и орал, что еще немного, и я превращусь в такую же жабу, как моя родительница.

Одним словом, скандал разгорелся нешу-

точный, но в этот раз я и не думал сдаваться. Отказаться от поездки, после которой вполне могут предложить повышение?! Ну, уж нет! Раз уж я, хоть и не совсем добровольно, работаю в концерне «Аквафильтр», то должен хотя бы подняться по карьерной лестнице как можно выше.

***

На следующее утро, с неохотой выбравшись из персонального джакузи, и пару раз сфотографировавшись за завтраком и в дверях ванной, я сел в свой почти новый «субару» и направился в Инсмут.

Почему бы не начать путешествие именно так, как много лет назад сделал это дед?

Вместо того чтобы сразу выехать на шоссе, я завернул на площадь перед торговым центром, где когда-то находился Старый рынок. Аптека Хэммонда и Макдональд, на месте упомянутого в мемуарах кафе, как ни странно, сохранились. Вскоре я увидел и автобус, по-прежнему единственный, совершающий рейсы через Инсмут. Вместо грязной развалюхи к остановке подъехал самый обычный «Икарус» с рекламой питьевой воды, покрывающей его стенки сверху донизу и, к моему большому сожалению, не дающей

возможности рассмотреть тех, кто находится внутри.

Двери автобуса открылись, и наружу вышло трое молодых парней, которые сразу направились к уличному окошку кафе. Взяв по большому стакану чая, они с видимым удовольствием принялись поглощать обжигающий напиток. Вскоре к ним присоединился и водитель — неповоротливый толстяк в спортивном костюме и бейсболке, низко надвинутой на глаза. Ничего особенного, обычные жители пригорода, которые занимаются физическим трудом и проводят свой досуг в баре на соседней улице.

Уже подъезжая к городу, я заметил полицейский пост, рядом с которым стоял большой красочный указатель:

«Национальный заповедник, Инсмутские солончаковые болота. Охраняется государством, въезд только по разрешающим документам».

При виде моего приглашения полицейский, форма которого странно топорщилась на спине, расплылся в широкой улыбке и сделал знак проезжать.

Окрестности города не имели ничего общего с тем, что так живо описал мой дед. Ни ужасающих развалин, ни запущенных садов, ни

зловонных куч рыбных потрохов. Чистый воздух, в котором ощущается дыхание моря, запах водорослей навевает лишь самые приятные мысли.

По обе стороны шоссе виднелись чистенькие двухэтажные домики, перед каждым бассейн или фонтан в виде рыбы или какой-то морской живности. Ничего удивительного: в городе, живущем в основном рыбной ловлей, это и должно быть своего рода брендом. Все окна вторых этажей были фальшивыми, либо наглухо закрыты ставнями. Помнится, дед о чем-то таком упоминал…

Проезжая, я заметил детишек, весело плескавшихся в фонтане, женщину, поливающую клумбу из шланга. Вокруг столика, поставленного прямо в воду, увлеченно играла в лото компания почтенных дам в соломенных шляпках и громадных темных очках.

Следуя приложенному к приглашению плану проезда, я направился по центральной улице, застроенной прекрасно сохранившимися зданиями позапрошлого века. На улице мне не встретилось ни одного человека. Хотя, что в этом удивительного? Начало двенадцатого: взрослое население на работе, а пенсионеры смотрят утренний сериал.

На центральной площади сразу бросилось

в глаза огромное изваяние из белого мрамора, изображающее существо, одновременно похожее на человека, рыбу и кого-то из земноводных. Покрытое чешуей туловище на мощных перепончатых лапах, голова вся в острых шипах и уродливая лягушачья морда, на которой неизвестный мне скульптор запечатлел совершенно человеческое выражение. Растянув толстогубый рот в глумливой ухмылке, существо смотрело на меня с насмешливой снисходительностью.

Казалось, это создание знает обо всех моих слабостях и о каждом из моих проступков, начиная от кражи шоколадки в супермаркете. Знает и скорее поощряет их, чем осуждает…

Я поспешил проехать дальше и вскоре, переехав через мост и по дороге сфотографировавшись на фоне водопада, затормозил перед трехэтажным зданием с куполом. А вот и гостиница «Джилмен-Хауз», указанная в моем приглашении. Признаться, я испытал некоторый страх, поднимаясь по каменным ступеням и открывая массивную дубовую дверь. Если верить всему, что написал дед в своих мемуарах, именно отсюда ему пришлось убегать через окно, скрываясь от злоумышленников, желавших отвезти его на Риф Дьявола и скормить какому-то древнему

божеству. В фантазии моим родственникам явно не откажешь.

В вестибюле пожилой портье неуклюже поднялся мне навстречу.

— Добро пожаловать, мистер Уилсон! Для вас приготовлен номер с видом на море. Второй этаж и сразу направо.

Украдкой я бросил взгляд на руку, протягивающую мне ключ, но к некоторому разочарованию не заметил ни чешуи, ни перепонок. Узкая бледная кисть с тонкими длинными пальцами. В рекламу перчаток взяли бы вне конкурса…

Коридоры гостиницы, также совершенно безлюдной, отличались от множества уже виденных мной разве что обилием фотографий с морскими видами и большим аквариумом в холле. Номер, тоже оказался достаточно уютным. Особенно ванная комната, с миниатюрным мраморным бассейном и мозаичными стенами.

Не меньше часа я потратил, чтобы разложить и развесить в шкафу всю привезенную с собой одежду. Строгий костюм — светлый, для теплого времени года, несколько рубашек в тон, галстуки, ансамбль для коктейля, торжественного приема и, конечно, все необходимое для посещения бассейна.

После завтрака, который принесли прямо в номер, зазвонил телефонный аппарат, стоящий здесь, наверно, с позапрошлого века. Меня приглашали на экскурсию по Инсмуту и окрестностям. Мой персональный гид ожидает в вестибюле.

— Доброе утро, я Джулия Ален, — представилась блондинка в элегантном светло-зеленом костюме. — Экскурсионное бюро Зедока Алена. Сегодня я познакомлю вас с нашим городом и окрестностями.

— Зедок Ален? — удивленно переспросил я, вспомнив о старом пьянице, когда-то напугавшем моего деда своими россказнями.

— Это дядя моего отца, — улыбнулась экскурсовод. — Именно он, вопреки распространенному стереотипу, по своей инициативе первым начал общаться с гостями нашего города, рассказывая им об его удивительной истории и богатых культурных традициях. Постараюсь, чтобы мой рассказ оказался не менее интересным. Мы посетим исторический центр города, ювелирную фабрику Марша и краеведческий музей с картинной галереей.

— А Риф Дьявола? — выпалил я неожиданно сам для себя.

— Сегодня там проводится спортивное мероприятие. А потом ожидается ухудшение погоды, — ответила Джулия, безмятежно глядя серыми чуть навыкате глазами.

***

— Перед нами статуя Дагона, божества, покровительствующего морякам и рыболовам, — начала мой персональный гид, когда мы снова оказались на центральной площади. — Статуя создана в начале восемнадцатого столетия по рисункам, привезенным капитаном Абелем из экспедиции на острова Пасхи. За ним резиденция Союза Дагона, который располагается в здании бывшего костела, закрытого примерно в тот же исторический период…

Центр города поражал просто неправдоподобной чистотой. Тщательно отреставрированные особняки девятнадцатого века, постриженные газоны, окна, все как одно закрытые занавесками с непременными изображениями рыбок и якорей. Каждый булыжник на мостовой, казалось, оттирали до блеска. И буквально на каждом углу небольшое кафе или автомат с чаем или кофе.

— Культурные традиции нашего города сформировались под влиянием содружества

с населением островов Пасхи и морским народом, — продолжала Джулия, опустошив уже которую по счету чашечку бодрящего напитка.

Судя по всему, капитан Абель здесь был чем-то вроде культовой фигуры. В картинной галерее я увидел целую серию монументальных полотен, увековечивающих каждый эпизод его экспедиции на острова Тихого океана.

Капитан в пышном средневековом костюме шагает навстречу делегации туземцев, всячески демонстрирующих свою радость. Благообразные моряки держат приветственные дары — книги, глобус и почему-то миниатюрный телескоп. В руках у темнокожих островитян гирлянды цветов и поднос с золотыми украшениями… Капитан почтительно обнажил голову перед величественным каменным идолом… Король островитян выдает за капитана свою любимую дочь… Чернокожий колдун направляет целые стаи рыб к берегам Инсмута…

Отдельный зал занимало драматическое полотно «Морской народ спасает жителей Инсмута от эпидемии 1846 года». Обессиленные, страдающие люди на берегу с надеждой протягивают руки в сторону моря. Из его глубин всплывают неясные фигуры, держащие в перепончатых ру-

ках раковины, от которых исходит сияние. Те же создания удаляются к виднеющемуся на горизонте рифу, бережно держа больных на руках. Как пояснила мой экскурсовод, там самоотверженно трудились целители с островов, специально прибывшие в Инсмут.

Покрытый золотом бюст капитана красовался в главном зале музея ювелирной фабрики Марша. Единственное, что мне удалось о ней узнать: здесь занимаются изготовлением украшений на заказ по оригинальным технологиям и на уникальном историческом оборудовании.

Украшения, разложенные и развешенные в витринах на темно-синем бархате, притягивали взгляд, одновременно заставляя восхищаться и обмирать от ужаса. Серьги, браслеты и головные уборы были одновременно изящны и безобразны, гармоничны и в то же время лишены всякого намека на привычную эстетику.

У меня в памяти всплыла картина раннего детства. Женское лицо, склонившееся надо мной, серьги с длинными подвесками в виде омаров и морских змеев… Я смеюсь и пытаюсь их поймать своими младенческими ручками… Нет, наверное, это был эпизод из какого-то фильма.

Остальное показалось мне довольно скучным:

бесконечные фотографии с соревнований по плаванию среди молодежи, новости клуба юных дайверов, конкурс детского рисунка «Дагон любит меня», книги и монографии, посвященные различным аспектам экологии и гигиены.

К концу экскурсии я окончательно пришел к выводу: на самом деле все проще некуда. Желающие провести время на море быстренько превратили бы этот чистенький город в подобие тысячи замусоренных и заплеванных курортных местечек, где местным жителям не очень-то уютно. А страшная история служит своего рода сдерживающим фактором.

По совету Джулии я отправился ужинать в ресторанчик на улице Фиш. Блюда и, правда, оказались выше всех похвал, особенно запеканка из знаменитых инсмутских омаров. Единственное, что немного портило впечатление: я с большим трудом добился, чтобы мне принесли стакан «пепси». Похоже, прохладительные напитки были здесь не в почете.

***

Вернувшись в гостиницу, я почувствовал себя настолько усталым, что всего два раза сфотографировался в новой пижаме и один раз в плавках

на фоне мозаичной стены ванной.

Растянувшись на просторной кровати с балдахином, я уже был готов нырнуть в сон, как вдруг мое внимание привлекли странные звуки. Совсем рядом раздавались чьи-то шаркающие шаги, непонятное бормотание. Наверно, на семинар прибыл кто-то еще; судя по походке, старик с ревматизмом. Но неужели стены здесь настолько тонкие?

Страшная история, изложенная дедом в мемуарах, представала передо мной в новом свете. Передо мной, будто на экране ноутбука, возник бедно обставленный номер, молодой мужчина в старомодном костюме торопливо прикручивает на дверь снятую кем-то задвижку. Придвинув комод к двери, ведущей в соседний номер, он прямо в одежде ложится на кровать, чутко прислушиваясь к каждому звуку…

Мужчина выпрыгивает из окна на ветхую крышу пристройки, дверь номера трещит под ударами тяжелого предмета и, наконец, падает…

Сперва я решил, что это продолжается сон. Украшенная декоративными панелями стена комнаты отодвинулась в сторону, будто дверца шкафа-купе. Из кромешной темноты прямо ко мне устремилась целая толпа ужасающих

тварей.

Одни были похожи на людей после многодневного пьянства, другие напоминали ящериц, неуклюже ковыляющих на задних лапах, некоторые перекатывались подобно бесформенным комкам слизи. Пучеглазые покрытые чешуей существа переговаривались бормочущими вибрирующими голосами. Неудивительно, что из-за старого ревматика за стеной мне снятся такие ужастики. Надо будет попросить, чтобы кого-то из нас переселили…

Но тут до меня докатилась волна запаха. Пахло тухлой застоявшейся водой, болотной тиной, морской рыбой и еще чем-то непередаваемо омерзительным. Так значит, это не сон?! Не успел я это подумать, как тварь, похожая на огромного угря, зачем-то отрастившего себе короткие руки и ноги, попыталась набросить на меня нечто вроде рыболовной сети. Кинув в него подушкой, я откатился к краю кровати, судорожно пытаясь вспомнить, что находится под окном моей комнаты. Похоже, мне повезло гораздо меньше, чем деду.

Едва я собрался поставить ногу на подоконник, как в нее острыми зубами вцепился какой-то шар, сплошь покрытый шипами и костяными

наростами. По всему телу моментально распространился холод, голова закружилась, и все вокруг потонуло в беспорядочно клубящемся тумане.

***

Очнувшись, я увидел ночное небо с удивительно яркими звездами. Моего лица коснулся свежий морской ветерок. Что-то подо мной раскачивалось, будто качели в парке аттракционов, куда отец иногда водил меня.

Я попытался пошевелиться, но ничего не получилось: что-то спутывало меня с головы до ног. Повертев головой, я увидел, что лежу в большой старой лодке. На влажных холодных досках! И моя новая пижама, наверно, вся перепачкана. Но как я сюда попал?

В этот момент плавное раскачивание прекратилось, и в поле моего зрения возникла страшная рожа, вроде тех, что рисуют на стенах в неблагополучном районе. Существо, похожее на увеличенного в сотню раз морского окуня, разглядывало меня, будто упаковку котлет в супермаркете.

— Кто вы? — едва выговорил я непослушным языком. — Что вам от меня надо? Я здесь по при-

глашению…

В ответ раздались все те же невнятные булькающие звуки, в которых ясно прозвучало слово «Дагон».

— Я не давал согласия участвовать ни в каком розыгрыше! Я хочу вернуться в гостиницу, слышите?!

Но на мои слова никто не отреагировал. Холодная склизкая рука — нет, щупальце! — схватило меня поперек туловища и легко подняло в воздух. Единственное, что я мог сделать, это вертеть головой в разные стороны. Именно так я и поступил, пытаясь разобраться, куда меня увезли и как мне выкрутиться из этой идиотской ситуации.

Со всех сторон меня окружало море — темная бурная вода, в которой отражались дрожащие огоньки звезд. Впрочем, огоньки были и с другой стороны, с той, где высилась большая груда камней. Судя по всему, там собралась целая толпа, где каждый держал фонарик или что-то в этом роде. Внизу плясала на волнах лодка, на которой меня и доставили сюда.

Кто-то в костюме не то осьминога, не то кальмара, продолжал держать меня на весу, демонстрируя остальным. Со стороны острова послышался нестройный многоголосый вой.

Не опуская на землю, меня несли вглубь острова, а затем куда-то наверх. Огоньки выхватывали из темноты ужасающие физиономии. Интересно, какой дряни накурился тот, кто придумал этот омерзительный маскарад?

Тем временем меня подняли на вершину скалы и уложили на что-то жесткое и ужасающе холодное. Только еще простудиться не хватало!

Нечто крабообразное приблизилось, держа в зубчатой клешне страховидный каменный нож. Мгновение — и рыболовная сеть распалась, возвращая мне способность двигаться. Но не успел я обрадоваться, как нож распорол мою пижаму, а она недешево мне обошлась даже на рождественской распродаже!

Увидев, что каменное лезвие снова поднимается надо мной, я перестал воспринимать происходящее как безобидный розыгрыш. Еще секунда, и меня выпотрошат будто рыбу!

С криком вскочив, я постарался отпрыгнуть от кошмарной твари, но меня тут же схватило множество таких же, а может еще худших созданий. Дальнейшего я не запомнил: я кричал, отбивался изо всех сил, даже вцепился зубами в чью-то руку, прокусив тонкую чешую и при этом ощутив бешеный первобытный восторг.

Но это оказался лишь кратковременный успех: в меня вцепилось множество лап, клешней и щупалец. Из последних сил я лягнул кого-то держащего меня сзади, но лишь отбил ногу.

Кромка воды и лодка, которая могла стать средством спасения, были так близко и в то же время до них было не добраться…

В отчаянии я испустил пронзительный вопль, достойный самого упертого фаната, увидевшего, что его команда позорно проигрывает новичкам. Словно в ответ черная морская вода вдруг забурлила, и оттуда появилось несколько фигур, похожих на представителей морского народа с одной из картин, которые я видел в картинной галерее Инсмута. Правда, вместо раковин в руках у них было вполне современное оружие. Очередь в воздух заставила моих похитителей разбежаться в разные стороны.

Прямо ко мне двинулась высокая фигура, с головы до ног покрытая зеленой чешуей. Еще раз взвизгнув, я схватил брошенный злоумышленником нож и вскочил на каменный уступ, намереваясь дорого продать свою жизнь. Сделав еще пару шагов, незнакомец снял маску. Под ней оказалось человеческое лицо, которое после всех пережитых ужасов показалось мне невероятно

симпатичным.

— Ну, здравствуй, братишка! — весело произнес мой спаситель. — Долго же ты до нас добирался.

Несколько дней спустя

Семинар по экологии оказался достаточно увлекательным. Мне, как почетному гостю, выделили персональный мини-бассейн в первом ряду. А потом я отправил по электронной почте несколько писем: заявление об уходе руководству фирмы и отцу, которого я извещал, что остаюсь в Инсмуте. Я хочу, наконец, познакомиться со своими родственниками. Кстати, мама оказалась не такой уж и жабой, разве что внешне. Оказывается, с возрастом я стану больше похожим на нее, чем на отца, но для моей новой работы это является скорее плюсом.

Принесенная мною клятва Дагону стала надежной защитой от всяких рыбообразных. Эти шпроты-переростки считают, будто их клан угоднее Великому, Живущему в морских глубинах. Но мой брат со своими ребятами им еще покажет! Джулия, его невеста, тоже довольна, что я остаюсь. Никто еще так внимательно не слушал ее рассказы о старом Инсмуте.

Сегодня я загрузил на свою страничку новую

порцию снимков: я в новой пижаме на фоне развалин фермы, в плавках на мосту и на набережной в парадном летнем ансамбле. Скоро у меня не будет так много свободного времени: надо готовиться к показу новых моделей спортивной одежды, а еще впереди участие в демонстрации защитных костюмов и дефиле по случаю очередного жертвоприношения.

Бирюзовый кошмар
Кирилл Свидельский

Бессонница — твой хороший друг, если ты работаешь ночным сторожем. В отличие от отсутствия ноги, к сожалению. Будь ты хоть трижды героем, морпехом и крутым парнем с десятком медалей на груди, для работодателей ты все равно в первую очередь будешь инвалидом. Сэм давно это понял, потому не отказывался ни от какой работы. Даже, если ее считали проклятой.

Парковка для грузовиков располагалась у въезда в Сан-Сити, на плато около железной дороги. Идеально плоская площадка, освещенная редкими желтушными фонарями, была единственным светлым пятном в чернильных ноябрьских ночах. Лишь огни проезжающих поездов и огни Сан-Сити, простиравшегося ниже плато, прошивали тьму, но город отсюда казался далеким и размытым, таким же, как проносящиеся мимо грохочущие составы.

Говорили, что на этой работе мало кто задерживался. Кто-то увольнялся, кто-то просто исчезал. Часто пропадали и дальнобойщики, и никто

не мог сказать, почему эти ворота в Сан-Сити пропускали одних и поглощали других. Возможно, дело было в бандах. Или в грохоте поездов, сводивших ночных сторожей с ума. А может они просто не могли больше взирать с высоты на размытые огни ночного города и убегали прочь от него, куда глаза глядят. Или их забирали призраки. Или инопланетяне.

Сэму было все равно — есть определенный предел, после которого человек уже не может чувствовать страх, ведь страх поселяется в нем так глубоко, укореняется так прочно, что становится неотъемлемой частью его личности. Внутренние демоны опустошили Сэма давно, после той чернейшей ночи в Мукуре, все ночи сержанта Сэмюэля Томпсона были одинаково непроглядно черны.

В Афганистане он потерял все: ногу, друзей, сон и душевное спокойствие, вернувшись оттуда пустой оболочкой, выгорающей изнутри от постоянного, задвинутого в подсознание ужаса, что прорывался наружу в окрашенных в алые цвета ночных кошмарах. Потому Сэм предпочитал спать как можно меньше, а лучше не спать вообще.

Работа ночного сторожа, пусть и за городом,

пусть и в месте, имеющем дурную славу, была для одноногого безработного парня с ПТСР манной небесной. Ни психологического обследования, ни вопросов про службу, личную жизнь и отсутствующую ногу, тучный мужчина, представлявший владельца парковки, предложил ему выходить на работу на следующий день после собеседования.

Раньше Сэм слышал об этом месте в дешевых барах, где пил с такими же потерянными, как он сам, но, черт подери, это же Сан-Сити — здесь страшные легенды ходили практически обо всем.

В любом случае, выбирать Томпсону не приходилось.

***

Грузовиков на стоянке было немного, всего пять штук осталось перед наступлением темноты. Желтый свет фонарей выхватывал из сумрака силуэты фур и проносящиеся с порывами ветра последние осенние листья. Сочетание желтого и черного, болезненное, тревожное, здесь сон вряд ли подступил бы к Сэму достаточно близко.

Томпсон работал уже почти месяц — и кроме бездонной черноты неба и ледяного ноябрьского

ветра, пронизывающего плато и стоянку, других проблем Сэм не замечал. Лишь пару раз за все время он погружался в дрему, но крики, кровь и грохот автоматных очередей в каньоне, вкус песка на языке и боль в отсутствующей ноге быстро вырывали его из сна. Врач говорил ему, что фантомные боли должны были пройти, скоро, вот-вот, но со дня того проклятого боя он ни на секунду не переставал чувствовать свою ногу, то ноющую, то горящую огнем.

На парковке, обычно пустой, Сэм заметил движение — ничего необычного, всего лишь пьяный дальнобойщик плелся спать в свою фуру. Некоторые из них предпочитали ночевать там, не тратясь на мотели, расположенные вниз по дороге, или тратясь исключительно на расположенные там же бары. В основном не местные, жители Сан-Сити знали о дурной славе этого места, предпочитая держаться от него подальше, особенно по ночам.

Дальнобойщик остановился посреди парковки, полупустая бутылка виски выскользнула у него из рук, но он, к удивлению Томпсона, не обратил на нее ни малейшего внимания. Взгляд его был устремлен куда-то дальше, туда, где желтизну фонарей изгоняло голубоватое свечение, посте-

пенно растекающееся по плато.

Дальнобойщик замер в неестественной позе, словно восковая фигура или гипсовая статуя. Его взгляд был прикован к источнику странного свечения.

Невообразимое создание плыло меж фур, медленно приближаясь к центру плато и замершему человеку. Светящееся существо напоминало медузу своими движениями, словно его несло течением, но не по воде, а по воздуху, его тело состояло из невообразимого переплетения тончайших бирюзовых лент, постоянно находящихся в движении, сплетающихся, извивающихся, словно водоросли, движимые водным потоком.

В центре этого бесконечного движения была сфера — идеальная, зеркальная, излучающая гипнотический холодный звездный свет — око неведомого или жемчужина, защищенная щупальцами-стражами.

Сэм не мог оторвать глаз от этого существа, от его свечения боль в ноге уходила, будто ее никогда и не было, а алый цвет боли и ярости, всегда стоящий задним фоном за всем видимым Сэмом с той ночи в Мукуре, сменялся аквамариновым умиротворением.

Сэм тянулся к этому свету, стремился к нему,

как и дальнобойщик, неверным шагом начавший двигаться навстречу существу. Оно словно распростерло для путника объятия, открыв для него свой жемчужный сияющий глаз. А затем щупальца сомкнулись вокруг мужчины, проникнув под его кожу, прошив его плоть, скрутив и выжав его. Он не издал ни звука, лишь дернулся пару раз, но вскоре его конвульсии прекратились, и существо начало постепенно выпивать… нет, скорее растворять плоть мертвеца, пока, в течение буквально пары минут, от него ничего не осталось.

Покой сменился в душе Сэма на невообразимый ужас. Существо, закончив трапезу, обратило свой глаз, полный звездного света на Томпсона, и, не смотря на сдавивший его грудную клетку, ужас, Сэм все еще внутренне стремился к этому свету и покою, что он сулил.

Сэм сделал шаг по направлению к чудовищу. Затем еще один. На третьем его ноги подкосились, протез соскользнул, и Томпсон повалился на пол сторожки.

Это падение отрезвило его. Пусть бирюзовый свет и манил, воля Сэма к жизни была сильнее. Так было в Мукуре, так будет и сейчас.

Изо всех сил он попытался прогнать свечение

из своей головы, заменить его на цвета черной сажи и алой крови. Кровь. Кровь вокруг. Кровь хлещет из горла солдата, когда Сэм тянет его к укрытию. Они кричат. Весь его взвод кричит, сгорая в огне взрывов. Огонь. Огонь и грохот. Ужас. Ужас и боль. Спасительная очистительная боль. Сэм концентрируется на ней, на своей отсутствующей ноге, вцепляется в нее, заставляет себя почувствовать каждый ее нерв.

И это спасает его, позволяет изгнать бирюзовый успокаивающий, нет, мертвенный свет из головы. Существо нависает над ним, стискивает своими щупальцами его волю. А затем все прекращается. Свет пропадает так же неожиданно, как и появился. И лишь гул проходящего мимо поезда говорит Сэму о том, что он не в Афганистане, и что жизнь все еще не покинула его.

***

Сэм не стал бежать. Он не уволился, даже не попытался найти другую работу. Он знал, что мир работает не так, что ужас не уходит, он остается в тебе навсегда, скрываясь под покровом сознания и лишь ожидая момента, чтобы выплеснуться наружу. Сэм все еще был в Мукуре, всегда был в Мукуре, так же как всегда был на той

парковке, когда его воля трескалась под бирюзовым всепроникающим светом. Он не хотел вечно жить в этих двух настоящих моментах, двух не проходящих кошмарах, а значит, он должен был покончиться хотя бы с одним из них.

Значит, пришла пора делать то, что всегда делал хороший солдат перед боем — готовиться. Несмотря на все безумие ситуации, впервые после возвращения из Афганистана Сэм знал, зачем он живет, что он должен делать, видел свою цель. Пусть это существо и выходило за границу всего того, с чем раньше сталкивался Томпсон, но его суть была понятна. Идеальный хищник, которому даже не нужно преследовать жертву. Она сама идет к нему, словно беспечный моряк, следующий за пением сирен.

И Сэму не было важно, откуда пришел этот совершенный охотник, с каких планет или из каких неведомых измерений. На войне было не важно, какой расы или религии твой противник, идеологии отступали тогда, когда звучал первый выстрел, в этот момент речь шла только о биологическом выживании, базовом инстинкте — убей или будь убитым.

Пригодился военный опыт, Сэм спланировал все свои действия на случай возвращения тва-

ри — в его сторожке стоял помповый дробовик, лежали сорок патронов к нему, кроме того, Сэм подготовил для чудовища еще один сюрприз. Огонь и серу, запах напалма поутру, одним словом, Томпсон был готов сжечь все плато, если бы того потребовала миссия.

Снег покрыл Сан-Сити, и небо приобрело зимний фиолетовый отлив, когда существо вернулось.

Ожидание тяготило, но и покой, что Сэм ощутил с появлением врага, был ложным. Он знал, что это не истинное спокойствие в эпицентре шторма, но ложная, беспечная легкость, которую потусторонний голубой свет посеял в нем. Сэм не поддался этому чувству и спустил курок. Ружейный грохот потонул в гуле несущегося мимо поезда. Тварь не шелохнулась, словно картечь пролетела сквозь нее, не причинив пребывающему в бесконечном движении щупалец ни малейшего вреда.

Сэм дрогнул, каждая секунда промедления была опасна, он не мог задерживать свой взгляд на этом существе, иначе оно бы подчинило его, сломило, затуманило его разум, обратив воина в покорную овцу на бойне. Томпсон сконцентрировался на своей ноге. Боль. Боль отрезвляла. Он

сделал еще один выстрел, целясь в жемчужное око существа. Похоже, картечь прошла немного ниже, даже не задев врага.

Сэм рухнул на пол. Еще мгновение, и свет подчинил бы его. Он зарядил два патрона взамен использованных и вновь поднялся. Голубое свечение заливало всю парковку — на ней было светлее, чем в самый ясный и солнечный день, можно было различить в мельчайших деталях каждую снежинку, танцующую в прозрачном холодном воздухе.

Огонь. Огонь и крики. Сэм зажмурился, своим внутренним взором он хотел видеть перед прицелом талиба, старого, известного врага, но звездное око смотрело ему в глаза даже через плотно зажмуренные веки.

Томпсон стрелял вслепую, последние отчаянные меры, но и они не смогли остановить приближение существа. Сэм хотел сдаться, боже, никто даже не мог представить, как хотел. В конечном итоге ради чего ему сражаться? Почему не отдаться, наконец, покою и не покончить со своими кошмарами раз и навсегда? Но он в Мукуре, всегда в Мукуре, а остальное не имеет значения.

Щупальца уже начинают пробираться в сто-

рожку, планомерно, почти нежно, ощупывая каждый миллиметр пола в поисках своей жертвы, когда Сэм приводит детонатор в действие. Огонь и сера, он обрушит огонь и серу на врагов своих. Все звуки перестают существовать. Мир пропадает в алых всполохах, звездную синеву сменяет алый и черный, все оттенки огня и крови, и бесконечная чернота неба над головой.

***

Обычно ночные сторожа увольнялись, иногда пропадали, а вот этот сошел с ума, заминировал стоянку и подорвал себя. Хороший урок больше не брать отставных вояк охранять частную собственность. Благо, что его бомба оказалась не слишком мощной, уничтожив лишь сторожку и не причинив вреда фурам. Этот псих даже умудрился выжить. Правда, никто из врачей не мог точно сказать, сколько он еще протянет. Что же, некоторые просто никогда не возвращаются с войны.

***

Сэм лежал под капельницей, все его тело горело. Он не знал, что осталось от него, ведь, как и в случае с ногой, он не мог доверять свои

чувствам — в особенности чувству боли. Он хотел бы умереть, вернее, просто хотел, чтобы боль прекратилась, и не видел других возможностей избавиться от неё, кроме смерти. Мир в его глазах вновь был залит алым. Сэм не знал, сколько времени он провел в агонии прежде, чем голубой свет начал заполнять палату, забирая боль, тревогу и все терзавшие его кошмары.

Стая
Андрей Скорпио

Вокруг поселка городского типа «Росы» давно ходят споры. Дело в том, что одной частью он упирается в лес и вроде бы заканчивается, но из-за ошибки в планах, еще в момент основания, границы поселка обрываются чуть дальше, в нескольких километров вглубь. В народе этот огрызок прозвали «Малыми Росами». Власти попеременно поднимали вопрос о расселении стоящих в лесной глуши домишек с дальнейшим заселением людей в поселке, но так до конца ничего и не решили.

Людей в «Малых Росах» насчитывалось немного, но этого вполне хватало, чтобы спокойно выживать: кто-то сажал овощи, кто-то охотился, кто-то руководил и следил за порядком. В конюшне жила единственная здоровая лошадь, на которой вспахивали скудный огород. Вот только с учебой и медициной было плохо. Грамоте в основном обучали дома, либо отправляли детей в школу в «Росы», когда туда можно было пройти. Люди в деревеньке жили неприхотливо,

но сплоченно.

По единственной кособокой (когда ее не размывало) дороге раз в несколько дней ходил автобус. Привозил кое-какие продукты и забирал на базу излишек овощей и зверья.

Совсем рядом с деревенькой находилось болото, так что бабы приносили в корзинках или подолах крупную клюкву и морошку, а по дороге прихватывали грибы или чернику.

За порядком следили двое: милиционер Иван Прокопов и старый егерь Михалыч. Преступлений в деревеньке не было — все друг друга знали, а новые люди появлялись нечасто. Несмотря на тесное сожительство, детей рождалось мало.

Рядом с «Росами» (тогда поселок называл «Степино») в начале двадцатого века в лесу жила замкнутая община. Знали о ней мало и приближаться не рисковали. Говорят, что однажды появилась странная процессия. Вел ее человек в черном. Он был похож на священника, только вместо креста на груди висел странный медальон — весь в завитках, покрытый непонятными символами. За человеком в черном шла лошадь с телегой, в которой сидели ребята от семи до десяти лет. А замыкали шествие мужики и бабы в длинных до земли одеждах.

Жители «Степино» крестились и хмуро, с тревогой смотрели вслед. Дети плакали, а старики хватались за сердце.

Через несколько лет двое любопытных случайно набрели на поселение в лесу. Несколько хижин, а посередине высотой в три-четыре метра громоздилась черная церквушка, где как раз выступал тот самый человек с медальоном. Возле него на коленях стояли жители. Любопытные заметили две странности: никто не крестился, и стояла почти гробовая тишина. Даже голос человека в черном казался не громче шелеста ветра. После того случая, еще несколько человек побывали в странном поселении, и каждый из них возвращался встревоженный и напуганный.

А потом произошли сразу два события. Первое — пахарь Семен напился и уснул прямо в поле. Его разбудило странное свечение, которое шло из леса. Будучи в стельку пьяным, Семен не внял голосу разума и отправился лично посмотреть «что де творит сей окаянный черт в рясе». То, что он увидел, заставило его с криками броситься наутек. Естественно, даже при всей нелюбви к поселянам, никто не поверил в россказни о горбатых собаках, которые вылезали

из церквушки.

Второе же событие заметили не сразу. Дети в «Степино» стали часто хворать, некоторые умерли странной и загадочной смертью. Неизвестная вспышка подкосила половину ребятишек, а мертвые напоминали сморщенных щенят. В довершении всего пропали три девки и несколько стариков.

Во всем винили человека в черном и его общину. Чтобы усмирить люд двое самых уважаемых жителей «Степино» направились к черной церквушке, дабы основательно поговорить с главой поселения. Вернулись они бледные с трясущимися губами.

— У них нет детей… всех как корова языком слизала… и только ужасный смрад из церкви… — шептал один.

— А еще, — подхватил другой, — там стены в чем-то вымазаны и мухи… Господи, сколько же там мух… они роятся, крупные, наглые… а эти-то, стоят и смотрят на нас, а у самих в глазах голод…

Что было потом никто не знает. Говорят, что случился пожар, и часть леса сгорела. «Степино» чудом не пострадало. А жители потихоньку начали покидать насиженные места и перебирались ближе к столице.

С тех пор прошло лет пятьдесят. Советы переименовали «Степино» и возродили городок. Из старожилов никого не осталось, так что слух о церквушке стал суеверием.

О черном человеке мы узнали совершенно случайно. Как-то раз отец притащил газету, которую привез Федор — шофер автобуса.

Статья называлась «глупость антисоветского человека». Я тогда мало, что в этом понимал. Моя сестра Любка была старше на два года и с серьезным видом водила пальцем по строчкам. Она читала лучше меня и поэтому корчила из себя жуткую всезнайку.

«Ка-кие толь-ко суе… суевве… суеве-рия не были в хо-ду у лю-дей в ста-ри-ну, — читала она вслух, — в то вре-мя, ког-да со-ветс-кий че-ло-век по-ко-ряет кос-мос, стро-ит до-ро-ги и про-кла-дывает же-лез-но до-рож-ные пу-ти, ста-ри-ки до сих пор ве-рят во вся-кую чер-товс… чер-тов…»

— Чертовщину, — подсказала мать, не отрываясь от починки моих штанов.

— Ага, — кивнула Любка и продолжила, — чертов-щи-ну. Сов-сем не-дав-но в на-шу ре-дак-цию пос-ту-пи-ло пись-мо от доч-ки граж-да-ни-на Обу-хо-ва. Мол, ее отец лич-но ви-дел чер-тей и са-мо-го са-та-ну, ко-то-рых из-вел вмес-те

с со-се-дя-ми. Мол, ког-да то в ле-су на гра-ни-це по-сел-ка Ро-сы…

— Ой, — воскликнул я, — это же мы!

— Ну-ка дай, — мать выхватила газету и дочитала, — … на границе поселка «Росы» было посе-ление с черной церквушкой. Главным у них был человек в черном, из-за кото-рого в «Степино» (раннее название «Росов») боле-ли и умира-ли дети. Не стану утом-лять вас долгими рос-сказ-нями Обухова, скажу лишь, что он собрался вместе с соседями и положил этому конец. А еще в письме гово-рится про горбатых чертей и прочие мерзости, которые мог при-думать только антисоветский человек. Всем известно, что с соседями в старину соби-рались только для одного дела. Видимо, в про-цессе этого самого дела гражданину Обухову и привиделись черти.

Мать отложила газету и фыркнула.

— А что, если в лесу и сейчас живет черный человек? — испугался я, — охотники говорили, что видели…

— Не говори глупости и меньше слушай других. Тебе наговорили, а ты поверил, как балбес. Может, когда-то там и жили люди, а потом ушли. Иди лучше узнай как у отца дела, а то так и будет весь день трещать с Федором.

Я вздохнул и поплелся на улицу. К счастью, отец уже закончил и довольный возвращался обратно, неся в руках какой-то сверток.

— Держи, это вам с Любкой, — он взлохматил мне волосы и развернул бумагу.

Там оказался немного уродливый, но приятно пахнущий пряник.

— Спасибо, — выкрикнула Любка и выхватила у меня из рук подарок.

— Эй, отдай!

Но сестра, довольно хохоча, бросилась наутек.

Газета прошлась по рукам. Новостей в деревеньке было мало и поэтому статью о черном человеке мусолили на каждом углу. Нет, написано-то в газете было много: про вручение грамот, перевыполнение плана и тому подобные вещи. Нам это было неинтересно. А вот история церквушки в лесу даже сподвигла некоторых отправиться в лес и лично посмотреть на старые развалины.

— Фома, ну зачем ты притащил эту газету, — все время сетовал Михалыч, — делать нам что ли нечего, как выискивать бездельников по всему лесу? А ну, как волки нападут?

Михалыч никак не мог успокоиться, и тогда отцу пришлось в перерывах между работой брать

свое старенькое ружье и вместе с Прокоповым прочесывать лес.

Похоже, история о черном человеке стала своего рода игрой, которая развлекала мужиков, не говоря о молодых и даже совсем пацанах. С другой стороны, какие еще развлечения были у нас? Песни, пляски да посиделки с соседями?

Постепенно, люди возвращались к привычному образу жизни, а история церквушки стала забываться. Прошло три года, мне исполнилось двенадцать, сестре четырнадцать. Однажды я случайно заметил, как Сашка-Филин вечером провожал сестру до нашего дома. Они держались за руки. Весь вечер Любка была радостная, что-то напевала и краснела, стоило отцу или матери бросить на нее любопытный взгляд.

С Сашки-Филина все и началось. В тот день было довольно тепло. Осеннее небо дарило хорошую погоду. Грех не погулять, тем более что отец освободил меня от работы — подарок на день рождения.

— Гришка, — сказала мать, разливая чай, — ты б сбегал за Любкой, она за ягодами ушла да уж больно давно. Возьми Тишку.

— Давай, я, — предложил отец, — вдруг в лес забрела или на болото?

— Ну коли Гришка не найдет, так и пойдешь, — рассудила мать.

Я был не прочь прогуляться. Выскочил на улицу и позвал лохматую дворнягу. Когда-то Федор привез нам бездомную собаку, которую сбил по дороге. Мы всей деревней выходили ее, а она оказалась с пузом. Народила нам щенят. Кого-то забрал шофер, сказал, что как раз в «Росах» ищут сторожевого пса. Кто-то издох, кто-то убежал. Остались двое — Барбос и Тишка. Барбос помогал охотникам выслеживать добычу, а из Тишки получился большой веселый бездельник. Его подкармливали, а он за это гонялся за своим хвостом или с радостью облизывал руки и лицо шершавым языком.

Я похлопал по карману и Тишка тут же с заливистым лаем принялся крутиться рядом.

— Еды нет, — сразу сказал я, — пошли сестру искать.

Тишка опустил голову, но уже через секунду зашлепал рядом.

Рядом с деревенькой было несколько мест, где девчонки помогали собирать ягоды. Не найдя там Любку, я прошел чуть дальше к болоту. Вряд ли бы сестра без спросу отправилась к нему, но попытка не пытка.

— Гришка, ты чо тута? — прокряхтела бабка Глаша, распрямляясь и держась за поясницу. — Всех лягушек распугал со своим псом.

— Баба Глаша, вы Любку не видели?

— Неа, а чавось ей тута делать? Мала еще так далече забредать.

— Эх… спасибо.

— Постой, давай с тобой дойду, мало ли…

— Не надо, баба Глаша, со мной Тишка. Да и домой мы уже.

— Ну смотри, — нахмурилась она, — никуда не сворачивай.

Я заверил, что никуда не поверну, а сам задумался. Куда могла деваться Люба? Подружки ее на поле заняты, все ягодные места проверены… уж не подалась ли она в лес погулять? Раньше за ней такого не водилось. Ага, только раньше она была мелкой и слушалась, а сейчас украдкой гуляет с Филином.

Тут меня осенило! А что, если она соврала, а сама в это время…

— Ох, отец ей задаст, — сказал я, а Тишка громко тявкнул.

Я решил срезать через деревья, обойти болото и зайти в деревеньку с другой стороны. Дом Филина стоял как раз возле главной дороги, где

часто останавливался автобус. Правда для этого пришлось бы забраться немного в глушь, но сейчас светло, да и пес рядом.

И все же я решил ускорить шаг, а затем и вовсе побежал. Тишка весело подпрыгивал рядом, воображая, что мы играем. Обогнув очередное дерево, я чуть не столкнулся с Сашкой.

— Чу, куда несешься малой?

Филин смотрел на меня сверху вниз. Лет ему было около шестнадцати, но выглядел гораздо старше. Статный, сильный, с белобрысыми вихрами. Он все время что-то пожевывал, а сейчас дымил самокруткой, обдавая меня вонючим дымом.

— Ой, это… ну… — на миг я даже растерялся и уставился на его сигарету, — а тебе можно?

— Много будешь знать малой, — сплюнул он, — а скажешь кому…

— Нет… я и сам…

Филин расхохотался.

— Ты Любу не видел? Сказала, что за ягодами пойдет и… — я замолк, глядя в его хитрые глаза.

— Видел, что ж не видеть, — он хохотнул, облизнул губы и указал пальцем, — там она, сидит слезы льет, дуреха.

— Почему это?

— Потому что дура и трусиха, хоть и красивая девка. Ну, привет передавай.

Он легонько пихнул меня и скрылся в чаще. Я не знал, что делать. Внутри меня нарастала тревога, а еще недовольство. Сашка, конечно, парень весь из себя, но то, как он говорил о Любе…

Я пошел туда, куда указывал Филин. Через несколько минут увидел сестру. Она сидела на пне, обняв себя руками.

— Любка!

Она резко обернулась и побледнела.

— Тебе чего надо?

— Мамка послала, — я осекся и спросил. — А ты чего… такая?

— Какая такая? — буркнула она.

Сестра всегда следила за собой. Аккуратно заправлена, подол чистый, кофта застегнута до горла, волосы расчесаны. Но сейчас сестра выглядела совсем по-другому: бледная с покрасневшими глазами, волосы спутаны и взлохмачены, в них застряли листья и веточки. Подол и рукава грязные, платье сидело криво, пуговицы на кофте застегнуты через одну, словно сестра второпях одевалась.

— Нео-прятная, — вспомнил я слово, — ты упала?

Тут я увидел примятую траву и что-то в мозгах начало складываться.

— Тебя Сашка обидел? Что он сделал?

— А что еще делают парни с молоденькими девушками, — фыркнула она и отвела глаза.

Я почувствовал, что начинаю краснеть.

— Он, что распускал руки…

— Ага, и не только, — она вдруг злобно посмотрела на меня и добавила. — А то ты не знаешь? Все вы одинаковые, лишь бы свою висюльку пристроить, да девок опозорить.

Я помимо воли сжал пальцы в кулаки. Ярость накатывала волнами, оглушительно отдаваясь в висках. Да как только этот негодяй позволил себе… да как он только…

— Ты куда? — испугалась Любка. — Стой, Гришка, погоди…

Но я уже не слушал. Схватив большую ветку, я зашагал туда, где скрылся Сашка. Я еще не знал, скажу ли что-то или просто огрею его палкой и плюну в наглую рожу. Люба семенила следом и просила остановиться, но я был слишком поглощен злостью, чтобы прислушаться к голосу разума. Я даже не подумал о том, что Сашка сильнее и это скорее он побьет меня, чем я его.

И вдруг раздался дикий вопль. Я невольно за-

мер и переглянулся с сестрой.

— Это Сашка, — пролепетала она, — надо ему помочь.

Меня раздирали противоречия. Сейчас я отвечал за сестру и должен был вернуть ее домой; с другой стороны, если Филин попал в беду…

— Мы приведем помощь, — сказал я, но Люба уже шагала через деревья. — Стой! Так нельзя, надо вернуться!

Она меня не слушала. Я никак не мог понять, почему Люба так бежала к тому, кто ее обидел и обесчестил? Любовь? Но это не могла быть любовь. Вот мои родители — другое дело. Все чин по чину, а тут…

Первое, что мы почувствовали, еще до того, как увидели развалины, был дикий смрад. Несло чем-то кисловатым, протухшим, будто кто-то выпотрошил свинью и бросил под палящим солнцем.

Зажав носы руками, мы осторожно вышли из-за деревьев. Поселение располагалось на довольно большой поляне. Обгорелый остов самого большого здания — вероятно, это и была церквушка — словно великан высился среди заросших травой мелких избушек. Хотя они больше походили на шалаши, чем на дома, в которых жили

люди. Мы испуганно переглянулись. Даже Тишка заскулил и мелко задрожал.

— Нехорошо тут, — произнесла сестра севшим голосом, — тихо и мураши бегают.

Я поежился. На поляне не пели птицы, не квакали лягушки. Не было даже вездесущих комаров. Только мухи. Сотни мух, рассевшихся на траве, на листьях, и кружащих над головой беззвучным роем.

Вместе с тишиной и смрадом на голову будто что-то давило. Прижимало к земле, проверяло нас, можем ли выстоять перед невидимой силой. Вдобавок тут царил полумрак, солнце почти не пробивалось через густые кроны деревьев.

— Пойдем отсюда, — сказал я, чувствуя, как внутри все переворачивается.

— Сашка, — охнула Любка и ткнула пальцем.

Филин лежал на спине, раскинув руки в стороны. Один его глаз заплыл и превратился в кровавый бугорок, другой остекленело уставился вверх. На лице застыло выражение такого ужаса, что я невольно отшатнулся. Живот Сашки вспороли и кишки лежали рядом, как дохлые червяки. Меня замутило. Я облокотился о дерево, быстро вдыхая воздух ртом.

— Да что же это… мамочки… кто же так мог… —

причитала Люба.

Она не могла оторваться от своего ухажера. И тут я услышал тихий шелест травы. Тишка поднял голову, принюхался и зарычал. Я никогда прежде не видел, как этот пес скалит зубы.

— Волки, — прошептал я, — пойдем, скорее.

— А как же Сашка.

— Ему не поможешь.

Я чувствовал, что вот-вот грохнусь в обморок от страха. Живот урчал, а тело била дрожь. Но я должен был быть сильнее. На фронте ребята и помладше воевали. Я собрался, схватил Любу за руку и потащил за собой. Вдруг Тишка залаял и бросился вперед. Он забежал за останки церквушки, послышалась возня, потом удар и жалобный скулеж. Я попятился, выставив перед собой палку, Люба вцепилась в мой рукав.

Тварь показалась не сразу. Сперва длинные черные, покрытые волосами, пальцы, затем костлявые ноги, больше похожие на волчьи лапы, измазанные землей и глиной, а следом и все остальное. Зверь покачивался, словно пытался удержать равновесие. Горбился и напоминал нечто среднее между собакой и человеком: острые уши, чутко подрагивали, ловя каждый шорох, приплюснутый нос на вытянутой морде по-со-

бачьи вдыхал воздух, тело грязное, худое, кожа напоминала свисавшую резину. С темно-желтых зубов капала слюна вперемешку с кровью и слизью.

Ни волк, ни собака не могли так долго стоять на задних лапах, но эта тварь стояла и смотрела на нас так, словно изучала. Так человек изучает бабочку, попавшую в сачок. Я посмотрел в его глаза и онемел. В кроваво-красных зрачках царил такой голод, что коленки задрожали.

Тварь прыгнула. Я дернулся назад, споткнулся и растянулся на земле.

— Гриша, — выдохнула Люба.

Сестра потянулась ко мне, но тут перед ней возникло существо. Люба разинула рот и без чувств упала прямо в когтистые лапы. Зверь завозил носом по шее сестры, сорвал пуговицы с кофты и облизал белую кожу.

— Пусти ее, — просипел я и выставил палку.

Тварь повернулась и вместе с сестрой скрылась за церквушкой. Я поднялся, пошатываясь от ужаса и злости. Хоть внутри и росла ненависть, но тело сковала дрожь, а трусливый голос в голове велел бежать прочь.

— Люба! — крикнул я. — Люба!

Я подошел к деревянному остову, и тут из ку-

стов вышла еще одна тварь. Она прыгнула на меня и сбила с ног. Удар был такой сильный, что зазвенело в ушах. Голова раскалывалась, а из носа капала кровь. Я махнул палкой и, кажется, попал по зверю, но того это только разозлило. Он схватил меня и разинул пасть. И тут кто-то влетел в нас. Черно-белое пятно. Тишка! Пес яростно лаял и наскакивал на врага. А потом одинокий луч солнца каким-то чудом прорвался через листву и осветил монстра. Кажется, это сбило тварь с толку. Существо зашипело и уползло в кусты.

Испытывать удачу в третий раз я не стал. Прихрамывая и едва сдерживая боль, я мчался по лесу домой. Тишка бежал следом. Один его бок покраснел, шерсть пропиталась кровью, но он не обращал на это внимание, то и дело пихая меня носом, словно подгонял.

В дом я вбежал из последних сил. Рухнул прямо посреди комнаты, а рядом завалился Тишка.

— Гриша, что за игры? — возмутилась мать. Она хотела отругать меня, но тут увидела кровь и охнула. — Что это? Ты упал? Где ты был? Где сестра?

— Гриша, что случилось?

Сильные руки отца подняли меня и усадили на стул.

— Там… лес… монстры… черная церковь… из газеты…

Понадобилось несколько минут и два стакана воды, чтобы я смог внятно все рассказать. Мать охала и трясла головой, словно была не в силах поверить, а отец сидел черный как туча и только играл желваками.

— Клянусь не вру, — рыдал я, — оно ее забрало. А другое чуть не убило нас.

— Сиди тут, — буркнул отец и вышел из дома.

Я успел успокоиться, мне вытерли кровь и даже Тишку обмыли и перевязали. Уже ближе к вечеру отец вернулся назад. Устало развалился на стуле и одним махом выпил стакан самогонки.

— Нашли Филина, — немного заплетающимся языком сказал отец, — подрали его хорошенько, руки-ноги отгрызли.

— Гришка же, — кивнула на меня мать, но отец только отмахнулся.

— Не знаю, кто это был, но не волки. Будто кто на задних лапах прыгал. Любку не видели, зато в церкви этой… — тут он покосился на меня, словно раздумывая, погнать прочь или оставить на взрослые разговоры, — там люк есть. Открыли его, а внутри костей полно. Некоторые чудные, а другие мелкие, будто детские.

— Страсть какая…

— Еще совсем крошечные были, ну как от младенцев. Эй, что ты? На, держи, — он плеснул в стакан мутной жидкости. Мать залпом выпила и поморщилась. — А дальше норы были, как мышиные или заячьи, но только большие. Волки таких не роют, нет. Уж как я ни уламывал, как ни просил, да только Михалыч послал меня. Нельзя, мол, лезть прям в ихнее логово. Надо, говорит, помощь запросить. Да только пока мы дождемся, Любку сожрут, если уже не съели.

Он выдохнул и резко встал.

— Куда ты? — запричитала мать.

— Дочку выручать. Если они не могут, так хоть я попробую!

— Стой! Сгинешь же!

Она потянула к нему руки, но отец оттолкнул их и нетвердой походкой подошел к стене. Снял ружье, засунул в карман патроны и вышел на улицу.

Что именно заставило меня бросить мать, прихватить топорик, спички и бежать за отцом? Мужской долг? Нежелание прослыть трусом? Не знаю.

Отца я нагнал только в лесу. Он освещал дорогу тусклым фонариком, который подрагивал в руке.

Ружье висело на плече, а во второй руке он нес добытую откуда-то канистру.

— Гришка? Какого черта? Ступай домой!

— Нет, — замотал я головой.

— Ступай, дурак, или я тебя выпорю!

— Пори, — согласился я, — а потащишь домой, так снова сбегу и сам полезу и спасу Любу.

Я был готов к спору, но отец то ли устал, то ли был рад хоть какой-то помощи, что покачал головой и протянул мне фонарик:

— Черт мелкий, на, только не потеряй.

Идти и тащить за собой топор было тяжело, но я не хотел признаваться в этом. Сцепил зубы и шел, то и дело спотыкаясь или норовя рубануть себя по ноге.

Развалины встретили нас тем же самым смрадом, который выворачивал наизнанку. На щеку села муха, за ней другая. Я с трудом отогнал их, едва не выронив топор.

— Туда, — прошептал отец и указал в сторону кустов.

Мы обогнули церквушку и приблизились к открытому деревянному люку. Я посветил фонариком и невольно ойкнул. Внутри ямы и, правда, было полно костей от мала до велика. Стараясь не смотреть на детские черепа, я посве-

тил левее и увидел несколько нор, уходивших вглубь земли.

— Может воротишься?

— Нет, — сказал я, хотя всей душой мечтал оказаться дома в тепле, рядом с матерью.

— Тогда свети, — приказал отец, поставил канистру рядом с ямой, отнял у меня топор и полез внутрь.

Наверное, самым жутким был хруст. Он словно отражался от стен земляной ямы и оглушительно врывался в голову. Чем-то напоминал ломающиеся ветки или шаги по снегу. Я старался не думать о том, что наступаю на тех, кто когда-то был жив и дышал одним со мной воздухом.

Внутри ямы было холоднее и несло вонью разложения. Ширины нор хватало, чтобы ползти на корточках. Мы выбрали центральный проход. Фонарик дрожал в левой руке, и я стиснул ее правой.

— Могилы, — сказал отец.

— Что?

Он указал наверх. Я не сразу понял, пока чуть не треснулся головой о торчащую ветку. Только осветив ее, я понял, что это чья-то обглоданная рука. Потолок туннеля теперь был не ровный, а будто прокопанный кем-то вверх. Скорее всего,

мы оказались под старым кладбищем неподалеку от церквушки. Ходов было так много, что я сбился со счета. Сколько же времени твари питались трупами, прежде чем вылезли наружу?

— Пришли.

Я посветил вперед. Три норы сходились в одну и вели в новую яму. Мы спустились в нее и завороженно замерли. Ход привел нас в катакомбы. В широкий коридор, терявшийся в темноте. Повсюду виднелись деревянные полусгнившие, но еще на вид довольно крепкие колонны, подпиравшие потолок. Их явно строили люди, но для кого? Для себя или для тварей?

Катакомбы тянулись далеко, мы порядком устали и замерзли, но вот впереди мелькнуло странное свечение. Отец прицелился и приложил палец к губам.

— Ни звука!

Очень медленно мы подошли к каменной арке. Открыли тяжелую дверь и оказались в огромном зале. Повсюду кишели твари. Словно огромная стая шевелящихся пауков, эта живая масса уставилась на нас горящими кроваво-красными глазами.

Конец… это конец. Почему-то первое, что пришло в голову — почему стены издают такое

мягкое свечение?

Существа медлили. Они вытягивали шеи и водили носами.

— Подойдите, — раздался сиплый скрежещущий голос.

Будто кто-то водил друг о друга ржавыми железками.

Мы невольно повиновались. Твари расступились, и мы увидели алтарь, на котором лежала Люба.

— Дочка, — выдохнул отец и побежал.

Я бросился следом.

Путь нам преградила фигура в черном балахоне. Тварь выглядела иначе, чем остальные. Она увереннее стояла и была чуть мельче. На ее груди болтался странный амулет, а в руках тварь держала большую черную книгу.

— Отойди от нее! — закричал отец и навел на монстра ружье.

— Тихххо! — велела тварь. — Зачем вы пришли?

— Это моя дочь!

— Она больше не твоя дочь, — существо покачало головой, — она теперь наша. Она станет нашей сестрой, как стали многие до нее. Те, кого мы меняли в колыбели.

— Заткнись, гадина! Я убью тебя, клянусь, убью!

— Нас уже пытались убить, — зашипела тварь и злобно оскалилась, — те, другие, не дали провести ритуал и попасть через туннель в страну Снов. Они согнали нас под землю и сожгли наши дома. Теперь мы изгои. Те, Кто Прячется В Темноте.

Словно поддерживая его, вся стая монстров вокруг оглушительно завыла.

— Еда… мы ели себе подобных, мы ели живых, как теперь едим мертвых. И теперь больше никому не служим.

— Люба! — закричал отец. — Люба вставай!

— Она не услышит тебя, — усмехнулся зверь, — она стала одной из нас. Она будет убивать и пожирать падаль, будет похищать и подменять младенцев, чтобы научить их. Встань дочь моя!

— Грхфх, — выдавила сестра и открыла глаза.

Я охнул и выпустил фонарик из ослабевших пальцев. Люба по-собачьи повела носом и уставилась на нас. Внешне она выглядела как раньше, только глаза стали другими. Белки покраснели, и в них горел знакомый голод.

— Люба… — отец осекся не в силах поверить в то, что происходит.

— Вы можете остаться с нами, — прошипело существо, — мы научим вас питаться мертвой плотью и откроем сокрытое проклятым светом.

— Да пошел ты, гнида, — рявкнул отец и выстрелил.

Грохот оглушил, и в тот же миг кто-то уже тащил меня за собой.

— Быстрее, быстрее!

Отец наугад выстрелил еще раз и отбросил ружье. Я хорошо видел сотни красных светящихся угольков, которые приближались с каждой секундой.

— Лезь, — приказал отец, отнял топор и подсадил меня.

Я не мог сопротивляться, не мог возражать. Я просто выполнял приказ. Сверху я видел, как отец, вооружившись топором, бросился к колоннам и принялся бить по ним, с чавканьем погружая лезвие, пинать, не жалея ног. Старое дерево трещало, скрипело и вдруг застонало. Колонна задрожала и рухнула. Отец подбежал к следующей. Он успел свалить еще две, прежде чем монстры навалились на него. Фонарик катался по полу, выхватывая одну отвратительную морду за другой, пока не показал озлобленное лицо моей сестры, стекающую по подбородку

кровь и алчущие плоти глаза.

Что было потом я плохо помню. Кажется, твари лезли за мной, визжали где-то позади. Я первым прополз по туннелю и поднялся наверх. Увидел канистру с бензином, открутил крышку и вылил горючую жидкость в яму. Бросил следом зажженный коробок спичек. Я чувствовал, как подо мной дрожала земля, и слышал яростный вой запертых внизу существ.

Не знаю, обрушился ли потолок и похоронил ли копошащихся в катакомбах монстров, но погони за мной не было. Я совсем выбился из сил и упал, а очнулся оттого, что меня за рукав тащил Тишка. Храбрый пес нашел меня, несмотря на рану.

Как Михалыч и сказал, он передал весточку о нападении в лесу, а спустя несколько дней к нам явились три хмурых мужика. О чем-то посовещались и признали отца с Любой пропавшими без вести. Я пытался все рассказать, но никто не поверил. Яму и туннели для верности засыпали землей.

Моя мать тяжело переживала гибель дочери и мужа, так что все хозяйство упало на мои плечи. А спустя еще десять лет я остался один.

Деревня разваливалась, люди постепенно

умирали или уезжали. Со временем не стало и Советов. Страна переживала новый период, появлялись компьютеры, роботы. Мир стал слишком современным, слишком фантастичным и в нем не было места предрассудкам или суевериям прошлого. Люди стали разрозненными, исчезали ценности, менялись приоритеты.

Я до сих пор живу в своем доме. Воду и еду привожу из ближайшего городка. В остальное время выращиваю овощи или гуляю с собакой. Третьей по счету после Тишки. Чаще всего брожу по вечерам, когда солнце уходит и деревню поглощает темнота.

Минуло почти сорок лет, но я до сих пор не могу нормально спать. Редко когда не вскакиваю от собственного крика. Тогда, я обычно выпиваю чай, беру ружье и отправляюсь в лес. Делаю круг и возвращаюсь домой, а утром еще раз проверяю ловушки вокруг старых развалин и смотрю, не появились ли новые норы. Затем я снова разливаю бензин, а остатки сливаю в вырытый вокруг ров, чтобы при случае можно было спалить все к чертям.

Обычно на поляне все спокойно и тихо. Но я знаю, что однажды твари из моих кошмаров обязательно вернутся. Что они прорoют ходы

из своего подземелья и вырвутся наружу, как стая чумных крыс. И если огонь их не остановит, то эта стая станет пожирать мертвых и убивать живых. Будет похищать детей и ловить одиноких путников, чтобы обратить их в свою веру и заставить жрать мертвечину.

А еще среди чудовищ будет моя изменившаяся сестра, которая, как и ее собратья будет смотреть на мир кроваво-красными, горящими безумным голодом, глазами…

Городская легенда
Александр Гуляев

— Привет, Настя! — сказала мне Аллочка и улыбнулась.

Что-то неестественное было во всём этом. Нет, не улыбка, а что-то другое.

И вдруг я поняла. Там, где у девушек обычно располагается грудь, сквозь тоненькую ткань явственно просвечивали лопатки. Голова моей соседки была неестественно повёрнута на 180 градусов.

— Настя, ау, это же я, ты что, не узнаёшь? — продолжила Алла и заплакала.

Мне на лицо брызнули слёзы. Кровавые слёзы. Они нескончаемым потоком текли по лицу Аллочки, перемешиваясь с тушью и тональником.

Не помня себя от ужаса, я ринулась прочь по тропинке. В конце тропинки стоял наш дворник Зелимхан и с абсолютно ничего не выражающим лицом медленно водил по косе точильным камнем. Туда-сюда. Вжик-вжик.

Тут я и проснулась. С бешено колотящимся сердцем и мокрым от пота лицом. Приснится же

такое! Похоже, это всё мой реферат. Точнее, источники литературы, в которые пришлось окунуться. Мании и их проявления в городских легендах.

Маньяки бывают разные. Не в том смысле, что маньяки — это обязательно безжалостные злодеи из голливудских фильмов и уж, конечно, не в том, что «чёрные, белые, красные». Мания — это навязчивое желание. И не всегда оно грозит окружающим неприятностями или смертью.

Впрочем, приятного в том, что из кустов в парке перед тобой на тропинку вдруг выскочит дядька в плаще и широко распахнёт его, демонстрируя отсутствие какой-либо другой одежды, тоже мало. Ну, для меня лично.

К чему я это? К извечной городской легенде о прячущемся в парке эксгибиционисте в плаще. Тоже самый что ни на есть маньяк.

С этими мыслями я и пошла чистить зубы. Аллочки уже не было в комнате, видимо, усвистала на лекцию.

На выходе из общаги мне встретился Зелимхан. Я чуть было не дёрнулась, вспомнив давешний сон, но его спокойное азиатское лицо лучилось миролюбием, а цветастое приветствие рассеяло все страхи. Чудесный, всё-таки, дядечка. Я поздо-

ровалась в ответ и убежала на занятия.

У входа в главный корпус девчонки из параллельной группы обсуждали… блин, не может быть! Якобы перед Мариной в парке вчера вечером выскочил пресловутый дядька в плаще, но распахнуть его не успел, так как его спугнула парочка велосипедистов. Ну, конечно, перед Мариной, перед кем же ещё. Достала уже эта выскочка.

Лекция по суггестии была невероятно скучной. Пока в зал не вошла Аллочка. Странно, но Пётр Евгеньевич не обратил на неё внимания, хотя всегда был весьма строг к опоздавшим. Обычно он начинал читать продолжительные нотации, смешно топорща реденькие седые усы. Алла посмотрела прямо на меня и помахала рукой. А потом рука вдруг переломилась у самого локтя, обнажив белеющую кость, и с грохотом рухнула на пол аудитории. Я закричала и…

Проснулась. Вся аудитория в недоумении таращилась на меня. Сопровождаемая этими недоумевающими взглядами, я стремглав кинулась к выходу, покраснев, как спелый помидор.

Ночевать Алла не пришла. И на следующий день её тоже никто не видел. Она просто исчезла. Без следа.

А потом мою соседку объявили в розыск.

Аллочка ещё несколько раз приходила ко мне в кошмарах. В последнем из них мы куда-то бежали вместе, держась за руки, а за нами медленно и печально шагал Зелимхан в длинном плаще и помахивал косой в такт шагам. Коса задевала землю и издавала мерзкий звук, проникающий, казалось, прямо в мозг. Шух-шух.

Я исправно ходила на занятия, писала курсовую и рыдала в подушку по вечерам. А девчонки продолжали обсуждать исчезновение Аллы и маньяка в плаще из парка. Кажется, пару раз его ещё кто-то видел. Ну, или привирали. Я, честно говоря, склонялась ко второму варианту.

До тех пор пока не встретила вечером на набережной заплаканную Ульяну. Ульяна была, пожалуй, самой тихой и застенчивой девочкой у нас на потоке. И уж точно не той, кто способен придумывать истории для поднятия собственной популярности.

Она сидела на лавочке и беззвучно плакала, сняв очки и положив их на колени. Из края прорехи на надорванной блузке торчал краешек ключицы, жалобно содрогающийся в такт плачу. Мы почти не были знакомы, но я не смогла пройти мимо, присела рядом и обняла её за плечи.

Ульянка разрыдалась в голос.

Городская легенда, эксгибиционист в длинном плаще, встретил её в парке. Но, вопреки сложившимся стереотипам, он не стал распахивать одежду, демонстрируя своё «богатство», а схватил девчонку за плечо и попытался утащить в кусты. К счастью, Ульяна чудом вырвалась, разорвав блузку, и кинулась прочь.

— Уля, ты видела его лицо? Сможешь узнать?

Но она только рыдала, не произнося больше ни слова. Каких же трудов мне стоило уговорить её пойти в полицию. Такое нельзя оставлять безнаказанным!

На лекции Ульяна, конечно же, на следующий день не пришла. Ещё бы, такого страха натерпеться. Хотя, возможно, её таскали по допросам полиционеры. Мне, конечно, было очень любопытно узнать, чем всё закончилось, и смогла ли она описать извращенца, но это подождёт.

А ночью Уля пришла ко мне. Мы не запираем двери в общаге — здесь все свои, а мимо Софьи Петровны на вахте не пройдёт и Первое Лицо, бабка советской закалки. Стука я не услышала, а проснулась только тогда, когда Ульяна присела на краешек моей кровати.

— Ульяна? Ты чего?

— Настя, я его узнала, узнала!

— Уля, кто это был? Ты рассказала полиции?

Ульяна открыла рот, чтобы ответить, но её нижняя челюсть вместе с языком вдруг упали прямо мне на живот, моментально пропитав сорочку липкой кровью. В горле нашей тихони что-то захлюпало и…

Я проснулась. За окном метёлкой по тротуару шелестел Зелимхан.

Я очень надеялась, что ошибаюсь, что всему виной моя работа и исчезновение Аллы. Но Ули на лекциях в этот день тоже не было. Ульяна пропала…

Следователь допрашивал нас всех, но сам ничего не рассказывал. Тайна следствия и всё такое. Студгородок бурлил и порождал слухи, одни невероятнее других. А Уля приходила ко мне во снах, тщетно силясь рассказать что-то одной верхней половиной искорёженного лица и издавая торчащей наружу гортанью жуткие звуки. Хлюп-хлюп.

Однажды появился и Он. Одним небрежным движением отшвырнув Ульяну куда-то за пределы видимости. В длинном плаще и с бледным пятном вместо лица. Он смотрел на меня, а я не могла пошевелиться, будто опутанная верёв-

ками. Маньяк медленно распахнул плащ.

Вопреки ожиданиям, под плащом оказался вовсе не дряблый живот и висящее (или торчащее) мужское достоинство. Нет. Там была какая-то бурлящая масса со вскипающими на поверхности пузырями. Спустя несколько секунд я пойму, что это не пузыри. Лица. Искажённые муками девичьи лица, среди которых я увижу и Аллу с Улей. А потом вся эта масса словно треснет посередине, обнажая омерзительную пасть, полную неровных зубов, покрытых грязно-жёлтым налётом, и меня начнёт затягивать прямо туда, вглубь чудовища.

В тот раз меня разбудила задетая ногой Зелимхана пластиковая бутылка, покатившаяся по асфальтовой дорожке.

Было ещё совершенно не поздно. В текущих реалиях поздним вечером в парк я бы одна точно не пошла. А так всё спокойно и ничуть не страшно. Думала я.

Он возник словно бы из ниоткуда. Вот только что-то впереди никого не было, и в одно мгновение на моём пути оказывается человек в длинном плаще и нелепой вылинявшей бейсболке. Маньяк со смешными реденькими седыми усами.

Пётр Евгеньевич начал распахивать плащ, но я

уже знала, что сейчас будет явлено свету. И поэтому, схватив лежащую возле тропинки ветку, дико завизжала и с размаху воткнула её сквозь плащ в живот своего преподавателя. Прямо туда, где ждала меня готовая вот-вот разверзнуться омерзительная пасть. И бросилась назад по тропинке, не видя и не слыша ничего вокруг.

Что-то попало под мою правую ногу, и я, не удержав равновесия, полетела вперёд носом. А потом наступила темнота.

Цок-цок. Шлёп-шлёп.

Звук доносился откуда-то снаружи. Голова раскалывалась от дикой боли. Я с трудом разомкнула глаза. Сквозь мутную пелену я увидела пятно света и застилавшую его фигуру Зелимхана. Дворник смотрел на меня, качал головой и укоризненно цокал языком. Точильный камень в его руке снова и снова взлетал в воздух и звучно шлёпался назад точно в центр грязной ладони.

Цок-цок. Шлёп-шлёп.

Подношение
Гог Гогачев

Если бы я дала вам своё ясное небо,
Золотые поля, полные зерна,
Сильные ноги и неутомимые сердца,
Океан, спокойный, как озеро,
Поклонялись бы вы, молились бы,
И не забывали бы моё имя — Умай?

Shireen, «Umai».

Ночное небо глазело на идущих словно исполинское чудовище. Щерилась в улыбке тонкая пасть народившейся луны, подмигивали вразнобой мириады звёзд-глазков. Освещённый ими путь казался волшебным, потусторонним. Дорога огибала одинокие хибары на окраине посёлка и кончалась внезапно, у самого обрыва. От неё вниз, к озеру, сквозь густое разнотравье, змеилась едва приметная тропка.

Двое неспешно пробирались через заросли. Впереди, налегке, шагал высокий человек в потрёпанной камуфляжной куртке. Его седая взлохмаченная голова и бородатое лицо, взборо-

нённое сеткой морщин, смотрелись необычно на фоне лёгкой походки и ладно сбитой фигуры.

За ним, осторожно ступая, следовал юноша. Худой, невысокого роста, лет пятнадцати на вид, а может и того младше. То и дело останавливаясь, он запрокидывал голову к звёздному небу, отбрасывал со лба непослушные тёмные волосы, и, открыв рот, застывал, поражённый.

Высокий усмехнулся в бороду, дымные колечки веселее стали разлетаться из-под густых усов, растворяясь в темноте. Указательным пальцем он сбил уголёк папиросы, щелчком отправил погасший окурок куда-то в кусты. Бросать на землю горящие сигареты местные себе не позволяли никогда — посёлок не раз страдал от случайных пожаров.

— Гляди, гляди, малец. Такого в этих ваших москвах и не увидишь. Это, брат, истинно — богатства русские, достояние! Не то что ваш «Газпром».

— И ничего он не мой.

Парень смотрел по сторонам, вглядывался в темноту, вдыхал ночные ароматы. Казалось, нет уже трёх дней пути в плацкартном вагоне, нет раздражения и обиды на родителей, бесцеремонно сплавивших его на лето к бабушке,

в Иркутскую глушь. Нет надрывного крика в ушах, звона разбитого стекла, скрежета металла… Всё искупила благодать ночного озера.

Где-то во дворах взахлёб залаяли собаки, прогнав очарование. Понемногу мысли его вернулись в будничное русло.

— Дядь Миш, а если поймают?

Бабушку он раньше видел лишь однажды, у кого-то из родственников на поминках, а с её племянником вообще знаком не был. Парень ещё не до конца определился в своём отношении к дяде Мише. Одного неполного дня оказалось явно недостаточно, чтобы разобраться в смеси любопытства, страха и симпатии, которую он испытывал к авторитетному, харизматичному браконьеру.

Дядя Миша крякнул.

— Кончай, Андрюха, херню нести. «Поймают»! Меня хер поймаешь, понял? Вон, пусть дурачков этих ловят, — он неопределённо кивнул в сторону посёлка, — а меня замотаются ловить. Здесь дед мой омуля промышлял, отец, твоей бабки брат, промышлял, так и мне на роду написано.

— Не, а если?

— Ну «а если», так в Рыбнадзоре тоже люди, смекаешь? Семью нашу здесь знают и уважают.

— Значит, всё схвачено?

— По жопе отхерачено. За мной повёртывай.

Дядя Миша резко свернул с тропки вправо. Если бы Андрей не видел место, где скрылся его провожатый, он бы ни за что не заметил проход, затерявшийся среди непролазных зарослей. Раздвигая высокую траву и ветки кустарника, парень двинулся следом.

Пройдя с десяток шагов, они подошли к деревянному строению, одна стена которого уныло клонилась к земле. Покосившийся сарай окружали остатки низкого забора, налаженного из деревянных кольев, обрывков рабицы, досок и разнородного хлама. Фазенда, как в шутку называл это место дядя Миша.

Дверь, на удивление, распахнулась без скрипа. Пахнуло сыростью, рыбой, бензином и табаком. Привычные для юноши городские запахи смешались с запахами озера, воздух наполнился причудливым духом. Запах бензина и горячего металла, жар, железный привкус во рту и повисший в воздухе крик… Андрей тряхнул головой, не позволил воспоминаниям захватить себя.

— Ду и водища, — он зажал нос, искажая слова.

Не обращая внимания на колкость, дядя Миша щёлкнул выключателем. Сарай осветился неров-

ной желтизной сорокаваттки.

— Прошу располагаться.

Андрей огляделся. В небольшом помещении почти не было мебели, только старая облупившаяся скамья у стены, да перевёрнутый колченогий табурет. По стенам были развешаны рыболовные снасти, названия большей части которых Андрей не знал. Сети, канаты, лески, различные поплавки и рыболовные крючки — всё хранилось аккуратно, в строгом порядке.

В углу, где рядом с железными канистрами ржавел старый лодочный мотор, прямо на земляном полу грудой была свалена рабочая одежда и несколько пар резиновых сапог.

— Переоденься, — рыбак кивнул на кучу тряпья. — Ночью на воде прохладно, да и работёнка грязная.

Пока Андрей рылся в пахнущем рыбой барахле, дядя Миша осматривал снасть, проверял что-то, снимал и снова вешал на место сети. Наконец, собрав всё необходимое в большой заплечный мешок, он вышел за дверь.

— Канистру захвати потом, которая полная, — донесся со двора его низкий голос.

Андрей как раз закончил возиться с одеждой. Он натянул через голову старый, местами рваный

анорак болотного цвета, ноги всунул в безразмерные резиновые сапоги. Стопа свободно болталась в них туда-сюда, голенища доходили до середины бедра. Джинсы он переодевать не стал — удобно, да и одевать на голое тело грязные камуфляжные штаны он побрезговал.

Андрей качнул одну из ржавых канистр. Пусто, только на донышке что-то плещется. Вторая тоже оказалась пустой. С третьей попытки нашёл наполненную канистру, приподнял её — литров двадцать. Приличная ноша для тщедушного паренька. Андрей ухватился за ручку канистры и, согнувшись, потащил её к выходу.

Он почти доволок канистру до двери, когда почувствовал на себе пристальный взгляд.

— Пошёл вон, — не поднимая головы, бросил Андрей.

Ему показалось, что в сарае кто-то тихо вздохнул.

Выбравшись наружу, он глубоко, всей грудью, втянул прохладную чистоту ночи, вытесняя из лёгких застоявшуюся рыбную вонь. Дяди Миши нигде не было видно. Из-за угла сарая послышался мелодичный свист. Парень оставил канистру и пошёл на звук.

Дядя Миша стоял лицом к стене кустарника и,

насвистывая, справлял малую нужду.

— Тебе тоже рекомендую, — он сплюнул сквозь зубы. — Потом в озеро негоже ссать.

Андрей помотал головой. Что под куст облегчиться, что в озеро — для него было одинаково дико.

— Ну, смотри, хозяин — барин. Пойдём, — одёрнув куртку, дядя Миша направился куда-то за угол сарая. — Да куда ты канистру-то попёр, оставь пока.

Сзади к сараю примостилось невысокое сооружение, кое-как сколоченное из разномастных досок. Стены его поражали обилием щелей. Самые крупные дыры были закрыты всё той же ржавой рабицей.

Что-то тёмное на двери привлекло внимание Андрея. Мёртвые глаза в упор уставились на него, застыла в отчаянном оскале клыкастая пасть. Парень вздрогнул.

— Повадилась, вишь, ко мне кур таскать, рыжая. Пускай повисит теперь для острастки.

Андрей разглядел на шее лисицы верёвку, перекинутую через дверь курятника. Поёжился зябко, сглотнул.

— Завоняет — сниму, — по-своему понял его браконьер. — Жди здесь.

Он повернул деревянную задвижку, вошёл в курятник. Андрей отвернулся от двери, чтобы не видеть мёртвого зверя.

Что-то белое мелькнуло в кустах. Еле слышный шорох и перешёптывание наполнили темноту.

— Уходите, — Андрей сжал кулаки. — Отвалите от меня!

Но хоровод призрачных пятнышек продолжался. То и дело они показывались в просветах кустов. Шёпот нарастал.

Нет, лучше уж лиса. Андрей резко, на пятках, развернулся обратно к курятнику.

— Чего ты там бормочешь? — дядя Миша показался в дверях.

В каждой руке он держал по небольшой клетке с гнутыми прутьями. Сидящие в них куры беспокойно крутили головами.

— Да, так, ничего. А это зачем? — Андрей указал на клетки.

— Ну, — смутился дядя Миша, — так надо. Примета такая. У нас ни один рыбак на воду не выйдет без того, чтоб куру взять. А лучше пару.

— Зачем?

— Говорю тебе, примета.

Он поставил клетки на землю, закрыл курят-

ник. Хмыкнул одобрительно, глядя на окоченевший звериный трупик.

— Пойдём.

Взяв по клетке, они направились ко входу в сарай, где оставили снасть и горючее. Андрей, пыхтя, поднял канистру, дядя Миша приладил мешок со снастью за спину.

— Оставь, малой. Надорвёшься, — он забрал тяжёлый груз себе, вручив Андрею клетки с курами.

— Двинули.

Вернувшись на тропинку, они продолжили спуск к озеру.

***

Андрей шёл, погружённый в свои мысли. Он больше не вертел головой, не рассматривал всё вокруг. Опустив глаза, парень мрачно глядел себе под ноги. Он снова думал о родителях. Как же несправедливо они решили отправить его в эту ссылку!

«Развеяться, сменить обстановку», говорили они.

«Тебе пойдёт это на пользу».

«Нужно перестать жить прошлым, двигаться дальше».

Запах бензина и горящей плоти. Скрежет металла и крики…

Тогда погибло пятнадцать ребят, все — его одноклассники. Водитель экскурсионного автобуса заснул за рулём и машина, полная радостных, возбуждённых поездкой детей, вылетела на встречную полосу, в лоб многотонному грузовику.

Андрей выбрался из перевёрнутого автобуса до того, как тот загорелся. Он видел, как вспыхнул моторный отсек, и пламя тут же объяло кузов, навсегда заперев всех, кто оставался внутри.

Колёса беспомощно крутились в воздухе, точно лапки перевёрнутого на спину жука. Андрей слышал крики, но сделать ничего не мог. Он кидался к горящему автобусу, в попытке сквозь стену огня добраться до ещё живых пассажиров. Вокруг суетились другие водители, старались автомобильными огнетушителями унять ревущую ярость стихии. Андрея оттащили, он рухнул на асфальт и рыдал, пока его не забрали медики. Введённый препарат милосердно выдернул его из действительности, погасил воспалённое сознание.

Выжить удалось немногим, в том числе их классному руководителю. Тот повесился спустя

месяц после выхода из больницы. И тогда началось…

Бледные, молочно-белые лица, печальные глаза, смотрящие с укоризной.

«А ты живой…»

Они преследовали его везде.

«Ни царапинки…»

Не помогали ни визиты к психоаналитику, ни церковь.

«И мы могли бы. Но…»

Так прошло два года.

Андрей брёл вслед за дядей Мишей и смотрел под ноги. Он знал, что если поднимет голову, то снова увидит их.

Шелестящий шёпот и печальные вздохи наполнили пространство. Голова Андрея стала горячая, кровь билась в висках. Он стиснул зубы, сжал кулаки.

— Вечер добрый, Михал Ефремыч!

Посторонний голос заставил Андрея отвлечься, поднять взгляд. Двое в мокрых «горках» тащили вверх по склону наполненную рыбой сеть. В свободной руке каждый нёс по клетке с курицей.

— Бог в помощь, мужички. Как оно?

— Бывало и получше. Один проход только удачный сделали, трал полный почти. А потом — хер.

— И движок чегой-то кашлять начал, — добавил второй. — Решили возвращаться, ну его. Глянем завтра?

— Заходите, посмотрим. На воде тихо? — дядя Миша кивнул на клетки.

— Тихо всё. Самое время для вас, после полуночи. Юнгу себе вязли? — заинтересованный взгляд ощупал Андрея.

— Племянничек мой. Ну, бывайте, мужики.

— До свидания, Михал Ефремыч.

Рыбаки двинулись дальше в гору. Андрей обернулся, провожая их взглядом, и сердце его упало.

В нескольких метрах от него полукругом стояли белёсые расплывчатые тени. Они чуть светились, точно поглощали свет звёзд, смотрели на Андрея, тихо шептали что-то друг другу на ушко. Их усталые лица были печальны. Только два девичьих призрака озорно пересмеивались. Лика и Ника, близняшки-хохотушки, Андрей помнил. Рыбаки прошли прямо сквозь них. Парень снова уставился в землю.

Через сотню шагов густая трава стала перемежаться песчаными залысинами.

— Ну, вот и мой красавец. Как тебе?

В небольшой тихой заводи слегка покачивались на воде маленькие рыбацкие судёнышки.

Несколько простых вёсельных и моторных лодок, небольшие катера. Но «красавца» было видно сразу.

Выкрашенный в грязно-защитный цвет, он гордо задрал стальной нос, увенчанный низким фальшбортом. Широкий настил палубы, небольшая каюта в носовой части и рулевая рубка делали его похожим на настоящее морское судно. На борту его белой краской было аккуратно выведено имя: «Кракен».

— Внушает, а? — в голосе старого браконьера слышалась гордость.

Дядя Миша оставил свою ношу на берегу, зашёл в озеро. Когда вода, казалось, вот-вот перельёт через край сапог, он остановился и, наклонившись, принялся нащупывать что-то перед собой. Наконец, он выудил звенящую железную цепь и стал подтягивать «Кракена» к берегу.

Когда судно подошло достаточно близко, дядя Миша в несколько витков намотал цепь на деревянный столбик, торчащий из воды, и ловко забрался на борт.

— Чего застыл? Тащи это всё сюда, — крикнул он стоящему на берегу Андрею.

Парень оглянулся на призрачный эскорт, молчаливо застывший за его спиной, вздох-

нул и начал грузить рыбацкий скарб в лодку. В несколько заходов он перетащил на нос катера мешок со снастью, клетки с курицами и, едва не надорвавшись, канистру с горючим.

Дядя Миша самозабвенно возился с мотором.

— Цепь не забудь потом снять.

С погрузкой было покончено. Андрей размотал цепь, закинул её на нос катера и сам неуклюже ввалился на борт, распластался на залитой водой и звёздным светом палубе.

— Как баба в лодку заваливаешься, — старый рыбак неодобрительно глядел на поднимающегося на ноги парня.

Андрей пробурчал в ответ что-то невнятное.

Вместе они аккуратно, один за другим, разостлали невода на носу «Кракена», приготовили и разложили по местам прочую снасть.

— Ну, тронули.

Дядя Миша завёл двигатель, и катер малым ходом отчалил от берега.

Андрей вгляделся в темноту прямо по курсу. Ничего, лишь звёзды отражаются на чёрной глади воды. Только звёзды и вода на многие километры вокруг. Парню стало неуютно, он бросил тоскливый взгляд на отдаляющийся берег.

Ветер потянул с озера, подёрнул туманные

очертания маленьких фигурок рябью. Они стояли, не нарушая строй, словно не решались последовать за Андреем в воду. Парень вздохнул с облегчением, в его взгляде мелькнула надежда.

«Неужели отстанут?» — мысль забилась мелкой рыбёшкой, взбудоражила Андрея.

Но вот одна тень робко коснулась поверхности воды, за ней другая. Вот уже все они скользят вслед за «Кракеном» по ночному озеру, едва касаясь зеркальной глади.

В рёве мотора окружающих звуков было не разобрать, но Андрей не сомневался: его преследователи двигаются беззвучно. Надежды оставили парня, он сгорбился, вжался в корму, руки его обхватили склонённую голову.

Нахохлившиеся курицы спали в клетках. Дядя Миша смотрел вперёд, в чёрную водно-звёздную бездну. Не выпуская из зубов дымящую папиросу, он уверенно вывел «Кракена» ближе к середине озера, заглушил двигатель.

— Давай, малой, пора за работу.

Рыбак перебрался на нос катера, взял брезент, в который были завёрнуты сложенные сети, протянул Андрею.

— И что мне делать? — парень растеряно держал в руках свёрток, стараясь не обращать

внимания на фантомы, заполонившие катер.

Они сидели на палубе и бортах, их полупрозрачные ноги свешивались с крыши рулевой рубки.

— Смотри, — рыбак развернул брезент, взял крестовину, сколоченную из грубо строганых досок, между которыми крепился конец невода. — Когда скажу, вот это с кормы закидываешь, ну так, не шибко далеко. Невод следом потянется, так ты смотри, поплавки аккуратно пускай, чтоб не запуталось ничего. Потихоньку стравливай, пока весь не уйдёт. Конец вот, за рога закрепишь, — дядя Миша указал на изогнутую железку, приваренную к борту. — Потом следующий так же.

Он вернулся на нос, вытащил длиннющие вёсла. Устроился, уперев ноги в рубку, поплевал на ладони. Вёсла мягко вошли в уключины.

— Закидывай.

Андрей, размахнувшись, метнул деревянный поплавок куда-то в темноту. «Кракен» пошёл медленно, на вёслах. Под взглядами призрачного экипажа, невод сантиметр за сантиметром скрывался в толще воды.

В полном молчании Андрей методично перебирал белые пенопластовые кольца-поплавки,

следя за тем, чтобы сеть не зацепилась, не спуталась. Ближе к концу первого трала тишина, монотонная работа и покачивание судна сделали своё дело. Глядя, как невод, скользя, исчезает в воде, он почувствовал, что сам соскальзывает в сон.

— Андрюха, мать твою! Не спать.

Если бы не окрик дяди Миши, Андрей точно упустил бы конец сети. Он встрепенулся, закрепил невод и принялся за следующий.

Когда оба трала оказались в воде, а их концы были надёжно закреплены, старый рыбак сложил вёсла, забрался в рулевую рубку и запустил мотор. «Кракен» пошёл веселее, волны от него одна за другой разбегались в стороны.

Спустя какое-то время дядя Миша заглушил двигатель.

— Ну, давай посмотрим, что там за улов.

Они с трудом подтянули тяжёлый невод к борту. Матерясь, кое-как вытащили его из воды, бросили на палубу. Рот Андрея открылся от изумления: сотни маленьких блестящих рыбок сверкали в свете звёзд серебром чешуи. Казалось, они подняли со дна клад, полный старинных серебряных монет.

— Чего рот разинул, давай следующий.

Вытащили второй трал, тоже полный сверкающего живого серебра. Андрей присел на корточки, упёрся спиной в борт.

— Сколько… они… весят? — парень тяжело дышал, слова давались ему с трудом.

— Ну, вместе под сотню, наверное. Килограмм сорок-пятьдесят каждый, — дядя Миша явно был доволен, но виду не подавал. — Ещё один проход сделаем, в два невода.

Старый браконьер закурил и полез обратно на вёсла, шумно выдыхая дым в темноту озера.

Андрей глубоко вздохнул, встал рывком. Стиснув зубы под неотрывным взором бесцветных призрачных глаз, он приготовился закидывать следующий невод.

— Давай!..

Примерно через час ещё две полные сети легли на палубу рядом с первым уловом. Андрею казалось, что у него сердце выскочит изо рта от нагрузки. Даже крепкий на вид дядя Миша дышал тяжело.

— Всё, малой, перекур, — он зашёл в рубку, вытащил из ящика потёртый, облупившийся термос, наполнил две кружки.

Запах кофе заструился над палубой. Андрей взял предложенную кружку и устроился на кор-

ме, прихлёбывая до противного сладкий, обжигающий напиток. Чтобы не видеть, заполнивших судно призраков, он уставился в чернеющую за бортом воду.

«Нагльфар грёбаный», — устало подумал Андрей.

Веки его были слишком тяжелы, чтобы держать слипающиеся глаза открытыми. Он часто моргал и клевал носом.

Вдруг он заметил, как из толщи воды у самой кормы, из тёмной непроглядной пучины, медленно проступает голубоватое свечение. Оно понемногу увеличивалось в размерах, становилось ярче. Вода меняла цвет, ширилось и светлело бирюзовое пятно. Нежные оттенки и переливы захватили всё внимание Андрея.

— Дядя Миша! Это что?

Браконьер, сидя на носу «Кракена», дымил папиросой.

— Чё там?

Андрей заворожённо таращился на воду за бортом, не в силах отвести глаза.

— Я не знаю. Вода голубеет, светлее становится.

Дядя Миша вскочил на ноги, папироса полетела куда-то в озеро. Он подхватил ближайшую клетку

с курицей и опрометью бросился на корму, будто в сапоги ему закинули горсть горящих углей.

— В сторону!

Вода местами уже стала белой, пенилась крупными пузырями, точно закипала. Дядя Миша оттолкнул ничего не понимающего парня, рывком распахнул дверцу клетки и, ухватив за тощую шею, вытряхнул курицу наружу. Отброшенная клетка гулко стукнулась о палубу, рука дёрнула из поясных ножен узкий рыбацкий нож.

Дядя Миша резким движением рассёк курице горло, почти отделив голову от тела. Заливая дымящейся кровью светлое пятно на воде, он тихо мычал что-то себе под нос, издавал низкие горловые звуки. Андрей ошарашенно смотрел на него, силясь понять, что происходит. Озеро перестало пузыриться, но пятно света всё еще отчетливо виднелось в холодной черноте его вод.

— Давай вторую, живо! — голос рыбака надломился, сорвался куда-то вверх.

Мгновение Андрей осознавал команду. Со всех ног, рискуя растянуться на мокрой палубе, он бросился на нос «Кракена», прямиком сквозь призрачные тени, сквозь ужасы последних двух лет, сквозь сковавший его страх.

Схватив клетку, он ринулся обратно. Внезапная

боль резанула подвёрнутую лодыжку. Потеряв равновесие, Андрей полетел вниз, с носа на палубу, больно ударился головой. Клетка с размаха впечаталась в гладкие доски.

Парень поднялся и, подволакивая ногу, добрался до кормы. Он попытался открыть клетку, но та перекосилась при ударе и не поддавалась.

— Заклинило!

Дядя Миша обернулся, вырвал клетку у парня из рук. Дёрнул дверцу с петель, вытащил отчаянно верещавшую курицу. Рука вновь потянулась к ножу, перья окрасились алым. Снова хлынула из раны кровь, смешиваясь со светящейся водой под низкий утробный рык старого браконьера. Мокрый, растрёпанный, посеребрённый сединой и звёздами, он совершал безумный жестокий ритуал, держа в окровавленных руках ещё бьющуюся птицу.

Озеро понемногу затихало. Рыбак перестал гудеть, вскрикнул гортанно. Он бросил обмякшую тушку в воду, руки его устремились вверх, к сверкающим звёздам. Вода успокоилась, потемнела, таинственное свечение исчезло окончательно.

Дядя Миша устало опустился на колени, свесил руки за борт. Андрей огромными округлившимися глазами смотрел то на него, то на воду,

не в силах вымолвить ни слова.

— С Днём Рождения, малой. Сегодня мы с тобой, почитай, заново родились, — не поднимая головы, рыбак хрипло рассмеялся, точно филин заухал.

— У меня уже третий, — буркнул Андрей. — Что это было?

— Да хрен его знает. Оно тут всегда было, сколько посёлок стоит. Да и ещё раньше, наверное, — рыбак перешёл на шёпот, прикрыл глаза. — Ещё до войны, говорят, буряты какого-то своего деда древнего притащили. Шаман, или что-то вроде того.

Тот в бубен постучал, помычал чего-то. Говорит, живёт-де в озере дух, божество. Гневается, что забыли его люди, вот и пропадают рыбаки-то. И пожары нечаянные нет-нет, да и вспыхивают, тоже по его прихоти, — дядя Миша обмыл окровавленные руки озёрной водой. — С тех пор, куриц и таскаем с собой. Гостинцы для твари этой, как шаман научил. Вот только, чтобы больше одной понадобилось… Такого уж лет двадцать не было, — он перевернулся на спину, привалился к борту, полулёжа. — Ладно, отделались.

— Дядь Миш, а ты его видел? Какое оно?

Рыбак повернул патлатую голову, глаза его

холодно блеснули. Спутавшиеся мокрые пряди облепили перепачканное кровью лицо.

— Тебе лучше не знать, малец. Лучше не знать, — он выдавил жуткую улыбку. — Просто радуйся, что остался жив.

«Ты выжил…» — тихий шелестящий шёпот разнёсся над палубой.

Больше всего Андрею хотелось завыть по-волчьи. Но он только закусил губу и уставился себе под ноги.

Мощный удар тряхнул «Кракена», грозя перевернуть судно. Правый борт смяло словно картонку, катер накренился, зачерпнул воды. Повсюду вокруг, на поверхности озера, вскипали в светящейся бирюзе белые водовороты.

Одно за другим взметнулись к небу гигантские щупальца. Они извивались, вызывая в сознании омерзительные образы, били по воде, поднимая брызги и волны, исчезали на мгновение и снова взмывали вверх, цепляя борта судна.

Опыт не подвёл, старый браконьер нашёлся первым.

— Улов! — дядя Миша старался перекричать рёв бурлящей воды. — Отдадим ему улов!

Полоснув ножом по неводу, он проделал в сети дыру.

— Взяли!

Андрей ухватился за край невода. С трудом сохраняя равновесие, они подтащили сеть к корме, свесили вспоротый конец за борт. Блестящий серебряными чешуйками поток устремился в бурлящий водный ад. Дядя Миша снова затянул своё нудное гудение. Когда сверкающий каскад иссяк, они взялись за следующий невод.

Наконец, когда все четыре сети опустели, ярость твари поутихла. Щупальца скрылись под водой, прекратили попытки потопить искорёженное судно.

Андрей упёр руки в корму, уронил голову на грудь, лёгкие судорожно втягивали воздух. Дядя Миша настороженно оглядывался вокруг, оценивая обстановку.

— Ну слава Богу, всё, похоже. Весь улов на хрен…

Щупальца взлетели все разом, одновременно, залпом ударили в опасной близости от «Кракена», не оставляя надежды на спасение. Андрей не тронулся с места, только пальцы, как абордажные крюки, крепче вцепились в борт.

Вокруг, в пене и брызгах, бесновалась тварь. Бирюзовое свечение разрослось до невероятных размеров, казалось, всё озеро светится изнутри.

— Прости, Андрюха, — дядя Миша говорил тихо, но его решительный голос заглушил остальные звуки. — Сегодня ты, завтра я. Не держи зла.

Сквозь окружающий шум, вновь потянулось низкое горловое пение. Андрей обернулся. Он еще успел увидеть весло в руках дяди Миши, короткий замах, успел взглянуть в холодные, ничего не выражающие глаза. А потом голова взорвалась багровым, стало тихо и темно.

***

Что-то тёплое плотно окутывало Андрея. Точно запелёнатый, он не мог пошевелиться. Было хорошо и уютно, как в материнской утробе. Боли он не чувствовал.

Сознание возвращалось нехотя, не спеша. Андрей открыл глаза, но разглядеть толком ничего не смог. Он словно смотрел через мутное, подсвеченное бирюзой, стекло. В ушах стоял сплошной, тяжёлый гул.

Вокруг, то тут, то там, спонтанно возникали и тут же устремлялись куда-то вверх бликующие пузырьки.

«Воздух», — понял Андрей. — «Я что, под водой?»

Он вспомнил, осознал, что произошло. И ещё

он осознал, что именно так туго спеленало его.

Гигантское щупальце могучими кольцами обвилось вокруг тела. Парень чувствовал, как оно усиливает хватку, сдавливает всё сильнее и сильнее.

Андрей задёргался, пытаясь вырваться, но лишь напрасно израсходовал остававшийся в лёгких кислород. Он старался задержать дыхание, хотя понимал, что надеяться на спасение — глупо.

Тварь резко рванула, дёрнулась, увлекая парня навстречу источнику таинственного свечения. Он различал другие щупальца, постепенно опускающиеся под воду. Их движения стали текучими, гладкими, напоминали плавное покачивание гигантских водорослей.

Андрей взял себя в руки, пригляделся. Все щупальца сходились к ярко полыхающему столпу слепящего голубого огня. Глаза защипало так, что почти невозможно было держать их открытыми.

В бирюзовых всполохах медленно проявлялся грандиозных размеров силуэт. Объятый пламенем, он становился всё отчётливее, ясно проступили женские черты.

Хотя вся нижняя часть огромного тела скрывалась в огне, верхняя была хорошо различима: полная округлая грудь с устремлёнными вверх

сосками, хрупкие плечи, тонкая шея, украшенная ожерельем тлеющих искр. Откуда-то из-за спины вырастали ветвящиеся щупальца. На некоторых ветвях виднелись небольшие прозрачные коконы. В них уютно устроились маленькие человеческие зародыши. Тонкие концы щупалец служили им пуповинами.

Андрей уже различал широкое скуластое лицо: узкий разрез полуприкрытых глаз, изогнутые стрелки бровей, тонкий нос. Губы плотно сжаты. Голову венчала корона из переплетающихся языков пламени.

Вода и огонь встретились в этом странном месте. Взаимопроникновение стихий, вопреки законам физики и мироздания. Горячая вода и холодный огонь.

Окаменевший от увиденного, парень забыл о дыхании. Опомнившись, он понял, что дышит уже давно. Дышит водой, не испытывая ни малейшего неудобства.

— У-май, — прошелестело у Андрея над ухом.

Из-за его спины робко выплыла тонкая призрачная тень.

— Умай… — за ней последовала другая.

— Умай… Умай. Умай! — всё громче и громче, наперебой, зашелестели детские голоса.

Один за другим маленькие фантомы выскальзывали из-за его спины, устремлялись к объятой огнём гигантской фигуре. Они обнимали её, льнули к груди, украдкой бросали на Андрея благодарные взгляды. Их лица лучились счастьем и умиротворением.

Раскосые глаза резко распахнулись, вспыхнули ярко-голубым. Вода вокруг ритмично завибрировала, точно под ударами кожаного бубна, низкий гул нарастал.

«Дети… Дети вернулись к матери…» — нежный женский шёпот звучал прямо в голове Андрея. — «Новый цикл… перерождение…»

Бледные детские силуэты таяли на груди исполина. Андрей заметил, как на концах ветвистых щупалец набухают, будто почки на деревьях, новые коконы. Один, два, три… Пятнадцать.

«Но твоё… Твоё время еще не пришло…»

Вибрация стала чаще, гул превратился в низкий утробный рык, потянулась монотонная, назойливая мелодия.

«Твоё время… Не наступит… Пока ты готов бороться!..» — шёпот сорвался на крик. Голос уже не казался нежным, он оглушал, расщеплялся, словно говоривших было несколько. — «Так борись же, дитя!»

Хватка ослабла. Парень судорожно забился, задергался, избавляясь от пут. Освободившись, Андрей с трудом скинул сапоги и широкими мощными гребками устремился к поверхности.

Когда он всплыл, озеро было спокойно. Неподалёку он разглядел примостившегося на корме «Кракена» браконьера. Дядя Миша напряжённо вглядывался в воду за бортом.

Озеро вспыхнуло холодной бирюзой внезапно, сразу, точно кто-то щёлкнул выключателем. Десятки щупалец взвились над поверхностью, вода забурлила, закипела, запенилась бурно.

Старый браконьер воздел руки к небу, запрокинул голову. Безнадёжный, полный страха и боли звериный рёв потонул в оглушительном плеске волн, в стоне водоворотов, в отчаянном плаче шторма.

Гибкое щупальце обвило ноги дяди Миши, взметнулось высоко в воздух, увлекая за собой, будто тот весил не больше рыбьей чешуйки. Другое щупальце обхватило плечи рыбака.

Рывок — и тело дяди Миши разорвано пополам, точно мягкая тканевая кукла. Кровь хлынула в пенящиеся волны, на барахтающегося в воде парня, окрашивая всё вокруг вызывающе яркими оттенками красного.

Напуганный и окровавленный, такой же, каким пришёл в этот мир, Андрей метался в бурлящей пучине. Щупальца взмывали в воздух и падали вниз, крушили беспомощный «Кракен», вздымались волны, вскипала вокруг вода.

Андрей барахтался, молотил по воде руками и ногами, захлёбывался, но оставался на плаву, стараясь покинуть разбушевавшуюся преисподнюю.

Откуда-то из глубины выплыл маленький лисий трупик, поблёскивая застывшими чёрными глазами. За ним, точно горящая погребальная ладья, последовал объятый пламенем автобус. Жестокие щупальца, фрагменты тела дяди Миши, клетки с мёртвыми птицами, памятники с могил одноклассников, блестящие чешуёй косяки рыб, петля с шеи учителя, шёпот, упрёки, насмешки, всё слилось в один ревущий водоворот.

«А ты живой…»

«…нужно перестать жить прошлым».

«Не держи зла».

Оглушённый стихией, Андрей плакал, кричал, надрывая связки. Казалось, лопнут залитые водой лёгкие. Силы оставляли его.

«Борись!»

***

Закрыв глаза, он лежал на холодном прибрежном песке. Мягче подстилки он и желать не мог. Накатывающие волны слегка щекотали босые ступни. Грудь высоко вздымалась, ветер выхватывал из приоткрытых губ и относил куда-то в сторону тихие хрипы.

Вместе с мягкими утренними волнами накатывались, заползали в голову отрешённые, чужие мысли. Как повернётся его жизнь, какая судьба его ожидает? Он не знал, что будет дальше. Но он точно знал, чего больше не будет никогда.

Не будет страха. Не будет чувства вины. Не будет самоуничижения и болезненной скромности, угрызений совести и зависимости от чужого мнения. Он будет свободен. Он будет бороться.

Андрей открыл глаза, увидел над собой стремительно светлеющее небо. Сел, помогая себе рукой, не обращая внимания на боль.

Насколько хватало глаз, раскинулась спокойная гладь озера. Над его блестящим зеркалом поднималось янтарное юное солнце. Золотая дорожка стелилась по воде, почти касаясь ног Андрея. Его время ещё не пришло.

«Живой!»

Откинув с лица упрямую седую прядь, он, улыбаясь, уверенно смотрел на рассвет нового дня.

Ошибка выбывшего
Павел Рязанцев

Неровное пламя билось об окна затопленной мраком комнаты. Семь зажжённых свечей окружали очерченный солью круг, в центре которого лежала обездвиженная жертва. Её беспомощные конечности были надёжно привязаны к перекрещенным доскам, словно развернувшееся действо было извращённой пародией на казнь Иисуса Христа. Извращённой и кошмарной до отвращения.

Страшно подумать, какие чувства переполняли несчастное создание, обречённое стать мучеником во имя возвращения сумрачного божества!

Перед жутким алтарём распластался служитель мёртвого культа. Его руки, казавшиеся жёлтыми на свету, высовывались из-под тёмного покрова и плыли в воздухе над телом безмолвной жертвы, а пальцы скручивались в невообразимые мистические пасы, изображая таинственные символы забытого алфавита, древнего как само человечество.

— Касымат! Урук-хай! Ни-шо! — шептал куль-

тист, напряжённо вглядываясь в широко распахнутые глаза распятого. — О, Великая Чучундра, Пожирательница младенцев, Пастырь чёрных овец. Яви Себя во всём Своём великолепии! Я хочу узреть Твои бездонные глаза!..

Жертва нервно задёргалась, ощутив инородное присутствие. Нечто, одинаково чуждое как ей, так и её палачу, неожиданно дало о себе знать. Культист, казалось, не замечал отдалённые шорохи и легчайшее дуновение ветра…

Дверь шумно распахнулась. Жрец подпрыгнул и завалился на бок, едва не опрокинув ближайшую свечу. Справившись с первым испугом и непослушным капюшоном, на мгновение перекрывшим обзор, культист вперил взгляд в сторону потусторонней сущности.

Яркий свет извне вычерчивал жуткий корявый силуэт, отдалённо похожий на человеческий. Огромная голова в форме то ли помятой пирамиды, то ли нарисованного дрожащей рукой треугольника на волнистой шее, утолщавшейся ближе к верху. Обвисшие уши с широкими блиноподобными мочками. Скрюченные пальцы с длинными когтями. Массивный, выпирающий вперёд живот поверх кривых ног.

Культист опустил голову и съёжился под тя-

жёлым взглядом невидимых ему глаз. Существо подняло когтистую лапу и принялось шарить по стене.

Раздался щелчок. Тьма рассеялась.

— Тима!

Тима лежал на полу, закутавшись в великоватую ему робу. Пламя свечей, некогда напоминавшее костёр, терялось на фоне тусклого света от люстры с энергосберегающими лампочками.

Пирамидоголовый монстр оказался беременной сестрой Полиной, облачённой в предельно клишированный костюм ведьмы (и в серьги в форме тыковок), и Женей, которому до рождения оставалось ещё два месяца.

— Что ты опять творишь?! Что ты сделал с Криси?!

— Я ничего такого не хотел! — затараторил Тима, спешно отвязывая грызуна от досок. — Мне просто нужно было принести кого-нибудь в жертву Чучундре! — Мальчик поднялся и протянул сестре заёрзавшую в руках крысу.

Полина всмотрелась в острую мордочку Криси; грызун, узнав хозяйку, расплылся в подобии улыбки.

— В жертву принести… Чучундре. Вот дуралей… Ну и как, вызвал своего демона? — ядовито

скривилась старшая сестра.

Тима смерил её с ног до головы.

— Даже двух, — пробормотал он, не решив до конца, хочет ли он, чтобы сестра услышала ответ.

— Давай, сворачивай свой недоалтарь и выходи! — Обычно Полина устраивает долгие и громкие разборки, но на этот раз ей было не до этого. — Не хочу опаздывать на тусняк из-за твоих закидонов, — добавила она и удалилась с крысой в руках, не потрудившись выключить свет или хотя бы прикрыть за собой дверь.

Печально вздохнув, Тима закрыл дверь сам. В который раз он пожалел, что родители отказываются устанавливать на неё замок, или хотя бы обычную щеколду. Ритуал сорван, а ночь, подобная этой, бывает лишь раз в году. Но делать нечего. Мальчик вытащил из-под кровати потрёпанную школьную тетрадь и с кислой миной пролистал её страницы.

«Долгие часы размышлений и поисков в Интернете. Все эти походы в лес и за гаражи, все эти приготовления — и всё зря!»

Серые страницы в широкую линейку запечатлели на себе загадочные формулы, рисунки диковинных и жутких существ, отрывки ко-

рявого, едва читабельного текста и громкие заголовки: «Призыв Кровавой Мэри», «Призыв Слэндермэна», «Коридор в Закулисье» и многие, многие другие. В неровных кружках напротив большинства из них были выведены жирные кресты.

Кружок напротив заголовка «Призыв Чучундры» дразнил своей незаполненностью.

— Может быть, всё это работает лишь в определённое время? — пробубнил Тима, ставя крест на прерванном ритуале. — А вдруг это могло сработать только сегодня, в Хэллоуин? Умеет же Поля припереться, когда не надо! Поля-корова… — он швырнул тетрадь и ручку с обгрызенным колпачком на кровать.

Раньше Тиму не брали на праздник. Более того, раньше от праздника-то было только название, а на этот раз кое-кто подсуетился и организовал настоящую костюмированную вечеринку. А раз сестра заглянула в Тимину комнату, значит, родители уже собрались, и ждали только его. Мальчик пригнулся к полу и разом задул все свечи, после чего переставил их на стол. Только сейчас, когда ритуал уже завершился, до мальчика дошло, что он не удосужился задёрнуть шторы, из-за чего, в случае успеха призыва, кто-нибудь

мог заметить Чучундру.

«Ей бы это не понравилось».

Глаза Тимы уже начинали щуриться и слипаться, ибо он не привык бодрствовать столь долго и до столь позднего часа — родители вечно старались уложить его спать пораньше. А ведь это сильно мешало: не каждого монстра можно призвать днём на выходных! Запоздало зашторив окна, Тима выключил свет и подхватил тетрадь с ритуалами — ещё раз посмотреть, всё ли он правильно делал.

«Блин, а вдруг всё надо было делать наоборот?»

Взгляд мальчика упал на зеркало. Уличный свет, худо-бедно просачивавшийся сквозь крошечные интервалы между коричневыми полотнами шифона и белыми оконными рамами, едва вылавливал из тьмы очертания мебели и некоторых предметов: свечей, книг на полке, зеркала на стене, двух силуэтов в нём, блестящую латунью дверную ручку…

Ручка резко опустилась. Тима обернулся, а его сердце чуть не выскочило из груди. Казалось, что дверь открывается слишком медленно…

— Ты уже готов?

Знакомый голос разом смыл тревогу, словно

растворитель краску с картины. Тут же в проёме появилась кудрявая голова, а затем и всё остальное, облачённое в костюм скелета.

— Да, мам, — выдохнул Тима, невольно улыбаясь и натягивая на голову капюшон. — Уже иду!

— Хорошо! — весело подмигнула мама и тоже натянула на голову свой капюшон, демонстрируя сверкающий белизной череп.

Затем женщина вернулась в коридор и прикрыла дверь. Пока та закрывалась, Тима заметил, что кости на костюме светились тем ярче, чем темнее становилось кругом.

«Это даже круче, чем мой костюм сектанта!»

Увлечённый мыслью о маскарадном костюме, Тима не почувствовал лёгкое, эфемерно-воздушное прикосновение к спине.

Цепкие, словно щипцы, руки схватили мальчика за плечи и рывком развернули. Вскрикнув от неожиданности, он упёрся взглядом в тёмное ничто. Лишь спустя несколько мгновений глаза выцепили шероховатый столб позвоночника, не обременённого ничем, кроме нескольких пар рёбер.

В животе похолодело. Тима поднял голову.

Высохшее бледное лицо с провалившимся носом.

Бездонные глаза.

Вместо вопля ужаса из горла мальчика вырвался только хрип, похожий на сиплое бормотание пьяницы.

Тима не смог отвести взгляда от чёрных кругов пустых глазниц, даже когда они сменились космическим простором раскрытой пасти…

***

— …слышишь, *ктулхист* хренов? Вылезай из своей пещеры, а то без нас всё съедят!

Полина вошла ещё бесцеремоннее, чем прежде. Скудное уличное освещение не позволяло сходу разглядеть низкорослую фигуру в робе, если таковая здесь была. Снова нашарив на стене выключатель и вернув миру вокруг определённость, Полина нервно усмехнулась.

— Ладно, сейчас ты меня напугал… Выходи, ну! «Шалость удалась» и всё такое…

Раскрытая на кровати школьная тетрадь в линейку смотрела в потолок загадочными формулами, рисунками, отрывками корявого, едва читабельного текста…

— Тима, г-где ты?

Что явно было не так. Ни под кроватью, ни в шкафу никого не оказалось.

Зато кружок напротив «Призыва Чучундры» злорадно щеголял галочкой.

Рождённый тьмой
Роман Дремичев

(под редакцией Александра Лещенко)

1. Муж

Пётр встретил Анну совершенно случайно. Он тогда учился на 2-ом курсе Уральского Исследовательского Института и занимался научными экспериментами с биологическими материалами. Однажды он пришёл в местную библиотеку и, набрав кучу научных книг, необходимых для исследований, отправился в читальный зал.

Пётр был настолько погружён в свои мысли, что, положив книги на стол, едва не сел в кресло, где уже лежала маленькая чёрная сумочка. Он её словно и не заметил. Милая девушка с длинными светлыми волосами в алой блузке и полосатой юбке, до этого пристально изучавшая какие-то странные изображения в старой потёртой книге, громко вскрикнула. Она едва успела выхватить сумочку из-под Петра. Тот с удивлением и лёгким испугом взглянул на девушку. Их глаза встретились, и казалось, некая живая искра про-

мелькнула между ними.

Пётр слегка покраснел, извинился, облизал почему-то в один миг пересохшие губы и уткнулся в первую подвернувшуюся под руку книгу. Девушка некоторое время искоса смотрела на него, затем загадочно улыбнулась и вернулась к своим делам, так ничего и не сказав.

Они встречались после этого ещё не раз, но всегда лишь мельком. То Пётр куда-то спешил, то девушка была со своей группой с другого факультета или с толпой шумных и весёлых подруг. Но однажды всё изменилось.

Он хорошо запомнил тот вечер перед самым Новым Годом — в институте был устроен праздничный бал — тёмная, нависающая искрящимся куполом ночь, яркие разноцветные огни и блестящая мишура, лёгкая музыка, игристое вино. Пётр и девушка снова встретились, и на этот раз состоялось, если можно так сказать, их официальное знакомство. Он узнал, как её зовут. Анна.

А потом всё закружилось, завертелось в неистовом вихре чарующей праздничной ночи. Волны лёгкого дурмана от нереальности всего происходящего неудержимо влекли их вперёд. Они смеялись, болтали о чём-то, танцевали, пили вино и шампанское. Всё закончилось у неё дома…

С тех пор они не расставались. Когда сдали выпускные экзамены и защитили дипломы, то сыграли свадьбу и вот уже десять лет жили вместе. Прекрасная молодая семья, говорили многие знакомые люди. Удивительная пара, шептались завистники. Лишь одно омрачало их жизнь — отсутствие детей. Анна всё никак не могла забеременеть. И от этого их уютный тёплый мирок наполнялся серостью. Но они не унывали. Ведь главное, что они любили друг друга…

***

Все эти мгновения счастливой и беззаботной жизни, словно в туманном видении промелькнули перед взором Петра. Мрак полнился искрами яркого света, вспышками синих цветов и какофонией жутких звуков. Внезапно образы прошлого стали ярче и слились в один световой вихрь, а затем странная багровая трещина перечеркнула всё видение, и мужчина понял, что, наконец, открыл глаза.

Мысли путались в гудящей голове, сердце ощутимо покалывало и билось, словно гулкий барабан африканских племён. Странные корчащиеся тени взметнулись перед мужчиной,

окружённые оранжевыми вспышками пламени.

Медленно Пётр приходил в себя и вскоре смог различить над собой тёмный свод неба, полный сияющих звезд и обрамлённый пышными верхушками высоких сосен.

Пётр не мог понять, где он и что с ним случилось. Тошнота подкатывала отвратительными волнами, но он сдержался, мысли путались и убегали вдаль, оставляя после себя только горькие воспоминания. Мужчина постарался внимательнее оглядеться вокруг. С большим трудом приподнял тяжёлую голову и скользнул одурманенным взглядом по небольшой лесной поляне.

Здесь горели несколько больших костров из толстых поленьев и ветвей, их танцующее пламя взметалось вверх, разгоняя ночную тьму, а за ними, у подножия деревьев, клубился мрак. Было очень жарко.

Пётр понял, что лежит на камне — довольно холодном, несмотря на наплывающий волнами жар от костров и тепло летней ночи. Он разглядел так же резные, испачканные чем-то красным деревянные столбы, украшенные сверху какими-то блестящими предметами с перьями. А перед ними скакали смутные размытые тени. Противный монотонный гул давил на виски и терзал

слух. Мужчина попытался сконцентрироваться и вот, наконец, реальность леденящим потоком обрушилась на него.

Серые тени превратились в фигуры людей в балахонах с низко надвинутыми на лица капюшонами. Они дико извивались в жутком танце и издавали непонятные резкие звуки, которые бились в голове, вызывая тошноту.

N`gtha`yug T`han M`glah Nkih
Tran`g Yithit You`rd M`na
Iä! Iä! Shub-Niggurrath
Iä! Iä! Niggur-Shubrath

Смысл этих звуков — или слов неведомого языка — был Петру не понятен, но сила и мощь, заключённые в них, пульсировали в воздухе и разливались упругими волнами над уединённой поляной, терзая сознание.

«Что происходит?» — неслышно кричал Пётр внутри себя. — «Что это ещё за хрень?»

Но мысли мужчины путались и лениво таяли, словно снег под палящим солнцем. Последнее, что он помнил — это спокойный и уютный вечер дома, проведённый с любимой женой при свечах. Они вкусно поели — было что-то из мексиканской кухни — слушали тихую инструментальную

музыку, танцевали, а потом сплелись в клубке страсти на мокрых от любовного сока простынях. Пётр уснул счастливый и опустошённый в своей постели, а проснулся…

«Может это сон? Жуткий, очень реалистичный, но всего лишь сон? И вот-вот это безумие прекратится?»

Пётр через силу попытался пошевелиться, но резкая боль в тех местах, где его руки и ноги были связаны крепкими грубыми верёвками, отрезвила его.

«Нет, похоже, что не сон! Тогда что же происходит?»

Мужчина приподнял голову ещё выше и оглядел себя. Он лежал на широком тёсаном камне — словно ягнёнок на жертвенном алтаре — а его руки и ноги были привязаны к ржавым кольцам, расположенным по углам грубой плиты. Свежая кровь покрывала всё его обнажённое тело; а к груди то тут, то там прилипли ошмётки сырого мяса. И тогда ужас разящей волной проник в сердце, едва не разорвав его.

Пётр ещё раз испуганно осмотрелся вокруг — и более чётко узрел всю картину. Около алтаря находились три бронзовых жаровни, в них на углях танцевало голубоватое пламя, а между ними

были установлены стальные шесты, украшенные резьбой в виде переплетённых лоз. На них висели куски окровавленного мяса, полоски содранной кожи и головы кошек и собак, с которых на землю ещё капала кровь.

Внезапно краем глаза Пётр увидел, как одна из фигур в балахонах приостановила танец и шагнула к алтарю, взметнув вверх тонкие руки. Её голос стал громче, в нём прозвучали странно знакомые нотки. Горячая кровь водопадом оросила лицо мужчины, он расслышал мерзкий звук рвущейся плоти. Подняв взгляд, увидел в руках женщины чёрную кошку, чье горло было безжалостно изрезано острым каменным ножом.

Ещё миг и трупик бедного животного был отброшен в сторону. И тогда мрачное песнопение зазвучало ещё громче, ещё яростней и ещё надсаднее. Фигура в балахоне изящными пальцами распустила поясок на талии и распахнула одежды, явив женское обнажённое тело, покрытое странными рисунками и знаками в области живота и ниже. Судя по всему, их нарисовали кровью. Блестящие от пролитой на них крови груди встопорщились, устремив вверх набухшие соски.

Всё это Пётр видел лишь мгновение, ибо свет

танцующего пламени высветил лицо женщины — и ещё больший ужас охватил пленённого мужчину.

Это была Анна, его жена — милая, добрая, нежная, умная, весёлая. Любимая… Сейчас на её лице не было заметно ни единого следа эмоций. Оно словно превратилось в каменную маску, живой блеск в глазах исчез, казалось это неземные омуты, полные ртутной жидкости с чернильным сиянием. Бескровные губы продолжали говорить странные слова, что раскалёнными клинками впивались в измученный мозг мужчины, и им вторили другие люди в балахонах, скрывающиеся за жаровнями у высоких костров.

Пётр словно застыл на месте, не веря своим глазам.

Его онемевшие сухие губы с трудом шептали:

«Аня, Анечка, милая моя!»

Но Анна словно не слышала его. Казалось, что она не просто не замечает своего мужа; казалось, что она никогда его прежде не встречала и никогда не любила.

Пётр ещё совсем недавно касался её тёплых губ, слышал страстные стоны, ощущал обжигающее дыхание.

«Что же изменилось? И почему? Почему?!» —

кричала дрожащая душа мужчины, забившаяся в самый дальний уголок тела.

И словно в ответ на немой призыв Анна обхватила нож двумя руками, взметнула к тёмным небесам, и, глядя стеклянными глазами в пустоту и продолжая скандировать слова древней литании, опустила клинок резко вниз.

Пётр, будто дикий раненый зверь, забился в путах. Он чувствовал, как треснули ребра, когда острый клинок пронзил тело. Огненная боль неудержимым потоком проникла в самую суть Петра, в глубины души, безжалостно выжигая там всё, до чего могла дотянуться.

Он закричал — неистово и безумно, горячие слёзы потекли по щекам, смешиваясь с потом и кровью.

Всё это длилось лишь несколько мгновений, а затем стремительно со всех сторон из неведомых просторов хлынула тьма. И измученная сущность Петра утонула в омуте вселенского мрака, растворившись в запредельном тумане.

Лишь протяжное затухающее эхо скользнуло в пустоте:

«Аняяяя!!!»

Он уже не увидел, как среди кустов и стволов деревьев замелькали чьи-то силуэты, и разда-

лись громкие крики.

2. Жена

Анна очень любила Петра — любила больше жизни и хотела жить с ним долго и счастливо, но судьба всё изменила. Женщина мечтала о детях. Безумно хотела родить ребенка. А потом растить дитя, выношенное в своём чреве, и слышать детский смех в комнатах квартиры, сейчас такой пустой и мрачной.

Но бог почему-то не дал женщине такой возможности. Последние несколько лет она много молилась, часто посещала местные храмы и церкви. Ездила в глухие деревеньки к слепым бабкам, к старикам-шаманам на севере, к знахарям, а также к тем, кто называл себя колдунами. Даже вступала в некие таинственные секты. Но всё было напрасно. Чувство вселенской безысходности мучило и медленно убивало её.

Однажды Анна примкнула к секте религиозных фанатиков, поклоняющихся древним богам и великим неземным силам. И седая жрица поведала ей, что нужно сделать, чтобы обрести столь страстно желаемое.

К тому времени, Анна уже словно жила в ином мире. Женщина отстранилась от окружающей

действительности, даже муж уже не вызывал той счастливой улыбки, как раньше. Нет, она зациклилась на одной лишь только мысли — зачать ребенка — и медленно отдалялась от этой суетной реальности, погружаясь в глубокую пучину отчаянья.

Под надзором старой ведьмы, Анна совершила все необходимые ритуалы, что были написаны в древней книге. Её высохшие страницы были сделаны из кожи живых существ, как и сам чёрный переплёт, с жуткими символами, серебряными пятнами и зеленоватыми подтёками. Старуха читала заклинания на мёртвом языке и таинственно улыбалась.

И вот наступил решающий день. Анна оказалась на уединённой поляне в уральском лесу, в глухой чаще, где до ближайшего жилья идти не один час. Её мужа — Петра — связанного и одурманенного, привезли сюда сразу же после полового акта с Анной. Сила древних богов через плоть, кровь и душу Петра должна зажечь в её чреве искру жизни. Так говорилось в книге «Vivificantem Sanguinem», написанной древним колдуном, обитавшим в глуши Чёрного леса в Европе в XVII-ом веке.

Анна почти неосознанно вскинула нож и вон-

зила лезвие в распростёртого на лесном алтаре мужа. Руки, наполнившиеся неведомой силой, не дрогнули, когда резали плоть и ломали кости.

Женщина не слышала мучительные крики, продолжая неумолимо читать литанию, которой её научила старуха-ведьма:

Iä! Iä! Shub-Niggurrath
Iä! Iä! Niggur-Shubrath

Вскоре Пётр, истекая кровью, замер на холодном камне, живой свет в глазах потух и они остекленели. Однако Анну, сжимавшую окровавленный нож, это не волновало. Она уверенно вскрыла мужу грудную клетку, как уже делала несколько раз во время других обрядов — только тогда умирали животные — и резким движением вырвала сердце, наполненное остывающей кровью.

Анна подняла сердце к небесам и крепко сжала, направив поток тёмной крови себе в рот. Густая, омерзительная на вкус жидкость, казалось, обожгла все внутренности женщины, наполняя их неземным теплом, которое начало стекаться в низ живота. В матку.

Закрыв глаза, Анна прижала сердце мужа к животу и продолжила выдавливать кровь, растирая

её по телу. Запрокинув голову к небесам и закрыв глаза, женщина хрипло шептала слова странного заклинания. Тёмные багровые потоки устремились к выбритому лону, заструились по бёдрам, стекали на землю.

Невероятное чувство покоя накрыло Анну плотным коконом, туман в голове взметнулся, закружился, и она услышала чужие, неземные голоса, доносящиеся словно из-за самого края вселенной — пространственной вуали, полной искрящихся миров. Так хорошо она себя ещё никогда не чувствовала…

Но всё это оборвалось в один миг.

Внезапно в лесном мраке послышались громкие крики, заметались лучи фонариков, громыхнуло несколько выстрелов, зазвучали голоса и удары чем-то тяжелым. В ответ раздавались стоны и предсмертные хрипы.

Словно поднимая тяжёлые каменные плиты, Анна с большим трудом разлепила воспалённые глаза и оглядела представшую перед ней сцену.

Две жаровни, опрокинутые, лежали на земле, рассыпавшиеся угли медленно тлели и умирали. Вокруг мелькали тени и серые фигуры. Кто-то надсадно кричал, кто-то скулил в кошмарной агонии, захлебываясь кровью. На поляне тут

и там были видны неподвижные тела — одни уже отошли в вечность, другие были ещё живы, но пребывали в глубоком беспамятстве.

Тьму разрывали яркие вспышки и грохот выстрелов. Паника завладела сердцами всех, кто находился на поляне. Внезапно из темноты, прямо перед Анной, появилась фигура высокого мужчины в полицейской форме. Гнев и ярость сверкали в его стальных глазах, на небритой щеке блестела кровь, сочащаяся из тонкого пореза. В руке он сжимал пистолет, направленный прямо в сердце женщины. Ёще миг — и он нажмёт на спусковой крючок.

— На землю, мразь! — прокричал незнакомец, и голос был полон громыхающего металла. — Ложись, я сказал!

Но Анна не понимала слов — её разум был сейчас далеко, лишь обрывки неземных видений роились ещё перед глазами, медленно исчезая в звенящей пустоте.

Когда мужчина крепче сжал рукоять пистолета, готовясь выстрелить, серая взлохмаченная тень метнулась из тьмы и вонзила гнилые зубы ему в шею, разрывая плоть. Старая жрица.

Незнакомец закричал от боли и ударил нападавшую рукояткой пистолета в лицо. Послы-

шался отвратительный хруст. Затем прозвучал выстрел, и старуха упала у подножия алтаря кучей грязного тряпья. А мужчина, зажимая рану рукой, рухнул рядом, содрогаясь в агонии. Между пальцев фонтаном била кровь.

Умирая, старая жрица прокричала:

— Беги! Беги, глупая! Очнись и беги… Спасай нашего… — но тут она захлебнулась собственной кровью.

Анна резко пришла в себя. Словно затравленное животное, быстро оглянулась по сторонам. Уронила на землю нож и сердце Петра. А затем метнулась в сторону леса, низко пригибаясь к земле. Двое мужчин в форме стражей порядка заметили женщину, стали стрелять в спину, а потом бросились в погоню. Но быстро потеряли из виду — ночной мрак как будто поглотил её.

Анна стремительно неслась среди деревьев, прорывалась сквозь кусты, ныряла в овраги и пересекала тихие ручьи. Сердце бешено колотилось, в висках стучало, дыхание с хрипом вырывалось изо рта.

И всё же она бежала ни куда глаза глядят. Нет. Она знала, куда нужно двигаться. Там должен был совершиться последний акт древнего обряда.

Босые ноги женщины были покрыты порезами

и занозами, кровь струилась по бедру, расцарапанному о жёсткую кору дерева. В плече засела шальная пуля. Слёзы текли неудержимыми потоками по щекам. Но словно обезумевшая, она, не останавливаясь, упрямо бежала вперёд, запиналась о торчащие из земли корни, падала лицом в грязь, вставала и мчалась дальше.

А вот и заветная цель. Небольшой каменный склеп, заброшенный сотни лет назад, словно вросший в тело ближайшего холма. Каменная чёрная плита, покрытая отвратительными пятнами и мерзкими тёмными потёками, закрывала вход. Ещё на ней еле виднелся почти стёртый от времени кривой богохульный символом.

Тяжело и надсадно дыша, харкая кровью, Анна дрожащими пальцами отыскала неприметный камешек и что было сил нажала на него. Она молила Древних, чтобы у неё всё получилось. С глухим треском плита ушла в сторону. Женщина провалилась во мрак и скатилась вниз по каменным ступеням. Плита за спиной встала на место, отрезав женщину от мира живых. Но в голове Анны билось лишь одно — успеть, успеть!

Далее шёл узкий коридор из крошащихся кирпичей, уходящий под наклон. Мрак плотным

покрывалом окружал Анну со всех сторон. Спустя некоторое время она, окровавленная и почти лишённая сил, вывалилась в нижний зал и растянулась на щербатых плитах.

Женщина хрипло дышала, острая боль невыносимо терзала всё тело, но она ещё чувствовала внутри то тепло, что получила у алтаря. Осталось совсем чуть-чуть!

Понимая, что ей уже не встать, почти теряя сознание, она прошептала сухими губами:

— Великая Мать прими и сохрани.

Fhta`ngth On`thoy Gh`tan
Ngha`tgnt H`det Stg`hna
Iä! Iä! Shub-Niggurrath
Iä! Iä! Niggur-Shubrath

— Прими и сохрани, — последние слова были едва слышны в тишине древнего склепа.

Сознание Анны погружалось в бурлящую тьму. Тело расслабилось и замерло на пыльных камнях, сердце женщины остановилось. И тогда нечто большое, слизкое и зловонное осторожно выбралось из мрака и всей массой легко опустилось на тело Анны, разрывая плоть и доставая из глубин искру жизни.

3. Дитя

Душная раскалённая тьма расступилась, и с хлюпающим звуком что-то мягкое и покрытое липкой слизью легко упало на каменный пол. Нечто большое и живое — тёмная пульсирующая масса — отступило в дальний конец зала, исчезнув в разломе в стене, который вёл в подземные пещеры и катакомбы, полные склепов древних владык.

Существо, почти невидимое в полной темноте, зашевелилось, послышались звуки мерного дыхания и лёгкий скрежет. Оно заворочалось и внезапно поползло вперёд. Его вели природные инстинкты — жажда жизни, жажда пищи. Оно нашло мёртвое тело. Во мраке послышались чавкающие звуки, треск рвущегося гнилого мяса и хруст ломаемых костей.

Когда существо насытилось, оно замерло, пролежав так довольно долгое время. Набравшись сил, вновь перекусило, а затем устремилось вперёд по проходу, откуда долетал лёгкий прохладный ветерок. Продвигалось всё дальше и дальше, пока не достигло конца прохода — там крепкий камень преграждал путь. Однако, словно по молчаливому приказу, каменная плита бесшумно сдвинулась в сторону, и призрачный свет голубой луны и далеких звёзд просочился

внутрь, упав на существо.

Рождённое во тьме существо шагнуло наружу. В лучах лунного света на небольшой поляне у дверей древнего склепа стояла человеческая фигурка. Это был рёбенок лет четырёх, с бледной кожей, покрытый каплями крови, чёрной жидкостью и какими-то тошнотворного вида ошмётками. Он удивленно и в тоже время спокойно смотрел на луну, зависшую над притихшим лесом. Ночное око небес, словно магнит, притягивало его взгляд.

Ребёнок сжимал обглоданную, покрытую гнилью и трупными пятнами, женскую руку.

Спустя некоторое время чёрная туча скрыла луну, и рёбенок исчез, растворившись во мраке. Когда же ночное светило вновь взглянуло на это таинственное место — там никого и ничего уже не было. Исчез даже старинный склеп.

Квартирант
Максим Кабир

— А главное, — сказала Лидия Петровна, протискивая громоздкий зад между кроватью и стеллажом.

Жестом иллюзиониста отдёрнула сиреневую занавеску и поманила Гену Рысеева. Парень послушно приблизился, и по ногам резануло сквозняком. За окнами, за золотыми кронами рощицы, виднелся живописный пруд, окаймлённое бетоном, подёрнутое лёгкое рябью зеркало с опрокинутыми облаками, дрейфующими по водной глади.

Лидия Петровна смотрела снизу вверх, оценивала реакцию возможного жильца. Собранные на макушке волосы натянули скальп, и на старушечьей физиономии зафиксировалась лёгкая озадаченность. От неё исходил пряный аромат яблок и корицы, и вся она была как пирог, сдобной и мучной.

— Купавенский пруд, — тоном экскурсовода, сказала женщина. — Вырыт в восемнадцатом веке. На том берегу — отсюда не видать — стоял

дворец царицы Елизаветы. Сам Растрелли проектировал. А сейчас — кинотеатр «Владивосток». Вы же тоже вроде в кинотеатре работаете?

— Ага. В «Пяти звёздах» на Павелецкой.

— Да это же доплюнуть можно! — расцвела Лидия Петровна. — С Марксистской на Таганскую, а там, через остановку — на зелёную ветку.

Рысеев кивнул, вновь оглядел комнату. Кровать, тренога с гладильной доской, полки, тумба. В блеклых лучах октябрьского солнца кружились пылинки.

— Получается, — Рысеев потеребил светлую бородку, которая, как он надеялся, делала его старше и солиднее, — четырнадцать тысяч плюс счётчики?

— Дешевле в Перово не сыщите, — затараторила хозяйка. — До метро рукой подать, парк, пляж опять-таки. Я вам, как своему, месячный депозит на две части поделю.

— Тогда, — Рысеев улыбнулся, — будем составлять договор?

В коридоре его внимание снова привлекла запертая дверь. К светло-коричневому полотну из ДСП крепилась дешёвая картинка с 3D-эффектом: весьма упитанный тигр отдыхал в зарослях бамбука.

— А это Митеньки апартаменты, — ласково сообщила Лидия Петровна и зашелестела бумагами. — С весны арендует, довольный. Правда, он сейчас у родителей гостит в Казане, так что вы, Геннадий, временно на хозяйстве.

Заполнив договор и внеся предоплату, счастливо звеня ключами от первой своей столичной квартиры, Гена Рысеев отправился в Лобню за вещами. Дима Сомов переехал из Харькова полгода назад, но уже сменил мягкое украинское «гаканье» на протяжный московский акцент. У друга Рысеев безвозмездно квартировал в течение месяца.

— Я больше не бомж! — воскликнул Рысеев и вручил Диме бутылку коньяка.

Сомов махнул рукой, и на ладони материализовались рюмки. Зарабатывал он, показывая фокусы.

Товарищи отметили, закусывая алкоголь лимоном и макаронами по-флотски. В Перово Рысеев ехал хмельной и счастливый. Поболтал с мамой, маршируя от станции. С непривычки заблудился среди берёз и новостроек. Вон она, угловая двенадцатиэтажка. Опрятный двор, чистый подъезд. И всё вызывает эйфорию, даже предвыборная агитация в лифте.

Дома (какое приятное слово!) он включил на ноутбуке «Раммштайн», нагрел воду и принял душ, подпевая Линдерманну. Душевую кабину и кафель не мешало бы отскоблить от грибка. Слив оказался забит, пена достигла щиколоток, и Рысеев, повозившись, вынул целую пробку волос, больше похожих на собачью шерсть. Брезгливо швырнул в унитаз.

Распаренный, он варил кофе и изучал содержимое ящиков. Тарелки, вилки, ложки, сахар, соль. Чашка с размашистой надписью «Митенька». К холодильнику был приклеен магнит, широко улыбающийся рыжий пёс. Рысеев отворил дверцы и из морозного нутра дохнуло несвежим. Прокисла уха в крапчатой кастрюльке. Он поколебался и заткнул посудину крышкой. Пусть сосед сам разбирается со своими продуктами.

Сквозь гремящий индастриал раздался скрип. Стук, точно дверная ручка ударила о стену. Рысеев застыл, удивлённый. Затем быстро вышел в коридор. Входная дверь и дверь Митеньки были заперты. Переливались жёлтые глаза трёхмерного тигра. Рысеев пожал плечами: почудилось.

На следующий день он встал выспавшийся и полный сил. Не смог найти зубную щётку, хотя точно помнил, что помещал её на туалетную

полку вчера. Время поджимало, и он почистил зубы пальцем. Позавтракал хлопьями и выскочил в холодное, затянутое сизым туманом, утро. Морось висела в воздухе, с пруда дул промозглый ветер, и деревья призывно качали спутанными ветвями.

Яркий мазок выделялся на влажном асфальте в полуметре от Рысеева. Он уставился, огорошенный, на зубную щётку, голубую, совсем, как его. Запрокинул голову, отыскал пятый этаж. Окна, естественно, были закрыты. Никто не швырялся из пустой квартиры приспособлениями гигиены. Мало ли в Москве голубых щёток?

В кинотеатр он прибыл за двадцать минут до начала рабочего дня. Показывали «Крым», «Кингсмана», «Оно». Рысеев проверял билеты и указывал зрителям их места. К вечеру ему казалось, что он пропах карамелью и выучил наизусть реплики Пеннивайза. Он был солидарен с Сомовым: работа — не бей лежачего. Но в будущем парень надеялся заиметь уютное кресло в каком-нибудь офисе. Всё же дипломированный бухгалтер.

***

Чемоданы, не распакованные со вчера, ока-

зались перевёрнутыми, одежда вывалилась на ковёр.

— Как я так умудрился? — спросил он в тишине.

И решил, что опрокинул своё добро, торопясь утром. Он убрал джинсы и свитера обратно в чемоданы, поужинал гречневой кашей и прыгнул на кровать с ноутбуком. От фильмов тошнило, он врубил музыкальные клипы и бесцельно скролил новостную ленту.

Надежды окрыляли, тревоги душили. Появится ли у него, лимиты, девушка тут? А деньги — будет их хватать? И мама — справится ли одна?..

Серая тень прошла в зоне расфокуса за монитором. Рысеев вздрогнул. Взор переместился на дверной проём. Свет из комнаты проникал в коридор, но не разгонял полумрак. Вешалка, увенчанная бейсболкой, напоминала огородное чучело. Крупные цветы на обоях собирались в гротескные фигуры.

«Глаза устали», — понял Рысеев.

Захлопнул ноут. Зевнул. Пора баиньки.

Он пробудился ночью и резко сел. Комната вращалась, зыбко изгибались стены. Рысеев заморгал, пытаясь устаканить мир. В дверях, высокий, до притолоки, стоял человек, длинные

руки были разведены в стороны, словно для объятий.

Рысеев потёр веки и выдохнул облегчённо. Это темнота слоится, сгущается и разжижается из-за тусклого мерцания за занавесками. В квартире нет никого.

И всё же что-то его разбудило. Звук, будто в коридоре ходили.

Или ползали.

Ругая себя за малодушие, Рысеев поковылял в ванну. Сквозняк обдувал икры. Тигр следил, прячась за бамбуковыми стеблями. Повинуясь порыву, парень подошёл к картинке и покрутил ручку, поцарапанный алюминиевый набалдашник. Заперто. Как иначе? Повеяло запахом мокрой шерсти, грязной псины. Рысеев отпрянул инстинктивно. Может забывчивый Митенька оставил в комнате продукты, и они испортились?

В ванной заворчали разбуянившиеся трубы. Рысеев поёжился и ругнулся.

***

Рабочий день подходил к концу. На экране отважные касл-рокские подростки уничтожали дьявольского клоуна. Рысеев рассеянно водил

взором по залу, пока не упёрся в шевелящийся объект справа от себя. За последними возбуждённо перешёптывающимися рядами возвышалось нечто длинное и неправильное, силуэт с перекрученными лапами и вздымающейся грудной клеткой, огородное пугало, болотная коряга, трепещущее на октябрьском ветру дерево. Корпус фонарика скользил в мгновенно вспотевших пальцах. Луч ковырнул темноту.

— Да что со мной? — раздражённо поинтересовался Рысеев.

***

Вечером он брезгливо изучал собственные джинсы, распятые на постели буквой «V» и прижимал к уху мобильник. Ответили после седьмого гудка.

— Лидия Петровна? Это Геннадий, — он разгладил штанину механически, — вы были сегодня у меня?

— Нет, — щелчки в динамике. — Я предупреждаю о визите.

— В таком случае… — он замешкался.

— Что произошло?

— Я думаю, кто-то трогал мои вещи. Штаны вывернуты наизнанку. И кофты, хотя я не доставал

их из чемодана. И уха съедена.

— Подожди, заенька, — раздалось в трубке, Рысеев не сразу понял, что фраза предназначена кому-то третьему. — Простите, моя внучка… Так что там съели, вы говорите? Вашу уху?

— Не мою. В холодильнике стояла кастрюля с прокисшей ухой. Её съели или вылили. Кастрюля пуста.

— Это невозможно, — судя по голосу, хозяйка улыбалась. — Ключи есть только у меня, у вас и у Митеньки.

— А Митенька не мог вернуться?

— Вы бы его увидели, так?

— Так, но…

— У вас ничего не пропало? Деньги, паспорт?

— Всё на месте.

— Должно быть, вы сами… — она кашлянула, — вылили суп, и забыли об этом.

— Уху, а не суп, — зачем-то исправил он.

Ему приснилась рыжеволосая девочка с лицом юной актрисы из экранизации Кинга. Они держались за руки, и Рысеев всё переживал, что его подружка несовершеннолетняя.

Утром комнату будто завесили паутиной. Тусклое солнце едва высвечивало чемоданы в углах. Парень мазнул ладонью по торсу, и взвился.

На белой постели, на жёлтой майке отпечатались следы собачьих лап. Точно грязная дворняга наматывала круги, пока он дрых, а потом стояла всеми четырьмя культяпками на его груди и… и что? Нюхала его?

Дважды Рысеев оббежал квартиру, и оба раза утыкался в запертую комнату, в желтоглазого тигра.

Это не имело никакого смысла, но на простынях, на ткани футболки вырисовывались тёмно-коричневые отпечатки.

«Ты запачкался сам», — убеждал рационализм.

— Чёрта с два, — процедил Рысеев.

В субботу он пригласил к себе Сомова.

Друг посидел на корточках под дурацким тигром и вынес вердикт:

— Проще пареной репы. Шпилька есть?

— Откуда?

— А скрепка?

— Есть!

Кончик скрепки погрузился в замочную скважину.

— А запереть сможешь?

— Запрём, не бойся. Только… что ты там хочешь увидеть?

— Не знаю, блин. Но, Димка, я клянусь, сегодня

ночью в коридоре снова кто-то шаркал.

— Угу. То есть твой сосед прячется неделю, чтобы разыграть человека, с которым он не знаком?

— Наверное, нет. Но мне не помешает убедиться. Иначе…

«Иначе я свихнусь», — не договорил он.

Замок щёлкнул, Сомов выпрямился и сказал:

— Если за дверью будет стоять Митенька, я обделаюсь.

Дверь скрипнула. Рысеев уже слышал этот звук. Когда мыл голову, тужился на унитазе, когда спал…

В комнате царил полумрак.

— Ну и запашок, — сморщился Сомов. — Как в собачьем приюте.

Сквозь носки Рысеев почувствовал, что ковёр мокрый. Мокрый, липкий и вонючий. Стены в отведённой ему комнате драпировали новые обои с геометрическими орнаментом, здесь же обои были старыми, изодранными в лохмотья у плинтусов. Словно пёс чесал когти. Занавески практически не пропускали свет, но коридорной люстры хватило, чтобы заметить отпечатки пальцев на внутренней поверхности дверного полотна. А ещё царапины на нижней части двери.

— Съезжал бы ты отсюда, приятель, — прокомментировал Сомов.

Они вращали головами в сумерках. Никаких личных вещей, техники, сувениров, книг. Вообще ничего, кроме кровати, застелённой серой простынёй в пятнах гнили. Рысеев поймал себя на мысли, что его не удивили бы растущие на смятых подушках грибы.

— Пойдём-ка, — велел Сомов.

На пороге странной комнаты Рысеев спросил:

— Замок открывается и закрывается изнутри?

Сомов подтвердил. Орудуя скрепкой, он вдруг рассмеялся:

— Я считал, это у меня срач.

«Не больно ты веселился в апартаментах Митеньки», — подумал Рысеев.

— И что мне делать?

— Ничего. Это всего лишь загаженная комната. Ты в ней не живёшь.

— В ней никто не живёт. И ты сам сказал, что съехал бы на моём месте.

— Я погорячился. Плохая новость: у тебя крайне неаккуратный сосед. Хорошая: ты всегда можешь свалить. Но сначала дождись его и желательно сфотографируй. Ужасно любопытно посмотреть на Митеньку.

Через два часа, закрывая за другом входную дверь, Рысеев подумал, пьяно икнув:

«Мы не проверили под кроватью».

Длинные края простыни. За ними легко схорониться.

— Ну хорош! — взъярился парень. — Я тут один! Совершенно один, так?

Тигр взирал из-за бамбука.

Ночью ветер атаковал стеклопакеты. Густой туман двигался между зданиями, как сонмища призраков, а в дебрях по бокам шоссе Энтузиастов корчилось и ползало: между корней, по мху, по заиндевелой седой траве.

Рысеев проснулся с гадким привкусом во рту и взмыленным лицом, словно его щёки и лоб лизала псина.

Прогуливаясь бесцельно по улицам, погружённый в раздумья, он заприметил у метро лимонного цвета курточку, старушечьи букли. Заторопился, позвал. Лидия Петровна то ли имела проблемы со слухом, то ли притворялась. Нагнать её удалось в сквере.

— Геннадий, — сладко заулыбалась хозяйка. Зубы у неё были жёлтые, в пятнах, будто в жжёном сахаре. — Воздухом подышать вышли?

Рядом мамаши катили коляски, щебетала

детвора. За подстриженными кустами и лысеющими деревьями возвышались в дымке дома.

— Лидия Петровна, из комнаты соседа запах идёт неприятный. Как бы там не сгнило чего.

— Быть того не может! — всплеснула пухлыми ручками женщина. — Митенька у нас щепетильный. Он проконтролировал бы, уезжая.

Вспомнилась серая простынь на зловонной кровати и измаранные обои.

— И всё же. Вы бы заскочили. Убедились.

— Не стану же я в его комнату вламываться, — возразила хозяйка. — Денёк погодите, цикл закончится, вернётся Митенька.

— Какой цикл?

Лидия Петровна проигнорировала вопрос. Она замерла, уставившись под ноги, сделалась вялой, точно впала в транс. Рысеев проследил за её взглядом, покосился на зарешёченный водосток. К прутьям прилипли пятипалые листья. В глубине плескалась вода, замурованная река Нищенка.

— Лидия Петровна?

Он подумал о клоуне, прячущемся в канализации. Но ведь то штат Мэн, к тому же — вымысел.

— Журчит, — выговорила женщина, таинственно улыбнувшись. Склонила голову к плечу. —

В августе-то затопило нас. У железнодорожной платформы хорду строили. Трубу повредили, бестолочи. Тут, на Плющево, потоп был. Подвалы залило, норы разные. Пока Мосводоканал не очухался. И вылезло всякое.

Рысеев начинал подозревать, что у его хозяйки старческий маразм. Это бы объяснило некоторые моменты.

Он прочистил горло и переспросил:

— Так вы зайдёте?

— Не сомневайтесь, Геннадий. Надо проконтролировать. Обязательно.

Туман маскировал прохожих, превращал их в бесформенные пятна, плоть от плоти серого морока. На панно, украшающем станцию Перово, конь с головой льва и змеёй вместо хвоста, зверь Апокалипсиса, щерил огнедышащую пасть. Возле Знаменской церкви, где императрица Елизавета венчалась с графом Алексеем Разумовским, одноногий калека монотонно стучал костылями по тротуару.

Зелёные лавочки, площадки для воркаута, супермаркет «Пятёрочка», там, где были прежде дремучие леса и непроходимые болота.

Забившись под одеяло, включив весь свет, кроме того, что принадлежал Митеньке, Рысеев

загуглил «Перово», но попадалась либо жизнерадостная реклама жилья, либо какая-то чушь про дом самоубийц и колдуна Брюса.

Свернувшись калачиком, внимая гудению в трубах, он думал о пустой комнате за стеной.

Проснулся он в темноте, окоченевший. Часы показывали половину третьего ночи. Рысеев намеревался укутаться потеплее и поспеть вернуться в радостный сон о море. Но мочевой пузырь вынудил плестись к унитазу.

Запах яблок, корицы и крупного животного витал в воздухе.

«Что-то мои нервы совсем расшатались», — подумал Рысеев.

На обратном пути он нехотя покосился в глубину коридора. Лужица света, натёкшего из комнаты, защищала от непроницаемой тьмы. Он разглядел картинку. Тигр теперь взирал не прямо, а чуть скосив жёлтые буркалы. Сместив морду. Потому что дверь была приотворена, и в узкой полоске между полотном и вертикальным брусом бурлил мрак.

Рысеев метнулся в свою комнату, грохнул дверью.

Попятился к дальней стене, захлёбываясь ледяным страхом. Желудок скрутило, сердце

болезненно колотилось.

«Стоп! — воззвал он к логике, — я же не проверял, действительно ли Димка запер ту долбаную конуру. Это сквозняк откупорил её. Вот и всё объяснение».

Обозлённый на себя за панический побег, он распахнул оконные створки и вдохнул полной грудью. Ветер сдул с тумбы салфетки. Сердце постепенно утихомиривалось.

Рысеев упёрся ладонями в подоконник, рассматривая пейзаж. Укутанные в дымку здания, беспокойные кроны деревьев, пруд, над которым, словно пар над супницей, клубился туман.

Фонарь, напоминающий сверху двухголового тролля, бросал на асфальт сдвоенные кольца. Нечто серое пронеслось по освещённому пяточку и скрылось в кустах. Так быстро, что одинокий свидетель не успел различить детали. А потом раздался тихий свист, и Рысеев узнал лимонную курточку хозяйки. Она стояла во дворе, и посвистывала: ни дать, ни взять, собачница, выгуливающая пса. Но почему ночью? И почему под его окнами?

Снова серое пятно юркнуло в поле зрения. Исчезло под замшелым козырьком подъезда.

«Это не собака», — чувствуя на языке привкус

меди, подумал Рысеев.

Лимонная курточка вошла в подъезд за своим питомцем.

Она что, поднимается сюда?

Рысеев захлопнул окно. Порыв ветра распахнул комнатную дверь. Он вообразил, как едет, дребезжа, лифт, и хозяйка теребит грязную шерсть животины.

Вместо того, чтобы достойно встретить чудную женщину, поговорить, он кинулся в кровать и натянул до подбородка одеяло. Из-под полуприкрытых век уставился на дверной проём, а неописуемый ужас терзал нутро. Лязгнул замок, незваные гости вошли в квартиру.

По коридору просеменило что-то большое, горбатое, что-то…

Митенька.

Убралось в боковую комнату.

Массивная фигура Лидии Петровны заслонила обзор. Рысеев смежил веки, осознавая, что это сумасшествие.

— Вы спите?

Хотел бы он спать. И не здесь, а как минимум в Лобне, на Димкиной раскладушке.

— Вы спите? — голос прозвучал ближе.

Старуха вторглась в его спальню.

«Да вскочи ты, — взмолился Рысеев, — устрой скандал, вышвырни её и завтра же убирайся сам».

Он лежал, зажмурившись, сжав под одеялом кулаки.

Матрас заскрипел и продавился. Она что, села на кровать? Или…

— Вы спите? — прошипела Лидия Петровна, и он распахнул глаза.

Старуха нависала над ним, грязные сапожки упирались в постель. Ноги она держала прямыми, при этом согнувшись в пояснице и вплотную склонив к квартиранту кривящиеся губы. Поза, достойная акробатов.

— Какого…

— Он не спит! — то ли запричитала, то ли заулюлюкала женщина, и отпрыгнула, вмиг очутившись на полу.

Бахнул о стену алюминиевый кругляш дверной ручки. Рысеев барахтался, пытаясь сбросить одеяло.

— Вы не бойтесь, — сказала Лидия Петровна с придыханием. — Волглый вам не сделает больно. Если не сопротивляться, не сделает.

Крик застрял в горле, когда Рысеев увидел соседа. Серую, перекрученную, словно древесные

корни, тварь, всю состоящую из обрубков собачьих лап, из замусоленных хвостов, из голов безродных дворняг, в чьих скалящихся пастях увязли прелые листья и мёртвые мотыльки. Существо должно было смердеть трупами, но всё, что ощутил Рысеев — запах промокшей шерсти, канализации, осени.

Оно шло, отталкиваясь многочисленными конечностями, и морды болтались под брюхом, как вымя, а слюна сочилась с клыков. Из нагромождения дохлятины на ошеломлённого Рысеева глядело человеческое лицо, тронутое гниением лицо квартиранта. Раззявленный рот пророс гроздью когтистых собачьих лап, а в пустой глазнице извивался, лакая воздух, шершавый красный язык.

Но тот, кого хозяйка назвала Волглым, хоронился за мешаниной морд и лап.

И он первый вцепился в Рысеева.

***

— Купавенский пруд, — нахваливала хозяйка, словно не слышала настойчивой трели. — Настоящее украшение Перово! На северном берегу, на улице Лазо, раньше стоял дворец царицы Елизаветы, его проектировал…

— Простите, — вежливо прервал Саша Фирсов, — вам звонят.

По лицу Лидии Петровны, как по водной глади, пробежала рябь. Она закряхтела и потопала в коридор. Саша вертелся, глазея на осенний парк снаружи, на высотки, на спешащих пешеходов.

«И до университета рукой подать», — прикидывал он.

Из прихожей донеслись голоса.

— Я же вам уже говорила…

Хозяйке перечил скрытый дерматиновыми дверями молодой человек.

— Но его родители понятия не имеют, где он.

— Извините, это не моя забота следить за перемещением бывших квартирантов.

— Я знаю, но…

— Ваш друг съехал, не предупредив. Я считаю, такое поведение недопустимо.

«Козлов везде хватает», — подумал Саша.

— А второй жилец? — не унимался визитёр. — Я могу с ним поговорить?

— Он выселился недавно. Развёл антисанитарию и дал дёру. Хотите — поищите в Казани. А теперь извините, у меня клиенты.

Лидия Петровна хряснула щеколдой сильнее, чем было необходимо.

Саша отлепился от подоконника.

— Итак, на чём мы остановились? — часто моргая, спросила женщина.

— На цене. Четырнадцать тысяч, верно?

— Лучшая цена в Перово.

— Что ж. Меня устраивает.

В коридоре он задержал взгляд на запертых дверях с прикрепленной к ним картиной, желтоглазым тигром среди стеблей бамбука.

— А это комната Генночки, — ласково сказала хозяйка.

Обойдёмся без Диониса
Ольга Кузьмина

Дожди шли всё лето. Виноград трескался, не созревая, на листьях расползались уродливые мучнистые пятна. Козы подхватили какую-то пакость, от которой кашляли до крови. И совсем перестали доиться. На огородах гнило всё, кроме капусты. Люди в деревне ходили мрачные, с потупленными глазами, словно уже видели, как маячит перед каждым призрак голодной смерти.

Агата до последнего надеялась, что обойдётся. Когда стало ясно, что уже всё, край, достала из старого бабушкиного сундука, с самого дна, продолговатый свёрток. Размотала пожелтевшее полотно и долго смотрела на ничуть не потускневший от времени бронзовый нож с изогнутой, как виноградная лоза, рукоятью. Потом спрятала его в корзину, дождалась ночи и пошла по раскисшей тропе к древнему каменному лабиринту за рощей.

Путь к древнему алтарю в центре лабиринта, Агате показала бабушка. Научила, что и как делать. Строго наказала — грех это, придёшь,

только если совсем беда.

В лабиринте было холодно и сыро. Агата шла, стараясь не касаться склизких стен. Тучи чуть разошлись, проявилось бледное пятно луны. А ведь бабушка учила, что обряд надо совершать на новую луну. И обязательно зарезать на алтаре козла. Вот только единственный в деревне козёл сдох на прошлой неделе. Агата вздохнула. Зря она столько ждала. А теперь придётся лить свою кровь и надеяться на лучшее. Полнолуние — это ведь самое колдовское время, верно? Не может древний бог не услышать.

Агата брызнула на алтарь уксусом — вина не было — и резанула лезвием ладонь. Кровь потекла по желобу, смешиваясь с дождём.

Дрожащим голосом Агата запела древний гимн:

— Я Диониса зову, оглашенного криками «эйа»! Перворожденный и триждырожденный, двусущий владыка, неизреченный, неистовый, тайный, двухвидный, двурогий, в пышном плюще, быколикий, «эвой» восклицающий, бурный, мяса вкуситель кровавого…

Она допела. Дионис не отозвался, дождь продолжал лить.

«Надо козла! — в отчаянье подумала Агата. —

Где же его взять-то?»

— Ме-е-е!

Она вздрогнула и попятилась. Возле алтаря стоял козёл. Чёрный, с жёлтыми глазами, похожими на две расколотые пополам луны. Козёл посмотрел на Агату, на нож, на алтарь…

— Жертва нужна? — деловито спросил он.

— Д-да…

— Капуста есть?

Агата кивнула. Разом пересохшее горло сжалось. Сейчас она не то что слово, даже писк бы из себя не выдавила.

— И ещё простыни… — Козёл мечтательно зажмурился. — Только не затхлые, а прямо с верёвки, чуть подсохшие после стирки, чтобы ветром пахли. Угостишь? Вот и договорились.

Козёл взобрался на алтарь и улёгся, подставив горло.

— Режь.

Агата потрясла головой. Наваждение не исчезло, зато вернулся голос. Должно быть, от полной нелепости происходящего.

— Как же ты… — хрипло прошептала она.

— Я потом оживу, но жертва всё равно зачтётся.

Агата замахнулась ножом. Ей не приходилось

резать никого, крупнее курицы. А тем более, говорящего козла.

— Не могу! — Она бросила нож и разрыдалась.

— Вот люди пошли! — Козёл слез с камня. — Ладно, обойдёмся без Диониса. Всё равно его трезвым не застанешь, а пьяный он ни на что не способен. Ты чего хотела-то?

— Чтобы дождь перестал!

Козёл поднял голову, прищурился.

— Это тебе обойдётся в дюжину простыней.

— Да хоть всё моё приданое забирай, только останови дождь!

— Щедрая какая! — Козёл усмехнулся. — Реветь-то перестань, и без того сыро.

Длинные рога его заискрились. Змеями сорвались с острых кончиков молнии, улетели в небо. Агата замерла с раскрытым ртом. Молнии рвали тучи на клочки. Луна светила всё ярче. Из ниоткуда налетел сухой горячий ветер, подмёл небо.

— Готово, — горделиво сказал козёл. — Теперь долго дождя не будет.

***

Солнце жарило уже неделю. Виноград наливался сладким соком, навёрстывая упущенное время. Козы отогрелись, перестали кашлять

и снова исправно давали молоко. Лица людей прояснились, все улыбались друг другу. Хозяйки выносили из домов отсыревшие постели на просушку. На Агату с её стиркой никто не обращал внимания.

Порезанная ладонь болела. И как Агата ни старалась, кровь попадала на простыни, когда она их отжимала. Впрочем, козёл не жаловался. Людям на глаза он не показывался, держался за домом, в тени, и не спеша наслаждался заслуженной наградой.

Агата выплеснула воду из корыта и присела на заднее крыльцо отдохнуть. Рядом козёл дожёвывал последнюю простыню. Капуста закончилась ещё вчера. Как в него всё влезло — непонятно.

— Хорошо-то как, спокойно, — бормотал козёл. — У тебя детей нет? И не торопись, успеешь ещё, намучаешься. Вот у меня тысяча оглоедов. Ты не представляешь, как это тяжело, когда тебя постоянно сосут!

— Ты же козёл! — опешила Агата.

— И козёл, и коза. Такая моя божественная сущность. Мне-то без разницы, а деточкам молока подавай, приходится то и дело перекидываться.

Он замолчал и насторожился.

Откуда-то издалека донеслись исступлённые вопли:

— Йа! Шуб-Ниггурат! Чёрная Коза Лесов с Тысячью Младых!

— Отыскали-таки! — простонал козёл и поднялся. — Пойду я, пожалуй. А то сюда явятся, нехорошо будет. Но если что, ты зови, не стесняйся.

— Позову, — пообещала Агата. — Просто так позову, через год, когда созреет капуста, а я сотку новые простыни.

Хозяин валуна
Георгий Акбаа

1

Виктор увидел её в антикварной лавке. Картина сочно выделялась на фоне старья изумрудно-голубыми тонами. Он замер перед ней на несколько секунд, залюбовавшись притягательным пейзажем. В свете полной Луны, освещающей большое мутное болото и одиноко торчащий огромный камень, играло множество холодных синих, зелёных и голубых оттенков. На переднем плане деревья и лианы гармонично обрамляли живописный рисунок, создавая природную раму.

Неимоверная древность этих болот очаровывала. Было в этом, покрытом тиной валуне нечто такое, что цепляло глаз. Казалось, ещё в те времена, когда Земля была молода, огромный осклизлый камень уже нарушал тихий покой водной глади лесного озера-болота. И неизвестно, какие неведомые твари нежились на нём, подставив брюхо мёртвым лучам Луны.

— Вам что-нибудь подсказать? — спросил консультант.

— Э, нет, спасибо, — растерялся Виктор.

Он слишком долго стоял, загипнотизированный бледной Луной и изумрудным зеркалом воды. От неожиданного вопроса он оторвался от мрачных грёз и поспешил к выходу из маленькой антикварной лавки, которых полным-полно в центре Санкт-Петербурга. Виктор поднял воротник, было морозно, и зашагал вдоль старого канала на работу. Октябрьское солнышко приятно грело спину, но холодный ветер вовсю бесчинствовал в северной столице, напоминая о скорой зиме. Мутные воды канала тихо шелестели, словно выражая своё недовольство осенью.

На следующий день у Виктора был выходной. Картина не выходила у него из головы. Ночью его атаковали фантасмагорические образы, так или иначе связанные с болотом и луной, замшелыми камнями и зелёной тиной. Провалявшись в кровати всё утро и пытаясь заснуть, он со вздохом заставил себя подняться.

«Так не пойдёт, что за наваждение. Проще пойти и купить, чем терзаться», — думалось ему.

Впервые ему так запала в душу чья-то картина. Виктор мнил себя ценителем искусства, сам немного рисовал и фотографировал, вдох-

новляемый тёмными дворами-колодцами, коричневыми водами многочисленных каналов и сумрачной погодой тоскливого Санкт-Петербурга.

Приняв решение, Виктор уже не мешкал. Быстро оделся и вышел в серый день. Улица встретила его иголками холода и белесыми тенями. Он жил близко к центру и отправился пешком, стараясь не обращать внимания на плохую погоду, вечную спутницу Санкт-Петербурга. Было около нуля, изо рта валил пар, а низкие свинцовые тучи клубились над самыми крышами, будто намереваясь поглотить город.

Чувствовалось, что скоро пойдёт снег. Но до тех пор было не вздохнуть полной грудью, не надышаться. Липкая тяжесть давила на мрачный город. По крайней мере, так казалось Виктору, не любившему затяжную осень. Она напоминала ему о смерти и тщетности человеческой жизни, сравнимой с маленькой снежинкой, которая в один миг истаивала на тёплой ладони, оставляя после себя мокрое место. Проплутав по лабиринту центра битый час, средь кривых закоулков и мрачных дворов-колодцев, изрядно замёрзший, он вышел к невзрачной антикварной лавке, куда случайно забрёл вчера.

В такой хмурый день в магазинчике царил полумрак. Картина стояла на том же месте у окна и производила зловещее впечатление в сумрачном свете. Луна, словно заплесневелый блин, ухмылялась в небе. Казалось, ещё немного, и он сможет почувствовать ядовитые миазмы, исходившие от болота. Лишь усилием воли удалось оторваться от созерцания голубой жижи.

Консультант вопросительно смотрел на него.

«Слава Богу, сегодня работает другой продавец, который не видел моего вчерашнего нелепого ступора», — промелькнуло в голове у Виктора.

Сегодня ему хотелось узнать происхождение полотна.

— Жутковатая вещь, — начал беседу Виктор, указывая на картину.

— Но при этом по-своему прелестная, — поддержал беседу служащий.

— Откуда она у вас? — продолжил Виктор, пытаясь скрыть интерес за скучающей миной.

По своему опыту он знал, что антикварные вещицы могут быть жутко переоценены. Но бывает и наоборот. Жемчужины искусства за сущие копейки. А в том, что перед ним настоящий шедевр, Виктор не сомневался.

На картине не было ценника, значит, действо-

вало правило аукциона, можно было предлагать свою цену и устраивать торги. Проявив ярко выраженный интерес, он бы дал сигнал консультанту накрутить стоимость втридорога. В уме прикинув наличность, пару дней назад полученную зарплату за вычетом затрат на более чем скромную жизнь, Виктор понял, что располагает суммой в семнадцать тысяч.

Для вида пройдясь по лавке, скучающим взглядом окинув пыльные полки, заваленные столетним хламом, и выждав пару минут, он вернулся к стойке продавца и продолжил начатую беседу:

— Я хотел бы её купить. Три тысячи вас устроит?

Виктор приготовился к долгим и жарким торгам. Он работал в продажах и твёрдо решил не отдавать за картину больше семнадцати тысяч рублей. К его удивлению консультант согласился на первую же ставку, не предприняв попыток завысить цену.

— Окей, она ваша. Я запаковываю. Заберёте сами или закажете доставку? — ответил работник магазинчика.

— Э, сам. Мне тут недалеко, — немного растерялся Виктор. — Так откуда же она у вас?

— Давненько она тут стоит. Кто только не по-

рывался купить, и большие деньги предлагали. Только потом не возвращались. Забывали, похоже. В общем, так и не приходили, чтобы оплатить и забрать. Ну а мы снимали бронь и пытались продать вновь. И так не единожды, пару лет точно прошло уже… А она всё стоит, красивая и никому ненужная.

Начальник наш сказал недавно, чтобы продавали за первую цену, что предложат. Поэтому вам крупно повезло, купить шедевр за бесценок. А кто её принес — я не знаю. Я устроился работать с год назад. Картина уже была тут. Мой коллега устроился ещё позже меня, поэтому он тоже не сможет помочь. Только если директора спросить, может быть, он вспомнит. Правда, его нет на месте.

— Ладно, зайду в другой раз, — сказал ликовавший в душе Виктор.

Картина была у него. Ему резко захотелось домой.

2

Склизкий валун сиял в свете Луны. Лианы-змеи чуть шевелились от лёгкого дуновения ветра. Пахло застарелой тиной, по зеркалу болота мягко пробегала мелкая рябь. От грязной воды веяло

таким спокойствием, что Виктор невольно залюбовался первозданной красотой.

Тут он услышал далёкий шёпот многих голосов, словно само болото пыталось что-то ему рассказать. Зов нарастал, но Виктор, начинавший нервничать от зловещих неразборчивых звуков, не мог разобрать ни слова. Только смутное ощущение неизвестной угрозы почудилось в хоре гула над болотом.

В нос ударил резкий омерзительный запах. Виктор не смог бы описать его, даже если бы захотел. Воняло ужасно. Будто смешались запахи тухлой рыбы, мертвецов, гноя и прокисших продуктов.

Вдруг водная гладь начала пениться и бурлить. Отвратительная тварь огромных размеров, покрытая чешуёй и с буркалами, напоминавшими горящие огни жёлтого светофора, цепляясь когтями размером с бивни слона, медленно вскарабкалась на валун. Задрав голову, похожую на жабью и крокодилью одновременно, огромная ящерица-жаба раскрыла пасть, усеянную кривыми грязными зубами, и обратила взор на Луну. Глаза монстра засияли ещё сильнее, отражая свет проклятого ночного светила. Вонь стала нестерпимой.

Виктор обливался холодным потом, но отвести глаз от болотного мегалита и его страшного хозяина не мог. Омерзительная и непонятная картина разворачивалась перед его глазами. Как только волны от огромной неуклюжей туши успокоились, и гладь болота вновь стала зеркальной, Виктор вновь услышал зловещий шёпот. Многоголосый гул пытался ему что-то сказать.

Взгляд гигантской твари не отрывался от ночного светила. В этот момент она вновь открыла бледно-розовую пасть и неожиданно издала громоподобный рык. Страшный рёв заставил задрожать Виктора и вынырнуть из тяжёлого забытья.

Спасительная реальность. Сквозь занавески пробивались лучи полнолуния. Задёрнув поплотнее шторы, не желая видеть ночную госпожу небосвода после такого ужасного сна, мокрый и дрожащий, Виктор поспешил принять горячую ванну. Нужно было согреться и унять дрожь в руках и коленях.

Тёплая вода в ванне успокаивала его. Он расслабился и прикрыл глаза. Тут произошло то, чего он никак не ожидал. По ванне начал разноситься слабый запах болота. Он подпрыгнул как ужаленный, пытаясь найти его источник. Его

вдруг обуяло отвращение к воде, ко всему с ней связанному. Увидев небольшую плесень на кафеле плитки, он схватил щётку и стал остервенело оттирать небольшие зелёные разводы. В эту ночь ему больше не удалось сомкнуть глаз.

3

Бессонница подарила тёмные круги под глазами, а сами глаза сухо блестели. Сизо-серое утро медленно втекало в комнату, однако Солнце так и не вышло. Город продолжал хмуриться, оставшись в сумерках с самого раннего часа. Виктор медленно собрался и понуро поплёлся на работу.

В тот день он долго гулял после работы по набережным, несмотря на усталость и холод, глядя на тёмную воду. На душе было тяжело, организм просил свежести. Облегчение принёс бы первый пушистый снег, который не спешил выпасть на улицы Питера, словно издеваясь, выжидая, когда Виктор сойдёт с ума от опостылевшей хмурой осени.

Придя домой, он вновь почувствовал противный запах плесени, вперемешку с каким-то застарелым тухлым запахом болота. Виктор в очередной раз содрогнулся от омерзения, представив, что так воняет от мертвецов, которых

находят на берегу неприметных озёр, болот и рек. Он неистово искал источник запаха, потратив на это остатки вечера. Пугающий смрад шёл откуда-то с кухни. Ближе к полуночи он упал на кровать без сил и в мгновение заснул. В эту ночь повелитель снов Гипнос был милостив и кошмары не терзали Виктора, проспавшего много часов кряду.

На следующий день отдохнувшему Виктору стали забываться подробности ужасных снов. Если бы не противный запах, воцарившийся на кухне, он был бы в наилучшем настроении. Только эта болотная вонь и завораживающая картина напоминали о тех пленительно-страшных снах.

И все же где-то в глубине души засела тревожность, от которой хотелось отмахнуться, списав всё на осеннюю усталость и мрачную погоду. Слишком пугающе-реалистичным был сон. Слишком много страшных деталей, которые засели в памяти. Слишком мерзкий шёпот, от которого холодело внутри.

Виктору удалось вспомнить одно слово, которое часто звучало в хоре болота. Бокруг. Бокруг. Бокруг. Интересно, что это за слово такое и что оно означает? Виктор решил разгадать эту тайну.

Он сел за компьютер и начал гуглить.

Довольно быстро он нашёл ответ. Бокруг оказался древним богом из рассказа Г. Ф. Лавкрафта «Рок, покаравший Сарнат». Там же описывалась мерзкая огромная тварь:

«Шкура его вся в чешуе и морщинах, а удлинённая морда напоминает ужасных крокодилов. Он ходит на согнутых ногах с когтистыми лапами, балансируя длинным позвоночником».

Однако эта новая информация не принесла Виктору облегчения, лишь усилила тревожность. Не укладывалось в голове, откуда в его сне образы и имя существа, о котором он никогда не слыхал? На это не было ответа. Он решил зайти с другого конца и отправился в антикварный магазин.

На этот раз директор был на месте.

— Добрый день, я на днях купил у вас полотно, Луна над болотом, помните такую картину? — спросил Виктор

— Да, конечно. Такой шедевр нескоро забудешь, — ответил владелец магазина.

— Вы не могли бы рассказать, откуда она у вас?

— Могу, её принёс какой-то странный парень. На вид сущий наркоман. Опухший весь. Было лето, жара. Я отпустил своих работников пораньше, и тут он. На вид совсем больной, глаза смотрели

сквозь меня, на руках и ногах непонятные волдыри и шишки размером с мячик от пинг-понга. Зрелище, конечно, не из приятных!

Но картину я купил, сущие копейки он просил. Сказал, что не помнит, как её нарисовал, но должен её принести и продать. Я не стал спорить, желая поскорее от него избавиться. От него ужасно воняло тиной. К тому же такой шедевр я рассчитывал продать потом подороже. Да вот не вышло, славу Богу, вы купили. Вот и весь рассказ.

Виктор попрощался и медленно пошёл домой. Он думал, стараясь связать воедино все факты. Какой-то нарик, начитавшись страшных рассказов, нарисовал картину, вроде бы дело ясное. Однако каким-то образом художник внушил мысли о существе ему. Виктор пришёл домой, по пути решив, что это проявление коллективного бессознательного. На кухне мерзкий запах лишь усилился.

4

«Помоги владыке».

Он стоял по колено в болоте. Жирные блестящие пиявки впивались в ноги. Хор голосов шёпотом просачивался в мозг, минуя уши. Те-

перь ему удалось увидеть тех, кто взывал к нему. Уродливые и склизкие, но при этом человекоподобные существа, тенями проявлялись на болоте. Их души звали его и просили помощи. Не для себя, а для своего крокодилоподобного владыки, обитающего с незапамятных времён на этом болоте.

Вновь по воде пошли огромные круги, и омерзительная голова с пронзительно-жёлтыми глазами показалась из зелёной пучины. На этот раз Виктору повезло больше, и он сразу вынырнул из сновидения при виде болотного гиганта.

Проснувшись, увидев пиявок, он заметался по ванне, расплескивая воду и отдирая их с кровью от ног. Никогда в жизни Виктор не чувствовал подобного омерзения, его сразу же буквально вывернуло наизнанку. Правая нога страшно опухла и покрылась язвами.

Пришлось обращаться к врачу. Хирург осмотрел огромную опухоль и сразу же категорично сказал, что нужно резать. Виктор согласился. Под местным наркозом он ничего не чувствовал и лишь услышал звон, когда медик вдруг неожиданно выронил скальпель из рук. Огромная мерзкая личинка, жирный опарыш размером не менее десяти сантиметров, извивался в ране.

Справившись с удивлением, врач извлек её пинцетом.

— Никогда не видел ничего подобного, — отметил он.

Виктора охватил шок, он не мог сказать ни слова. В очередной раз его обуял липкий страх от происходящего.

«Огромный опарыш был во мне. Это всё проклятое болото», — мелькнуло в голове прежде, чем он лишился чувств.

Но мутная вода не собиралась его отпускать. Перед ним расположился огромный валун, бледные тени вновь сбились в кучу на гигантском зеркале воды. Их шёпот вновь зазвучал в голове у Виктора.

«Прими благословение Древних. Скорми её Великому Бокругу. Помоги нам».

Он увидел, что сжимает огромную извивающуюся личинку в руке. От омерзения он швырнул её в мутную воду. Болото тут же начало пениться. Огромные светофоры-глаза показались над водой, хищно и не мигая, наблюдая за большим опарышем. Древняя рептилия сделала рывок, и огромная пасть, клацнув, захлопнулась совсем рядом с Виктором. Его обдало таким вековым смрадом, что он осознал — это не сон, всё проис-

ходит наяву.

Эти огромные личинки были едой Древнему многие миллионы лет назад, когда ему поклонялись жители Сарната и приносили дары. Тысячами Бокруг пожирал их, жирея на бездонном болоте, покинутый своими братьями-Древними, проклятый Старшими богами, но избежавший плена, как это произошло с ужасным Ктулху.

Бог-ящерица, урча, вновь взобрался на свой валун. Огромная зелёная и склизкая туша обратилась к ночному светилу. Виктор почувствовал неимоверную тоску ужасного монстра. Оно хотело вернуться домой, в отдалённые уголки вселенной, где его ждали бездонные пещеры с подземными озёрами. Но проклятие Старших богов держало его на этом мерзком болоте.

Врач привёл Виктора в чувство. Он аккуратно зашил рану, воспользовавшись забытьём пациента. Мёртвая личинка, скукожившись, лежала на столе.

Виктор отправился домой. Он решил прочитать «Рок, покаравший Сарнат» Лавкрафта и узнал героев своих сновидений, которые сгинули миллионы лет назад и теперь существовали лишь зыбкими тенями, сопровождающими своего ужасного бога:

«Они были на редкость уродливы, их облик поражал грубостью и отталкивающей необычностью форм, что вообще характерно для существ, появившихся на свет во время зарождения мира. На сложенных из кирпичей колоннах Кадатерона есть надписи, свидетельствующие о том, что населявшие город Иб существа имели телесный покров зеленоватого цвета точно такого же, как вода в озере, как поднимавшийся над ним туман; у них были очень выпуклые глаза, толстые отвислые губы и уши совершенно необычной формы. Кроме того, они были безголосыми.

Ещё на этих колоннах можно прочесть, что в одну из ночей эти странные существа спустились с Луны в повисший над землёй Мнара густой туман, и вместе с ними спустилось на землю большое тихое озеро и серый каменный город Иб. Обитатели серого города поклонялись каменному идолу цвета зелёной озёрной воды, формы которого повторяли очертания Бокруга, огромной водяной ящерицы; перед этим идолом устраивали они свои жуткие пляски в холодном свете выпуклой луны».

После этого описания Виктор закрыл книгу, не решаясь узнать, что было дальше. Древний бог преследовал его. И это было как-то связано

с проклятой картиной. Он сорвал её со стены и бросился на улицу.

Болотистый Петербург, словно зная о его планах, с укоризной бил ветром в лицо. Серые тучи давили, пытаясь удержать от необдуманного поступка. Запах болота преследовал его всю дорогу до ближайшего канала, пока он мчался бегом по каменным мостовым мрачного города. Виктор, как безумный, подбежал к краю канала и бросил картину в коричневые воды. Он поскользнулся на липких наростах и отправился вслед за своим шедевром. С темнотой пришло облегчение.

С удивлением для себя, он очнулся. Виктор лежал на спине в грязной вонючей воде, видя над собой где-то высоко решётку ливнёвки. Бокруг даровал ему способность жить в пещерах. А канализация — это почти современные пещеры. С облегчением он понял, что потерял желание бороться. Не мигая, смотря вверх, где сквозь прорези в крышке люка он видел ничего не подозревающий серый мир, Виктор думал о тёмной стороне сущего.

Наивное Солнце и короткий день в любой миг могут погибнуть с приходом ужасных монстров, выжидающих своего часа и набирающихся сил в изнанке вселенной. Ничего не подозревающие,

наивные люди даже не знают, что ночная тьма и бледная Луна замышляют против них.

Теперь он понял, почему Луна — это солнце мёртвых. В сущности, что мы знаем о вселенной? Какие тайны скрывают глубины космоса, и какие чуждые существа могут обитать там, в безымянных безднах, познавшие не свет, а тьму. Его опухшее и раздутое от сотен личинок тело медленно дрейфовало в сточных водах. Но ему уже было наплевать. Виктору нужно было покормить голодного хозяина.

Высовск, конечная
Вадим Громов

«Раз!
Кошмар окружит вас.
Два!
Напилась крови тварь.
Три!
Закрой глаза, смотри.
Четыре…»

«…боль правит в этом мире» — Инна еле задавила желание проорать продолжение чернушной считалки на весь вагон электрички, переполошив редких попутчиков.

Голос, поселившийся в голове с полчаса назад, и постоянно декламирующий жутковатый стишок — был даже не отрешённым: неживым. От него не получалось избавиться, или хотя бы ненадолго заглушить. Он напрочь вытеснил все посторонние мысли, оставив только связанные с ним эмоции — смятение и непонимание в первые минуты, укореняющееся раздражение — следом. Теперь Инна испытывала нарастающую злость, имеющую все шансы превратиться

в нечто больше и пугающее.

«Пять! Беги, беги опять…».

Ощущение собственного бессилия, пульсирующего под коростой покрывшей сознание злости — было не всепоглощающим, но устойчивым. Сродни нахождению в смирительной рубашке в то время, когда на щёку сел комар. Вроде и вреда особого нет, но невозможность прихлопнуть — бесит больше всего.

«Шесть! Тебя заждались здесь…» — Инна скрипнула зубами, сильно вдавила ноготь безымянного пальца — в мякоть большого. Боль ничего не изменила, сучья считалка продолжала терзать сознание. В происходящем отчётливо проявлялась схожесть с пыткой водой — капающей на темя. Те же монотонность и однообразие, к которым исподволь начинало примешиваться тягостное предчувствие безумия.

Электричка снижала скорость, справа в меланхоличный октябрьский пейзаж втянулась мокрая, тёмно-серая лента перрона, рассчитанного на четыре вагона. За окном проскочил прямоугольный щит с надписью «Шапкино», лица редких ожидающих были под стать звучащему в голове Инны тенору — тусклые, равнодушные. Возможно, впечатление усугубляли резко обо-

значившиеся сумерки, притащившие с собой липкую, вездесущую морось. Возможно…

Вагон Инны был первым, но новых пассажиров в Шапкино не прибавилось. Последней попутчицей стала грузная и неопрятная бабка лет семидесяти. Она села на станции с анатомическим названием «Ребровская» четверть часа назад. Таких зачастую называют лаконичным и образным словцом «квашня».

Она разместилась скамьёй дальше, через проход, глуповато-настороженным лицом к Инне, тут же начав поедать какие-то жирные ломтики из большого пластикового контейнера. Пухлые пальцы сжимали очередной кусочек и ныряли в широко раззявленный рот так глубоко, словно заталкивали пищу прямо в горло. Бабка звучно причавкивала, периодически бросая в сторону попутчицы непонятные, опасливые взгляды.

Кроме неё, в вагоне находилось ещё два пассажира. Худосочный и несимпатичный старшеклассник, отрешившийся от окружающей реальности при помощи планшета и наушников, да мужичок лет пятидесяти, дремлющий в конце вагона. Судя по дешёвому гардеробу, брезентовой сумке-скатке с инструментами и катающейся в ногах бутылке из-под «Балтики» -девятки: ти-

пичный пролетарий после трудовой вахты.

— Осторожно, двери закрываются, — оповестили динамики. — Поезд следует до Высовска со всеми остановками. Следующая станция — Тихвиновка.

Привычно прошипели двери, платформа за окном дёрнулась и поехала назад, бабка сжала в пальцах очередной ломтик…

«Семь! Надежды нет совсем».

Инна закрыла глаза, прижалась лбом к оконному стеклу. Прикусила нижнюю губу и сжимала зубы до тех пор, пока вот рту не появился чуть солоноватый, ни с чем не сравнимый вкус…

Голос пропал.

Инна осталась сидеть в прежней позе, не веря в наступившее облегчение, боясь пошевелиться. Как будто малейшее движение могло вернуть эту паскудную маету, завершившуюся в полушаге от настоящего страдания.

Трескуче и нереально громко заблажил чей-то мобильный. Инна вздрогнула от неожиданности. Судя по примерному местонахождению сигнала — бабкин, без вариантов…

Телефон успел прозвонить восемь раз, прежде чем послышался говорок попутчицы — нахрапистый, с хорошо заметными вкраплениями

недовольства:

— Да чо снова? Чо ревёшь-то, дурища? В электричке я, скоро буду ужо…

И вдруг осеклась: страх округлил маленькие, близко посаженные к переносице глаза.

Потом бабка проскулила, голос стал другим — безвольным, беспомощным:

— Как убили-и-и…?

Инна невольно повернулась к ней, но тут же отвела взгляд, уставилась в пол, наблюдая за «квашнёй» краешком глаза. Бабка не обратила на неё внимания, сидела с помертвевшим лицом, изредка шевеля жирными губами. Негромкие скупые фразы мгновенно растворялись в мерном гуле электрички.

«Эт чо же теперя будет?», «изверги — глаза на кой вырезать?», «ой, миленькая, за чо ей-то», «экая же нелюдь эдак-то?»…

Электричка сбавляла скорость, за мокрым окном потянулась очередная платформа. «Тихвиновка». Бабкин мобильный коротко пискнул, как при разряжающемся аккумуляторе.

— Ой, Галюнь, всё! — заторопилась попутчица. — Зарядка сканчивается, запамятовала зарядить-то… Да я буду скоро, дожидайся.

Телефон скрылся в кармане поношенного тём-

но-синего демисезонного пальто. Бабка скорбно покачала головой, выудила очередной ломтик из поставленного на скамью контейнера.

Пальцы нырнули в рот, задержались на секунду, две… и стали запихиваться дальше — небольшими, торопливыми толчками. То, что полотно безмятежной реальности треснуло и через неумолимо расширяющуюся прореху проталкивается самая настоящая жуть — Инна поняла лишь тогда, когда кисть попутчицы целиком исчезла во рту.

Электричка остановилась.

— Тихвиновка-а-а-а… — утробно выдавилось из динамиков. Потом там что-то булькнуло, скрежетнуло, и голос продолжил. — Ра-а-аз… Кошма-а-ар окру-у-ужи-и-ит…

Первая судорога страха скрутила Инну не целиком, оставив нетронутым кусочек сознания. Краем глаза зацепив какое-то движение за окном, Инна машинально повернула голову — и лихорадочно отодвинулась ближе к проходу, всаживая своё «а-а-а!» в тягучий ритм считалки.

Безлюдный перрон двигался. Асфальтовый слой, *кожа* — вспухал, бугрился чем-то похожим на частые полуметровые волдыри. Самый ближний к окну — лопнул, разбрасывая по сторонам

кусочки асфальта, обнажив пульсирующее подобие багрово-серого нарыва.

Ещё миг — и нарыв вскрылся, выхаркнув длинный тонкий стебель, увенчанный гроздью желтушных, раскрывшихся в полёте бутончиков. Они впечатались в стекло, стебель натянулся, но расплющившиеся бутончики не оторвались, лишь немного сползли вниз — оставив мутный, липкий след. Припухлые, похожие на пиявок лепестки чуть подрагивали.

Грозди летели в электричку одна за другой, туго натягивались стебли: электричку словно брали на абордаж каким-то сумасбродным, дьявольским способом…

Инна даже не пыталась представить, что может произойти по его завершению. Она безостановочно кричала, глядя на бабку — засунувшую руку в рот уже до половины предплечья. Рукав пальто собрался гармошкой, закрывая нос и подбородок. Безобразно распухла шея, «квашню» трясло, подошвы коричневых полусапожек хаотично шаркали по полу…

— …правит в этом мире-е-е-е… — в динамиках захлюпало, из них потекла зеленоватая, пахнущая тухлятиной жидкость.

Мужичок уже разлепил глаза, и ошалело мо-

тал головой, пытаясь вникнуть в происходящее. Старшеклассник всё так же таращился в планшет, звук в наушниках надёжно отфильтровывал крики Инны и утробные завывания динамиков.

Бабка внезапно замерла, широко раскрытые глаза с кляксочками лопнувших сосудов — быстро стекленели…

Руку попутчицы вдруг вытолкнуло изо рта, как пробку из бутылки с игристым! Следом за рукой высунулось что-то вроде длинного и толстого, уродливого красно-бурого языка: отростка. Рука безвольно повисла вдоль тела, от кисти остался только куцый изжёванный огрызок, среди изувеченной плоти смутно белели кости. «Язык» пролетел дальше, растекся по полу и противоположной скамье. Спустя секунду Инна поняла, что это была обычная рвота.

Или не обычная?

Кровяная жижа не выглядела однородной, в ней отчётливо выделялись те самые, съеденные попутчицей ломтики. Не успевшие переварить-ся, и… шевелящиеся.

Стоящий скамье контейнер с недоеденными кусочками вдруг накренился, и содержимое полезло из него: до отвращения похожее на проворных, целеустремлённых слизняков. Ломтики

из рвоты тоже принялись расползаться, оставляя за собой красноватые, быстро заканчивающиеся росчерки…

Старшекласснику, сидящему в двух скамьях от бабки, спиной к ней, так и не довелось осознать, что он стал статистом в набирающем обороты кошмаре.

Ломтики-слизняки добрались до него в считанные секунды. Нескольких он успел смахнуть, рефлекторно, явно не успев испугаться: уронив планшет на колени. Но с полторы дюжины кусочков облепили его голову, шею, ещё несколько скользнули в рукава чуть великоватой кожаной куртки.

А спустя мгновение — парень закричал. Так кричат, когда хочется умереть без промедления, вывернуться наизнанку — лишь бы избавиться от начавшегося страдания…

Слизняки начали быстро, безостановочно погружаться в плоть, как капли магмы, брызнувшие на снежный наст. Сходство усиливалось тем, что края ранок расширялись, приобретающая тёмно-серый оттенок кожа будто бы таяла, плавилась.

Крик продлился недолго и оборвался резко, словно старшекласснику окунули лицом в тот же

расплавленный металл. Голова начала терять форму, съёживаясь как шарик, из которого выпускают воздух. Раны обильно сочились бурой слизью.

Мужичок дёрнулся в сторону тамбура, то ли успев осознать происходящее в полной мере, то ли — на всякий случай, подальше от *таких* криков.

Он судорожно сцапал ручку ближайшей двери, рванул её вбок…

Из проёма навстречу пролетарию выскользнуло что-то полупрозрачное, похожее на гигантский язык. Сбило мужичка с ног, полностью погребло под собой. Почти неразличимая щель между полом и «языком» плюнула струйкой крови: второй, третьей… Существо расплющивало человека, как палец — нерасторопного комара.

Воздух внезапно стал спёртым, гораздо более смрадным. Инна мазнула взглядом по потолку, по стенам… И поперхнулась собственным криком.

Вагон менял очертания, искажался. Потолок медленно, неравномерно прогибался вниз, между тускнеющих плафонов змеились и набухали канатики синюшных вен. Окна заплывали коричневой мутью, полки выглядели фрагментами

уродливого костяного гребня, спинки дальних сидений густо покрывались красноватыми язвами размером с кофейное блюдце.

Проход по всей длине разломила широкая, влажно поблёскивающая красным трещина. В её глубине ворочалось что-то крупное, сильное, беспокойное… Инна чувствовала — до того как вагон разорвётся пополам и оно выберется наружу, осталось совсем недолго.

Плафоны мигнули последний раз и погасли, твёрдость скамьи сменилась отвратительной податливостью чего-то живого. Вагон начал раскачиваться, послышался хруст — непрекращающийся, кошмарный… Нечто лезло из трещины.

Инна сжалась в комок, закрыла глаза. И снова закричала: исступленно, обречённо…

***

— Женщина-а-а. Женщина-а-а…

Инну кто-то тряс за плечо. С определённой тактичностью, но безостановочно.

Глаза разлипались вязко, с трудом: но она всё же выдралась из сновидения.

Машинально прошептала:

— А? Что?

— Просыпайтесь, — пробубнил прокуренный

басок, рука убралась с плеча. — Высовск, конечная.

«Сон, конечно же…» — облегчённо выдохнула Инна. Опять закрыла глаза, помассировала веки — скупо, в пару движений. Потом осторожно потёрла виски, в голове чуть заметно *елозило* что-то наподобие странной дурноты. Хуже всего было то, что она заставляла ощущать себя *с изъяном*: но не телесным, и не душевным.

Дурнота словно растворила в себе кусочек памяти, не давая Инне вспомнить что-то важное, личное. И жёстко пресекла первую же попытку получить ответ — что именно забыто: ощутимо усилившись на несколько мгновений, воткнув в горло комок тошноты.

Инна глубоко вдохнула-выдохнула, снижая дурноту до прежней вялости, решив отложить выяснение этой странности на потом. Посмотрела на разбудившего её человека.

Невысокий, с выпирающим пузцом под форменной курткой охранника, сопровождающего поездных контролёров. Плутоватая, упитанная «хомячья» физиономия, на которой смешно смотрелись вислые рыжеватые усы. Светло-карие глаза индивидуума, который охотно поменял бы побудку Инны — на посиделки перед телевизо-

ром в компании пары бутылочек пива. Рядом с ним стояла женщина баскетбольного роста в форме контролёра. Некрасивое «лошадиное» лицо, очки, взгляд человека — за плечами которого остался нелёгкий рабочий день.

— Конечная, — повторил вислоусый. — Билет покажите.

— Сейчас…

Инна достала из нагрудного кармашка курточки требуемое, протянула женщине. Та привычно окинула бумажный прямоугольничек взглядом, оттиснула на обратной стороне бледно-синий штампик: вернула билет Инне.

Охранник продолжал исподволь следить за Инной, как будто ожидал от неё какого-то подвоха. Она молча взяла билет и зашагала к выходу. Фрагменты минувшего сна ещё торчали в памяти, как осколки стекла в плоти, и Инна поневоле замедлила шаг, скользнула взглядом по пятачку перед тамбуром, отыскивая хоть какие-то признаки того, что здесь раздавили человека.

Но тут же опомнилась, тряхнула головой, прогоняя мимолётное наваждение:

«Тьфу ты, зараза! Прицепится же…».

Инна вышла на перрон и направилась к вокзалу. Криво усмехнулась, поймав себя на мысли —

что идёт не без некоторой скованности, опасаясь ощутить под ногами пульсацию или другой признак чего-то живого. Паскудное сновидение было слишком реалистичным, осязаемым — для того, чтобы бесследно раствориться в глубинах памяти за считанные минуты…

На выпуклой полуметровой «таблетке» вокзальных часов было без четверти одиннадцать. В тот миг, когда Инна посмотрела на циферблат — секундная стрелка перепрыгнула с одного деления на другое: и замерла.

«Хорошо, не назад побежала, — невесело усмехнулась Инна. — А то в сочетании со сном смотрелось бы не айс».

Она вошла в малолюдный зал ожидания, направилась к выходу. В трёх затемнённых окнах поочерёдно проплыло её отражение: худощавая светловолосая женщина средних лет, с неглупым миловидным лицом, которое чуточку портили резковатые черты.

Массивная деревянная дверь на обычной пружине глуховато хлопнула за спиной. Инна сделала ещё несколько шагов — и остановилась.

«А… что дальше? — Она растерянно обвела взглядом скудновато освещённое пространство привокзальной площади. — Зачем я здесь?»

Предельно странное ощущение обрушилось неожиданно, всепоглощающе. Инна почувствовала себя персонажем видеоигры, который завершил очередное задание и — не получил нового: но точно знает — что финал ещё не наступил…

От этой внезапной, тягостной бесцельности — Инне быстро стало не по себе. Нет, конечно же, до желания сесть прямо на мокрый асфальт и обречённо заскулить — не дошло. Но душу принялись покалывать холодные иголочки беспокойства, на заднем фоне которого терпеливо выжидал своей минуты страх.

«Провалами в памяти страдать вроде рановато…» — Инна снова оглядела площадь: круглосуточный продуктово-хозяйственный павильон, закрытый журнальный киоск, трио «бомбил» на отечественных «Антилопах-Гну». Большая круглая клумба в центре площади, чей-то памятник между двумя фонарями поодаль слева, справа уходил в темноту длинный забор, за которым можно было различить что-то вроде старого, но ещё крепкого кирпичного ангара.

— Высовск, конечная. Иди…

Инна дёрнулась как ужаленная, мгновенно обернулась. Она могла поклясться, что прошеп-

тавший фразу чеканной скороговоркой — стоял за левым плечом: но там никого не оказалось.

— Иди, иди, иди… — шепоток *запорхал* вокруг, становясь то громче, то резко снижаясь до еле уловимого шелеста. Облизывая и без того смятенное состояние Инны — частыми язычками пламени-испуга.

— Нет, не надо… — Инна прижала ладони к ушам, но это не помогло.

Казалось, голос неумолимо просачивался даже не сквозь пальцы: сквозь плоть. То, что он отличался от звучавшей во сне нежити наличием эмоций — положение ничуть не облегчало.

— Перестань! — негромко вскрикнула Инна.

Реакции не последовало. Она мотнула головой и шагнула вперёд.

Голос пропал. Инна недоверчиво убрала ладони, но облегчение было недолгим. Спустя несколько секунд тишину опять раздробила набирающая силу скороговорка. «Иди, иди, иди!».

Инна сделала ещё шаг, и ещё… Шёпот сгинул тут же, бесследно.

Она остановилась, внутренне сжавшись от предчувствия новой «дозы». *Грохнувшей* через те же три-четыре секунды:

— Иди! Иди! Иди!

В голосе уже слышалась откровенная издёвка, обильно пропитанная повелительными интонациями.

— Куда?! — выдохнула Инна, почему-то понимая — что ничуть не удивится, если услышит ответ.

Заевшая пластинка на потустороннем патефоне не выскочила из своей «колеи», и Инна сделала очередной шаг, мазнув взглядом по представителям частного извоза. Вне всякого сомнения, «иди-иди» должно было долетать и до них. Но пара разновозрастных мужиков безмятежно продолжала внимать рассказу третьего «бомбилы». Повествующего, судя по раздающимся смешкам слушателей — о чём-то забавном.

Инна медленно пошла вдоль здания вокзала, пытаясь найти правдоподобное объяснение происходящему. Таких насчитывалось ровным счётом три.

Первое, предпочтительное: она стала участником клона программы «Розыгрыш». Второе, маловероятное: её опять же разыгрывают, только кто-то неизвестный, по ведомым лишь одному ему причинам. Третье, нежелательное: она сходит (если уже не сошла) с ума.

Очень хотелось верить в первое, но… тут имелся

один, по мнению Инны — довольно веский нюанс. Кто она такая, чтобы вовлекать её в действо, которое мало похоже на скоротечное и юмористическое? Формат подобных шоу — минутное «Покараульте психа в смирительной рубашке, а я подгоню машину», который начинает развязываться, когда «санитар» уходит. Или «Помогите мне — нажмите третью красную кнопку в этом чемоданчике. Огромное вам спасибо, очень скоро в Европе станет одной страной меньше!».

Как правило, более продолжительно и относительно сюжетно разыгрывают других персон. Имеющих обыкновение регулярно мелькать в «ящике-мозгоеде» и на страницах всевозможных печатных изданий. Но ведь она-то не из их числа!

Ладно, допустим… допустим! — что она всё-таки участница одного их таких развлечений. И совсем скоро гнетущее и страшноватое начало — перетечёт в уморительную развязку.

Только у Инны почему-то не складывалось такого впечатления. Называйте это чутьём, интуицией — как угодно. Можно было *впихивать*, утрамбовывать в себя надежду на лучший исход: но Инна была почти уверена — это не розыгрыш. По крайней мере, не из тех, что через какое-то

время будут потешать усевшегося перед плазмами, «ЖК-шками» и почтенными кинескопными «ти-ви» обывателя.

Из этого неумолимо вытекало, что версия розыгрыша, устроенного неизвестным любителем реалити-развлечений — тоже подлежит занесению в графу «крайне малая вероятность».

Оставалось сумасшествие.

Впрочем, ещё можно предположить, что происходящее — тот же сон. Или побочный эффект от испытания психотропных препаратов, а сама Инна сейчас находится в секретной лаборатории какой-нибудь спецслужбы. Или качественные, предельно реалистичные «глюканы» от наркотиков. Или её похитили инопланетяне, и сейчас начинает «штырить» от «пяти капель» внеземного алкоголя, выпитого на брудершафт с лилово-изумрудным альфа-центаврянином…

Инна ущипнула себя за запястье. На совесть, закручивая и оттягивая кожу. Зашипела сквозь зубы, и вариант со сном беспрекословно канул в небытие.

«Инопланетяне… — тоскливо подумала Инна, потирая пострадавшее запястье. — Спецпрепарат под условным названием „Изнанка сознания“, палата номер шесть манит нас…».

Перебор и обдумывание версий заняли совсем немного времени. Инна успела пройти полторы сотни метров неспешным шагом, дойдя до забора, за которым находился ангар. Машинально развернулась, собираясь двигаться назад…

— Иди! — голос жгуче ввинтился в уши, причинив пусть и не боль — но достаточно неприятные ощущения. — Иди, иди!

Инна шарахнулась вбок, чуть не упала, опёрлась рукой на шершавые доски забора, прочно забывшие, как выглядит кисть маляра. Невидимый «погонщик» хранил молчание.

«Назад нельзя! — понимание случившегося пришло моментально. — Что, он меня направлять будет? Ну… хоть какая-то определённость».

Она без промедления пошла вдоль забора, глядя прямо перед собой, готовая в любой момент свернуть с пути туда, куда прикажет голос. Сама Инна не назвала бы это покорностью, скорее — необходимостью подчиняться обстоятельствам. Что поделать, если выбор крайне невелик — либо идти куда заставляют, либо подбежать к памятнику и — с разгона головой о ребро постамента…

Она не оглядывалась назад, и не видела — как фонари на платформе и привокзальной площади начали гаснуть один за другим. С одинаковым

интервалом, неторопливо — но безостановочно…

Забор оказался длиннющим, Инна шла и шла по узенькой, изрядно разбитой полоске тротуара. Дурнота никуда не исчезла, еле заметно шебуршась в голове. Откровенно говоря — дискомфорта от неё почти не было: если бы не эта «прореха» в памяти…

Слева тянулась неширокая аллея, отделённая от забора асфальтовой двухполоской с частыми следами поямочного ремонта.

За те несколько минут, в течение которых Инна шла вдоль забора, ей на глаза не попалось ни одной живой души: неважно — в машине, или топающей на своих двоих. Понятно, что час поздний, что провинциальный райцентр Высовск — ни в коей мере не напоминает мегаполис: но всё равно, как-то… лишний повод для тревоги.

В двух примыкающих к концу аллеи и постепенно приближающихся пятиэтажках не светилось ни одного окна. Нигде не просматривалось даже неярких всполохов, мгновенно дающих понять — в комнате смотрят телевизор.

Понятно, что подобное обстоятельство никак не вязалось с душевным спокойствием: как раз

наоборот.

«Может, новостройки? — Инна сделала робкую попытку как-то объяснить увиденное. — Только сдали, не заселился ещё никто… В темноте особо не разглядишь».

Попыталась, и сама осознала — что не верит в такой, не столь уж и неправдоподобный расклад. До окончательного подтверждения этому неверию оставалось сотни три шагов, и Инна знала — ей придётся их сделать…

Забор кончился раньше, чем она приблизилась к домам. Инна посмотрела вправо, куда убегал «приток» двухполоски — узенькая, неряшливая, крайне скверно освещённая улочка. В самом начале которой гнилым зубом торчало длинное двухэтажное деревянное здание казённого вида с полуразрушенной крышей, обтянутое алюминиевой паутиной строительных лесов. Дальше что-либо разглядеть было сложно, через три десятка метров «приток» скрывался в прожорливой утробе самого настоящего мрака.

«Надеюсь, туда не погонят, — подумала Инна. — Может это и сумасшествие, но неохота мне туда».

Она торопливо перешла улочку, внутренне съёжившись в ожидании окрика «Вправо!». Прошла

три метра, пять…

— Стой…

Инна машинально сделала ещё шаг. Остановилась. А в следующий миг пришло понимание, что прозвучавший за спиной голос — был другим. Сиплым, отрывистым.

Спустя секунду последовало новое распоряжение:

— Повернись.

Инна быстро выполнила требуемое, потому что в жестяном тоне неизвестного отчётливо улавливалось — возражений быть не должно.

От увиденного она вздрогнула и попятилась назад. В теле моментально возникла частая спутница страха — противная, сосущая, всепроникающая слабость.

На углу окружённого строительным реквизитом здания стояли двое. Близнецы. Высокие, узкоплечие, худые, по-обезьяньи длиннорукие. Неприятные, «лягушачьи» черты лица — крупный рот, широко расставленные водянистые глаза навыкате, маленькие ноздри сплющенного носа…

Оба были одеты в одинаковые кожаные чёрные, доходящие почти до колена куртки, синие, испачканные в грязи джинсы, и серые кроссов-

ки.

Отличались они только причёсками. У того, который стоял поближе — редкие светло-русые волосы были зачёсаны назад, а второй предпочитал стрижку «ёжиком».

Инну испугало даже не их неожиданное появление, ведь она не должна была проглядеть близнецов на только что оставленном за спиной «притоке». Всё-таки на три десятка метров кое-что просматривалось, а Инна успела удалиться от улочки менее чем на дюжину шагов… Точно, не должна была: но при одном условии — если всё происходящее подчиняется законам *нормальности*.

Её испугал… гроб, стоящий в ногах у близнецов. Тёмно-синий бархат обивки был изрядно выпачкан грязью, а комочки земли, лежавшие на крышке — выглядели свежими, не успевшими подсохнуть. Гроб недавно выкопали, какие уж тут сомнения… Зачем? Инна твёрдо знала одно — получить ответ на этот вопрос ей совсем не хочется.

Близнецы рассматривали стоящую поодаль женщину голодными глазами. Голод во взглядах не был каким-то одним, Инну прощупывало *жуткое* смешение всех его видов.

Она не знала, сколько продолжались «гляделки» — несколько секунд или минут. Время не остановилось, оно стало другим, умело уподобившись пыточному инструменту…

Наконец длинноволосый шумно, предвкушающе втянул воздух ноздрями, и лаконично скомандовал «ёжику»:

— Давай…

Тот сноровисто, нетерпеливо подцепил крышку гроба, снял и положил её на землю. Скупо матюгнулся от напряжения, опрокидывая гроб набок, освобождая его от массивного, грузного покойника с отметинами начального разложения.

В воздухе запахло гниющей плотью, Инна рефлекторно закрыла нос ладонью.

Сиплый близнец показушно сплюнул на труп, а потом мотнул головой в сторону опустошённого гроба:

— Ложись.

Инна не сразу сообразила, что это говорят ей, а не «ёжику».

— Ложись, сука… — и без того страшный взгляд длинноволосого безостановочно заплывал бешенством. — Быстро!

«Решай сама…» — вкрадчиво прошелестело над ухом.

Инна затравленно всхлипнула, резко повернулась и побежала к пятиэтажкам: изо всех сил, не оглядываясь.

— Э-э, стоять! — надсаживаясь, заорал сиплый. — Стой, сука! Саня, держи её!

Слабость сгинула, теперь тело захлестнула невероятная лёгкость, порождённая всё тем же страхом. Инна мчалась, в буквально смысле слова — не чуя ног, глядя только перед собой. Но периферийное зрение исправно доложило о том, что в пятиэтажках вдруг начали загораться окна: то тут, то там — всё быстрее и быстрее…

В кажущейся хаотичности быстро проявился смысл. Налитые беспокойным — как пламя свечи на сквозняке — светом, квадраты и прямоугольники окон складывались в гигантские линии. Линии — в буквы, а те — в слово.

«Боль».

Позади глухо топотали близнецы, и неясно — что было страшнее: звуки шагов или оконная мозаика.

Торец одной из пятиэтажек вдруг потёк вниз, как тухлое яйцо по шлему омоновца. Жижа беззвучно пузырилась, растекаясь огромной багрово-бурой лужей: затапливая детскую площадку, находящуюся неподалёку.

Дом продолжал превращаться в ничто, но Инна этого уже не видела. Она выскочила на пустынный перекрёсток и свернула направо. Топот близнецов становился глуше, они явно отставали. «Погонщик» никуда не делся: порхал, мерзость, вокруг, визгливо похохатывая — как будто в происходящем имелось что-то забавное.

«Туда!» — Инна бросилась к проходу между небольшим одноэтажным магазинчиком с вывеской «Рог изобилия. Продукты и хозтовары» и кирпичной трансформаторной будкой, изрисованной угловатыми каракулями граффити.

Нырнула в проход и побежала дальше, безликими проулками и дворами. Все встречающиеся по пути здания были темны, но хотя бы не спешили менять свою привычную форму — на что-то отталкивающее, инфернальное.

Судя по полной тишине, преследователи потеряли Инну из вида. Она остановилась, судорожно хватая воздух ртом, чувствуя — как бьётся сердце: исступленно, на пределе…

Голос затих, проявляя полное равнодушие к остановке Инны. Сейчас ей было всё равно — радоваться этому, или заходиться в смертной тоске, предполагая что-то совсем уж поганое.

Что может быть поганей двух преследовавших

её нелюдей и превращающегося в кровяную жижу бетона — Инна даже не собиралась представлять. Безумие само решит — стоит ли загонять свою игрушку *вглубь* трясины, или оставить в покое. Хотя бы на время.

Инна уже не сомневалась, что она сошла с ума. Последние картинки кошмарного калейдоскопа, в который ей выпало заглянуть — бесследно растворили в себе прочие догадки и предположения о том, почему с ней происходит всё это…

Наверное, следовало что-то делать. То ли лечь — и попытаться уснуть, чтобы отрешиться от всего происходящего, то ли — бежать дальше, не разбирая дороги. Надеясь, в конце концов, оказаться на более спокойной грани сумасшествия.

Инна не знала, принесёт ли понимание своего душевного состояния какое-то облегчение. С другой стороны, в этот *паззл* напрочь не укладывалось утверждение, что душевнобольной никогда не признает своего недуга.

«Ну, а я — что? Специалист по психам? — смятенно подумала Инна, присаживаясь на оказавшуюся поблизости скамейку. — Исключения, опять же — никто не отменял…».

Она находилась на краю крохотного сквера, к которому примыкал светло-бежевый каменный

особнячок с мезонином. Чистенький, с четырьмя белоснежными колоннами, подпирающими просторный балкон — выставивший напоказ кованое фигурное ограждение.

Такими, в средних провинциальных городах обычно бывают обиталища культуры и истории: преимущественно музеи.

Прошла минута, две… Инна сидела не шевелясь, медленно впадая в странное оцепенение, неотрывно глядя на основание ближайшей колонны. Как будто ожидала, что с особнячком вот-вот начнёт происходить очередная жуть, и — именно с этого места.

— Сейчас… — азартно выдохнула пустота. — Ап!

«Тух!» — звук был глухим, сильным. Инна судорожно мотнула головой влево-вправо, отыскивая взглядом место, из которого он донёсся. В свете фонарей, метрах в трёх друг от друга в воздухе тяжеловесно вращались два больших, плоских, тёмных диска… да это же крышки канализационных люков!

Сейчас они напоминали две монетки, подброшенные ленивым щелчком пальца на пару ростов Инны. Полное впечатление, что в подземные коммуникации одномоментно закачали несколь-

ко десятков килограммов воздуха: и крышки вышибло вверх. Поодаль раздалось ещё одно «тух!», и вверх взлетела третья крышка.

Инна моментально напряглась, со страхом ожидая продолжения.

Через пару секунд крышки впечатались в дорогу. А спустя ещё несколько мгновений — до Инны дошло, что в их падении присутствует *неправильность*: от осознания которой — в кожу впился целый сонм ледяных клещей.

Увесистые чугунные кругляши издали тихий шлепок, словно упали на что-то податливое, нисколько не схожее с асфальтом. Инна мысленно взвыла, а в следующий миг все три люка начали поспешно, даже с какой-то остервенелостью — исторгать из себя нечто похожее на толстые, бугристые, покрытые белесоватой слизью кишки. Словно под землёй дремал гигантский, монструозный организм: которому пришёл срок пробудиться и выбраться на поверхность.

Ближайшие «внутренности» выперли в высоту метра на четыре с лишним — вровень с верхней кромкой балконной ограды. И замерли, чуть заметно подрагивая. Их и Инну разделяло примерно полторы дюжины шагов.

Ничего похожего на глаза у «внутренностей»

не наблюдалось, но Инна принялась вставать со скамейки как в максимально замедленной съёмке. Время ползло полупарализованной улиткой, «погонщик» молчал. Инне почему-то казалось, что он еле сдерживается от соблазна гаркнуть что-то вроде «Вот она!».

Наконец Инна поднялась на ноги, и — медленно, плавно сделала шаг назад, не сводя глаз с торчащей из люков анатомии. Ещё шажок, третий…

«Внутренности» вдруг резко разбухли, увеличившись в диаметре почти вдвое! То, что мгновение назад выглядело асфальтом — не выдержало, и от «кишок» во все стороны с омерзительным влажным треском шустро поползли сочащиеся красным разрывы.

«Внутренности» тоже лопнули, вверху: разлохматившись несимметричными, почти метровыми лоскутами. Безвольно повалились набок, самая ближняя «кишка» упала точно в сторону Инны, напоминая указующий, сильно изуродованный перст. Из отверстия сразу же хлынули бесшумные, продолговатые — примерно с предплечье Инны, светло-зелёные сгустки: как показалось женщине — помесь слизня и многоножки.

— Бу! — напомнил о себе голос.

Инна не стала медлить, чтобы как следует разглядеть выбирающееся из «внутренностей» содержимое. Глухо охнула, и побежала прочь от особнячка, чувствуя под ногами *упругое*, живое. Фонари за её спиной гасли, один за другим…

Хохот погонщика был хохотом победителя-триумфатора. А потом Инна услышала стихи из сна. Голос читал их с интонациями свихнувшегося шута: то фальцетом — частя и взвизгивая, то выкрикивая слова по слогам — дурным, ненатуральным басом. И если звучавший в электричке голос был полностью равнодушным, то этот неистово смаковал каждую строчку, букву, полностью растворившись в стихе…

Раз!

Кошмар окружит вас…

Инна бежала, отчаянно борясь с желанием упасть, подтянуть колени к груди, обхватить голову руками, закрыть глаза и уши. Что-то подсказывало, что пока она двигается — у неё есть крохотная надежда отсрочить настоящий ужас. И она не останавливалась…

Два!

Напилась крови тварь…

Город менялся. Казалось, что тьма выбрала его

подмостками для одной из своих пьес. И сейчас её темп уверенно нарастал, демонстрируя Инне череду режиссёрских находок — во всём их жутчайшем, отвратительнейшем великолепии…

В водосточной трубе загремело, и из неё вывалилось несколько изуродованных человеческих голов. Шеи выглядели так, словно головы отгрызли или оторвали. Одна покатилась наперерез Инне, из расколотого черепа выпадали кусочки мозга…

Памятник какому-то уроженцу Высовска вдруг обрёл плоть, ожил. И замахал руками, отчаянно сохраняя равновесие: ноги ниже колен остались прежними, бронзовыми. По постаменту расторопно карабкалось с полдюжины омерзительных — помесь шимпанзе и паука — существ, слышалось нетерпеливо-голодное порыкивание.

Человек на постаменте встретил первого сунувшегося к нему монстра ударом кулака, сбросил вниз. Но сзади влез ещё один, подпрыгнул, оплёл шею и плечи живого памятника всеми шестью тонкими, жилистыми конечностями. Небольшая пасть раскрылась почти на сто восемьдесят градусов, и выпрыгнувший из неё язык — больше всего напоминающий конусообразное толстое жало — саданул жертву в шею.

Брызнула кровь. Человек закричал, крутнул корпусом, пытаясь сбросить гадину. Но спереди и сбоку прыгнули ещё две твари. Одна повисла на руке, быстро разрывая добротную ткань старомодного сюртука мелкими кривыми клыками, добираясь до плоти: второй ловко взбирался выше, к горлу…

Три!

Закрой глаза, смотри…

Над головой захлопали крылья: величественно, тягуче, страшно. Инна посмотрела вверх. Над городом, не так уж и высоко — примерно три сотни метров — неспешно летело чудовище. Исполинское, неохватное взглядом. Инна не сомневалась — если бы оно упало на Высовск, то накрыло бы его целиком, сравняв с землёй без остатка…

Четыре!

Боль правит в этом мире…

Пять!

Беги, беги опять…

Шесть!

Тебя заждались здесь…

Фонари уже гасли тут и там, Инна шарахалась от очередного куска возникшей на её пути темноты и бежала к свету, которого становилось

всё меньше. Тьма подобралась почти вплотную, но Инна ещё металась в этом лабиринте, надеясь непонятно на что…

Семь!

Надежды нет совсем…

Четыре из пяти находящихся впереди фонарей стали затухать одновременно.

Инна огляделась. Других источников света поблизости не было, и она побежала к последнему освещённому кусочку Высовска. Не желая оставаться в темноте, которая выла, шипела, скрежетала, хрустела и что-то разрывала с влажным, подкармливающим безумие звуком…

Инна вбежала в пятно света и остановилась, завертела головой — пытаясь найти вдалеке хоть какой-то просвет: но безуспешно. Чудовище всё ещё летело, заслоняя звёзды и луну, голос продолжал упиваться дьявольскими рифмами…

Восемь!

Нас сблизит эта осень…

На девять,

Десять — знай:

Что сделан шаг за край…

Спустя несколько секунд тьма стала непроглядной, последняя освещённая частичка города находилась в ней как в коконе. Инна замерла,

вздрагивая всем телом. Чувствуя себя марионеткой, которая ещё не обзавелась ниточками, но этого не придётся долго ждать.

— Ты будешь моя… — предвкушающе протянул голос, и демоническая разноголосица мгновенно смолкла. — Уже скоро…

Инна отрицательно замотала головой и попятилась назад, когда к ней потянулось узкое подрагивающее, сотканное из тьмы щупальце. Шаг, второй, третий… Спина почувствовала бетонное ребро столба, щупальце висело прямо перед лицом, и Инна сделала то — что могла: закрыла глаза.

Прикосновение было коротким, безболезненным. Голос издал блаженный стон. Щупальце тут же отдёрнулось, после чего пришло понимание — что дурнота исчезла. Доступ к ячейке памяти был свободен.

И Инна вспомнила.

В следующий миг она упала на колени, и окружающий мрак начал жадно впитывать в себя её вой: надсадный, безысходный, почти нечеловеческий…

***

— Витенька, ну, ты же прекрасно знаешь —

женщины любят ушками…

Миловидная златовласка с фигуркой балерины невинно захлопала голубыми глазами, прикусила нижнюю губку, грациозно повела плечиком.

— Ну, знаю… — мрачно буркнул Крохалёв, делая очередную безуспешную попытку сосредоточиться и выбрать что-нибудь из тощенького меню. — И что из этого следует?

— Витя-Витенька-Витюша, жаждут ласки мои уши, — негромко пропела блондинка на мотив полузабытой попсы. — Товарищ капитан, не обижайте девушку и журналиста, поделитесь информацией…

— А мне что с этого? — прямолинейно бухнул веснушчатый, круглолицый здоровяк. — Половину гонорара за писанину твою отжимать — не поджентльменски, на свидание опять не придёшь. Да и нет у меня сейчас времени на эту лирику… Половина выходного раз в три недели. Короче — можешь кукситься, но выгоды не вижу.

Девушка сделала вид, что ничего не слышала, и расстегнула две верхних пуговицы на блузке:

— Жарковато здесь…

— Слышь, восходящая звезда провинциальной журналистики… — Крохалёв отложил меню, стараясь смотреть в глаза собеседницы:

не ниже. — Писала бы про богему местную, про торжественное открытие пятисотой урны. Вон, у Разуваевых из Липового переулка самогонный аппарат себя поясом шахида вообразил: знатно шарахнуло. Прямо бестселлер, расписывай — не хочу. Мариночка, кровища, трупы тебе зачем? Ты жмура вживую видела? Нет, не после морга, когда они облагороженные. А после того, как над ним колюще-режущими-пилящими вдоволь поупражнялись… На редкость хрено-о-овое зрелище.

Блондинка безмятежно пожала плечиками:

— Витя, я же тебя не пытаю — почему ты на этой работе уже восемь лет, если от неё одни минусы. Вот и ты меня не тормоши, почему я о «Высовской твари» писать надумала. Тебя же не волнует, кто в своё время о сёстрах Гонсалес написал? Ну, вот… Ты выбрал что-нибудь?

Она забрала у Крохалёва меню, быстро пролистала. Вскинула руку, подзывая официантку:

— Мне чай с чабрецом и пару ватрушек с повидлом. А этому идеальному мужчине и грозе местного криминала — пива местного, он другого не пьёт. И к пиву чего-нибудь… Вот, колбасок и гренки с чесноком.

Официантка ушла, Марина снова посмотрела

на Виктора:

— В общем, так. Едим, пьём. Если к последнему глотку пива не созреешь ничего рассказать — я расплачиваюсь и разбегаемся. Устроит?

— Когда это я за твой счёт хоть яблочный огрызок съел… — проворчал Крохалёв. — Хрен с тобой, вытягивай душу.

— Рассказывай что знаешь, — улыбнулась блондинка, вытаскивая из сумочки диктофон. — А восходящая звезда сама потом факты рассортирует и всё в лучшем виде изложит. И насчёт свидания подумает. Серьёзно.

— Думаю, фио тебе напоминать не стоит…

Марина согласно кивнула:

— Резанова Инна Эдуардовна, одна тысяча девятьсот семьдесят первого года рождения.

— Именно, — вздохнул Виктор. — Она же «Высовская тварь», установленное количество жертв — двадцать одна. Убивать начала около трёх лет назад, и не только в наших краях. Сначала каталась в соседние области, а когда шиза совсем расцвела — стала здесь народ шинковать. Перед тем, как её взяли — в последней электричке трёх попутчиков на тот свет отправила, с особой жестокостью. Бабку, мужичка и подростка: у всех глаза вырезала…

До этого только мужиков в возрасте убивала, тоже без глаз оставляла. Причём — мужиков разных, без системы: но с умом, продуманно. Если бы у неё с головой плохо не стало, мы бы её ещё долго ловили.

— Что, прямо так однажды проснулась — и начала убивать? — перебила рассказчика блондинка. — Ни с того, ни с сего… Раз, и новая Ирина Гайдамачук образовалась, даже похлеще.

— Подкованная ты наша. Гайдмачук, Гонсалес… Нет, была у неё… стартовая площадка. Её года четыре назад похитили, насиловали и могли убить. Братья-близнецы, могильщики.

— А, да-да! — Марина щёлкнула пальцами. — Что-то припоминаю. Хром… Хоромины?

— Почти угадала, — сказал Крохалёв. — Хоронины. Фамилия под стать профессиональной деятельности. Евгений и Александр. Те ещё нелюди были. Видеозаписи потом у них дома нашли, с семью без вести пропавшими ситуация прояснилась…

Неподалёку от кладбища заброшенные подвальчики-овощехранилища были, братья там такой схрон обустроили — хрен найдёшь, если не знать. В нём женщин и прятали. После смерти расчленяли, по пакетам раскладывали,

и в свежие могилы частями подхоранивали. А с Резановой им не повезло. Исхитрилась освободиться, и не стало близнецов. Её, понятное дело — не посадили, после такого-то… Как наши думают, и я — в том числе: что тогда у неё и проснулась вот эта тяга убивать.

— Не исключено, после такого-то… А у самой Резановой спрашивали?

Крохалёв криво усмехнулся:

— Если очнётся — спросим. В коме она. Охранники из электрички её вязали, напортачили, дилетанты косорукие… Неизвестно — выживет или нет. По мне, так лучше бы сдохла. Напилась крови, тварь, нахлебалась…

— Понятно, — протянула Марина. — Значит, на границе жизни и смерти сейчас.

— Типа того. Надеюсь, за все старания черти ей что-нибудь покруче сковородки нафантазируют. Двадцать один труп, нормальные мужики в основном. Не бомжевня, не Бухеры Запоевичи Стекломоевы какие-нибудь…

Виктор замолчал, наблюдая, как подошедшая официантка переставляет заказ с подноса на стол. Взял бокал с пивом, сделал большой глоток. Посмотрел Марине в глаза, перевёл взгляд ниже…

— Ну, чего тебе ещё рассказать?

Бонус – Стихи

Ночные колокола
Александр Лещенко

Звенят в ночи колокола,
меня к себе они зовут,
внутри стук сердце затая,
собравшись там, меня все ждут.

Я в тёмный выйду коридор,
надену куртку неспеша,
я буду словно тихий вор,
и вдруг замрёт моя душа.

Кого-то вижу в темноте,
он приближается — и вот,
сверкнут глаза в полнейшей тьме,
это всего лишь старый кот.

Зевнёт, потрётся об меня,
и юркнет быстро он назад,
с меня спадёт вмиг пелена,
и не разверзся рядом ад.

Вздохнув, открою тихо дверь,
скользну, как тень я за порог,
одна дорога мне теперь,

и не поможет даже бог.

Теперь шагаю я в ночи,
колокола уж бьют в набат,
душа внутри меня кричит,
но мне сейчас сам чёрт не брат.

И вот разрушенный собор,
из тьмы, как дьявол восстаёт,
иду вперёд и слышу хор,
урочный час уж настаёт.

Среди поваленных крестов,
среди разграбленных могил,
зияет много чёрных ртов,
их сатана всех разбудил.

Рога, хвосты и чешуя,
и мельтешение красных глаз,
крик раздается — и струя,
уж хлещет, заливая нас.

То хлещет кровь, а не вода,
не спутаю я этот вкус,
когда-то проклят навсегда,
той твари помню я укус.

Меня он сильно изменил,
ведь демоница то была,

но мне тогда хватило сил,
и с плеч слетела голова.

Но время шло, и вот теперь,
забыв себя и все дела,
во мне рычит ужасный зверь,
в ночи звенят колокола.

На перевёрнутом кресте,
висит она, едва дыша,
мы ухмыляемся во тьме,
и подступаем неспеша.

Кривые когти рвут её,
нагую деву на кресте,
и наши пасти жрут её,
знак пентаграммы на челе.

Звенят в ночи колокола,
а мы всё продолжаем есть,
сюда позвал нас сатана,
и мы пришли, чтоб о́тдать честь.

Затихнет вскоре перезвон,
уже рассвета близок час,
и мы уйдем, как страшный сон,
но не забудем ночной глас.

Красный туман
Марина Румянцева

Красный туман, красный туман,
Сводит с ума. Лжёт.
Здесь он повсюду,
Рядом со мною, в кожу впиваясь,
Ползёт.

Красный туман. Красный туман.
Кровь с твоих губ сотру.
Страстно целую, утром покину,
В мир за порогом уйду.

Встану пораньше, выйду в туман.
Ножик достану. Убью.
Дети. Младенцы. Всех, кто не нужен,
Кто не успел, заберу.

Девочка, мальчик. Хрупкий младенчик,
Только родился, умрёт.
Я украду. И люлька пустует.
И мать у окна заревёт.

Сладость и радость: сердце, мозги,
Печень — пущу в расход.

Вода закипает. Ведьма всё сварит,
Или сырым сожрёт.

Я для тебя — вся твоя жизнь,
Ты без меня — умрёшь.
Кровь и кишки, юное тело,
Что не попросишь — возьмёшь.

Красный туман, красный туман.
Ты для меня — Любовь.
Только живи, только колдуй.
И убивай,
Вновь и вновь.

Мертвец
Влад Волков

Ветхий дом, скелет столетий
Перекошенный, нелепый,
Заколоченные окна,
Обвалившийся чердак.
Что стоишь ты в месте этом,
Людьми, богом позабытый?
Лишь мерцает в переливах
Над тобою Зодиак.

Копошатся в крыше совы,
Пучеглазым своим взглядом,
Всё высматривать добычу,
В мраке ночи норовят.
Был ли ты когда-то новым?
Величавым истуканом,
Теплоту и кров дающим.
Кем же ты теперь проклят?

В комнатах сырые листья,
Что замёл колючий ветер,
Лик луны сквозь щели в крыше,
Смотрит томно на тебя.

Безучастна, серебриста,
От заката до рассвета.
Насекомые и мыши
Опекают погреба.

Что стоишь один ты сирый
На опушке старолесья?
Был ли город, иль деревня
Что ютилися вокруг?
Лишь один остался, старый?
Что, прошёл сквозь ад кромешный?
Ни следа других построек,
Только колосится луг…

Если б были у стен уши,
Ставни с окнами-глазами…
Печь старинного камина
Коль могла бы говорить,
То о чём бы ты поведал?
За века о чём подслушал?
Голоса кого ты слышал,
Их пришлось похоронить?

Не ответишь, ветхий старец,
Промолчишь под скрипы-вздохи,
Одиноким силуэтом,
Притаившись в полумгле.
Весь истерзанный, помятый,

Как горбун былой эпохи,
Кем же был и для кого ты?
Страж, не преданный золе!

Что вокруг тебя творилось?
Где ж товарищи другие?
Ты, неужто, одиноким
Вечно был на пустыре?
Может быть лесная ведьма,
С давних лет здесь поселилась,
И до старости седой тут,
Всё летала на метле?

Может сторож иль лесничий,
Обитал в года лихие,
В месте этом одержимом,
Твои стены сторожил?
И внемля коварным бесам:
Леший, черти, домовые…
Мысли, что нашлют дурные,
Тот себя и застрелил?

Слышишь, дом самоубийцы,
Над которым вьются птицы,
Чьи хранишь тяжёлы тайны?
Мне ответить не страшись!
Но в ночи лишь ветер стонет,
Черепицу с крыши сгонит,

Гулом карканий звериных
Полоснёт ночную тишь.

Воцарится вновь молчанье,
Паутиной окна скроет,
Дом заброшенный старинный,
Что стоит на пустыре.
Сгнивший в пагубном отчаянии,
О котором уж не помнят,
И застывший в старолесье,
Словно мошка в янтаре…

Но года пройдут, поместье…
Расслоится весь фундамент,
И термиты с муравьями
Пол и стены догрызут.
И деревья в этом месте
Что пронзают земь и камень,
Скроют цепкими ветвями,
Величаво прорастут.

И забудется навеки,
Ветхий дом, скелет столетий,
И туман воспоминаний
Вмиг растает, наконец.
И бесследно сгинет память,
Тихо канет в омут бездны,
Став надгробною плитою.

Спи спокойно, мой мертвец.

Сломленный город
Антон Филипович

В этом сломленном городе окна плотно закрыты
Тёмными шторами разбитых надежд.
Радости жизни сырой простынёю укрыты,
Сшитой из сгнивших сердец подлецов и невежд.

На улице грязной девочка плачет,
Смерть где-то рядом, улыбается ей.
А над девчонкой маньяк с ножом пляшет
Под тихую песнь хора мёртвых детей.

Скорбными нотами дождь стучит по брусчатке,
Смывая алого цвета большое пятно.
Все люди вокруг будто играют в прятки,
И лишь одинокая мать с грустью смотрит в окно.

Страха холодные пальцы тянутся мраком из стен,
Крепко впиваясь когтями в скверную душу трущоб.

В этом проклятом месте, в прибежище жутких химер,
Люди, ещё живые, сами забираются в гроб.

Кошки трёхглазые стаями бродят в кровавой ночи,
Любимицы здешних чудовищ, ведьм, упырей и сирен.
Сегодня добычей, возможно, их будешь именно ты,
В городе этом остались лишь горе, муки и тлен.

Хульдра
Влад Волков

Грустит бедняжка-хульдра,
Стерев слезу хвостом.
Уже настало утро,
Светает за окном.
Зловеще месяц светит,
На небе всё смеясь.
Одна рассвет лишь встретит,
Богам лесным молясь.

Грустит малышка-хульдра,
Сжимая свой подол.
Растрёпанные кудри.
Кровь капает на пол.
Зачем же ты, любимый,
Мне платье расстегнул?
Как манит любопытство
Коль грань перешагнул.

Грустит девчонка-хульдра
Рыдая до зари.
Клянёт ежесекундно
Того, кто у двери.

Хотел тепла и ласки,
Нашёл же только смерть.
Такой у этой сказки
Печальный был конец.

Грустит красотка-хульдра,
Кровь с губ своих слизнув.
И исподлобья хмуро
Глядит на хладный труп.
Окутан тишиною,
Ни звука не издав.
Лишь пасть-дыру в спине её
Внезапно увидав.

Грустит милашка-хульдра,
Невинный блеск в глазах.
Любимый златокудрый
Теперь на небесах.
Хотела долгой жизнью
Мужчину наделить.
Пришлось же мёртвым телом
Свой голод утолить.

Перед рассветом
Дмитрий Передонов

Демоны ада
ночью терзают и рвут
душу маньяка.

Ночь бесконечна.
Господи, как мне уснуть
хоть ненадолго?

Вышел на кухню,
выпил воды, закурил…
Близится утро.

Тихо в деревне.
Смотрит в окно на меня
Козлоголовый.

Смотрит лукаво.
«Ну, — говорит, — не впервой,
знаешь, что делать».

Знаю, ох знаю —
только убийство даёт
успокоенье.

Стал собираться.
Жизнь отниму, и тогда
мне полегчает.

Деток с женою
я разбудить не боюсь:
нет у меня их.

Нет у меня их.
Нет у меня никого.
Нет и не будет…

Тёмное небо.
Тихо и зябко. Спешу
к дому Галины.

Ей восемнадцать,
и хорошо, что её
двор — на отшибе.

Рядом овражек.
Местные бабы туда
мусор кидают.

Скоро четыре.
Время Галине вставать —
ранняя дойка.

Галя пригожа:
груди, что дыньки, а зад…

Но недотрога.

Как ни пытался
с ней завязать разговор,
не получалось.

Брови нахмурит,
плюнет, иль матом пошлёт.
Та ещё стерва.

Будет сегодня
иначе, не зря со мной
острый топорик.

Козлоголовый
щерит в улыбке клыки:
кровь предвкушает.

Вот и ворота
дома Галины… Прячусь,
жду, когда выйдет.

Вышла Галина.
В курточке, в чёрных штанах,
простоволоса.

Дверь запирает,
крепкие ноги свои
чуть-чуть раздвинув.

Вмиг подбегаю
сзади… Откуда взялись
ловкость и сила?

Раз! — и топорик
с хрустом разбил ей башку.
Два! — позвоночник.

Девка упала.
Молча упала — и всё.
Не шевелится.

Дрогнуло небо.
Расхохотался во тьме
Козлоголовый.

Дрогнуло снова.
Первые капли дождя
нас омочили.

Галю спускаю
в овраг. Прыгаю следом.
Капли всё гуще.

Загрохотало.
Рву с неё куртку, штаны…
Сердце ликует.

Небо пронзила
молния. Дождь перешёл

в яростный ливень!

Что мне за дело
до ливня? Я победил!
Я — победитель!

Больше не сможешь
ты никому отказать —
больше не сможешь!

Мну исступлённо
сочные груди твои,
плечи кусаю.

Жадно целую
губы твои и глаза,
полные крови…

Ну, недотрога,
сладко тебе подо мной
или не очень?

Что, не по вкусу?
Ну-ка, ругни меня, тварь,
если сумеешь!..

«Хватит!» — услышал
я вдруг. Сердце упало.
Козлоголовый…

«Видишь — светает!
Хватит! Скорей уходи.
Дождь тебе в помощь!..»

Встал, отряхнулся.
Быстро достал телефон.
Фото на память…

Знаю, улика,
но не могу заглушить
внутренний голос.

Трусики сунул
в карман. Теперь ты всегда
будешь со мною…

И напоследок
Галю я нежно укрыл
мусором мокрым.

Спи, недотрога,
к дойке уже не успеть!
Спи, прохлаждайся!..

…Ранняя осень.
Ночью терзают меня
демоны ада.

Ночь бесконечна.
Господи, как мне уснуть

хоть ненадолго?

Вышел на кухню,
выпил воды, закурил…
Близится утро.

В городе тихо.
Смотрит в окно на меня
Козлоголовый…

Шёпот грёз
Марина Румянцева

Ночью осенней безлунной,
Из чащи мне слышится вой.
Неживой, неземной, потаённый,
Он следует всюду за мной.

Он веет туманом над лесом,
В замшелых таится корнях.
Его удушающий шёпот
В моих поселяется снах.

И мне невозможно укрыться,
Я ночью безлунной уйду.
Спущусь я, скрепя половицей,
Рубаху заправив, пойду.

В чаще осенней дождливой,
Сквозь дымку и призму зеркал,
Найду я дубок неказистый,
Что сотни ночей меня звал.

Он кровью взращён и воспитан,
И в сердце туманных болот,
Корона костей позабытых,

Меня, заплутавшего ждёт.

Но ждёт не напрасно, не тщетно.
Я весь, подобравшись, стою,
И песнь, что меня заманила,
Я с радостью в сердце пою.

Моими накройся костями,
Кровавый туман напои.
Могучими злыми ветвями,
Станут пусть кисти мои.

Ночью безлунной осенней,
По лесу разносится хруст.
И дом, без меня оказавшись,
Навеки останется пуст.

Собирательница Душ
Александр Лещенко

Как птицы в клетках бьются их сердца,
боятся они страшного конца.
Конец приходит в облике прекрасном,
туманным, летним днём неясным.

Такие дни в году редки,
как золото среди реки.
И вот тогда, издалека,
приходит в город тот Она.

Вся в белом с ног до головы,
без всякой праздной мишуры.
Ей ни к чему: ни шум, ни гам,
легко шагает по волнам.

И только лёгкий плеск воды,
подскажет нам Её следы.
Но ненадолго лишь на миг,
и вдруг раздастся чей-то крик.

Он будет полон боли, страха,
невероятного размаха.
За ним последует второй,

словно голодный, волчий вой.

Утонет город в сонме криков,
и будет много мёртвых ликов.
Лежат на улицах, в домах,
лежат они на всех углах.

Причина смерти их — Она,
словно гигантская волна,
накрывшая собою город,
принёсшая лишь смерти холод.

Ни кара древняя богов,
и не проклятье врагов.
Она лишь души забрала,
и с ними в море вновь ушла.

Её был выбор очень прост —
герой, злодей или прохвост,
попали они в Её сети,
как глупые, смешные дети.

Естественность они забыли,
внутри себя давно убили.
Она ускорила лишь срок,
который им отмерил бог.

На ритуале «Йа, Шуб-Ниггурат!» выкрикивали (Об авторах)

Алекс Лоренц

Родился в Брянске в 1987 году.

С 2019 по 2023 — постоянный автор-публицист вебзина «Darker», с 2020 по 2023 — также редактор музыкального раздела. С 2021 по 2023 — участник редколлегии иллюстрированного печатного хоррор-альманаха «Fantomas».

Автор романов ужасов «1994», «Соня», «Техотдел», «Старик». Рассказы публиковались в периодических изданиях («Fantomas», книжный ежегодник «Происхождение мрака»), в авторском сборнике «Собаня». В 2023 году в инди-издательстве «Fantomas» вышла отдельной книгой с иллюстрациями повесть «Щань».

Алекс Лоренц путешествует по глухим и обезлюдевшим уголкам Брянского края, ведет об этом публичную группу «ВК» и YouTube-канал под общим названием «Брянское захолустье».

Ссылки:

1) Группа автора в «ВКонтакте»:

https://vk.com/alexlorenzofficial

Александр Гуляев

Поэт, писатель, бард.

Стихотворения опубликованы в литературных альманахах, периодических изданиях, сборниках. Имеет ряд научно-популярных публикаций в региональных изданиях, научных публикаций в специализированной литературе.

Рассказы и сказки в 2022—23 гг. опубликованы более чем в 20 сборниках («КИФ-5», «Шаг в бесконечность», «Фантлаб о любви», «Сказания о тропах судьбы», «Туман», «Приключения лисёнка Ёши» и др.). Порядка 17 сборников готовятся к выходу.

Победитель ряда российских и международных литературных конкурсов и фестивалей.

Автор книги «Полсотни сказок для недоповзрослевших» (2023 г.).

Член жюри международной литературной премии «Алиса-2023». Член Союза деятелей культуры и искусства. Член Союза детских и юношеских писателей.

Александр Лещенко

Родился в 20-ом веке, тогда же и начал писать. Однако серьёзно писательством увлёкся только

в веке 21-ом. С 2016-го года участвует в различных сетевых конкурсах: «Чёртова Дюжина», «ФантЛабораторная Работа», «Астра-Блиц»; их — легион.

Любимые авторы: Стивен Кинг, Эдгар По, Говард Лавкрафт, Ричард Лаймон; всех не перечислишь. Предпочитает писать хоррор, но не чурается и других жанров, например, таких, как фантастика и юмор.

Публиковался в антологиях: «Звёзды не для нас», «Генератор Страхов», «Адское шоссе», «Готика»; и это далеко не всё. Редактор-составитель серии антологий «Фантастический Калейдоскоп».

Основное кредо автора: «Развлекаться во время творческого процесса и развлекать других результатами творчества».

Ссылки:

1) Группа автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/dm_dark_mansion

2) Страница автора на сайте «Автор. Тудей»:
https://author.today/u/dmblackgold

3) Страница автора на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/autor73972

Андрей Лакро

Писатель, иллюстратор и публицист.

Член жюри международного конкурса «Кубок Брэдбери — 2019». Лауреат конкурса рассказов мистики и хоррора «Чёрная весна — 2020».

Основатель нового литературного поджанра «энтомотура». Официально опубликованный рассказ в этом поджанре: «Земная Надежда» (Антология «Открытый космос» к 60-летию первого полёта человека в космос, «Перископ-Волга», 2021 год).

Иллюстратор сборника рассказов «Сказки для Алисы» авторства Дмитрия Хитрова («Издательские решения», 2022 год).

Антон Филипович

Родился и проживает в Симферополе. Писать начал с конца 2016 года, работает преимущественно в жанрах фантастики, хоррора, фэнтези и вирда.

Призёр и финалист сетевых литературных конкурсов: «Астра-Блиц», «Зарисовка-мини», «ФантЛабораторная работа», «Хиж-Нано».

Публиковался в различных сборниках рассказов и стихов.

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Автор. Тудей»:
https://author.today/u/filipovichanton

2) Страница автора на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/autor67610

Вадим Вербицкий

Автор малой прозы. В своем творчестве отдает предпочтение макабрическому жанру, хоррору, мистике и мрачному сюрреализму, черпая вдохновение в произведениях любимых авторов и просто спонтанных мрачных настроениях. В число избранных вдохновителей входят: Г. Уэллс, Р. И. Говард, Г. Ф. Лавкрафт, К. Э. Смит и др.

Родился и проживает в г. Одесса, в Украине. В 2004 г. окончил Одесский национальный университет. Любимые занятия — проводить время с семьей, читать художественную литературу и писать собственные сочинения.

Первые пробы пера начались в 2016 г., затем последовал ряд публикаций в нескольких периодиках и антологиях.

Вадим Громов

Российский писатель-фантаст, работающий преимущественно в жанре хоррора, автор книг для детей. Родился в пгт. Коммунар, Ленин-

градской области, Гатчинского района. Среди любимых писателей: Александр Бушков, А. П. Чехов, Роберт Маккаммон, Стивен Кинг и многие другие. Попытки писать предпринимались автором ещё в середине 1990-х годов.

Дебютный роман «Искалеченный мир» вышел в 2013 году в серии «Форпост» издательства «АСТ». В 2015 году в серии «Прикольный детектив» вышла сказка для детей «Дело о пропавшей короне».

С 2014 года автор участвует в отборе «Самая страшная книга». Один из рассказов, «Маргарита», вошёл в сборник «Самая страшная книга 2015».

Ссылки:

1) Страница автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/id94387431

2) Страница автора на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/autor35644

Влад Волков

Писатель, поэт, философ.

Пишет прозу и стихотворения в жанрах ужасов, мистики, фэнтези, фантастики. Предпочтение

отдаёт «лавкрафтовской» тематике. В сфере интересов также мифология, криптозоология, конспирология. В хорроре предпочитает изучать первобытный страх человека перед неведомым и непознанным, дикой природой, её тайнами и загадками, но также в своих произведениях обращается и к устоявшимся архетипичным образам.

Публиковался в сериях «Из России с ужасами» (Хоррорскоп), «К западу от октября», «Классики и современники» (МСРП) и других.

Георгий Акбаа

Писатель и блогер, работающий в разнообразных жанрах. Автор множества статей по темам от оккультизма до анализа литературных героев и рецензий. Исследователь «Мифов Ктулху».

Администратор сообщества «Мифы Ктулху. Говард Филлипс Лавкрафт». Соавтор бестселлера, артбука-энциклопедии в трех томах «Миры Говарда Филлипса Лавкрафта».

Ссылки:

1) Сообщество «Мифы Ктулху. Говард Филлипс Лавкрафт» в «ВКонтакте»:
https://vk.com/lovecraft_mif

2) Блог автора:
https://gagbaa.wordpress.com/

Гор Куликов

Писатель-кочевник из Восточного Казахстана, Сибири и Урала. Работает в жанрах хоррор, триллер и абсурд.

Публиковался в журналах «Русский динозавр» и «Фантомас».

Победитель конкурса хоррора на сайте «Альтерлит».

Ссылки:

1) Группа автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/goretesque

Даниил Лукьянченко

Начал писать 3,5 года назад. Первое время опирался на творчество Говарда Лавкрафта, позже стал вдохновляться Эдгаром По и Стивеном Кингом.

Два рассказа были напечатаны в сборниках издательства «Перископ-Волга».

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Author.Today»:
https://author.today/u/danikluk591

Дмитрий Передонов

Профессиональный переводчик в сфере научно-технической коммуникации, выпускник Саратовского государственного университета по специальности «Английский язык и литература». Родился и проживает в г. Саратове. Писать начал с середины 2020 г., работает преимущественно в жанре ужаса. Большой поклонник актёров Белы Лугоши, Питера Кушинга и Джорджа Зукко, а также режиссёров Джо Д'Амато, Лючио Фульчи и Андреаса Бетмана. В творчестве тяготеет к экстремальному хоррору.

Публиковался в журналах и антологиях:

Интернет-журнал мистической направленности «Футарк» (2021, 2023); хоррор-альманах «Fantomas» (2022); антология тёмной поэзии «Хоррорку: 1111 хоррор-хайку» (Хоррорскоп-Пресс, 2022); онлайн-журнал «DARKER» (сборник «Тёмная поэзия», выпуск 2) (2023).

Ссылки:

1) Страница автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/peterneal

Злата Линник

С 2010 г. член Союза писателей Санкт-Петербурга, с 2012 г. член Союза Российских писателей.

Литературой занималась с 1999 г., придумывает разные истории с детства. Семь бумажных книг, более 50 публикаций в журналах и сборниках. Среди них: «Нежные объятия железной девы», «Маша минус Вася», «Шекспременты», «Ловчие прошлых жизней».

Любимые писатели: Терри Пратчетт, Нил Гейман и Говард Лавкрафт

Литературные премии:

1) «Дверь в лето», 2008 г. — книга года, повесть «Мои поцелуи вкуса крови»; 2) «Дверь в лето», 2008 г. — книга года, повесть «Кровные узы»; 3) «Дверь в лето», 2015 г. — книга года, повесть «Дело об убийстве одежды»; 4) 1-е место в международном конкурсе «Метаморфозы» в номинации «фантастический детектив». Рассказ «Кролик вне подозрений».

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Автор. Тудей»:
https://author.today/u/gagula

2) Страница автора на сайте интернет-магазина «ЛитРес»:
https://lib.litres.ru/author/zlata-linnik/

Ирэн Блейк

Основной жанр, в котором пишет — хоррор в фэнтезийном, фантастическом и магреалистическом антуражах. Любимая форма — рассказ.

Впервые серьёзно взялась за хоррор-рассказы, поучаствовав в конкурсе «Укол ужаса» в 2014 году на «Самиздате» М. Мошкова.

Издавалась:

1. В инди-издательстве «Хоррорскоп», в антологии микропрозы «Адское шоссе» с микрорассказом «Пробка».

2. В издательстве «Рипли-Букс», в антологии магреализма «Музыка — мой аэроплан» с рассказом «Пианино».

3. В литературном журнале «Белый апельсин», в тематическом выпуске «Хэллоуин» с рассказом «Человек в коричневом костюме».

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Автор. Тудей»:
https://author.today/u/irasv

Максим Горенский

Писать рассказы начал в 2016-ом году.

В 2018-ом впервые опубликовался на страницах хоррор-альманаха «Fantomas» под псевдонимом Максим Григорьев. Затем публиковался с рассказами в жанре ужасов и мистики в журнале

«Tell me something». Дважды выигрывал в конкурсах, проводимых крафтовым литературным журналом «Рассказы». С 2021-го года периодически публикуется в онлайн-журнале «Darker» в разделе «Симфонии тьмы». В 2022-ом вошёл в антологию «Хоррорку» от издательства Хорроскоп.

Из авторов больше всего нравятся Роберт Эйкман и Говард Лавкрафт. Кроме того, отдельные произведения: «Дракула» Брэма Стокера, «Кладбище домашних животных» Стивена Кинга, «Человек, который смеётся» Виктора Гюго и «Преступление и наказание» Достоевского.

Ссылки:

1) Группа автора в «Вконтакте»:
https://vk.com/horofgor

Максим Кабир
Писатель, поэт.
Автор книг «Мухи», «Скелеты», «Клювы», «Век кошмаров», и других романов и авторских сборников.

Ссылки:

1) Страница автора на сайте интернет-магазина «ЛитРес»:

https://www.litres.ru/maksim-kabir/

Маргарет Руан

Автор темного фэнтези и хоррора — начала писать рассказы в 2018 году. Участвовала в конкурсах «Бумажный слон», конкурс хорроров от Литрес и «Потец». Рассказ «Волки» дважды выходил в шорт-лист и был озвучен. Рассказ «Бабочка должна быть за стеклом» занял третье призовое место. Недавно закончила вторую книгу.

Ссылки:

1) Группа автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/margaretruan

2) Страница автора на сайте «Литмаркет»:
https://litmarket.ru/margaret-ruan-p56731

Марина Румянцева

Меланхоличный автор рассказов, стихов и рисунков. В её произведениях живут подлецы и фатализм. Иногда маньяки и розовые пони.

Циник, педант и остров упорядоченности. В 2017 году впервые участвует в конкурсе «ФантЛабораторная работа». Призёр, финалист и участник множества литературных конкурсов.

Также Марина Румянцева — иллюстратор се-

рии «Фантастический Калейдоскоп».

Рассказы автора можно найти в изданиях от «Хоррорскопа», в крафтовом журнале «Рассказы», в серии «Фантастический Калейдоскоп», сборниках «Перископ-Волга», «К западу от октября» и прочая, прочая.

Ссылки:

1) Страница автора на сайте «Автор. Тудей»:
https://author.today/u/rozamimozza

2) Страница автора на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/autor80486

Ольга Кузьмина

Кандидат исторических наук, фольклорист, педагог, писатель.

Рассказы публиковались в журналах: «Союз писателей», «Мир фантастики», «Edita», «Библиотечное дело», крафтовый журнал «Рассказы», «Химия и жизнь», «Сундук».

Публикации в сборниках: «Фобология», «Милая нечисть», «Слишком много кошмаров», «13 страшных историй», «Заповедник сказок», «На котоцентрической орбите».

В 2022 г. вошла в шорт-лист премии «Интер-

прессконе» (второе место) и в лонг-лист литературного конкурса «Книгуру»; заняла второе место на литературном конкурсе памяти М. Успенского. В 2023 г. победила на конкурсе «Это факт» (ЛитРес) в номинации «История» с научно-популярной книгой «Подменыши. Украденные жизни». Вошла в лонг-лист конкурса «Кислород».

Ссылки:

1) Группа автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/club49941337

2) Страница автора на сайте «Автор. Тудей»:
https://author.today/u/alyena

Павел Рязанцев

Пишет с 2010 года.

С 2020 года ведёт авторское сообщество в «ВК» «Кладбище мыслей и чувств». Есть публикации на площадках самиздата.

Жанры: мистика, ужасы, городское фэнтези, фантастика.

Любимые авторы: Г. Ф. Лавкрафт, К. Баркер.

Книги:

Проза — «Разговоры с живым мертвецом» (2022), «Осколки мориона» (2023); поэзия — «Культ Токсичных Отношений» (2023), «49»

(2023); в соавторстве — «В тени восходящего солнца» (2022); в антологиях — «Хайку из бездны» (изд. Horrorscope), «Я иду искать» (изд. Перископ-Волга, 2023).

Конкурсы:

«Чёртова дюжина-2022», «В одном чёрном-чёрном городе» (Литрес, лонг-лист), «Новая Фантастика-2023, «Трансильвания 2023» (лонг-лист) и др.

Член «Клуба любителей ужасов и мистики» (под эгидой серии «Самая страшная книга»).

Ссылки:

1) Группа автора в «ВКонтакте»:
https://vk.com/club194407054

Пётр Перминов

Родился в г. Соликамске Пермской области в 1978 году. Окончив биологический факультет Пермского государственного университета, вернулся в родной город, где работает преподавателем естественных наук одного из колледжей.

Писать начал на последнем курсе университета. На заре творческого пути пытался писать «серьёзную» литературу, потом сосредоточился на хорроре. В конкурсах не участвует, потому что никогда не успевает в срок. Публиковался

в вебзине «Darker», альманахах «RedRum» и «Фантомас».

Творческими ориентирами среди здравствующих авторов тёмной литературы считает Дэна Симмонса, Клайва Баркера, Адама Нэвилла, Олега Кожина, Марию Артемьеву, двух Дмитриев — Тихонова и Костюкевича.

Роман Дремичев

Независимый автор, работающий в жанрах хоррора и фэнтези. Самостоятельным творчеством начал заниматься еще со школьной скамьи, но о профессиональной деятельности в то время не задумывался, воспринимая все как хобби.

Литературный настрой получил после знакомства с работами Роберта И. Говарда, Говарда Ф. Лавкрафта, Лина Картера и многих других, включая иностранных и советских классиков.

Некоторое время занимался коммерческими переводами текстов зарубежных авторов.

Есть несколько публикаций в интернет-журнале «Аконит».

С наиболее полным на сегодняшний день объемом творческих работ можно ознакомиться на сайте «Proza.ru».

Наши книги

Генератор Страхов
(антология рассказов тёмных жанров)

Это путешествие в непредсказуемый и опасный мир, где за каждым поворотом могут таиться чудовища.

Проклятая книга, которая убивает всех, кто заглянет в её конец, не прочитав перед этим всё остальное. Странный город, населённый страшными существами, где кошмары становятся явью. Мать, желающая принести в жертву дочь. Живой астероид, который жаждет поглотить неосторожных исследователей.

А также: злобные хомячки, правительственные эксперименты, жуткие чудовища, психи в космосе и многое другое. Всё это живет и ждет, убивает и умирает на страницах «Генератора Страхов».

Шёпот грёз безумных
(антология микрорассказов тёмных жанров)

О чём могут шептать безумные грёзы?

О разном. Они могут рассказать о женщине, спасающей своего ребёнка от страшной твари.

Или о фотографиях, которые можно использовать для убийства. О растении-паразите, уничтожившем целую семью.

Не отворачивайтесь, не затыкайте уши. Шёпот уже у вас в голове. Девушка, в груди которой сдох сверчок. Воющая стая ночных собак. Дерево-людоед. Тварь из-подо льда. Призрачный кот.

Ктулху фхтагн!

(антология рассказов «лавкрафтовского» хоррора)

Говард Лавкрафт — классик литературы ужасов.

У него множество почитателей и последователей по всему миру, в том числе и русскоязычных. Их истории и представлены в двух томах антологии.

Здесь можно встретить как стилизации «под Лавкрафта», так и рассказы, вдохновлённые его творчеством. Есть и самостоятельные произведения, герои которых сталкиваются с неведомым. Богохульные книги, отвратительные монстры, мерзкие ритуалы, сумасшедшие культисты и много щупалец.

Ктулху фхтагн!

Механическая осень

(антология рассказов фантастических жанров)

Антология фантастических рассказов, объединённых двумя главными темами: «Роботы» и «Осень». Поэтому не стоит удивляться, встретив на его страницах призраков в парке или роботов, живущих на руинах человечества.

Однако третья тема антологии — «Сводная».

Так что здесь найдётся место и «лавкрафтовскому» боевику, и «виртуальному» детективу, и фэнтези, и мистике, и даже биопанку. И не только этому.

Ссылки

1) Группа серии «Фантастический Калейдоскоп» в «ВКонтакте»:
https://vk.com/dm_fk

2) Страница серии на сайте «Лаборатория Фантастики»:
https://fantlab.ru/work1518982